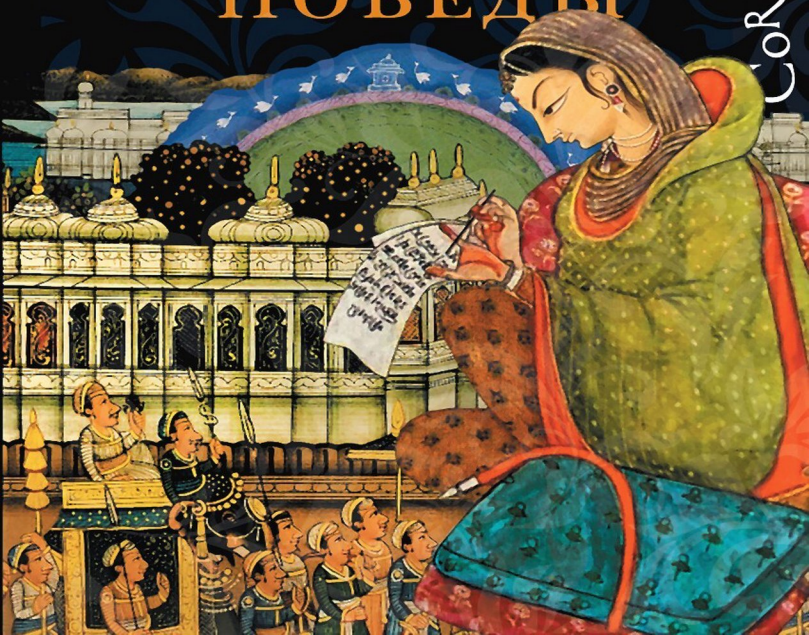
Будь людям предложен выбор между самостоятельным мышлением и слепым следованием за своими лидерами, многие предпочли бы прозорливости слепоту.

САЛМАН

РУШДИ

ГОРОД ПОБЕДЫ



CORPUS

Город Победы
Салман Рушди

Аннотация
Салман Рушди. Город Победы
Часть первая. Рождение
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть вторая. Изгнание
9
10
11
12
13
Часть третья. Слава
14
15
16
17

18
19
Часть четвертая. Падение
20
21
22
Благодарности

Аннотация

История об империи, созданной девятилетней девочкой, которую наделила магическим даром богиня Парвати. Завет богини – создать общество, в котором женщины не уступают в правах мужчинам. И главная героиня романа, Пампа Кампана, 250 лет делает все, что в ее силах. Но правители сменяют один другого, за победами следуют поражения, и не все задуманное удается воплотить. Дворцовые интриги, проблемы престолонаследия, подпольные движения сопротивления и многое другое влияет на развитие событий.

Салман Рушди
Город Победы

Salman Rushdie
Victory City

© Salman Rushdie, 2023
© А. Челнокова, перевод на русский язык, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Ханан

Часть первая. Рождение

1

В последний день своей жизни, когда ей было двести сорок семь лет, незрячая поэтесса, чародейка и пророчица Пампа Кампана завершила свою гигантскую эпическую поэму о Биснаге и схоронила ее под землей в запечатанном воском глиняном сосуде в самом сердце разрушенного Царского квартала как послание в будущее. Четыре с половиной столетия спустя мы разыскали этот сосуд и впервые прочли бессмертный шедевр под названием “Джаяпараджая”, что означает “Победа и поражение”, написанный на языке санскрит, такой же длинный, как “Рамаяна”, состоящий из двадцати четырех тысяч стихов, и узнали секреты империи, которые она скрывала от истории более ста шестидесяти тысяч дней. Было известно, что от империи остались лишь руины, и наша память об ее истории также лежала в руинах, разрушенная ходом времени, изъянами памяти и фальсификациями тех, кто пришел после. Когда мы прочли книгу Пампы Кампаны, прошлое вернулось, и империя Биснага возродилась вновь такой, какой и была когда-то на самом деле, со своими женщина-

ми-воинами, со своими горами золота, со своим душевным благородством и своими периодами духовной низости, со своей слабостью и своей силой. Впервые мы услышали историю, которая началась и закончилась сожжением и отрубленной головой. Вот эта история; нынешний автор изложил ее более простым языком, он не ученый, не поэт, он просто прядет истории, как нити, и представляет свою версию лишь на потеху и ради возможного просвещения своих сегодняшних читателей, старых и молодых, образованных и не слишком образованных, ищущих истину и охваченных блажью, северян и южан, почитателей различных богов и чтящих отсутствие Бога, широко мыслящих и узко мыслящих, мужчин и женщин и тех, кто находится за пределами гендеров и между ними, дворянских отпрысков и простолюдинов, хороших людей и негодяев, шарлатанов и чужаков, смиренных мудрецов и самовлюбленных кретинов.

История Биснаги начинается в XIV веке новой эры на юге того места, которое мы сейчас называем Индией, Бхаратой, Хиндустаном. Старый правитель, чья покатившаяся голова положила начало всему, не был выдающимся монархом, а был скорее недоправителем из тех, что всплыва-

ют между упадком одного могущественного государства и подъемом другого. Его звали Кампила, по названию крошечного княжества Кампили, Кампила Райя, где *райя* — местное произношение слова *раджа*, правитель. Этому второсортному райе едва хватило времени на своем третьесортном троне, чтобы воздвигнуть на берегах реки Пампы четверосортную крепость, выстроить в ней пятисортный храм и высечь на каменистой горе несколько грандиозных надписей, после чего на юг явилась армия с севера, чтобы с ним разобраться. Последовавшая за этим битва была односторонней, столь незначительной, что никто не удосужился ее как-то назвать. После того как северяне разгромили армию Кампилы Райи и убили большую часть воинов, они схватили этого недоправителя и отрубили его лишенную короны голову. Затем они набили ее соломой и послали на север на радость делийскому султану. Не было ничего примечательного ни в этой безымянной битве, ни в этой голове. В те времена сражения были обыденным событием, и мало кто заботился о том, чтобы придумывать им названия, а отрубленные головы постоянно перемещались по нашей огромной стране на радость тому или иному правителю. У султана в его северной сто-

лице имелась неплохая их коллекция.

За этой ничем не примечательной битвой, как ни странно, последовало событие из числа тех, что меняют ход истории. Рассказывают, что женщины крошечного разгромленного царства, большая часть которых только что овдовела в результате безымянной битвы, покинули четверосортную крепость и, принеся последние подношения в пятисортном храме, на маленьких лодках, удивительным образом преодолевая сопротивление воды, переправились на другую сторону реки, немного прошли на восток вдоль южного берега, после чего разожгли огромный костер, в пламени которого совершили массовое самоубийство. Мрачно, без единой жалобы, простились они друг с другом и без колебаний шагнули прямо в огонь. Не прозвучало ни единого крика, даже когда пламя охватило их плоть, а воздух наполнился смертным смрадом. Они горели в тишине, было слышно лишь потрескивание костра. Пампа Кампана смотрела, как все это происходит. Словно бы сама Вселенная велела ей: открой глаза, дыши и запоминай. Ей было девять, она стояла и смотрела полными слез глазами, изо всех сил сжимая руку своей не проронившей ни слезинки матери, как все

женщины, которых она знала, зашли в огонь и встали, уселись или улеглись в самом сердце пламени, и его струи забили из их ртов и ушей — старая женщина, повидавшая все, и юная женщина, только что устроившая свою жизнь, и девочка, возненавидевшая своего отца — убитого солдата, и женщина, стыдившаяся того, что ее муж не пал на поле брани, и женщина с красивым голосом, и женщина с ужасным смехом, и женщина болезненно худая, и женщина, толстая, словно дыня. Маршем зашли они в костер, и от того, как завоняла их смерть, Пампу стало тошнить, а затем, к ее ужасу, ее родная мать Радха Кампана осторожно высвободила свою руку и, даже не простившись, медленно, но совершенно уверенно пошла вперед, чтобы разделить с мертвыми их костер.

До конца своей жизни Пампа Кампана, носившая одно имя с рекой, на берегах которой все это произошло, будет ощущать у себя в ноздрях запах горящей плоти своей матери. Погребальный костер был сложен из ароматного сандалового дерева и щедро умащен гвоздикой, чесноком, семенами зиры и палочками корицы; их добавили, словно сгоревшие женщины были острым блюдом, приготовленным на стол султанским

генералам-победителям, чтобы доставить им гастрономическое удовольствие, но все душистые специи — куркума, крупные зерна кардамона, мелкие зерна кардамона — не смогли замаскировать каннибальскую остроту ни на что не похожего блюда — женщин, зажаренных живьем — и делали его собственный почти неощутимый запах еще более невыносимым. Пампа Кампана больше ни разу не притронулась к мясу и даже не могла находиться на кухне, когда его готовили. Любые мясные блюда вызывали у нее воспоминания о матери, и когда кто-то рядом поедал плоть мертвых животных, Пампе Кампане приходилось отводить глаза.

Отец Пампы умер молодым, задолго до безымянной битвы, так что ее мать была не из тех, кто овдовел в одночасье. Арджуна Кампана умер так давно, что Пампа даже не помнила его лица. Все, что она знала о нем, она знала из рассказов Радхи Кампаны, которая говорила, что это был добрый человек, любимый всеми жителями Кампили гончар, который также обучил своему искусству жену, благодаря чему после его смерти она продолжила его дело и даже превзошла его в нем. Радха, в свою очередь, поддерживала маленькие ручки Пампы на гончарном круге, сделав ее уже

в детском возрасте искусным мастером в изготовлении горшков и мисок и преподав ей ценный урок, что такой вещи, как “мужская работа”, попросту не существует. Пампа Кампана верила, что ее жизнь будет состоять в том, чтобы делать красивые вещи вместе с матерью, рука об руку у гончарного круга. Но теперь с этой мечтой было покончено. Мать отпустила ее руку и оставила ее один на один с судьбой.

Довольно долго Пампа пыталась убедить себя, что ее мать, будучи человеком общительным, просто пошла туда же, куда все, ведь она всегда была женщиной, для которой дружба с другими женщинами имела первостепенное значение. Девочка сказала себе, что вздымающаяся стена пламени — всего лишь завеса, за которой женщины укрылись, чтобы посплетничать, и уже скоро они выйдут из пламени вновь, невредимые, возможно, слегка опаленные, возможно, пропитавшиеся кухонными запахами, которые, впрочем, довольно быстро улетучатся. И тогда Пампа с мамой пойдут домой.

Только после того, как последние ошметки прожаренной плоти опали с костей Радхи Кампаны и обнажился череп, девочка поняла, что ее детство прошло и с этого момента она должна вести себя

как взрослая и никогда в жизни не повторить последней ошибки своей матери. Она рассмеется смерти в лицо и развернется к жизни. Она не станет приносить свое тело в жертву лишь для того, чтобы вслед за мужчинами отправиться в мир иной. Она отказывается умирать молодой и будет жить, напротив, до неприличной старости, как бы трудно это ни было. В этот самый момент на нее снизошла небесная благодать, благодаря которой изменится все, ведь в этот самый момент голос богини Пампы, старой, как само Время, зазвучал из ее девятилетнего рта.

Этот голос был необъятным, как рев гигантского водопада, подхваченный в долине множеством более слабых эхо. В нем звучала музыка, никогда прежде она не слышала подобной, а позже окрестила эту мелодию *добротой*. Естественно, она была напугана, но в то же время и спокойна. Это не было одержимостью бесами. Это богиня говорила ее голосом, это было волшебство. Радха Кампана когда-то рассказывала ей, что два божества, находящихся на самом верху пантеона, пережили первые дни своей любви в этих местах, у грозных вод бурной реки. Быть может, сама верховная богиня в эту пору смерти вернулась в то место, где когда-то родилась ее любовь. Как и

реку, Пампу Кампану в честь этой богини нарекли ее именем — “Пампа” было одним из имен, которыми в этих местах называли богиню Парвати, и здесь перед ней предстал ее возлюбленный Шива, сам могущественный танцующий бог, в своем местном обличье с тремя глазами; так что все происходящее обретало смысл. С ясной отрешенностью Пампа-человек начала внимать словам Пампы-богини, исходившим из ее собственных уст. Она имела над этими словами не больше власти, чем человек из зала имеет над звучащим со сцены монологом. Так началась ее карьера пророчицы и чародейки.

Физически она не ощущала никаких перемен. Неприятные побочные эффекты отсутствовали. Ее не трясло, она не теряла сознания, не было ни приливов жара, ни холодного пота. Из ее рта не шла пена, и она не билась в эпилептическом припадке, что, как она всегда думала, должно было происходить и происходило с другими людьми в подобных случаях. Если что-то и было, так это безграничный покой, накрывший ее мягким плащом, нашептывающий ей, что этот мир по-прежнему остается хорошим местом и что все еще будет хорошо.

— Из крови и огня, — говорила богиня, — будут

рождены жизнь и могущество. На этом самом месте вознесется великий город, чудо света, и власть этой империи продлится больше двух сотен лет. Ты же, — богиня обратилась к самой Пампе Кампане, одарив ее тем самым уникальным опытом беседы со сверхъестественным существом, которое обращается к тебе твоими собственными устами, — ты же будешь сражаться за то, чтобы больше никогда женщин не сжигали подобным образом и чтобы мужчины начали относиться к женщинам по-другому, ты будешь жить достаточно долго, чтобы вкусить и собственный успех, и собственное поражение, чтобы увидеть все и рассказать эту историю, несмотря на то что ты умрешь в тот же миг, как закончишь свой рассказ, и четыре с половиной сотни лет о тебе никто и не вспомнит.

Так Пампа Кампана узнала о том, что милость богов — меч исключительно обоюдоострый.

Она пошла, не разбирая дороги. Живи она в наше время, могла бы сравнить окружавший ее пейзаж с поверхностью Луны — щербатые долины, заполненные грязью впадины, груды камней, пустоты и тоскливое ощущение вакуума в местах, где когда-то кипела жизнь. Но она не представляла себе, как может выглядеть Луна. Для нее это

было лишь сверкающее с небес божество. Он брела дальше и дальше, пока ей не начали являться чудеса. Она видела кобру, накрывшую от жары своим капюшоном беременную лягушку. Видела кролика, побежавшего навстречу охотившейся за ним собаке, укусившего ее за нос и прогнавшего прочь. Эти видения указывали ей на то, что что-то чудесное находится совсем близко. Вскоре после того, как начались эти видения, которые, по всей видимости, были божественными знаками, она вышла в Мандане к маленькому сооружению *матт*.

Матт мог также называться *питхам*, но, чтобы никого не запутать, просто скажем, что это было жилище монаха. Впоследствии, когда империя разрасталась, Манданский *матт* сделался важным местом, он расширился во всех направлениях, достигнув берегов бурной реки, превратился в огромный комплекс с тысячами священнослужителей, служек, торговцев, ремесленников, уборщиков, погонщиков слонов, дрессировщиков обезьян, конюхов и крестьян, трудящихся на постоянно растущих принадлежащих *матту* рисовых полях, он стал священным местом, куда императоры приходили за советом, но в то далекое время, еще до начала начал, это

было скромное пристанище — пещера, где спал отшельник, да грядка овощей, едва ли больше, — а поселившийся там отшельник в то время был еще молод, это был ученый муж двадцати пяти лет от роду, с длинными, до самого пояса, кудрями, которого все называли Видьясагар, подразумевая, что его большая голова вмещает целый *видья-сагара*, океан учености. Когда к его жилищу подошла девочка с гримасой голода на лице и безумием в глазах, он сразу понял, что она пережила нечто ужасное, дал ей напиться и отдал все свои скудные съестные запасы.

После этого — по крайней мере, такова излагаемая Видьясагаром версия событий — они просто стали жить вместе, спали на полу в разных углах пещеры и отлично ладили, отчасти, быть может, потому, что отшельник нес суровый обет воздержания от всего плотского, и даже когда Пампа Кампана достигла расцвета своей красоты, никогда не прикоснулся к ней даже пальцем, несмотря на то что пещера была совсем небольшой и они находились в ней вдвоем в темноте. Именно это отвечал он всю оставшуюся жизнь, когда его об этом спрашивали, а охотников порасспросить хватало, ведь мир наш исполнен цинизма и подозрений и кишит лжецами, которые думают,

что все вокруг ложь. Такую историю рассказывал Видьясагар.

Пампа Кампана, когда спрашивали ее, не отвечала. Еще в раннем возрасте она научилась выкидывать из памяти многочисленные несчастья, что уготовила ей судьба. На тот момент она еще не понимала, насколько могущественна живущая в ней богиня, и не научилась управлять этой силой, а потому просто не могла защищаться, когда сомнительный отшельник-ученый пересекал разделявшую их невидимую черту и делал то, что делал. Он делал это не особенно часто, поскольку сильно уставал от своих ученых штудий, чтобы заботиться и о своей похоти, но все же достаточно часто, и всякий раз, когда он это делал, она усилием воли стирала то, что он сделал, из своей памяти. Стерла она и свою мать, которая, принеся себя в жертву, бросила дочь жертвой на алтарь желаний отшельника; довольно долго пыталась Пампа Кампана убедить себя в том, что случавшееся в пещере ей только привиделось и что матери у нее попросту никогда не было.

Это помогало ей принимать уготованную ей судьбу в молчании, однако у нее внутри вызревала грозная сила, мощь, из которой родится

будущее. Со временем. Когда придет время.

За девять прожитых там лет она не произнесла ни слова, так что знавший столько разных вещей Видьясагар не знал даже, как ее зовут. Он решил, что будет звать ее Гангадеви, и она безропотно приняла это имя, и помогала ему собирать ягоды и корни для пропитания, подметать их убогое жилище и таскать из колодца воду. Ее молчание идеально устраивало его, ведь большую часть дней он проводил за медитацией, в глубоком сосредоточении постигая смысл священных текстов, которые знал на память, или пытаясь отыскать ответ на два наиважнейших вопроса: существует ли на самом деле мудрость или существует одно лишь невежество, и — как следствие — существует ли такая вещь, как *видья*, истинное знание, или существуют лишь всякого рода заблуждения, а истинное знание, в честь которого он был наречен именем, принадлежит одним лишь богам. К тому же размышлял он и о мире, пытаясь решить для себя вопрос, что можно сделать, чтобы в наш жестокий век обеспечить победу ненасилия.

Такова мужская природа, думала Пампа Кампана. Мужчина философствует о целом мире, но то, как он обращается с беззащитной девушкой,

спящей на полу в его пещере, то, что он делает с ней, идет вразрез с его же философией.

Несмотря на то что девушка оставалась безмолвной, превратившись в молодую женщину, она начала много писать уверенной и быстрой рукой, чем сильно смутила отшельника, считавшего ее неграмотной. Позднее, заговорив, она призналась, что и сама не знала, что умеет писать, и считает свою грамотность чудом, одним из даров, полученных ею благодаря вмешательству богини. Она писала почти каждый день и позволяла Видьясагару читать эти неразборчивые записи, так что исполненный благоговейного страха отшельник на протяжении девяти лет был первым свидетелем того, как расцветал ее поэтический гений. За эти годы она создала произведение, впоследствии составившее Вступление к “Победе и поражению”. Сюжет основной части поэмы составит история Биснаги от ее возникновения до разрушения, но всему этому тогда еще только предстояло случиться. Вступление же описывает седую древность, историю Кишкиндхи, обезьяньего царства, расцвет которого случился в этих местах очень давно, в Легендарные Времена, и живописует жизнь и подвиги Ханумана, царственной обезьяны, который, уве-

личившись в размерах, становился подобен горе и мог прыжком перескочить через океан. И специалисты, и обыкновенные читатели сходятся во мнении, что стихи Пампы Кампаны не уступают языку самой “Рамаяны”, а возможно, в чем-то его превосходят.

Девять лет спустя к их жилищу забрели братья Сангама — высокий седой красавец, который держался очень спокойно и так глубоко заглядывал людям в глаза, словно читал там их мысли, и его брат, маленький толстячок много его моложе, который увивался вокруг него и окружающих, словно пчела. Они были пастухами из горного городка Гути, которые возвращались с войны — в те время война становилась одним из главных промыслов, — они служили в местной княжеской армии, и поскольку в искусстве убивать они отнюдь не были профессионалами, угодили в плен воинам делийского султана, которые погнали их на север; чтобы сохранить себе жизнь, им пришлось притвориться, будто они приняли религию своих победителей, а вскоре после обращения им удалось бежать и отринуть недавно принятую веру, сбросить ее, как ненужный покров, и избежать обряда обрезания, который они должны были пройти в соответствии со своей

новой верой, в которую на самом деле не верили. Будучи уроженцами этих мест, объяснили они, они были наслышаны о премудрости отшельника Видьясагара и — честно говоря — о красоте проживающей с ним безмолвной юной женщины и явились сюда в надежде на мудрый совет.

Они пришли не с пустым и руками. С собой у них были корзины с фруктами, мешок орехов и сосуд, который они наполнили молоком своей любимой коровы, а еще мешок с семенами, которому было суждено полностью перевернуть их жизнь. Они сказали, что их зовут Хукка и Букка Сангама — Хуккой звали красавца в годах, а Буккой второго, молодого — и что после спасения из северных земель они хотят начать новую жизнь. Забота о коровах стала казаться им недостаточно важным делом, и после армейской эскапады, заявляли они, их горизонты стали шире, а амбиции круче, а потому они будут благодарны за любой совет, за маленькую струйку от мощного Океана Учености, за шепоток мудрости, которым, возможно, отшельник захочет с ними поделиться, да за все что угодно, что может указать им путь.

— Мы знаем, что вы великий апологет мира, — обратился к Видьясагару Хукка Сангама, — а мы, с учетом нашего недавнего опыта, не слишком

стремимся быть солдатами. Покажите же нам, какие плоды может приносить ненасилие.

К всеобщему изумлению, ответ прозвучал не от отшельника, а от его восемнадцатилетней спутницы. Она дала его будничным, спокойным голосом, сильным и низким, таким, что нельзя было и предположить, что им не пользовались девять лет. Ее голос мгновенно очаровал обоих братьев.

— Кажется, у вас есть мешок семян, — сказала она, — тогда почему бы вам не посадить их в землю и не вырастить город вместе с жителями; представьте, что люди — те же растения, весной они становятся бутонами и расцветают, чтобы завянуть осенью. Представьте, что из ваших семян будут взращены поколения, что они заставят вертеться колесо истории, дадут начало новой реальности и новой империи. Представьте, что они сделают вас царями, вас и ваших детей, и детей ваших детей.

— Звучит неплохо, — ответил молодой Букка, наименее неразговорчивый из братьев, — но как нам представить, где взять такие семена? Мы простые пастухи, но мы не настолько глупы, чтобы верить в сказки.

— Ваше имя, Сангама, — это знак, — пояснила

она, — *сангам* означает “слияние”; река Пампа образуется от слияния рек Тунги и Бхадры, которые возникли из пота, который льется по лицу Господа Вишну с двух сторон, а это, в свою очередь, значит, что разрозненные части, сливаясь воедино, образуют некое новое целое. Такова ваша судьба. Идите к месту, в котором женщины принесли себя в жертву, к месту, где умерла моя мать и где когда-то в древние времена Господь Рама и его брат Лакшмана объединили свои силы с могущественным Господом Хануманом из Кишкиндхи и отправились на битву с многоголовым Раваной с Ланки, который похитил супругу Рамы Ситу. Вы — двое братьев, совсем как Рама и Лакшмана. Так постройте же в этом месте свой город.

Затем заговорил отшельник.

— Пасти коров — не такое уж и плохое начало, — сообщил он, — султанат Голконда был основан пастухами овец — знаете ли, на самом деле это название и означает “пастушья гора”, — но преуспели эти пастухи потому, что гора эта оказалась полна алмазов, и теперь они алмазные правители, владельцы двадцати трех шахт, добытчики самого большого в мире количества розовых алмазов и обладатели бриллианта, прозванного “Великий стол”, который они хранят в

самом глубоком подземелье своей крепости на вершине горы, которая считается самым неприступным в наших землях замком, попасть туда сложнее, чем в Мехрангарх в Джодхпуре или в Удаягири здесь неподалеку.

— К тому же ваши семена куда лучше алмазов, — заявила девушка, возвращая братьям принесенный ими с собой мешок.

— Какие семена, вот эти? — уточнил до крайности изумленный Букка. — Но ведь здесь самый обычный набор, мы принесли его вам в дар, чтобы вы выращивали овощи на грядках. Здесь окра, бобы и змеиная тыква, все в одной куче.

Пророчица покачала головой.

— Это больше не так, — пояснила она, — теперь это семена будущего. Из этих семян вырастет ваш город.

В этот момент оба брата осознали, что искренне, глубоко и навсегда полюбили эту странную прекрасную девушку, которая, совершенно ясно, была великой чародейкой или — самое малое — человеком, которого посетило божество и даровало ему невероятную силу.

— Говорят, Видьясагар называет тебя Гангадеви, — ответил Хукка, — но каково твое настоящее имя? Я очень хочу узнать его, чтобы в своей па-

мяти называть тебя так, как того хотели твои родители.

— Идите и постройте свой город, — ответила она, — а затем возвращайтесь и снова спросите мое имя после того, как он поднимется из камня и грязи. Быть может, тогда я дам вам ответ.

2

После, прибыв в назначенное место и разбросав там семена — в их сердцах царило смятение, а надежда едва теплилась, — двое братьев Сангама взошли на вершину горы, усыпанную валунами и поросшую колючим кустарником, впивавшимся в их пастушью одежду, и, усевшись там на исходе дня, начали ждать и наблюдать. Не прошло и часа, и они увидели, что воздух стал переливаться, как это бывает в самые знойные часы самых знойных дней, и перед их изумленными глазами начал чудесным образом вырастать город, внушительные каменные постройки его центральной части проклевывались через гористую почву, с исполненным величия царским дворцом и первым громадным храмом. (Последний навсегда вошел в историю как Подземный Храм, поскольку возник прямо из-под поверхности земли, а также как Обезьяний Храм, поскольку с самого своего появления кишел длиннохвостыми серыми храмовыми обезьянами породы хануман лангур, беспрестанно переговаривающимися друг с другом и забирающимися на многочисленные храмовые колокола, а еще из-за гигантской

скульптуры самого Господа Ханумана, которая появилась вместе с храмом, чтобы стоять у его ворот.) Все это и многое другое, возникшее в своем старомодном величии, было обращено ко дворцу и Царскому кварталу, расширявшемуся и переходившему ближе к границе в длинную торговую улицу. Глиняные, деревянные либо построенные из коровьих лепешек жилища простых людей тоже скромно появились из ниоткуда на окраинах города.

(Замечание об обезьянах. Представляется небесполезным заметить, что в истории Пампы Кампаны обезьяны будут играть важную роль. Уже эти ранние стихи содержат упоминание могущественного Господа Ханумана, который еще не раз окажется на ее страницах; его величие и отвага станут важными характеристиками самой Биснаги, реальной страны, ставшей преемницей легендарной Кишкиндхи. Впоследствии, однако, нам придется столкнуться и с другими, злобными обезьянами. Но не будем забегать вперед. Хотим лишь отметить дуалистическую, бинарную природу, которую данный мотив имеет в этом произведении.)

В те времена, в самом начале, город не был еще

по-настоящему живым. Разрастающийся в тени пустынной усыпанной валунами горы, он напоминал блестящую мировую столицу, которую разом оставили все жители. Виллы богачей стояли незаселенные — изящные виллы из кирпича и дерева с каменным фундаментом и колоннами; крытые рыночные прилавки пустовали в ожидании цветочников, мясников, портных, торговцев вином и зубных врачей; в квартале красных фонарей стояли бордели, но шлюхи в них пока отсутствовали. Река бурным потоком спешила через город, и ее берега, на которых должны были трудиться прачки, женщины и мужчины, словно с нетерпением ожидали, когда какая-то активность, какое-то движение придадут смысл этому месту. В Царском квартале огромный Слоновий Дворец с одиннадцатью арками ожидал появления слонов и их плюх.

И жизнь началась, и сотни — нет, тысячи — мужчин и женщин во цвете лет появились прямо из бурой земли, они отряхнули пыль со своих одежд и заполонили овеваемые вечерним бризом улицы. Бездомные собаки и худосочные коровы начали разгуливать по городу, на деревьях появились цветы и листья, а в небе стаями носились попугаи и, конечно, вороны. По берегам

реки заработали прачки, царские слоны затрубили в своих загонах, и вооруженные стражи — женщины! — стояли на часах у ворот, ведущих в Царский квартал. За пределами города был виден военный лагерь, внушительный барачный городок, в котором были расквартированы значительные силы — тысячи только что появившихся на свет людей, в бряцающих доспехах и при оружии, а также слоны, верблюды и лошади всех возможных рангов, и осадный арсенал — стенобитные орудия, катапульты и подобные приспособления.

— Вот что значит чувствовать себя богом, — дрожащим голосом поделился Букка Сангама со своим братом, — совершить акт творения, то, что под силу только богам.

— Мы должны теперь стать богами, — отозвался Хукка, — чтобы эти люди начали поклоняться нам.

Он взглянул на небо.

— Видишь, вон там, — указал он, — наш отец, Луна.

— Нет, — покачал головой Букка, — у нас такое не получится.

— Великий бог Луна, наш предок, — сочинял на ходу Хукка, — родил сына по имени Будха.

Затем, через несколько поколений, у нас в роду был царь из потомков Луны легендарных времен. Пурурвас, вот как его звали. У него было два сына, Яду и Турвасу. Некоторые считают, что сыновей было пятеро, но я говорю, что и двоих уже много. А мы с тобой — сыновья сыновей Яду. А значит, мы тоже принадлежим к прославленной Лунной Династии, как Арджуна, великий воин из "Махабхараты", и даже сам Господь Кришна.

— Нас тоже пятеро, — заметил Букка, — пять братьев Сангама, как пять сыновей Лунного Царя: Хукка, Букка, Пукка, Чукка и Дев.

— Может и так, — ответил Хукка, — но я говорю, что и двоих уже много. Наши братья — не благородных кровей. Это люди без чести. Таким нельзя доверять. Но ты прав, мы должны решить, что с ними делать.

— Давай спустимся и осмотрим дворец, — предложил Букка, — надеюсь, в нем полно слуг и поваров, а не куча пустых комнат для знати. Надеюсь, перины там мягкие, как облака, а может, там есть женская половина, и она полна готовыми женами невообразимой красоты. Пора это отпраздновать, ты согласен? Мы больше не пасем коров.

— Но коровы продолжат играть важную роль в

нашей жизни, — предложил Хукка.

— Метафорически, ты имеешь в виду, — уточнил Букка, — я больше не собираюсь никого доить.

— Да, — подтвердил Хукка Сангама, — конечно, метафорически.

Какое-то время они молчали, объятые священным трепетом перед тем, что сумели произвести на свет.

— Если что-то может вот так возникнуть из ниоткуда, — проговорил наконец Букка, — наверное, в этом мире возможно все, и мы на самом деле сможем стать великими людьми, но тогда у нас должны быть великие мысли, а семян для такого у нас нет.

Хукка размышлял о другом.

— Если мы можем выращивать людей, как тапиоку, — задумчиво сказал он, — для нас будет неважно, сколько из них мы потеряем на поле боя, ведь там, откуда они взялись, к этому моменту появится еще больше, а значит, мы будем непобедимы и сможем завоевать мир. Эти тысячи — только начало. Мы вырастим сотни тысяч жителей, может, и целый миллион, а еще миллион солдат. У нас еще много семян. Мы не израсходовали и половины мешка.

Букка думал о Пампе Кампане.

— Она много говорила о мире, но, если она действительно этого хочет, зачем она отправила нас выращивать эту армию? — недоумевал он. — Она на самом деле хочет мира или хочет отомстить? За смерть матери, я имею в виду.

— Теперь это от нас зависит, — объяснял ему Хукка. — Армия — сила, которая может служить как миру, так и войне.

— И вот еще что мне интересно, — продолжал Букка, — все эти люди внизу, наши новые жители — мужчины, я хочу сказать, — как ты думаешь, у них сделано обрезание или нет?

Над этим вопросом Хукка задумался.

— И что ты хочешь сделать? — решил наконец уточнить он. — Ты что, собираешься пойти туда и велеть им развязать свои *лунги*, стянуть пижамы и размотать саронги? По-твоему, это хорошее начало?

— По правде говоря, — отозвался Букка, — меня это не особо-то и волнует. Скорее всего, там и те, и другие, ну и что с того.

— Вот именно, — согласился Хукка, — и что с того.

— Раз тебя это не волнует, то и меня это тоже не волнует, — заверил Букка.

— Меня не волнует, — подтвердил Хукка.

— Тогда и что с того, — подытожил Букка.

Они снова погрузились в молчание, разглядывая чудо внизу, пытаясь осознать его беспредельность, его красоту и его последствия.

— Мы должны пойти туда и представиться, — через некоторое время предложил Букка, — они должны знать, кто здесь главный.

— К чему спешить, — ответил Хукка, — я думаю, мы с тобой сейчас оба немного безумны, ведь мы находимся в центре великого безумия, и нам обоим нужна минута, чтобы переварить это и вернуть себе разум. А во-вторых… — фразу он не закончил.

— Что? — поторопил его Букка.

— Что во-вторых? — Во-вторых, — медленно проговорил Хукка, — нам нужно решить, кто из нас двоих станет первым царем, а кто займет второе место.

— Ну, — в голосе Букки звучала надежда, — я умнее.

— С этим можно поспорить, — ответил Хукка, — и тем не менее, я старше.

— И я симпатичнее.

— И с этим можно поспорить. Но я повторяю: я старше.

— Да, ты старый. Зато я более динамичный. — Динамичный совсем не значит царственный, — отозвался Хукка, — а вот я старше.

— Ты так говоришь, как будто это заповедь какая, мол, старшие идут первыми, — начал протестовать Букка. — Кто вообще это сказал? Где такое написано?

Хукка потянулся к рукояти своего меча.

— Вот здесь, — заявил он.

Птица перелетела солнечный диск. Сама земля сделала глубокий вдох. Боги — если они, конечно, существуют — бросили свои дела и обратились во внимание.

Букка пошел на попятный.

— Ладно-ладно, — поднял он руки в знак поражения, — ты мой старший брат, я тебя люблю, и ты будешь первым.

— Спасибо, — ответил Хукка, — я тебя тоже люблю.

— Но, — добавил Букка, — тогда следующее решение буду принимать я.

— Идет, — согласился Хукка, ныне царь Хукка, Хукка Райя I, — ты первый выберешь себе во дворце спальни.

— И наложниц, — торговался Букка.

— Да, конечно, — Хукка Райя I нетерпеливо

взмахнул рукой, — наложниц тоже.

После очередной паузы Букка попытался высказать великую мысль.

— Что есть человек? — рассуждал он. — Я хочу сказать, что делает нас теми, кто мы есть? Может, мы все семена, а наши предки — овощи, если копнуть достаточно глубоко в прошлое? Или мы выросли из рыб, может, мы рыбы, которые научились дышать воздухом? А может, коровы, которые лишились вымени и пары ног? Я почему-то нахожу, что версия с овощами самая печальная. Не хочу вдруг узнать, что мой прапрадедушка был баклажаном или горошком.

— Но наши подданные все же родились из семян, — покачал головой Хукка, — а значит, овощи — самый вероятный вариант.

— У овощей все проще, — рассуждал Букка. — У тебя есть корни, и ты знаешь, где твое место. Ты растешь с определенной целью: размножиться и быть съеденным. Но у нас нет корней, и мы не хотим быть пищей. И как нам жить тогда? Что есть человеческая жизнь? Что значит хорошая жизнь и плохая? Кто они такие, эти тысячи, которых мы только что произвели на этот свет?

— Вопрос о начале начал, — мрачно произнес Хукка, — мы должны оставить богам. Единствен-

ный вопрос, на который нам нужно знать ответ: теперь, когда мы здесь, а они, выращенные нами люди, там внизу, как нам следует жить дальше?

— Будь мы философы, — отозвался Букка, — мы бы умели отвечать на такие вопросы философски. Но мы только бедные пастухи коров, неудавшиеся солдаты, которые вдруг внезапно вознеслись над собой, а значит, нам лучше просто пойти вниз и начать, а ответы мы найдем, только попав туда и разобравшись, как оно все устроено. Армия — это вопрос, а ответ на него — что армия должна сражаться. Корова — тоже вопрос, а ответ на него — что корову нужно доить. Там внизу — город, который возник из ниоткуда, и это самый большой вопрос, с которым мы когда-либо сталкивались. Но может, ответ на него — что город нужен для того, чтобы в нем жить.

— И еще — добавил Хукка, — мы должны как-то разобраться с этим до того, как сюда явятся наши братья и пойдут на нас войной.

И все же, точно завороженные, братья так и остались стоять на горе, не двигаясь, они наблюдали, как внизу новые люди копошатся на улицах нового города, и часто недоверчиво качали головами. Они словно боялись, что стоит им ступить на эти улицы, все это окажется какой-то стран-

ной галлюцинацией, а когда станет ясно, что все это время они находились во власти иллюзии, она развеется, и им придется вернуться к своей прежней никчемной жизни. Возможно, из-за собственного ошеломления они не заметили, что люди на улицах нового города и в прилегающем к нему военном лагере тоже ведут себя странно, словно находятся не в себе, не могут осознать свое внезапное существование и тот факт, что появились здесь из ниоткуда. Многие кричали и плакали, а некоторые даже валялись по земле и махали в воздухе ногами, как будто пытаясь пробить воздух и сказать кому-то: вот он я, я здесь, заберите меня отсюда! На рынке люди швыряли друг в друга овощами и фруктами, не то забавы ради, не то давая волю своей безотчетной ярости. Было понятно, что на самом деле они просто не могут выразить, что им на самом деле нужно — пища или кров, или чтобы кто-то объяснил им, как устроен мир, и они смогли бы почувствовать себя в нем в безопасности, чтобы этот кто-то своими вкрадчивыми словами даровал им счастливую иллюзию, будто бы они поняли то, чего на самом деле понять не в состоянии. Стычки в военном лагере, где в руках у новых людей было оружие, были более опасны, случались даже

ранения.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Хукка и Букка наконец стали спускаться со скалистой горы. Валуны причудливой формы, то и дело попадавшиеся им на пути, отбрасывали тени, и братьям казалось, что у этих камней человеческие лица и они внимательно разглядывают их через пустые глазницы, словно вопрошая: *и что? неужто эти невпечатляющие субъекты дали жизнь целому городу?* Хукка, который уже начал примерять царственные манеры — он натягивал их на себя, как проснувшийся утром в день рождения ребенок надевает оставленные родителями, пока он спал, в изножье кровати обновки, — предпочел не замечать глазеющие на них валуны, но Букка испугался, ведь эти совершенно не похожие на друзей камни могли в любой момент устроить обвал и навеки похоронить обоих братьев раньше, чем они вступят в свое блестящее будущее. Их новый город был со всех сторон окружен подобными каменистыми горами, не было их только на речных берегах, и все валуны на всех горах теперь казались гигантскими головами с недружелюбно насупленными лицами, готовыми вот-вот заговорить. Хотя они хранили молчание, Букка заметил:

— Мы окружены врагами, — пробормотал он про себя. — Если не научимся быстро защищаться, они обрушатся на нас и раскрошат на мелкие кусочки.

Вслух же он обратился к своему брату-царю с такими словами:

— Знаешь, чего у этого города сейчас нет, а оно нужно как можно скорее? Стены. Высокие толстые стены, достаточно крепкие, чтобы выдержать любую атаку.

Хукка согласно кивнул.

— Построй их, — распорядился он.

Затем они вошли в город и — только-только наступила ночь — оказались на заре времен, в эпицентре хаоса, являющегося естественной средой всех новых вселенных. К этому моменту многие их новые соплеменники уснули, сон застал их на улицах, у ворот дворца, в тени храма, везде, где только можно. В воздухе стоял едкий запах от грязной одежды сотен городских жителей. Те, кто не спал, напоминали лунатиков, пустые люди с пустыми глазами, они передвигались по улицам, точно автоматы, у прилавков с фруктами покупатели не глядели, что бросают себе в корзинки, а продавцы представления не имели, как называются фрукты, которые они продают;

у прилавков с религиозной атрибутикой люди продавали и покупали стеклянные глаза, розовые и черные с белым ирисы, а также множество других безделиц, необходимых для ежедневных храмовых служений, не зная при этом, какое божество какие подношения предпочитает и почему. Стояла ночь, но даже в темноте лунатики продолжали продавать, покупать и слоняться по паутине улиц, эти остекленевшие существа выглядели даже более пугающе, чем вонючие сонливцы.

Новоиспеченный царь, Хукка, пришел в смятение от состояния своих подданных.

— Похоже, эта ведьма одарила нас царством недочеловеков, — кричал он. — У этих людей мозгов не больше, чем у коровы, вот только вымени у них нет, и молока они дать нам не смогут.

Букка, обладавший из них двоих самым развитым воображением, положил Хукке на плечо руку, желая успокоить.

— Не переживай, — увещевал он, — даже человеческим детям требуется какое-то время, чтобы вылезти из своих матерей и начать дышать воздухом. Когда они появляются на свет, то представления не имеют, что им следует делать, они просто ревут, смеются, писают, какают и ждут,

что обо всем позаботятся их родители. Я думаю, все, что сейчас происходит, происходит потому, что наш город все еще рождается и все эти люди, в том числе и взрослые, пока дети, и нам остается только надеяться, что они быстро вырастут, ведь матерей, способных о них заботиться, у нас нет.

— Если ты прав, что, по-твоему, мы должны делать с этой недорожденной толпой? — поинтересовался Хукка.

— Надо ждать, — отвечал ему Букка, который не смог придумать ничего лучше. — Вот он, первый урок, который преподносит тебе твое недавно обретенное царствование: терпение. Мы должны позволить нашим новым гражданам — нашим подданным — стать настоящими, взрастить свою недавно обретенную самость. Знают ли они вообще, как их зовут? Или как появились на свете? Это проблема. Может, они быстро изменятся. Может, уже к утру станут мужчинами и женщинами, и мы сможем говорить с ними обо всем. Пока этого не произойдет, ничего нельзя сделать.

Полная луна взошла на небе, точно ангел спустился, и искупала новый мир в своем молочном свете. В эту благословленную луной ночь братья Сангама поняли, что акт творения был лишь первым в длинной череде необходимых актов и

что даже мощная магия семян не сможет обеспечить их всем необходимым. Они чувствовали себя опустошенными, изможденными всем тем, что произвели на свет, а потому отправились во дворец.

Похоже, игра здесь шла по другим правилам. Подходя к ведущим в первый двор арочным воротам, они увидели команду прислужников в полном составе, застывшую перед ними, словно статуи — конюхов и стремянных, замерших рядом со своими недвижимыми лошадьми, как будто их кто-то заморозил, музыкантов на сцене, склонившихся над своими беззвучными инструментами, и бессчетное количество домашних слуг и помощников, разодетых, как того требует работа у самого царя — в украшенные кокардами тюрбаны, вышитые кафтаны, туфли с загибающимися вверх острыми носами, ожерелья и кольца. Не успели Хукка и Букка пройти сквозь ворота, как эта сцена ожила и все обратилось в шум и суматоху. Придворные ринулись к ним наперегонки, желая сопровождать, и оказались вовсе не большими детьми, как это было на городских улицах, а взрослыми мужчинами и женщинами, образованными и отлично владеющими речью, полностью готовыми к исполнению своих обя-

занностей. К Хукке подошел ливрейный лакей с короной на красной бархатной подушечке, и счастливый Хукка водрузил ее себе на голову; заметим, корона подошла ему идеально. Он посчитал, что забота слуг во дворце причитается ему по праву, но Букка, шедший на два шага позади него, придерживался иного мнения.

— Похоже, даже волшебные семена по-одному работают для тех, кем правят, и по-другому для тех, кто правит, — рассуждал он, — но, если те, кем правят, останутся неуправляемыми, ими будет непросто править.

Спальни оказались обустроены настолько по-царски, что вопрос о том, кому в какой спать, разрешился сам собой, без споров, были там и камергеры, готовые принести им ночные наряды и показать шкафы, ломящиеся от одежд, соответствующих их царскому статусу. Но братья слишком устали для того, чтобы побольше узнать о своем новом доме или интересоваться наложницами, и уже через несколько мгновений заснули крепким сном.

Утром все было по-другому.

— Как там сегодня город? — поинтересовался Хукка у придворного, который пришел к нему в спальню открыть шторы.

Слуга обернулся и низко поклонился ему.

— Все, как всегда, отлично, сир, — ответил он, — город процветает под началом Вашего Величества, сегодня и всегда.

Хукка и Букка оседлали лошадей и поскакали в город, чтобы своими глазами увидеть, как обстоят дела. Они с изумлением обнаружили, что столица занята своими делами, с многочисленными взрослыми, которые ведут себя как взрослые, и детьми, которые носятся повсюду, как это и полагается детям. Все выглядело так, будто эти люди живут здесь долгие годы, что они провели здесь детство, повзрослели, переженились и нарожали собственных детей, будто у них есть воспоминания и истории, будто это сообщество существует уже очень долго, будто это город, где есть любовь и смерть, слезы и смех, верность и вероломство — все, что присуще человеческой природе, все, что, соединяясь воедино, придает жизни смысл, все, что появилось на этот свет из волшебных семян. Городской шум, крики уличных торговцев, лошадиное ржанье, скрип повозок, песни и ругань разлились в воздухе. В барачном городке огромная армия, в полной боевой готовности, ожидала приказов начальства.

— Как такое возможно? — спросил брата изум-

ленный Хукка.

— А вот и ответ, — указал ему Букка на что-то пальцем.

Там в скромной накидке отшельницы цвета шафрана, с деревянным посохом в руках к ним сквозь толпу приближалась Пампа Кампана, к которой оба брата питали нежные чувства. В ее глазах полыхал огонь, которому не суждено будет потухнуть в ближайшие двести лет.

— Мы построили город, — обратился к ней Хукка, — ты обещала, что когда мы сделаем это, то сможем спросить у тебя твое настоящее имя.

Тогда Пампа Кампана назвала им свое имя и принесла свои поздравления.

— Вы отлично справились, — отметила она, — все, что им нужно, — чтобы кто-то нашептал им в уши их мечты.

— Людям нужна мама, — сказал Букка, — теперь она у них есть, и все будет хорошо.

— Городу нужна царица, — сказал Хукка Райя I. — Пампа — отличное имя для царицы.

— Я не могу стать царицей в городе без имени, — отвечала Пампа Кампана. — Как называется ваш город?

— Я назову его Пампанагар, — заявил Хукка, — ведь это ты, а не мы, его построила.

— Это будет нескромно, — возразила Пампа Кампана, — выбери другое имя.

— Тогда Видьянагар, — заявил Хукка, — в честь великого святого отшельника. Город мудрости.

— Он тоже откажется, — сказала Пампа Кампана, — я отказываюсь за него.

— Тогда не знаю, — признался Хукка Райя I, — возможно, Виджая.

— Победа, — одобрила Пампа Кампана, — Этот город — настоящая победа, это так. Но я не думаю, что разумно так кичиться.

Вопрос о названии останется без ответа до тех пор, пока в город не прибудет чужеземец-заика.

3

Гость из Португалии прибыл в пасхальное воскресенье. Его тоже звали воскресеньем — Доминго Нуниш — и он был красив, как божий день, с глазами, зелеными, как трава на заре, с волосами, рыжими, как солнце на закате, и дефектом речи, который только добавлял ему очарования в глазах жителей нового города, ведь благодаря ему Доминго Нуниш смог избежать высокомерия, присущего белому человеку при общении с теми, чья кожа темнее. Он занимался торговлей лошадьми, которая на самом деле была лишь предлогом, ибо его истинной страстью были путешествия. Он повидал весь мир от альфы до омеги, от верха до низа, от отдавать до брать, от побеждать до проигрывать, и понял, что, где ни окажись, мир есть иллюзия и что это прекрасно. Он испытал наводнения и пожары, не раз был на волоске от гибели, он видел пустыни, ущелья, холмы и горы, чьи вершины достают до небес. Либо он просто так рассказывал. Его продали в рабство, но позднее выкупили, после чего он начал путешествовать и рассказывать истории о своих путешествиях всем, кто был готов его слушать;

эти рассказы не были скучной канителью, они описывали не ежедневную обыденность мира, но, напротив, его чудеса, или, если быть точнее, эти рассказы убеждали в том, что человеческая жизнь не банальна, а исключительна. Прибыв сюда, он тут же понял, что этот новый город — величайшее из чудес, сокровище, которое может сравниться с египетскими пирамидами, висячими садами Вавилона или Колоссом Родосским. А потому, продав главному конюху военного городка купленную в гоанском порту партию лошадей, он тут же отправился изумленно осматривать городскую стену из золота — позднее он сделал запись об этом в своем путевом журнале, отрывки из которого Пампа Кампана приводит в своей книге. Стена вырастала из земли прямо на его глазах, с каждым часом становясь выше, гладко отесанные камни возникали из ниоткуда и безупречно ровно укладывались друг на друга, не было и намека на присутствие каменщиков или других рабочих; такое возможно, только если поблизости находится великий волшебник, создавший эту крепость мановением своей волшебной палочки.

— Чужеземец! Поди сюда!

Доминго Нуниш достаточно знал местный

язык, чтобы понять, что к нему обращаются в приказном тоне, с некоторым оттенком вежливости. В тени ворот с надвратной башней, отделявших город от барачного городка, чьи башни-близнецы тянулись выше и выше прямо у него на глазах, он увидел маленького человечка, выглядывающего из складок царского паланкина.

— Ты! Чужеземец! Сюда!

Этот человек либо напыщенный фигляр, либо принц, либо то и другое, подумал Доминго Нуниш. Он решил поостеречься и с любезностью отвечать на грубость.

— К вашим у-у-услугам, сир, — проговорил он с глубоким поклоном, очень впечатлившим Наследника Престола Букку, который все еще не привык к тому, что является человеком, которому незнакомцы отвешивают глубокие поклоны.

— Это ты тот парень с лошадьми? — все так же грубо спросил его Букка. — Мне говорили, что в город приехал торговец лошадьми, который не умеет нормально говорить.

Доминго Нуниш ответил неожиданно:

— Я зарабатываю себе на жизнь ло-ло-лошадьми, — сказал он, — но скажу по секрету, я — один из тех людей, це-це-цель для которых — путешествовать по ми-ми-миру и рассказывать истории,

чтобы другие люди смогли уз-уз-узнать, каков он есть.

— Не представляю, как ты можешь рассказывать истории, — заявил Букка, — если даже фразу с таким трудом выговариваешь. Но это интересно. Залезай ко мне. Мой царственный брат и я хотим послушать твои истории.

— До того как начать рассказывать, — дерзко заявил Доминго Нуниш, — я до-до-должен узнать секрет этих во-во-волшебных стен, это самое бо-бо-большое чудо, что я видел в жизни. Кто тот во-во-волшебник, что сотворил это? Я хочу по-по-пожать ему руку.

— Залезай, — велел Букка и подвинулся, чтобы чужеземец мог устроиться в паланкине. Носильщики старались не показать эмоций, которые испытывали по поводу возросшего веса паланкина.

— Я представлю тебе ей. Нашептавшей город и даровавшей семена. Это ее историю должны знать все и повсюду. Вот увидишь, она тоже рассказывает истории.

Комната была маленькой, меньше любой другой во дворце, и совершенно лишена вычурных украшений, с белеными стенами и почти без мебели, кроме грубой деревянной скамьи. Един-

ственный луч света из небольшого высокого окна падал вниз на молодую женщину, словно поток ангельской благодати. В этой аскетической обстановке, пронзенная, точно молнией, нездешним светом, со скрещенными ногами и закрытыми глазами, с лежащими на коленях ладонями вверх руками с сомкнутыми большими и указательными пальцами, с чуть приоткрытым ртом сидела она: Пампа Кампана, погруженная в экстаз акта творения. Она безмолвствовала, но, когда Букка Сангама подвел его к ней, Доминго Нуниш почувствовал, что от нее исходит огромный поток прошептанных слов, слова вытекают из ее приоткрытых губ, текут по подбородку, шее и рукам, перетекают на пол, утекают прочь, как река от своего истока, и движутся дальше в мир. Шепот был таким тихим, что их едва можно было различить, и на какое-то время Доминго Нуниш убедил себя, что сам их придумал, пытаясь найти оккультную причину, которая объяснила бы происхождение невозможных вещей, которые он наблюдал своими глазами.

Букка Сангама прошептал ему на ухо:

— Ты их слышишь, да?

Доминго Нуниш кивнул.

— Она сидит так по двадцать часов в день, —

рассказал Букка, — а потом открывает глаза, немного ест и что-нибудь выпивает. Затем снова закрывает глаза и на три часа ложится отдохнуть. А после садится и начинает снова.

— Но что она во-во-вообще де-де-делает? — поинтересовался Доминго Нуниш.

— Сам у нее спроси, — любезно разрешил Букка, — сейчас как раз тот час, на который она открывает глаза.

Пампа Кампана открыла глаза и увидела молодого мужчину, который смотрел на нее, и лицо у него светилось от восхищения; в этот момент вопрос о ее предполагаемом — предложение уже было сделано — браке с Хуккой Райей I, а также, возможно, после его смерти с Наследником Престола Буккой (в зависимости от того, кто кого переживет) стал еще сложнее. Ему не нужно было о чем-либо ее спрашивать.

— Да, — ответила она ему на вопрос, который не был задан, — я расскажу тебе все.

Наконец-то она открыла дверь в запертую комнату, где хранила воспоминания о матери и раннем детстве, их поток захлестнул ее и придал ей сил. Она рассказала Доминго Нунишу о Радхе Кампане, гончаре, научившей ее, что женщины могут так же хорошо, как мужчины,

владеть гончарным искусством, так же хорошо, как мужчины, делать любое дело, и об уходе своей матери, после которого в ней образовалась пустота, которую она сейчас пытается заполнить. Она рассказала ему о костре и богине, говорившей ее устами. Рассказала о семенах, вознесших город на месте ее личного горя. Любому новому месту, в котором решат поселиться люди, нужно время, чтобы стать реальным, говорила она, на это может уйти поколение или два. Первые поселенцы приходят в него с багажом своего мира, их головы заполнены нездешними вещами, и новое место кажется им чужим, им трудно поверить в него, несмотря на то что им некуда больше идти и некем больше быть. Они мужественно живут с этим, а потом начинают забывать, передают следующему поколению лишь часть, потому что остальное забыли, а их дети забывают еще больше, в своих головах они меняют одно на другое, но они-то уже были рождены здесь, в этом их отличие, они принадлежат этому месту, они сами это место, и это место — это они, и их разрастающиеся корни дают месту необходимые питательные вещества, оно расцветает, оно цветет, оно живет, так что с того момента, когда первых поселенцев больше нет на свете, их потомки могут жить

счастливо, зная, что они дали начало тому, что будет продолжаться.

Маленький Букка был потрясен ее многоречивостью.

— Она никогда так не говорила, — озадаченно сообщил он, — когда была моложе, вообще девять лет молчала. Пампа Кампана, с чего это вдруг ты так разговорилась?

— У нас гость, — объяснила она, глядя в зеленые глаза Доминго Нуниша, — и мы должны сделать все, чтобы он чувствовал себя как дома.

Все мы беремся из семян, говорила она ему. Мужчины сажают свое семя в женщин и тому подобное. Но здесь все было по-другому. Целый город, самые разные люди самых разных возрастов появились из земли в один и тот же день, такие цветы не имеют души, не знают, кто они, потому что на самом деле они ничто. Но эту правду невозможно принять. Было нужно, говорила она, сделать что-то, чтобы исправить их многообразную нереальность. Выдуманные истории стали найденным ею решением. Она сочиняла им жизни, придумывала касты, вероисповедания, сколько у них братьев и сестер, в какие игры они играли в детстве, и отправляла им эти истории по улицам города, шепотом, попадавшим

в уши, которым было нужно их услышать: так она писала великую историю города, историю того, как дала ему жизнь. Некоторые истории она черпала из своих воспоминаний о сгинувшем городе Кампили — из заколотых отцов и сожженных матерей — и пыталась возродить этот город здесь, на новом месте, дать давно усопшим новую жизнь, но одних воспоминаний не хватало, ей надо было оживить слишком много жизней, и потому там, где заканчивались воспоминания, в дело вступало воображение.

— Моя мать оставила меня, — говорила она, — а я буду матерью для них всех.

Доминго Нуниш не понял многое из того, что она говорила. И тогда внезапно он услышал шепот, услышал его не ушами, но — каким-то образом — у себя в мозгу, этот шепот потек дальше по его горлу, убирая его внутренние зажимы, делая непонятное понятным, и развязал ему язык. Он был одновременно живительным и пугающим, и Доминго Нуниш внезапно осознал, что сжимает собственное горло и кричит. *Хватит. Еще. Хватит.*

— Шепот знает, что тебе нужно, — сказала Пампа Кампана. — Новым людям нужны истории, им нужно, чтобы им рассказали, что они за люди

— хорошие, плохие или что-то между.

Скоро у всех в городе будут истории, воспоминания, друзья и враги. Мы не можем ждать поколение, чтобы этот город стал реальным. Нам приходится делать это сейчас, чтобы превратить это место в новую империю, чтобы Город Победы мог править всей землей и чтобы мы наверняка знали, что на ней никогда больше не случится кровопролития, и, самое главное, что больше ни одной женщине не придется войти в огненную стену, и что с женщинами больше не происходит того, что происходило в темноте с оставленной на милость мужчине сиротой. Но тебе, — добавила она небрежно, хотя на самом деле с самого начала хотела сказать именно это, — тебе нужно другое.

— Сегодня день Воскрешения, — не задумываясь, ответил ей Доминго Нуниш, — *Ele ressuscitou*, как это звучит на моем языке. День, когда Он вознесся. Но я вижу, что ты пытаешься возродить другого — ту, кого ты любила, ту, что вошла в огонь. Своими чарами ты создала целый город в надежде, что она вернется.

— Ты говоришь непонятно, — заявил Букка Сангама, — к кому ты вообще обращаешься?

— Она шепчет мне в ухо, — ответил Доминго Нуниш.

— Добро пожаловать в Виджаянагар, — сказала Пампа Кампана. Она произнесла *в* почти как *б*, как это иногда получается.

— Бизана? — повторил Доминго Нуниш, — Прости, как ты его назвала?

— Скажи сначала *видж-ая*, победа, — учила его Пампа Кампана, — а потом *нагар*, город. Это не так сложно. Нагар. Виджаянагар. Город Победы.

— Мой язык не выговорит таких звуков, — признался Доминго Нуниш, — и дело тут не в моем дефекте речи. Я просто не смогу сложить губы, чтобы произнести его, как это делаете вы.

— И как твой язык сможет называть его? — спросила Пампа Кампана.

— Бидж… Биз… ну, сначала Биз… а потом… нага, — ответил Доминго Нуниш, — теперь соединим — я очень стараюсь, — получается *Биснага*.

Пампа Кампана и Наследник Престола Букка рассмеялись. Пампа хлопала в ладоши, и не сводивший с нее пристального взгляда Букка понял, что она влюблена.

— Значит, Биснага, на том и порешим, — произнесла она, не переставая хлопать, — вот ты и подарил нам наше имя.

— Что ты такое говоришь? — вскричал Букка. — Ты что, хочешь, чтобы этот чужеземец заклеймил

наш город тарабарщиной со своего завязанного в узел языка?

— Да, — ответила она, — это же не древний город с древним же названием. Этот город появился здесь только что, как и этот человек. Они одно и то же. Я принимаю это имя. Отныне и вовек это будет Биснага.

— Придет время, — озвучил Букка свою крамольную идею, — и мы больше не будем позволять иностранцам рассказывать нам, кто мы есть.

(Из-за того, что Пампа Кампана оказалась неожиданным образом очарована Доминго Нунишем и его невнятным произношением, во всем тексте своей эпической поэмы она называет "Биснагой" и город, и всю империю, возможно, желая напомнить нам, что, хотя ее труд основан на реальных событиях, воображаемый мир от реальности отделен пропастью. "Биснага" — не часть истории, это часть ее самой. Наконец, поэма — не эссе и не новостной репортаж. Поэтическая реальность и воображение следуют своим собственным законам. Мы так же решили следовать выбранному Пампой Кампаной курсу, а потому город ее мечты, Биснага, поминается и живописуется и здесь. Поступить иначе означало

бы предать автора и ее произведение.)

Хотя Пампа Кампана по-прежнему по двадцать часов в день проводила в глубоком трансе шептуньи, ее ставшее очевидным для всех новое чувство к чужеземцу — ее глаза искали его на протяжении того единственного часа, когда были открыты, — стало причиной серьезного придворного недовольства. Новость о любовном увлечении Пампы достигла царственных ушей Хукки Райи I раньше, чем появился сам Нуниш, и вызвала нешуточный гнев. Не подозревавший об этом португалец представился царю с изысканной вежливостью, не забыв упомянуть о своем даре рассказывать истории из путешествий.

— Если вы позволите, — предложил он, — я мог бы развлечь вас несколькими историями.

Хукка пробурчал что-то малоразличимое.

— Может статься, — были его слова, — что этот путешественник представляет для нас больший интерес, чем его побасенки.

Доминго Нуниш не понимал, как ему следует поступить, и в некотором замешательстве стал рассказывать о своих странствиях в землях, где живут каннибалы-антропофаги и люди, у которых голова растет из плеч вниз. Хукка поднял руку, чтобы остановить его.

— Расскажи нам лучше, — велел он, — о людях с неестественно бледными лицами, о белых европейцах, о розовых от пьянства англичанах и об их коварном вероломстве.

Нуниш встревожился.

— Разумеется, — ответил он, — среди европейцев свирепость французов может превзойти только жестокость голландцев. Англичане же пока сильно отстают, но лично я предполагаю — хотя большинство моих соотечественников с этим не согласится, — что в результате они могут оказаться хуже всех вместе взятых, и половина карты мира может окраситься в розовый. Однако мы, португальцы — народ надежный и достойный. И генуэзские купцы, и арабские торговцы, не сговариваясь, расскажут вам о нашей порядочности. А мы к тому же еще и мечтатели. Вообразили, к примеру, что наш мир круглый, и теперь мечтаем проплыть вокруг света. Думая о мысе Африка, мы вообразили северо-западный морской путь и предполагаем, что на западе Южных Морей могут существовать неизвестные континенты. Мы больше всех на земле любим приключения, но, что отличает нас от менее значимых народов, держим обещания и вовремя платим по счетам.

Как и его новорожденные подданные, Хукка

Райя I все еще привыкал к своей новой инкарнации. В своей насыщенной событиями жизни он уже испытал несколько метаморфоз. На смену бесхитростной неспешной жизни пастуха коров пришла армейская дисциплина солдата, а после — пленного солдата, которого принуждают сменить религию, а значит, и имя; после побега он сбросил фальшивую кожу религиозного обращенца, а также обличье и привычки солдата, и пережил превращение во что-то близкое его первоначальной пастушеской сути — по крайней мере в крестьянина, озабоченного поисками новой жизни. Когда он был ребенком, одним из его заветных желаний было, чтобы мир никогда не менялся, чтобы ему всегда было девять и мама с папой всегда подходили к нему, распахивая руки, чтобы обнять, однако жизнь преподнесла ему великий урок, урок изменчивости. Сейчас, когда ему был дарован трон, на котором он сидел, он понял, что к нему вернулась детская мечта об отсутствии перемен. Он хотел, чтобы эта обстановка, этот тронный зал, эти охраняющие его женщины, эта роскошная мебель каким-то образом были вынуты из изменчивого мира и перенесены в вечность, но до того, как это случится, он должен жениться на своей царице; ему

нужна была Пампа Кампана, чтобы она приняла его и с гирляндой на шее сидела подле, пока простые люди возносят их союз, и как только это произойдет, времени можно будет остановиться, Хукка сам сумеет остановить его мановением своего царского скипетра, да и Пампа Кампана, наверное, сумеет это сделать, ведь она сумела дать жизнь целому миру, имея всего лишь мешок семян и проведя несколько дней за шептанием, а значит, сможет и закольцевать его, превратить в магическую гирлянду, чья власть сильнее хода календаря, и так в счастье они будут жить вечно.

Приезд чужеземца и новость о том, что Пампа Кампана испытывает к нему интерес, грубо пробудили новоиспеченного правителя от этого сна. Хукка уже представлял себе голову чужеземца срубленной с плеч долой и набитой соломой, и единственной причиной, по которой он воздержался от того, чтобы немедленно казнить чужака, была вероятность, что Пампе Кампане категорически не понравится такое развитие событий. Тем не менее Хукка продолжил рассматривать тонкую аристократичную шею Доминго Нуниша, испытывая при этом своего рода летальное желание. — Что ж, значит, нам повезло, — заявил он с жестоким сарказмом, — что сегодня к нам пожа-

ловал утонченный и прекрасный португальский джентльмен, серебряноязыкий чаровник, а не какой-нибудь из варваров, француз или голландец, или примитивный розовый англичанин.

Не успел Доминго Нуниш и слова сказать, как правитель жестом руки отправил его прочь, и две вооруженные женщины препроводили его с монарших глаз долой. Выйдя из тронного зала, Доминго Нуниш осознал, что его жизнь находится в опасности, понял, что, по всей видимости, это как-то связано с его встречей с женщиной-шептуньей, и тут же задумался о побеге. Однако — так уж сложилась жизнь — он так никуда и не уехал в последующие двадцать лет.

Когда Пампа Кампана наконец очнулась после девяти долгих дней и ночей своего волшебства, то не была уверена, что привидевшийся ей рыжеволосый зеленоглазый бог существует на самом деле и не был плодом ее, скажем так, девических фантазий. Когда никто во дворце не смог ответить на ее вопрос, она засомневалась еще сильнее. Но ей пришлось на время забыть о собственной озабоченности, чтобы сообщить новость, которую Хукка и Букка ждали с момента, когда спустились с горы в город людей с пустыми глазами. Она застала царевичей пытающимися

развлечь себя игрой в шахматы, игрой, которой ни один из них полностью не владел, поскольку оба переоценивали значимость ладьи и коня, но, будучи мужчинами, недооценивали королеву.

— Дело сделано, — без лишних церемоний прервала она их любительские потуги, — каждый знает свою историю. Теперь город по-настоящему жив.

Снаружи на главной рыночной улице можно было легко увидеть подтверждение ее слов. Женщины приветствовали друг друга как старые знакомые, влюбленные покупали друг для друга любимые лакомства, кузнецы подковывали коней для хозяев, которым — как они думали — служили уже много лет, бабушки рассказывали внукам семейные истории — истории, охватывавшие жизни не меньше, чем трех поколений, — давным-давно поссорившиеся мужчины приходили друг к другу в надежде положить конец вражде. Характер этого нового города сформировался во многом благодаря воспоминаниям Пампы Кампаны — она более не сдерживала их внутри — о том, чему ее учила мать. По всему городу женщины занимались тем, что во всей оставшейся стране считалось бы неподобающим для них делом. Вот юриди-

ческая контора, в ней полно женщин-адвокатов и женщин-клерков, а здесь можно увидеть, как сильные женщины-грузчики таскают с пришвартованных в речных доках барж грузы на берег. Женщины следили за порядком на улицах, переписывали тексты, вырывали зубы и отбивали на барабанчиках-*мридангах* ритм танцевавшим на площади мужчинам. И никому это не казалось диким. Город цвел богатством своего вымысла, историями, что Пампа Кампана нашептала в уши его жителям, — историями, чья выдуманная природа канула далеко на дно и оказалась навсегда погребена там под шумными ритмами нового дня; окружавшие город стены неприступной высоты были полностью построены, а наверху огромной крепостной башни с воротами было выгравировано в камне название города — название, которое было отлично известно всем его жителям, готовым, если бы их спросили, настаивать на том, что оно происходит из седой древности и дошло до нас из легендарных времен, когда по соседству, в Кишкиндхе, проживала божественная обезьяна Хануман:

Биснага.

Новость о грядущем девятидневном празднике быстро распространилась по городу. В храмах бу-

дут воспевать хвалу богам, а на улицах танцевать. Когда Доминго Нуниш, нашедший пристанище на сеновале в доме конюха, купившего его лошадей, услышал о празднике, ему в голову пришла идея, благодаря которой он сможет избежать мести ревнивого монарха и его братца. Он уже собирался отправиться во дворец и попросить об аудиенции, когда пришла жена конюха и сообщила, что его дожидается посетитель. Он сошел вниз по деревянной лестнице и увидел Пампу Кампану — та, что подарила целому городу мечты, в которые можно верить, пришла узнать, может ли сама верить в собственную мечту. Увидев Доминго Нуниша, она радостно захлопала в ладоши.

— Хорошо, — сказала она.

Едва их взгляды встретились, все, что было не высказать словами, оказалось высказано без слов, и Доминго Нуниш понял, что должен как можно скорее обрести твердую почву под ногами.

— Когда я путешествовал по королевству Китай, — проговорил он, чувствуя, что его кидает в пот, — узнал секрет того, что их алхимики называют дьявольским дистиллятом.

— Первые слова, что ты сказал мне сегодня, о дьяволе, — ответила Пампа Кампана, — не очень-

то похоже на ласковое обращение.

— На самом деле дьявол там ни при чем, — продолжал он. — Алхимики получили это вещество случайно и испугались. Они пытались получить золото — не получили, конечно, — но создали нечто более сильное. Просто селитра, сера и уголь, растертые в порошок и перемешанные. Подносишь к ним искру и — бум! Это стоит видеть.

— Ты столько путешествовал, — отвечала она ему, — но так и не научился как следует говорить с женщиной.

— Говорю же тебе, — стоял он на своем, — прежде всего это поможет сделать праздник в городе незабываемым. Мы можем изготовить так называемые "фейерверки". Вращающиеся колеса из пламени и ракеты, взмывающие в небеса.

— Ты хотел сказать мне, что твое сердце не знает покоя, как колесо пламени, а любовь ко мне, как ракета, взмывает до божественных высот.

— К тому же, — он потел все сильнее, — в Китае выяснили, что это вещество можно использовать в оружии. Они перестали называть его "дьявольским", они придумывают новые слова для новых вещей. Для вещи, которая может подбросить в воздух лошадь или пробить крепостную стену, они придумали слово "бомба". А дистиллят они

теперь называют “черный порох”. И еще они придумали слово “пушка”.

— Что такое пушка? — спросила Пампа Кампана.

— Оружие, которое изменит этот мир, — сказал Доминго Нуниш. — Я смогу построить его для тебя, если ты захочешь.

— Там в Португалии они любят по-другому, — сказала Пампа Кампана, — теперь я это вижу.

В ту ночь, когда город был наполнен музыкой и людскими толпами, Пампа Кампана привела Хукку и Букку на маленькую площадь, где их уже ждал Доминго Нуниш, окруженный множеством бутылочек с торчавшими из их горлышек трубочками. Хукка был глубоко раздосадован, увидев своего португальского соперника, да и Букка, который должен был следующим получить престол и, как он верил, руку Пампы Кампаны, имел собственные основания для досады.

— Зачем ты привела нас к этому человеку? — потребовал ответа Хукка.

— Смотри, — велела ему Пампа, — смотри и учись.

Доминго Нуниш послал фейерверки высоко в небо. Братья Сангама с открытым ртом наблюдали за их полетом; они поняли: в этот момент

рождается будущее, а Доминго Нуниш — его повивальная бабка.

— Научи нас, — распорядился Хукка Райя I.

4

Трое недостойных братьев Хукки и Букки прибыли немного раньше, чем их ждали, они организованно въехали в город и плечом к плечу продвигались по главной улице — бандиты, пытающиеся вести себя как аристократы. С жирными спутанными волосами, нестриженными бородами и закрученными вверх усами, они — в особенности запахами — больше напоминали бандитов, нежели царевичей, однако они изо всех сил напускали на себя столь важный вид, что люди взирали на них скорее со страхом, нежели с почтением. За спинами у них были закреплены щиты из литого железа. На щите Пукки Сангамы был изображен скалящийся тигр, щит Чукки Сангамы украшали бабочки и мотыльки, а щит Дева покрывал цветочный орнамент. Мечи и кинжалы в грязных кожаных ножнах болтались у них на поясе под щитами, но рукояти были обнажены, чтобы облегчить доступ к оружию. В общем, продвигавшиеся на лошадях по городу в направлении ворот дворца Пукка, Чукка и Дев выглядели так устрашающе, что сильнее и не представить, и люди разбегались по сторонам

еще до их появления.

Новость о том, что Хукка и Букка установили свою власть над непостижимым образом появившимся на свет новым городом, разлеталась быстро, вместе со слухами о тамошних сокровищах и казне, ломящейся от золотых монет-*пагод* и, поговаривали, золотых *варах* разного веса. Пукка, Чукка и Дев были решительно настроены не остаться на задворках истории, когда им с легкостью могут принадлежать такие богатства. Подъехав к дворцовым воротам, они, не спеша, потребовали пропустить их внутрь.

— Где там эти канальи, наши братья? — проревел Чукка Сангама. — Они что, думают, что смогут захапать все богатства себе?

Но тут ему и его братьям явилось зрелище столь непривычное — никогда в своей жизни не встречали они ничего подобного, — что окружавший их пузырь воинственности надорвался, и они вытянули головы. Перед ними, выстроившись в фалангу, предстали охранники дворца с копьями в руках, облаченные в золотые нагрудные щиты и доспехи на голенях и руках; с их поясов свисали мечи в золотых ножнах, а длинные волосы были собраны на макушках красивыми галунами. У них были золотые щиты и мрачные лица. И все

они были женщины. Все до единой. Высокие мускулистые женщины-солдаты, настроенные исключительно серьезно. Чукка, Пукка и Дев никогда не видели ничего подобного.

— И это то, чем эти идиоты сейчас занимаются? — вопрошал Чукка. — Заставляют женщин делать неженскую работу?

— В этом нет ничего нового, — ответила ему капитан стражей, великанша со свирепым лицом и большими глазами с нависшими веками. Ее звали Улупи, в честь дочери Царя Змей. — В этом городе женщины поколениями охраняют Императорский Дворец.

— Интересненько, — заметил Пукка Сангама, — я вот уверен, что, когда мы последний раз были в этих местах, этого города здесь не было.

— Видимо, вы были слепы, — отвечала ему капитан Улупи, — ведь мощь этой империи и пышность ее столицы известны всем столько времени, что и не сосчитать.

— Так Хукка и Букка здесь, внутри, они часть этого бреда с фантомами? — поинтересовался Дев. — Чем бы ни была эта иллюзия, она им вполне подходит? И вы тоже им подходите? — Царь и Наследник Престола во всем поддерживают отлично подготовленных и вы-

соко профессиональных офицеров дворцовой охраны, — заявила капитан, — и, если вы нам не подчинитесь, сами узнаете, что рука у нас вовсе не женская.

По правде говоря, трое братьев Сангама уже довольно давно зарабатывали себе на далеко не честную жизнь разбоем на больших дорогах да воровством скота, а в последнее время они еще расширили этот репертуар за счет конокрадства в надежде основать в порту Гоа международную корпорацию по торговле лошадьми. Португальские дельцы уже возили морем арабских жеребцов для нескольких местных князей. Грабить их из засады и перепродавать прекрасных животных на черном рынке оказалось отличным бизнесом, который, однако, становился опасным из-за жестоких тамильских банд мараваров и калларов, прибывших в эти места вместе с дурной славой о своих смертельных зверствах; сейчас братья Сангама, которые боялись за свою жизнь и совершенно не были склонны к героизму, подыскивали себе какое-нибудь менее опасное для жизни занятие. Новый золотой город их братьев представлялся им блестящей возможностью получить то, что они хотели.

— Немедленно отведите нас к братьям, — ве-

лел Чукка Сангама самым приказным тоном, на какой был способен, — мы должны объяснить им, почему между ворами и царями нет никакой разницы.

В тронном зале Хукка Райя I и наследный принц Букка привыкали к своим огромным седалищам, тронам-*гадди*, столь обильно усыпанным драгоценными камнями, что на них было бы трудно сидеть, если бы не толстые украшенные шелковой вышивкой подушки на сиденьях. Хукка быстро обнаружил, что, если он сидит на своем *гадди* прямо, его ноги не касаются земли и он похож на ребенка. Поэтому будет лучше, если он будет полулежать на нем, а если будет решительно необходимо сесть, нужно будет пользоваться скамеечкой для ног. Эту и подобные уловки придумали, чтобы подчеркнуть в царском наследнике наследника и царя в царе. Чукка, Пукка и Дев вступили в царские покои и застали царственное лицо — собственного брата — погруженным в эксперименты со скамеечками для ног разной высоты. *Гадди* Букки был немного ниже. Он тоже учился царственно полулежать, а когда садился, касался ногами пола, так что проблемы с висящими ногами были ему чужды.

— Так вот что значит быть царем, — ядовито

заявил брату Чукка Сангама, — все дело в правильно подобранной мебели.

— Мы разочарованы нашими братьями, — проговорил Хукка Райя I, впервые царственно использовав уважительное множественное число и обращаясь вглубь тронного зала, словно не адресуя эти слова ни к кому конкретно.

— Наши братья не способны дорасти до той роли, которую определила нам история. Они темные принцы, повелители теней, фантомы крови. Они — черствые хлеба. Они — сгнившие фрукты. Они — луна в затмении.

— Поскольку это наши братья, — подхватил Букка, также разговаривая с пустотой, — варианты у нас простые, и их мало. Либо мы без промедления казним их как потенциальных изменников и будущих захватчиков власти, либо предложим им работу.

— Сейчас слишком раннее утро, чтобы проливать родную кровь, — сказал Хукка Райя I, — давай подумаем, чем они могли бы заниматься.

— Давай предложим им работу где-нибудь очень далеко, — внес предложение Букка.

— Очень далеко, — согласился Хукка Райя I.

— Неллор, — посоветовал Букка, — это на восточном побережье, примерно в трехстах милях

отсюда.

— Его еще надо завоевать, — добавил он, — так что эти трое не доставят нам там больших хлопот.

Хукка обладал более масштабным видением.

— Сначала Неллор на востоке, — сказал он, — потом Мулбагал на юге и Чандрагутти на западе. Когда ты захватишь Неллор, брат Чукка, можешь остаться там и собирать дань. А ты, брат Пукка, можешь забрать себе Мулбагал, когда он падет, тебе же, брат Дев, в одиночку предстоит завоевать Чандрагутти и обосноваться там. Таким образом, в результате у каждого будет свой *курси*, трон, и я надеюсь, вы все будете довольны. Мы же с Буккой тем временем завоюем все, что между.

Трое недостойных братьев заерзали и нахмурились. Чем это было: выгодной сделкой или чашей с ядом? Они не понимали.

— У вас сокровищница ломится от *пагод*, — возразил Чукка, — так нечестно.

— Я поясню, — продолжил Хукка Райя I, — каждому из вас я дам огромное войско. Непобедимую армию. Но только при одном условии: отвечать за военные действия будут мои генералы. Вы можете сидеть верхом на коне под флагом империи, и после сражения мои генералы возведут вас на

трон, но во время боя вы будете делать в точности то, что они велят вам. После того как с этим будет покончено, у вас у каждого будет территория, на которой вы будете править, а это намного лучше, чем красть лошадей и бояться, что вас убьют бандиты из касты калларов или мараваров. Брат Чукка, тебе будет предоставлена честь проводить богослужения в храме Джаганнатха в Пури. Пукка, брат мой, храм великого героя Арджуны будет твоим. Дев, твой храм будет находиться в пещере, это правда, но в качестве компенсации тебе достанется лучший из трех фортов, фантастическая крепость на вершине горы, откуда открывается прекрасный вид во все стороны. К тому же я обеспечу каждого из вас отрядом личной охраны из женщин, состоящих в Имперской Обороне. С ними вы будете в безопасности, но, если вздумаете каким-то образом подло взбунтоваться против империи — против *нас*, — у них будет приказ уничтожить вас на месте.

— Звучит как неудачное предложение, — сказал Пукка, — мы просто станем твоими марионетками. Вот что ты на самом деле нам предлагаешь. Возможно, нам стоит отказаться от твоего предложения и самим попытать счастья.

— Вы можете отказаться, никаких сомне-

ний, — ответил — далеко не враждебно — Хукка Райя I, — но тогда вы не сможете выйти отсюда живыми. Сами понимаете почему. Тут ничего личного. Семейный бизнес.

— Хотите соглашайтесь, хотите — нет, — заявил братьям Букка.

— Я согласен, — тут же отозвался Дев Сангама, а двое остальных братьев медленно и задумчиво кивнули.

— Так отправляйтесь, — распорядился Хукка Райя I. — Вам предстоит захватывать империи и делать историю.

Капитан стражей Улупи, так же похожая на змею, как и ее имя, прошипела Чукке, Пукке и Деву, что аудиенция закончена. Ее язык проглядывал между зубов до и после произнесенных слов.

— И еще одно, — остановил их Хукка Райя I. — Уж не знаю, увидимся ли мы вновь и когда, а потому вам нужно кое-что знать.

— Ну и что это? — проворчал Чукка, самый обиженный из всех уходящих братьев.

— Мы любим вас, — сказал Хукка, — вы — наши братья, и мы будем любить вас до самой вашей смерти.

У троих братьев Сангама не было возможности

уехать без проволочек. Нужно время, чтобы армия могла двинуться в путь. Походные паланкины армейских чинов необходимо было утеплить и отполировать, чтобы эти уважаемые люди могли с комфортом добраться к месту назначения, на спинах боевых слонов нужно было закрепить островерхие башни, чтобы эти высокие офицеры могли двигаться к полю боя, развалившись на подушках и подушечках, тысячи слонов — как ездовых, так и боевых — нужно было кормить, ведь слоны принимают пищу не переставая, так что их надо было навьючивать и собственным кормом, и грузами, необходимыми для военных целей — например, массивными частями осадного орудия, которое потом, после сборки, будет метать каменные ядра в стены вражеских крепостей. Палатки нужно было разобрать и погрузить на запряженные волами повозки вместе со скамьями, сиденьями, соломой для походных матрасов и нужниками; за транспортировку отвечало особое военное подразделение — нужно было, чтобы оружие содержалось в порядке, мечи нужно было наточить, стрелы отбалансировать, а луки подтянуть; остроту копий проверяли ежедневно, чтобы убедиться, что они остры, как нож, а щиты выправлены после тяжелых боев; нужно

было мобилизовать целый кухонный городок, печи и поваров, огромные возы с овощами, рисом и бобовыми, а также курами в клетках и связанными козами, поскольку среди военных всех рангов много тех, кто ест куриц и коз, несмотря на то что формально велят религиозные предписания; еще нужны были дрова для костров и котелки, чтобы готовить супы и жаркое; помимо военных, в поход отправлялось множество тех, кому предстояло трудиться в лагерях, включая куртизанок, еженощно готовых удовлетворять потребности наиболее нуждающихся солдат. Медицинское оборудование, хирурги и медсестры, ужасающие пилы для отделения ног, канистры с мазью для ослепленных глаз, пиявки, целебные травы — все это должно было разместиться ближе к хвосту колонны. Ни один солдат, идущий на войну, не захочет видеть подобных вещей. Было необходимо, чтобы они чувствовали себя бессмертными или хотя бы убедили себя в том, что делающие из человека инвалида увечья, причиняющие адскую боль раны и смерть — это то, что бывает с другими. Было важно, чтобы каждый пехотинец и каждый кавалерист верил, что лично он выйдет из битвы невредимым.

Эта армия совершенно не была обыкновенной.

Это была воинская сила в момент своего рождения. Как и остальные жители города, просыпаясь каждое утро, солдаты слышали у себя в ушах шепот, каждый из них слушал — в первый раз в жизни, но с чувством, что знал это всегда, — историю собственной жизни. (Или слушала. Солдат-женщин было меньше, но они были. И у них тоже были нашептанные воспоминания.) В тот волшебный час, находясь между сном и бодрствованием, каждый их них услышал придуманный рассказ о жизни поколений своих несуществующих предков, узнал, как давно решил вступить в ряды вооруженных сил новой империи, в каких дальних походах участвовал, через какие реки переправлялся, с кем подружился во время переходов, какие препятствия преодолел, каких врагов победил. Они узнали свои имена, а также как звали их родителей, названия своих деревень и племен, и то, как нежно называют их жены — жены, которые ждут их в родных деревнях, вынянчивая их детей! — узнали, что они сами за люди; через уши пришло к ним, кто был весельчак, а кто бука, кто и как говорил — некоторые не закрывали рта, другие же были людьми пары слов; некоторые грязно бранились, как это часто бывает у солдат, а другие

не любили брани; некоторые открыто выражали свои чувства, в то время как другие предпочитали их прятать. Благодаря этим историям они, как и остальные жители города, сделались живыми людьми, даже несмотря на то, что истории эти были вымышленными. Вымысел может иметь ту же власть, что и реальная история, он раскрывает новых людей в них самих, позволяет им понять собственную природу и природу других людей, делает их реальными. В этом состоял парадокс нашептанных историй: они больше не были вымыслом, в который нужно поверить, они породили правду, даровали жизнь городу и армии с самой богатой палитрой совсем не выдуманных людей, чьи корни глубоко уходят в существующий на самом деле мир.

Всех солдат, рассказал им шепот, объединяет сила духа и мастерство на поле боя. Они — братство (или сестринство) воинов, которых невозможно одолеть, и они всегда будут непобедимы. С каждым днем они просыпались с еще более окрепшим чувством собственной неуязвимости. Еще немного времени, и они будут готовы беспрекословно исполнять приказы, уничтожать врагов и безжалостным маршем двигаться к победе.

В тени золотых городских стен, которые с каждым днем становились еще выше и краше, установили устланную коврами палатку, предназначавшуюся для трех марионеточных предводителей предстоящей экспедиции. Внутри, в роскошном пространстве, в окружении множества вышитых подушек, в свете свечей в изысканных латунных подсвечниках Чукка, Букка и Дев Сангама — номинальные, но не истинные командующие грандиозной кампании — пытались осмыслить новый мир вокруг себя. Для всех троих братьев было очевидно, что они имеют дело с величайшим колдовством, и страх в их душах боролся с амбициями.

— У меня такое чувство, — сказал Чукка Сангама, — что, хотя наши Хукка и Букка напустили на себя царственную важность, они находятся во власти какого-то волшебника, который умеет делать неживое живым.

Чукка был наиболее самоуверенным и агрессивным из их троицы, но в этот момент его голос звучал тихо и неуверенно.

Его брат Пукка, менее жестокий, но более расчетливый, пытался взвесить все за и против.

— Итак, мы сможем стать царями, — заключил он, — если готовы возглавить армию призраков.

Дев, младший из братьев, был менее всех склонен к героизму и более — к романтике.

— Призраки они или нет, — заявил он, — но наши ангельские стражи — женщины самого высшего качества. Если мы одержим над ними победу и убедим их стать нашими супругами, мне, черт возьми, будет глубоко плевать, люди они или ночные чудища. До того как за мной не явится смерть, я хочу узнать, что значит любить.

— А пока смерть не явится за мной, — подхватил Пукка, — я хочу править царством Неллор. Или хотя бы взять над ним контроль. Для начала.

— Если за нами явится смерть, — рассудил Пукка Сангама, — она будет подослана нашими братьями, Хуккой и Буккой. И я хочу отправить к ним ангела смерти до того, как они отправят его к нам. Только после этого для нас наступит время переживать из-за призраков.

Капитан Шакти, капитан Ади и капитан Гаури, три бесстрашных офицера из числа дворцовой стражи, которых назначили охранять троих отбывающих Сангама — а еще шпионить за ними, — были известны как Горные Сестры (хотя на самом деле они сестрами не были) из-за того, что их имена были именами трех воплощений

богини Парвати, дочери Хималая, Правителя Гор; они держались с такой соблазнительной значимостью, что любовь к ним со стороны лишь вчера переставших быть бандитами братьев была неизбежна.

Каждый из братьев в своих снах видел, как его персональная Сестра подзывает его, предлагает эротические загадки и сулит сладостное вознаграждение. Чукка Сангама, главный экстраверт среди трех братьев, склонный даже к агрессии, нашел себе равного по силе соперника в лице капитана Шакти, в самом имени которой были заключена динамическая энергия космоса.

— Чукка, Чукка, — шептала ему во снах Шакти, — я сгораю. Поймай меня, если можешь. Я — гром и я же дождевые струи, видоизменение и поток, разрушение и новое начало. Возможно, для тебя это слишком. Чукка, Чукка, приди ко мне.

Его парализовало от ее возбуждения, но, когда он просыпался, она стояла у выхода из палатки с копьем в руках, с каменным лицом, бесстрастная, и было совершенно не похоже, что ей снился тот же сон.

Тем временем Пукка Сангама, осторожный и рациональный, видел во снах капитана Ади, раскрывшуюся перед ним, как вечная правда

Вселенной.

— Пукка, Пукка, — вздыхала она, — я вижу, ты искатель, ты всегда стремишься постичь суть вещей. Я — ответ на все твои вопросы. Я — как и почему, когда и где. Я — единственное объяснение, которое тебе нужно. Пукка, Пукка. Найди меня, и ты узнаешь.

Он просыпался с горящими глазами и сгорающим от желания, но она стояла у выхода из палатки рядом со своей названной Сестрой, с копьем в руках, бесстрастная, с лицом, словно вырезанным из самого твердого гранита.

А Дева Сангаму, самого красивого и менее решительного среди братьев, посещала капитан Гаури, самая красивая из всех; во снах она являла свою иную инкарнацию: ее четыре руки сжимали тамбурин и трезубец, а кожа была во сне белее снега — именно такое сравнение пришло на ум Деву Сангаме во сне, хотя снега он никогда в своей жаркой жизни не видел.

— Дев, Дев, — мурлыкала Гаури, точно сладкий яд, по каплям вливая свои слова в его спящие уши и позвякивая тамбурином, — твоя красота делает тебя достойным меня спутником, но ни один смертный не сможет пережить опустошающий акт любви с богиней. Дев, Дев, готов ли ты отдать

свою жизнь за одну ночь неземного блаженства?

И он просыпался со словами согласия на губах, *да, да, я готов, да*, но она стояла с лицом, как из гранита, рядом со своими каменными Сестрами, такая же бесстрастная, как они, со всего одной парой рук, без тамбурина, но с копьем вместо трезубца в руках.

Когда Горные Сестры что-то обсуждали между собой, то склонялись друг к другу так, что их головы соприкасались, и разговаривали на своем тайном наречии. Некоторые слова в нем были обычными словами, которые братья Сангама понимали, вроде *еда,* или *меч,* или *река,* или *убить*. Но было и множество других слов, которые были совершенной загадкой. Дев Сангама, самый пугливый, был уверен, что они используют какой-то демонический язык. В этом барачном городке, где солдаты слушали неизвестно откуда берущийся тайный шепот, благодаря чему обретали свою индивидуальность, воспоминания и историю и постепенно превращались в полностью осознанных человеческих существ, было несложно поверить в то, что рождался и демонический мир и что их старшие братья Хукка и Букка находятся под его чарами. При ярком свете дня он пытался убедить Чукку и Пукку в том, что они рискуют

лишиться своих бессмертных душ и что, воруя лошадей на большой дороге, они рисковали жизнью меньше, чем если станут марионеточными командующими этой оккультной военной силы. Но по ночам, когда его посещала Сестра Гаури, его страхи улетучивались, и он желал лишь ее любви. Его так рвало на части, что в результате он не мог принять никакого серьезного решения, но не отказывался от своего плана.

В конце концов он спросил Гаури об этих незнакомых словах и узнал, что это тайный язык стражей, закодированная речь, которая защищена от самого старательного шпионского уха. В языке стражей обычные слова обозначали необычные вещи, к примеру, *бегущий поток* мог означать особый вид кавалерийского наступления, а *пир* — кровавую бойню, так что даже те слова, что Дев понимал, могли иметь неизвестные ему значения. А на самом высоком уровне безопасности были новые слова, слова, которые описывали людей как участников битвы, так что слово для человека, находящегося на передовой, отличалось от слова для человека на фланге; существовали еще и хронологические слова, которые описывали людей как существа, передвигающиеся во времени, слова, которые

во время боя умели отличать живых от мертвых. — Не переживай из-за слов, — сказала Гаури Деву, — слова нужны для людей слова. Ты другой человек. Сосредоточься исключительно на делах.

Дев не был уверен, не содержит ли этот ее совет в себе своеобразного оскорбления. Он склонялся к тому, что содержит, но не обиделся, поскольку находился во власти любви.

По вечерам трое братьев Сангама ужинали в своей царской палатке в компании трех Сестер. Братья, огрубевшие в своей беззаконной жизни, поглощали жареную козлятину полными с горкой блюдами, не имея в виду вдаваться в какие-либо религиозные тонкости; от сдобренной чили козлятины у них на глазах выступали слезы, на лбах — пот, а густые волосы в конце концов вставали дыбом. Женщины же, напротив, с грацией и вниманием ели изысканно приправленные овощи и выглядели при этом людьми, которым нужно питаться, чтобы жить. И все же всем шестерым было понятно, что эти ангелы с изящными манерами куда опаснее, мужчины смотрели на них со странной смесью страха и желания, неспособные сказать о своем желании из-за своего страха, и следовательно, безо всяких

манер впивались в свои козлиные ноги с еще более варварской свирепостью, в надежде, что это поможет им обрести хотя бы видимость мужественности. Они не понимали, производит ли это гастрономическое шоу желаемый эффект на дам, чьи лица оставались загадочными, даже угрюмыми.

Пукка Сангама — тот, кто искал ответов, — задавал вопросы.

— Когда вы трое вот так склоняете друг к другу головы, — решил выяснить он, — это что, еще более секретная форма коммуникации, бессловесная форма? Вы что, общаетесь друг с другом из мозга в мозг? Или вам просто удобно так отдыхать, когда вы стоите?

— Пукка, Пукка, — с укором отвечала ему капитан Ади, — не задавай вопросов, ответы на которые ты не в состоянии понять.

Чукка Сангама потерял терпение.

— Что здесь происходит? — потребовал он объяснений. — Мы сидим в этой палатке так давно, что дни уже сливаются в один, и я не знаю, который сейчас час. Кто-то должен объяснить нам, что мы должны делать и когда мы должны это делать. Мы так не привыкли, мы не те люди, что будут сидеть по команде, как дрессированные

собачки, и ждать угощения.

— Благодарим вас за терпение, — ответила ему Сестра Гаури. — Вообще-то как раз сегодня вечером мы собирались сказать вам, что армия готова выступить в поход. Мы снимаемся на заре.

Она произнесла эти слова в тот же самый момент, когда Пампа Кампана сообщила Хукке Райя I и Наследнику Престола Букке, что город услышал все свои истории и его создание полностью завершено. Солдаты, как и гражданские жители, были полностью готовы к тому, что уготовила им история.

Чукка вскочил на ноги.

— Слава богу, — кричал он, — наконец-то что-то стоящее. Давайте отправимся на войну и принесем на эту землю мир.

— Делайте, что вам велят, — уточнила Гаури, — и все будет хорошо.

Город был наполнен музыкой, и трое братьев Сангама в своей военной палатке слышали праздник даже сквозь толстые городские стены. Слышали они и визги и стоны, которыми приветствовали первые в истории этой земли фейерверки, взмывшие в воздух над головами толп горожан. Но присоединиться к веселью они не смогли.

— Отправляйтесь спать, — скомандовала им Сестра Гаури, — не обращайте внимания на танцы. Только завтра империя начнет свое рождение.

5

Доминго Нуниш оставался в Биснаге, городе, которому он дал имя, до тех пор, пока Пампа Кампана не разбила ему сердце. В первые годы, когда он не был уверен в собственном статусе и боялся, что кто-то из царственных братьев может подослать убийцу, который безлунной ночью вонзит ему в грудь нож, он надолго уезжал на запад, за море, чтобы купить у арабов лошадей, привезти их через гоанский порт и продать старшему конюху города, кавалерия которого наряду с лошадьми использовала также слонов и верблюдов и разрасталась с каждым годом по мере того, как ширился размах империи. Находясь в Биснаге, он старался не привлекать к себе внимания и продолжал довольствоваться скромным пристанищем на сеновале старшего конюха. Пампа Кампана посещала его чаще, чем было разумно, но в семье конюха все делали вид, что не замечают этого, — они тоже боялись навлечь царский гнев на свои причастные головы. Однако в конце концов своим искусством в обращении со взрывчатыми веществами и ценностью для империи в части обеспечения

военным снаряжением Доминго Нуниш завоевал расположение к себе. Ему был дарован титул Главного по Взрывчатке Надежного Чужеземца, было положено хорошее жалованье и предложено оставить торговлю лошадьми и посвятить себя делу Биснаги. Когда Пампа Кампана и Хукка Райя I решили пожениться, этого новоиспеченного дворянина-иностранца сочли фигурой достаточно значимой, чтобы отправить приглашение на царское бракосочетание, на которое он, несмотря на испытываемые чувства, после серьезной внутренней борьбы явился.

Брак Хукки Райя I и Пампы Кампаны заключался не по любви, во всяком случае со стороны невесты. Царь же вожделел ее с тех пор, как впервые увидел, и все это время ждал — ждал дольше, чем готов ждать любой из царей, — что она примет его предложение. Он не был слепцом и имел глаза и уши повсюду, на каждой улочке города, и потому ему было отлично известно, что его возлюбленная наносит регулярные ночные визиты на некий сеновал, и в день, когда она окончательно уступила его уговорам, прямо заявил ей, что все знает. Он пригласил ее прогуляться в дворцовом саду, где они могли поговорить в большем уединении, нежели в кишевших любителями

подслушивать внутренних покоях, и спросил, по какой причине она наконец-то решилась.

— Существуют вещи, которые нужно сделать во имя общего блага, то, что больше нас самих, — ответила она, — то, что мы делаем во имя будущего.

— Я надеялся услышать какую-нибудь личную причину, — настаивал Хукка.

— Что касается личного, — пояснила она, пожав плечами, — ты знаешь, куда отдано мое сердце, и должна тебя заверить, я не откажусь от интересов своего сердца и тогда, когда приму твое предложение ради того, чтобы положить начало кровной преемственности для империи.

— И ты ожидаешь, что я стану мириться с этим? — спросил ее взбешенный Хукка. — Да я прямо сегодня отрублю этому ублюдку голову.

— Ты этого не сделаешь, — возразила она, — потому что ты тоже стремишься действовать во имя будущего, и потому, что тебе нужны его китайские премудрости. А еще — если говорить о личном — если ты причинишь ему вред, то вовеки не притронешься ко мне и пальцем.

Хукка буквально кипел от злобы и разочарования.

— Существует очень мало мужчин, не гово-

ря уже о монархах, которые считали бы брак с — прошу извинить меня за прямоту — падшей женщиной — некоторые сказали бы шлюхой — по меньшей мере распутницей — которая свободно — некоторые сказали бы бесстыдно — с позволения сказать, *путается* — с человеком, который даже не принадлежит к их расе и не исповедует их религии — и которая ставит своего будущего супруга в известность о своем намерении продолжать свое неприемлемое — я бы сказал развратное — поведение после того, как они поженились, — орал он, не обращая внимания на то, что его могли услышать.

Однако его полностью вывела из себя и заставила остановить свою руладу ее неожиданная реакция, взрыв гомерического хохота, как будто он только что сказал самую смешную на свете вещь.

— Не вижу ничего смешного, — ледяным тоном проговорил Хукка, но Пампа Кампана уже рыдала от смеха и показывала на него дрожавшим от хохота пальцем.

— Твое лицо, — произнесла она, — оно все покрыто пятнами. Гнойные прыщи, боже милостивый! Всякий раз, когда ты произносил свои дурные слова, у тебя на коже выскакивал новый

прыщ. Думаю, тебе следует почистить свой язык, иначе твое лицо превратится в один большой нарыв.

Хукка в ужасе поднес руки к лицу и прощупал лоб, щеки, нос, подбородок и — да, они были повсюду — пустулы. Было ясно: волшебство Пампы Кампаны сильно превосходит магию с семенами. Он осознал, что боится ее, а минутой позже понял также, что страх перед ее магией вызывает у него сексуальное возбуждение.

— Давай поженимся прямо сейчас, — предложил он.

— Только после того, как ты примешь мои условия, — настояла она.

— Все, что тебе угодно, — закричал он. — Да, я согласен. Ты так невероятно опасна. Ты должна быть моей.

После свадьбы и на протяжении первых двадцати лет существования Империи Биснага царица Пампа Кампана открыто имела двоих любовников, царя и чужеземца, и даже несмотря на то, что обоих мужчин не устраивало подобное положение вещей и они часто об этом говорили, Пампа лавировала между ними с безмятежностью, свидетельствовавшей о том, что она не испытывает в связи с этой ситуацией никаких

трудностей, что вызывало у мужчин еще большее недовольство. Соответственно, оба искали способы, как надолго оказаться вдали от источника своих неудобств. Доминго Нуниш, создавший в империи огромный склад, забитый мощной взрывчаткой, снова ударился в торговлю лошадьми, находя в любви этих животных некоторое утешение в связи с тем, что ему принадлежит лишь половина любви его желанной женщины. Что же до Хукки Райи I, он погрузился в великое дело выстраивания империи, основывал неприступные крепости в Баркуру, Бадами и Удаягири, захватывал все земли вдоль реки Пампы и завоевывал право именоваться монархом целой страны между восточным и западным морями. Ничто из этого не приносило ему счастья.

— Неважно, сколько у тебя земель, — жаловался он Пампе Кампане, — и в водах скольких морей ты можешь омыть ноги, если у твоей жены две кровати в двух разных домах и тебе принадлежит лишь одна из них.

Когда Хукка был в отъезде, Букка попытался разрешить ситуацию в интересах брата. Он пригласил Пампу Кампану прогуляться вдоль берега реки, имя которой она носила, чтобы убедить ее порвать свою связь с чужеземцем.

— Подумай об империи, — умолял он ее. — Мы все поклоняемся тебе как чародейке, давшей всему этому жизнь, но мы ожидаем также, что ты будешь хранить свое высокое положение и не соскользнешь в сточную канаву.

Грубое звучание этого убогого имени, *сточная канава*, побудило Пампу ответить ему.

— Открою тебе секрет, — сказала она. — У меня будет ребенок, и я не уверена, кто из двоих его отец.

Букка замер на месте.

— Это ребенок Хукки, — заявил он, — даже не сомневайся в этом, иначе город, что ты построила, развалится на части и рухнет, а его стены раскрошатся и забьют нам уши.

В течение трех последующих лет Пампа Кампана родила троих дочерей, после чего имя чужеземца нельзя было произносить в стенах дворца или любом другом месте, где находился ее супруг, и никому, под страхом смерти, не дозволялось замечать иберийскую красоту юных царевен, их светлую кожу, рыжеватые волосы, зеленые глаза и прочее. Позднее эти внешние признаки еще посеют в государстве смуту, но пока право царевен принадлежать царской семье и быть наследницами не подвергалось сомнению.

Однако сам Хукка замечал то, что было заметно, он сделался мрачным и замкнутым, в том числе и потому, что Пампа Кампана оказалась неспособна родить ему сына. С годами, несмотря на военные триумфы, его тоска только крепла, и его стали называть монархом мрачного нрава. Когда он уезжал завоевывать и покорять, то чувствовал себя лучше, ведь убивать соперников на поле боя было приятнее, чем не убить своего любовного соперника дома. Каждый убитый им человек имел лицо Доминго Нуниша, но удовлетворение быстро проходило, ведь настоящий Доминго Нуниш там, в Биснаге, ублажал царицу. Хукка возвращался в свой дворец, весь в крови и неудовлетворенности, и чувство этой ненужной любви привело его к Богу.

Одним жарким засушливым днем в последний год своего правления он созвал всех своих братьев в Манданский *матт* на освящение нового строящегося там храма. К этому времени Чукка Сангама стал законным регентом в Неллоре, Пукка — несомненным лидером, правителем Мулбагала, а Дев в буквальном смысле восседал на *курси* в Чандрагутти. Они прибыли в Мандану в ореоле блеска, окруженные конными рыцарями и флагами, вместе со ставшими их женами

и правительницами воительницами-стражами, Горными Сестрами Шакти, Ади и Гаури. Хукка наблюдал за прибытием своих женатых братьев с некоторой завистью — их женщины не спят с ублюдками чужеземцами, верно? — но вспомнил о том, что Сестрам приказано перерезать своим мужьям горло, если только они решат подумать о том, чтобы пойти против царя Биснаги, коим, скажем прямо, являлся он сам. Он лично отдал им этот приказ, и в преданности Сестер сомневаться не приходилось.

— Полагаю, что лучше иметь неверную жену, — сказал он сам себе, — чем жену, которая больше предана твоему брату, чем тебе, а потому ее нож всегда находится у твоего предательского горла.

Чукка, самый разговорчивый из братьев, громогласно заявил, что потрясен тем, что видит в Мандане.

— Что здесь произошло? — прокричал он. — Неужто кто-то из богов сошел на землю и решил превратить пещеру отшельника во дворец?

И вправду, Мандана была в процессе превращения в крупнейший центр религиозного паломничества, с толпами паломников и священнослужителей, со строящимися крикливыми архитектурными сооружениями, которые должны

были стать столь же чрезмерно украшенными, сколь скромным было старое аскетичное убежище святого Видьясагара, Океана Учености.

Видьясагар вышел вперед, чтобы лично ответить.

— Боги способны делать вещи лучше, чем строить храмы, — заявил он, — однако для человека нет долга почетнее, чем этот.

— Будь аккуратней, — предупредил своего брата Хукка, — ты сейчас на грани богохульства, и, если свалишься в эту яму, никакие молитвы не смогут спасти твою грешную душу.

— Выходит, ты тоже изменился, как и это место, — парировал Чукка, — возможно, превращая Мадану в храм-дворец, ты считаешь себя царем и здесь.

— Второе предупреждение, — произнес Хукка Райя, и супруга Чукки Шакти положила руку на рукоять кинжала у себя на поясе.

— Но храм еще не достроен, — продолжал Чукка. — Все, что пока у тебя есть, — половина надвратной башни-*гопурама*, Врат Бессмертия. Так что я думаю, ты сам тоже не закончен — и не божественный, и не бессмертный, — по крайней мере пока.

— Мы собрались, чтобы посвятить этот храм

Господу Вирупакше, который есть Шива, могущественный супруг речной богини Пампы, которая есть Парвати, — злобно проговорил Хукка, — а потому я не стану сегодня проливать вашу кровь. Сегодня у нас более высокая цель. Помимо храма, мы должны поговорить об Алмазном Султане Голконды на севере, который на свою голову становится слишком могущественным, и исповедует чуждую веру, и потому должен быть объявлен нашим смертным врагом. Я уже не говорю обо всех его алмазных копях.

Ему отвечал Пукка, самый разумный из братьев Сангама.

— Я отлично понимаю про алмазные копи, — заявил он, — но все остальное, вся эта чуждая вера… Не будь глупцом. Букка всегда говорил, что ни одному из вас нет дела до крайней плоти, что она обрезана, что нет, и вдруг ты стал ненавистником обрезанных? Говорить такое просто неразумно. По меньшей мере треть армии Биснаги и, наверное, половина торговцев и владельцев лавок, что торгуют на улицах, исповедуют эту чуждую веру. Они все что, тоже враги, вот так вдруг? А Букка поддерживает тебя в этом твоем новом радикальном видении? И где, кстати говоря, сам Наследник Престола?

— Да ладно, — отозвался Хукка Райя I, — хватит споров. Видьясагар, прошу тебя начать освящение. Мы должны просить Господа быть к нам милостивым, даже к тем, чья вера слаба.

— Ты и правда поменялся с годами, — впервые заговорил Дев Сангама. — Думаю, прежним ты мне больше нравился. С твоего позволения я задам вопрос: если целый город Биснага вырос за одну ночь сразу вместе с жителями, если на следующий день вокруг него выросли стены, и если все это было сделано посредством мешка семян, почему то же самое не происходит сейчас здесь с этим храмовым комплексом? Почему мы не можем просто сидеть и наблюдать за магическим действом, как храм вырастает прямо на наших глазах?

Царица Пампа ответила вместо царя.

— Волшебный поток не бесконечен, — сказала она, — божественные чары иногда даются людям, когда они первыми делают что-то в этом мире. Начальный период проходит, за ним наступает время, когда люди должны научиться стоять на своих собственных ногах, добиваться всего самостоятельно и одерживать победы в собственных битвах. Можно сказать, ты начинаешь, как дитя, но потом должен вырасти и жить во взрослом

мире.

— Ты — мать империи, — отвечал Дев Сангама, — но сегодня твои сказанные с любовью слова звучат немного резко.

На грязных задворках города Биснага в малопривлекательной таверне под названием “Кешью” в тот самый момент, когда происходило освящение храма, Букка Сангама пил день напролет в компании своего товарища по дебоширству, седого старого солдата по имени Халея Коте, который приобщил наследника престола к радостям, что несет с собой приготовленная из кешью фени, недавно появившийся в городе напиток. Фени изготавливали из разных продуктов, в основном из плодов кокосовой пальмы тодди, но этот новый напиток был совершенно другим, вкуснее, как считали многие пьяницы, а еще — по крайней мере по распространенной в этой торгующей им таверне версии — гораздо забористее. Орехи кешью стали еще одним великим даром, привезенным португальцами из-за морей вместе с арабскими скакунами, и на самом деле этой таверной втайне владел Доминго Нуниш, который, однако, предпочитал скрываться за спинами доверенных дневных и ночных работников, справедливо опасаясь, что Пампа

Кампана подобное не одобрит. В этом длинном, темном и тесном заведении выпивохи сидели на простых трехногих табуретах возле непокрытых деревянных столов у двери, они потягивали забористую фени и двигались, в зависимости от своей природы, к счастью либо меланхолии, в то время как на задворках заведения происходили вещи, которые правильнее всего было бы скрыть завесой. Однако после нескольких рюмок восприятие пьющих заметно притуплялось, и происходящее на заднем дворе уже не вызывало интереса.

Халея Коте не принадлежал к жителям Биснаги, взращенным из волшебных семян. Он сражался вместе с Хуккой и Буккой в их бытность солдатами, был старше братьев по меньшей мере на десяток лет и более искушен в искусстве войны, однако вместе с ними также был схвачен армией северного султана и, как они, сумел сбежать из рабства в далеком Дели, спустя несколько лет после них. Он прибыл в Биснагу более седым и истощенным, чем запомнился братьям, но благодаря пристрастию к выпивке стал быстро поправляться. К моменту, когда он добрался до Биснаги, Хукка уже потерялся в золотых лабиринтах царствования и не мог уделять много времени друзьям прошлых дней, но Букка был

рад увидеть знакомое лицо — того, с кем он мог разделить настоящие, а не нашептанные Пампой Кампаной воспоминания. С годами, когда личные обиды заставили Хукку броситься в объятья религии, между братьями пролегла пропасть — Букка по-прежнему относился к вопросам веры с жизнерадостной обыденностью, в то время как его старший брат жил все более аскетично. К тому же младшего брата начал беспокоить вопрос наследования. Будет ли сдержано данное ему Хуккой обещание? Что он, Букка, сменит на троне своего брата, или кто-то из царственных португальских выродков попытается захапать империю. Он пригласил Пампу Кампану на еще одну долгую прогулку по речному берегу, чтобы обсудить это, и услышал поразительно позитивный ответ.

— Ты непременно станешь царем после своего брата, — сказала ему Пампа Кампана, — и, если быть до конца честной, я не могу дождаться, когда стану твоей царицей.

Букка почувствовал, как вдоль позвоночника у него побежали мурашки испуга. Он знал, что его брат-царь с трудом выносит, что красивая голова Доминго Нуниша все еще держится на его длинной и изящной шее, и вот теперь другой голове и другой шее — его собственным — также

угрожает опасность быть разделенными. Если до Хукки Райи дойдет хотя бы намек о том, что его жена, похотливая красавица, которую ни время, ни материнство не могут ни состарить, ни сдержать, готова оказаться в постели его брата, едва он умрет — что она буквально не может этого дождаться, и по собственному признанию, торопит день Хуккиной смерти! — тогда ручейки крови превратятся в потоки, и империя погрязнет в смертоносной гражданской войне.

— Мы с тобой больше не должны говорить друг с другом, — заявил он Пампе Кампане, — пока не наступит этот день.

После он начал пить. Халея Коте прибыл в город в самое подходящее время, как раз когда наследнику престола потребовался собутыльник, и вскоре они стали неразлучной парочкой. Хукка, понятия не имевший об общении Букки с Пампой Кампаной, очень горевал, что его младший брат скатился на дно стакана, и начал угрожать ему тем, что исключит его из царского совета, являвшегося правительством города и надзорным органом всей империи, пока он не очистится и не изменит образ жизни, и после того, как Букка не продемонстрировал ни малейшей готовности к очищению, на самом деле исключил наследного

принца из этого достойного собрания, тем самым предав огласке то, о чем уже давно потихоньку шептались: две самых значимых в империи фигуры, отцы-основатели Биснаги, не ладят между собой. Это привело к расколу при дворе. Те, кто восхищался правлением Хукки, его эффективным администрированием и множественными победами на полях сражений, отвернулись от пьяницы Букки, тогда как другие, заметив, что царя начало подводить здоровье и он стал склонен к головным болям, лихорадкам и простудам, решили, что в их собственных интересах проявить большую лояльность к наследнику престола, нежели к самому царю. Тем временем наследник престола коротал дни в таверне “Кешью”, окутанный туманом, столь кстати вызванным фени.

За эти годы Букка стал популярен в городе благодаря своей веселой буффонаде и отсутствию царственного высокомерия. В отличие от все более сурового и меланхоличного царя он был человеком, на которого жители города могли положиться в гораздо большей мере. Позднее, когда он сделался важным монархом, люди недоумевали, прикидывался ли Букка в эти свои пьяные дни либо на самом деле был полнейшим дураком. Сам Букка лишь однажды дал весьма загадочный

ответ на этот вопрос:

— Я намеренно выглядел глупо, — заявил он. — Для контраста, чтобы выглядеть лучше, когда я сброшу глупость и водружу имперскую корону.

Никто не задавался подобными вопросами в отношении Халея Коте, все гнали прочь этого жирного потрепанного жизнью старого пропойцу. Однако на самом деле Коте был членом — а возможно, и лидером — подпольной экстремистской группировки под названием “Ремонстрация”, распространявшей листовки, разъясняющие так называемые “Пять Ремонстраций”, которые были направлены против “структурных элементов” главенствующей религии, представлявшей собой, по сути, власть духовенства, содержали обвинения в коррупции по сословному принципу и требовали проведения радикальных реформ. В Первой Ремонстрации они заявляли, что религиозный мир в целом слишком сблизился со светской властью, следуя плохому примеру самого отшельника Видьясагара, и что людям, занимающим важные посты в религиозных органах империи, следует запретить входить в состав органов, осуществляющих руководство городом. Во Второй Ремонстрации они критиковали новые церемониальные практики массовых

коллективных богослужений, возникшие в связи с недавним освящением нового храма, которые, как они считали, не имели под собой теологических оснований и не упоминались в священных текстах. В Третьей Ремонстрации они выдвигали предположение, что аскетизм в целом и целибат духовных лиц в частности приводят к распространению содомистских практик. В Четвертой Ремонстрации они заявляли, что по-настоящему верующим людям необходимо воздерживаться от участия в военных действиях любого рода. В Пятой же Ремонстрации они выступали против искусства, утверждая, что прекрасному, архитектуре, поэзии и музыке, придается слишком большое значение и что внимание, уделяемое всяческим фривольностям, следует немедленно и навсегда направить на почитание богов.

Раннее появление диссидентов, возможно, свидетельствовало о быстро набиравшем обороты взрослении и полной завершенности города и разраставшейся вокруг него империи. И все же в Биснаге нашлось немного сторонников Ремонстрации, ведь здешние жители любили все прекрасное, гордились окружавшей их со всех сторон изящной архитектурой и получали удовольствие от поэзии и музыки; наряду с

гетеросексуальными они также с энтузиазмом наслаждались содомистскими практиками, многие биснагцы не считали необходимым испытывать любовь исключительно к представителям противоположного пола и получали не меньшее удовольствие от тесного общения со своим собственным. На закате можно было наблюдать, как парочки всех сортов совершают свой вечерний променад — без стеснения держась за руки, выходили подышать воздухом мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, и мужчины с женщинами, разумеется, тоже. Не те это были люди, чтобы посчитать сексуальные ограничения ремонстрантов оправданными. Люди также боялись поддерживать политические оценки ремонстрантов. Сомнения в добродетели божественного Видьясагара, а еще пацифистский отказ от войны в то время, когда армии Биснаги зарекомендовали себя как практически непобедимые, и громкие обвинения в коррупции в обществе — пропаганда подобных взглядов означала бы прямую дорогу к смерти. А потому Ремонстрация так и не смогла перерасти во что-то большее, нежели маленький культ, и Халея Коте заливал свои горести фени.

Наследник престола знал обо всем этом, но

не подавал виду, что знает — ни в тот день в “Кешью”, когда где-то в другой части города освящали храм, ни в какой-либо другой день. Если бы какой-то шпион подошел к нему и сказал, что он напивается с самым известным подпольным повстанцем империи, ее ведущим потенциальным революционером, он бы изобразил шок и сказал шпиону, что больше не сможет спокойно пить свою фени. А если бы Халея Коте заподозрил, что великий и решительный царь медленно прорастает из кожи разухабистого царевича, царь, имеющий четкий план, как поступить с культом ремонстрантов, то начал бы беспокоиться о безопасности своей собственной головы. Но пока, как бы то ни было, они проводили свои послеполуденные часы счастливо, не проявляя явных забот о судьбах мира. Они оставили будущему наступить, когда придет его время.

Доминго Нуниш как язычник-христианин, естественно, не присутствовал при освящении храма. Однако в ту ночь его посетила Пампа Кампана. После многих лет на сеновале Нуниш в конце концов приобрел небольшой домик в безымянной части города, который почти целиком забил стопками бумаги, на которой описывал время, проведенное в Биснаге. *Это место про-*

дувается ветрами, писал он, *равнинная страна, если не учитывать наличие гор; при этом ближе к западу ветра дуют с меньшей силой, благодаря многочисленным рощам, в которых растут манго и джекфруты*. Ему было интересно фиксировать банальности, создавать полные списки домашних животных и возделываемых культур региона — коров, буйволов, овец и птиц, ячменя и пшеницы, — словно он был фермером, пусть он ни дня не проработал на какой-либо ферме. *Направляясь сюда из гоанского порта, я обнаружил дерево, под которым триста двадцать лошадей смогли укрыться от зноя и дождя.* И все в таком духе. Он описывал засухи летом и наводнения во время сезона дождей. Писал о храме слоноголовьего бога и женщинах, находящихся в собственности храма и танцующих для бога. *Это женщины легких нравов*, писал он, *но они живут на лучших улицах города, могут посещать любовниц царя и жевать вместе с ними бетель. К тому же они едят свинину и говядину*. Он написал очень много на самые разнообразные темы — о том, как царя ежедневно обильно умащают кунжутным маслом, о постах на протяжении года и о многом другом, что не представляло для местных жителей никакого интереса, поскольку

было им хорошо известно. Эти записи очевидно предназначались для зарубежного употребления. Когда Пампа Кампана увидела записи на языке, прочесть который не могла, то начала гадать, зачем они могут быть предназначены, и спросила Нуниша, не собирается ли он уехать из Биснаги — не для того, чтобы купить лошадей на продажу, а навсегда. Доминго Нуниш тут же отрекся от любых подобных планов.

— Я просто делаю записи, из собственного интереса, — отвечал он, — потому что это удивительное место, и оно достойно того, чтобы быть увековеченным должным образом в хронике.

Пампа Кампана ему не поверила.

— Я думаю, ты боишься царя и решил сбежать, — заявила она, — хотя я много раз тебе говорила, что, пока ты под моим покровительством, никто не сможет тебе навредить.

— Дело не в этом, — возразил Доминго Нуниш, — потому что я люблю тебя сильнее, чем кого-либо любил в жизни. Но мне стало ясно, что ты любишь меня меньше — и не только из-за того, что я вынужден делить тебя с царем! — хотя да, частично из-за этого! — и даже не потому, что ты заставила меня отказаться! — просто не замечать! — трех славных девочек, про которых

нельзя сказать даже шепотом, что они похожи на меня как две капли воды! — хотя да, частично и из-за этого тоже! — и я на все это согласился — на все! — из-за моей к тебе любви! — и все равно я каждый день ощущаю: я тот, кто любит сильнее, чем его любят в ответ.

Пампа Кампана выслушала его, не перебивая. Затем она его поцеловала — этим она не смогла, да и не намеревалась, успокоить его.

— Ты так прекрасен, и я всегда любила твое тело, как оно прижимается к моему, — произнесла она, — но ты прав. Мне сложно любить кого-либо всем сердцем, поскольку я знаю, что они умрут.

— Что это за оправдание? — В Доминго Нунише вскипала злоба, и он требовал объяснений. — Всему роду человеческому уготована эта участь. Тебе самой тоже.

— Нет, — ответила она, — я проживу около двухсот пятидесяти лет и останусь вечно молодой или почти молодой. А вот ты, со своей стороны, состарился, стал сутул в плечах, и конец…

Доминго Нуниш закрыл уши руками.

— Нет! — завизжал он. — Не говори! Я не хочу этого знать!

Он знал, что быстро стареет, что его здоровье уже не такое крепкое, как было когда-то, и начал

бояться не суметь собрать свои старые кости. Порой он думал, что его ждет насильственная смерть, что она настигнет его на конной тропе между Гоа и Биснагой, где по-прежнему следовало опасаться банд мародеров из каст калларов и мараваров. Он подозревал даже, что причиной того, что Хукка Райя I никак ничего не делал с конокрадами, была его личная надежда, что они подстерегут Доминго Нуниша и окажут царю услугу, вырвав у чужеземца его предательское сердце. Но в голове у Пампы Кампаны ему был уготован другой конец.

— …и конец близок, — закончила она. — Ты умрешь послезавтра от разрыва сердца, а я, возможно, буду в этом виновата. Прости.

— Ты бессердечная стерва, — ответил Доминго Нуниш. — Уходи!

— Да, так будет лучше, — отозвалась Пампа Кампана. — Я не хочу видеть конец.

Жестокие слова Пампы таили истину о том, что отсутствие старения было для нее самой такой же загадкой, как и для всех остальных. После девяти, когда ее устами заговорила богиня, она продолжала расти, как и все прочие девочки, до восемнадцати лет; все пошло по-другому с того дня, как она дала мешок с волшебными семена-

ми Хукке и Букке Сангама. С той поры минуло двадцать лет, но, когда она придирчиво рассматривала себя в отполированном щите, висевшем на стене ее дворцовой спальни, понимала, что за прошедшие два десятилетия состарилась едва ли на пару лет. Если это так, то к концу своего почти двухсотпятидесятилетнего жизненного пути, отмеренного ей богиней, она будет выглядеть как женщина слегка за сорок. Это озадачивало. Она ожидала, что, разменяв третью сотню лет, будет высохшей старой каргой, но, видимо, так могло и не случиться. Ее возлюбленные умрут, ее дети (которые уже более походят на ее сестер, нежели дочерей) будут выглядеть старше, чем мать, и исчезнут, поколения будут проплывать мимо нее, но ее красота не померкнет. Осознание этого несло очень мало радости.

— У истории жизни, — сказала она себе, — есть начало, середина и конец. Но когда середина неестественно растягивается, эта история перестает нести радость. Это проклятие.

Она понимала, что ее доля — потерять всех, кого она любит, и остаться одной в окружении их горящих трупов; ровно так, как будучи девятилетней девочкой, она стояла одна и смотрела, как сгорают ее мать и другие женщины. Ей предстоит

снова — но в замедленной съемке, словно время исчисляется геологическими эонами, — переживать погребальный костер своего детства. Как и тогда, умрут все, но это второе жертвоприношение будет длиться почти две с половиной сотни лет, а не пару часов.

6

Доминго Нуниш, не способный не верить пророчествам Пампы Кампаны, провел ночь и все двадцать четыре часа следующего дня, допьяна напиваясь в “Кешью” в компании Букки Сангамы и Халея Коте и громко оплакивая приход ангела смерти Азраэля и пророчество Пампы о его скором появлении, так что, когда его сердце разорвалось — ровно так, как предсказывала Пампа, — Биснагу облетела новость о том, что легендарный чужеземец, давший городу имя, мертв, а Пампа Кампана продемонстрировала способность предвидеть, когда людям суждено покинуть этот мир и перейти в мир иной, другими словами, в ее власти нашептать им не только жизнь, но и смерть. После этого дня ее стали бояться больше, чем любить, и отсутствие старения только усиливало ужас, который она начала внушать. Хукка Райя I проявил великодушие к своему сопернику в любовных делах — вызвал из Гоа католического епископа и хранил тело Доминго Нуниша на льду до тех пор, пока тот не прибыл в сопровождении хора из двенадцати лично им обученных прекрасных гоанских

юношей, после чего для Доминго Нуниша было устроено достойное романское прощание со всеми роскошествами. Это были первые в Биснаге христианские похороны, когда распевали языческие гимны и произносили имена экзотической троицы, которая непостижимым образом включала в себя духа, а за городской стеной выделили участок земли для захоронения язычников-чужеземцев; тем все и кончилось. Пампа Кампана сказала своему любовнику последнее прости, стоя за спиной своего царственного супруга, при этом все заметили, что на морщинистом и обветренном лице Хукки Райи I отпечатался каждый день пятидесяти лет его жизни — на самом деле, большинству людей казалось, что он выглядит гораздо старше, государственные заботы и военные тяготы состарили его раньше времени, в то время как Пампа Кампана не постарела вовсе. Ее красота и молодость пугали не меньше, чем пророчество о кончине Доминго Нуниша. Жители Биснаги, прежде любившие ее как ту, что дала городу жизнь, после похорон Доминго старались держаться от нее подальше; когда она ехала по городу, люди пятились от ее царской кареты и отводили свои полные ужаса глаза.

Ощущение висящего над ней проклятия, слов-

но туча, скрыло ее в целом солнечную природу, и когда они с Хуккой оказывались вместе, атмосферу в комнате заполнял запах меланхолии. Ни один из них не мог правильно понять другого. Хукка считал, что печаль его жены вызвана тем, что она оплакивает своего умершего любовника, а Пампа Кампана объясняла накрывшую Хукку суровую тень его новообретенным религиозным рвением, на самом же деле мысли царя заполняли схемы, при помощи которых он надеялся вновь завоевать нежное расположение своей супруги, в то время как сама Пампа Кампана временами хотела умереть.

Ежедневно они по часу просиживали в Зале Публичных Аудиенций, бок о бок каждый на своем троне, но чаще развалившись на покрытом ковром возвышении среди множества вышитых подушек; музыканты развлекали их южной музыкой, исполняемой на десяти инструментах карнатской традиции, дворецкие тащили подносы со сладостями и кувшины, наполненные свежевыжатым гранатовым соком, в то время как жители Биснаги излагали им свои разнообразные прошения — получить налоговое послабление в связи с отсутствием дождей, позволить дочери выйти замуж за юношу из другой касты, поскольк-

ку “что поделать, Ваши Царские Величества, это любовь”. Во время таких сеансов Хукка делал все возможное, чтобы подавить свой растущий пуританизм и великодушно удовлетворить столько просьб, сколько только можно, надеясь, что проявления добросердечия смягчат сердце царицы.

В перерывах между ответами на просьбы людей он пытался представить себя перед Пампой Кампаной в лучшем свете.

— Я был, как мне кажется, хорошим правителем, — шептал он ей. — Меня все превозносят за систему администрирования, которую я создал.

Однако формирование государственных органов было делом неромантичным, он скоро понял это и, чтобы Пампа Кампана не заскучала, переключился на искусство войны.

— Я пошел против собственных желаний, проявил мудрость и воздержался от нападения на неприступную крепость Голконды, позволив этому язычнику Царю Алмазов наслаждаться своим царствованием чуть дольше, чтобы наша армия закалилась в битвах и смогла повергнуть его в прах. Я все равно сумел завоевать для империи обширные земли, когда, продвигаясь к северу, переправился через реку Малпрабха, захватил Каладги и вышел к обоим побережьям, Конкан-

скому и Малабарскому. К тому же после того, как этот выскочка, султан Мадураи, убил Виру Баллалу III, последнего правителя империи Хойсала, я быстро устранил этот вакуум власти и сделал территории Хойсалы нашими. — Он замолчал на полуслове, увидев, что Пампа Кампана спит.

В те дни после смерти своего любовника Пампа Кампана начала ощущать странную отстраненность от себя самой. Она прогуливалась в дворцовых садах по туннелям из растительности, которые царь соорудил, чтобы никто не мог видеть его во время вечерних прогулок, и двигаясь внутри этого убежища из бугенвиллей, чувствовала себя странником в лабиринте, в сердце которого его поджидает встреча с чудовищем, — потерянной для себя ею самой. Кто она такая, размышляла Пампа Кампана. С того самого погребального костра, когда ее мать приняла решение стать для нее чужой, а ее вторая мать, богиня, заговорила с ней ее собственным голосом, ее сущность стала загадкой, которую она силилась понять. Часто она ощущала себя средством для достижения цели — глубоким каналом, по которому река времени может течь, не выходя из берегов, или неразбиваемым сосудом, в который заключали историю для последующего хранения.

Ее истинная сущность оставалась невразумительной, до нее невозможно было достучаться, словно она тоже сгорела в том костре. Однако Пампа Кампана начинала понимать, что ответ на загадку следует искать в истории мира, жизнь которому она дала, и что этот ответ она и Биснага узнают одновременно, но лишь тогда, когда их долгие истории подойдут к концу.

Было и то, что она ясно осознавала — сила ее плотских желаний крепла с каждым годом, словно способность ее тела побеждать время компенсировалась увеличением его физических потребностей. Она поняла, что в вопросах удовлетворения плоти больше напоминает мужика, нежели неженокженщин: если она видела кого-то, кто вызывал у нее желание, то клала на него глаз и должна была получить, нисколько не заботясь о возможных последствиях. Она возжелала Доминго Нуниша и получила его; однако теперь она его потеряла, а царь с его возрастающим пуританизмом все меньше и меньше привлекал ее. При дворе было немало возможностей, раболепных красавчиков, готовых на многое, с которыми царица могла бы развлечься, стоило ей только захотеть, однако в данный момент она этого не желала. Сложно чувствовать влечение к вчераш-

ним полуфабрикатам людей, чьи истории она самолично нашептывала им в уши. Сколько бы им ни было лет, она считала их своими детьми, и соблазнить кого-то из них означало бы вступить в кровосмесительную связь. Был и еще вопрос, который следовало осмыслить: а не высасывает ли она жизнь и красоту из мужчин, которых выбирает? Быть может, поэтому они выглядят старше своего возраста и умирают раньше срока? Следует ли ей воздерживаться от любых романов и тем самым сохранить желанным мужчинам жизни, и не начнет ли она в этом случае стариться так же, как прочие люди?

Так рассуждала Пампа Кампана. Однако настойчивый голос растущего сексуального голода заглушил все сомнения. Она стала искать мужчину, и человеком, на которого пал ее хищный и, возможно, смертоносный взгляд, стал брат ее мужа, маленький жужжалец Букка, острый, словно жало пчелы.

Он был единственным, кому удавалось ее развеселить. Он потчевал ее рискованными рассказами о похабных ночных развлечениях в “Кешью” и приглашал провести вечер в компании себя и Халея Коте — эта идея была настолько скандально-вкусной, что царице очень хотелось

принять его предложение. Все же она сдержалась, продолжая довольствоваться его небылицами, которые, как она заметила, ее не только забавляли, но и — весьма часто — возбуждали.

Ее симпатия к наследнику престола стала быстро известна всем при дворе; понять ее люди были не в силах. Букка не был красив красотой Доминго Нуниша. К этому времени его тело раздулось и в нескольких местах начало обвисать, придавая ему беспомощный вид человекообразного корнеплода, брюквы или свеклы. Было странно, что этот мужчина-мешок привлекает страстную царицу. У нее же, наряду с желанием, имелись и другие соображения. Он хорошо ладил с ее девочками, дядюшка-самодур, чьи выходки приводили царевен в восторг. Пампе Кампане было явлено во сне, что этот год станет последним в жизни ее супруга, как принес он смерть и Доминго Нунишу, и что ей следует подумать о будущем. В отсутствие четко установленной линии наследования смерть царя ставит под удар всех его ближайших родственников. А потому важно поддержать давние притязания Букки на трон, ведь ее дети будут в безопасности, если он наденет корону. А если она встанет на его сторону, ни один человек в Биснаге не осмелится выступить против них.

Она позвала его прогуляться вместе с ней по растительным туннелям и впервые поцеловала в этих тайных лабиринтах, построенных ее мужем.

— Букка, Букка, — шептала она, — жизнь — это мяч, но он в наших руках. Мы одни решаем, в какую игру играть.

Естественно, новость о том, что Пампа Кампана спуталась с наследником престола, почти сразу дошла до ушей Хукки — что есть растительное заграждение, что его нет, — и царьрогоносец, не желая идти против брата, был вынужден в последний раз в жизни покинуть дом и отправиться в военный поход, чтобы скрыть свой позор, а может, благодаря триумфу на поле боя, стереть его. Пришло время убить султана Мадураи, забравшегося слишком высоко с тех пор, как сбросил с трона правителя Хойсалы, пусть даже впоследствии он и не сумел завоевать территории Хойсалы, которые ныне принадлежат империи Биснага. Султан был занозой в самом боку империи, и с ним следовало разобраться. Так Хукка Райя I отправился в свой последний поход, вернуться из которого ему было не суждено. Его последние слова, обращенные к наследнику престола и царице, были очень просты:

— Я передаю мир в ваши руки.

Пампа Кампана не сомневалась: он боится, что идет навстречу своей смерти. Ей не нужны были подтверждения. Он обнял брата, и на мгновение они снова стали двумя нищими пастухами овец, только начинающими свой жизненный путь. Затем он уехал; в душе он знал, что его собственный путь закончится очень скоро, и всерьез размышлял о мире духов.

С самых похорон Доминго Нуниша, где он впервые услышал литургическую терминологию римского католицизма, Хукка был обескуражен идеей, что одним из богов христиан является призрак. Ему были хорошо знакомы всяческие боги — боги, подверженные метаморфозам, боги, которые умирали и возрождались, жидкие и даже газообразные боги, — но концепция бога-призрака вызывала у него неловкость. Христиане поклоняются мертвецу? Этот призрак, он что, когда-то был живым, а потом другие боги вознесли его в свой пантеон за его богоравные достоинства? Или этот бог призван присматривать за мертвыми, в то время как боги Отец и Сын отвечают за живых? Или это бог, который умер, но не смог воскреснуть? Или он никогда не был живым, бесплотный призрак, что существует с самого

начала времен и незримо присутствует среди живых, как какой-то шпион, он пробирается в их спальни и кареты и ведет счет их благим и дурным делам? И если других христианских богов можно обозначить как Творца и Спасителя, будет ли этот Судией? Или это просто бог без какой-то особой идеи либо концепта, бог без портфолио? Это было… загадкой.

Его ум занимали призраки, поскольку в те дни начали ходить слухи о появлении так называемого Призрачного Султаната, армии мертвых — но возможно, и немертвых — духов всех солдат, генералов и правителей, некогда уничтоженных набирающей силу империей Биснага, а ныне алчущих мести. Об их предводителе, Призрачном Султане, начали распространяться легенды. Он носит длинное копье и ездит на лошади о трех глазах. Хукка не верил в призраков — или, по крайней мере, такова была его официальная позиция, — но внутри себя сомневался, что будет, если эти невидимые призрачные батальоны поддержат армию султана Мадураи и на поле боя ему придется противостоять не только живому, но и Призрачному Султану. Такое положение вещей сделает победу практически недостижимой. Он тайно боялся также, что его все возрастающая

религиозная нетерпимость, которая, как считал его почти полностью светский (а оттого и развратный) брат Букка, шла вразрез с самой основополагающей идеей Биснаги, только усилит пыл, с которым призрачные солдаты будут противостоять его армии, ведь все они, естественно, при жизни исповедовали религию, к которой он более не был терпим.

Почему же он изменился? (Путь на войну был неблизким, и у него было достаточно времени для самокопания.) Он не забыл разговор, который они с Буккой вели на вершине горы в день волшебных семян.

— Все эти люди внизу, наши новые жители, — поинтересовался Букка, — как ты думаешь, у них сделано обрезание или нет?

А потом добавил:

— По правде говоря, меня это не особо-то и волнует. Скорее всего, там и те, и другие, ну и что с того.

С этим были согласны оба.

— Раз тебя это не волнует, то и меня это тоже не волнует.

— Тогда и что с того.

Ответ был таков: он изменился, потому что изменился мудрец Видьясагар. В свои шесть-

десят этот на вид ничем не примечательный (хотя втайне плотоядный) отшельник из пещеры превратился в человека, наделенного властью; его назвали бы премьер-министром Хукки, если бы этот термин был известен в те времена, он давно уже не был чистым (хотя не таким уж при этом и чистым) мистиком, каким был в юности. В будущем революционном памфлете, известном как “Первая Ремонстрация” — чье авторство, возможно, принадлежит лично тайному радикалу (и явному пьянице) Халея Коте, — имя Видьясагара упоминалось в критическом ключе, его обличали в излишней близости к царю. Теперь Видьясагар начинал свои дни ни с молитвы, ни с медитации или поста, ни с постижения Шестнадцати Философских Систем, но с исполнения самых важных обязанностей в спальне Хукки Райи I. Он был первым, кто видел Хукку каждое утро, поскольку царь был одержим астрологией и нуждался в том, чтобы Видьясагар еще до завтрака прочел по звездам и рассказал, что ему уготовил день грядущий. Именно Видьясагар говорил царю, о чем звезды велят ему думать в каждый конкретный день, кого следует допустить в царское присутствие, а встреч с кем необходимо избегать из-за неблагоприятных небесных конфигура-

ций. Букка, согласно чьему менее суеверному мнению, астрология являлась скопищем чепухи, начал от души не любить Видьясагара, считая выдаваемые им прогнозы политическими манипуляциями. Поскольку он был тем, кто решал, с кем царю следует встречаться, был придворным стражем монаршей спальни и тронного зала, то он был вторым по власти в стране, уступая лишь самому монарху, при этом, как подозревал Букка, мудрец использовал свою власть, чтобы принуждать царских министров и ходатаев делать большие пожертвования — как в пользу храмового комплекса в Мандане, так и, скорее всего, себе лично.

Его власть уже сравнялась с монаршей и в какой-то момент могла оказаться способной ее свергнуть. Хукка не желал слышать никакой критики в адрес своего ментора, и Букка обратился к Пампе Кампане.

— Тогда пришел мой черед; я подрежу жрецу его крылышки.

— Да, — ответила она с удивившей его горячностью, — обязательно это сделай.

Новоиспеченный политик Видьясагар решительно не одобрял прежней благосклонности Хукки к своеобразному синкретизму, которая

заставила его воспринимать людей всех вероисповеданий как равноправных граждан — торговцев, губернаторов, солдат и даже генералов.

— Нельзя мириться с этим арабским богом, — прямо заявил царю Видьясагар.

Однако святого в целом привлекал принцип монотеизма, и он превознес почитание местного культа Шивы над всеми прочими богами. Он также с интересом наблюдал за молитвенными сборищами последователей арабского бога.

— У нас нет ничего подобного, — наставлял он Хукку, — а нам это нужно.

Практика массового коллективного богослужения стала радикальным нововведением; его начали называть Новой Религией, и оно решительно осуждалось ремонстрантами, сторонниками Старой Религии, в своих памфлетах настаивавшими на том, что Старое и потому Истинное почитание бога — вопрос не общий, а индивидуальный, установление связи между индивидуальным верующим, божеством и никем более, а эти гигантские молитвенные собрания есть не что иное как замаскированные политические митинги, то есть речь идет о недопустимом использовании религии в интересах власти. Большинство людей не обращало внимания на

эти памфлеты, исключением были лишь представители небольших кружков интеллектуалов, которым не хватало внутреннего единства, а потому они были практически бесполезны, и им можно было позволить существовать и дальше; идея же массовых богослужений прижилась. Видьясагар нашептал царю, что проведение подобных церемоний приведет к размыванию границ между почитанием божества и выражением преданности царю. Так оно и случилось.

Поход против султана Мадураи соответствовал ценностям, проповедуемым Новой Религией Видьясагара. Пришло время преподать выскочке-султаненку и его выскочке-религии показательный урок, который хорошо запомнит вся страна.

Все это развело Хукку и Букку так далеко, как никогда прежде, а потому, когда Пампа Кампана поцеловала наследника престола в зеленом тоннеле, он ничуть не воспротивился, но напротив, ответил ей с тем же чувством и энтузиазмом. Что касается нее, то она ясно видела раскол между братьями и сделала свой выбор.

Крупнейший в мире путешественник, с которым Доминго Нуниш иногда сравнивал себя, странник из Марокко ибн Батутта, задержался на своем окольном пути в Китай (сначала на

Хайберском перевале его ограбили, потом он полюбовался на сборище носорогов на берегах Инда, после чего по пути на Коромандельское побережье его похитили), чтобы взять в жены дочь султана из Мадураи, и поэтому мог описать как отвратительные зверства, чинимые султанами Мадураи, так и гибель этого государства. Просуществовавший недолгое время султанат Мадураи был местом постоянных дрязг — восемь наследников престола один за другим вступали на кровавый трон, убивая своих предшественников, один сменял другого очень быстро, так что к тому времени, когда войска Хукки Райи I добрались туда, султана, победившего Хойсалов — чья дочь и была женой ибн Батутты, — давно не было в живых, а Мадураи превратился в арену, на которой происходили постоянные захваты власти с убийством знати и массовым посажением на кол простых жителей, зверства, призванные продемонстрировать и знати, и черни, кто здесь хозяин, в результате которых, однако, уровень ненависти превысил все возможные границы. Армия Мадураи взбунтовалась и отказалась сражаться, так что Хукка смог победить, не проливая крови, и никто не оплакивал последнюю казнь, ставшую последней и самой жесткой из череды

казней октета кровавых султанов.

(Еще до того, как Хукка мог с триумфом войти в Мадураи, ибн Батутта убрался восвояси, посчитав, что для иностранца — супруга члена побежденной династии будет мудрым не присутствовать при данной сцене; вот почему в знаменитых путевых журналах этого великого человека отсутствуют упоминания об Империи Биснага — мы также позволим ему покинуть эти страницы без всяких комментариев. Об его оставленной супруге известно немногим более. Она исчезла из истории, и даже ее имя является предметом догадок. Бедная женщина! Во все времена неразумно выходить замуж за свободного путешественника.)

После взятия Мадураи Хукке стали известны истории о династии изуверов, правлению которой он только что положил конец, и он тут же начал думать о своей собственной семье, сожалел, что в последнее время отдалился от своего брата-наследника престола и еще дольше не виделся с другими братьями. Хукка повелел четырем кавалеристам на самых быстрых во всей армии лошадях скакать галопом домой в Биснагу с письмом для Букки, а также доставить три таких же

письма трем другим братьям — Чукке в Неллор, Пукке в Мулбагал и Деву в Чандрагутти.

“Эти люди из Мадураи, похоже, убивали друг друга каждые несколько недель на протяжении нескольких лет, — писал он. — Сыновья убивали отцов, кузены кузенов, и да, практиковали также и братоубийство. То, что творил этот кровавый род, заставляет меня с еще большей силой, чем раньше, любить свою семью. Я пишу это, чтобы сообщить тебе, моя возлюбленная кровинушка, что не пошевелю и пальцем, чтобы причинить кому-то из вас вред ради того, чтобы просто остаться у власти. Я также верю, что никто из вас тоже не выступит против меня, и молю вас доверять друг другу и не причинять вреда тем, кто связан с вами одной кровью. Я скоро вернусь в Биснагу, и все будет так же хорошо, как и прежде. Люблю вас всех”.

Получивший это письмо Букка посчитал его скрытой угрозой.

— Реки крови в Мадураи привели царя к кровавым замыслам, — поделился он с Пампой Кампаной. — Начиная с этого момента и впредь мы должны быть уверены, что нас постоянно окружает оборонительная вооруженная фаланга. Такие письма могли также встревожить и наших

братьев, и кто знает… Кто-то из них может решить, что лучше ударить первым, не дожидаясь, когда удар будет нанесен по нему.

Первым делом Пампа Кампана подумала о своих детях, пусть и дочерях — к этому времени они превратились в прекрасных девушек-подростков, — что их будут рассматривать как меньшую угрозу, чем рассматривали бы сыновей. Быть может, ей надлежит уехать из Биснаги и искать себе убежища — но где? Братья царя не были людьми, которым можно верить, вся оставшаяся часть империи находилась под контролем у Хукки, а за пределами империи повсюду были враги. Букка предположил, что царевны в безопасности, пока жив Хукка, но, как только его не станет, ей нужно будет замаскировать девочек, нарядив в скромные одежды пастушек овец и отослать в Гути, дальнюю деревню у подножия великой каменной стены, где родились братья Сангама и где найдутся люди, которые позаботятся о девочках.

— Это будет нужно совсем ненадолго, пока я не возьму страну под свой контроль, — уверял он Пампу Кампану, — а в случае моего поражения — кто бы ни узурпировал мои законные права, Чукка, Пукка или Дев, — он даже вообразить не сможет, что девочки могут быть там, — продол-

жал он. — С тех пор как они заделались мелкими князьками в своих мелких крепостишках, то забыли о своих корнях, я не уверен даже, помнят ли они, что существует Гути. В любом случае, они не были там очень давно, выбрав жить разбоем.

Так началась первая в истории империи Биснага параноидальная паника. В Неллоре, Мудбагале и Чандрагутти братья Сангама со все большей подозрительностью стали следить за своими половинками, Горными Сестрами, ведь те могли получить от царя тайные послания и начать готовиться к убийству собственных мужей. Пампа Кампана же начала готовиться отправить как можно быстрее дочерей к коровам в Гути. Букка отправил Хукке в ответ самое наполненное любовью послание, какое только мог, и стал готовиться к неприятностям.

Такие моменты могут предвещать крах империй. Однако Биснага выстояла.

Вместо нее пал Хукка. Возвращаясь домой из Мадураи, он ехал верхом во главе войска, как вдруг внезапно закричал и свалился с лошади. Армия прекратила движение, с великой поспешностью возвели царскую палатку и полевой госпиталь, однако царь находился в коматозном состоянии. Через три дня он ненадолго вышел

из комы, и его лечащий врач стал задавать ему вопросы, чтобы определить состояние его сознания.

— Кто я? — спросил врач.

— Генерал-призрак, — ответил Хукка.

Доктор указал на своего ассистента-медбрата.

— А он кто? — поинтересовался врач.

— Он призрак-шпион, — ответил царь.

В палатку зашел ординарец с чистыми простынями.

— Кто он? — спросил врач Хукку.

— Просто какой-то призрак, — пренебрежительно сказал Хукка. — Он совершенно не важен.

Затем он погрузился в свой, как оказалось, последний сон. Едва его армия достигла Биснаги, стало известно, что царь мертв. Позднее, когда в войсках начали шепотом рассказывать друг другу историю о том, какими были его последние слова, многие утверждали, что видели, как приближалась армия призраков Призрачного Султаната, с ужасом наблюдали, как стремительно генерал-призрак подъезжает к царю на своей лошади о трех глазах, и своими глазами видели, что полупрозрачное копье генерала пронзило грудь Хукки Райи I. Однако на каждого, кто был

готов нести такую околесицу, приходилось десять, которые утверждали, что не видели ничего подобного, а полевой врачебный консилиум заключил, что у царя произошли критические медицинские изменения в мозгу и, возможно, также в сердце, такие, что никаких сверхъестественных причин и не надо.

Похороны первого правителя Биснаги стали торжественным моментом, который, как сказала Букке Пампа Кампана, ознаменовал собой последний шаг на этапе становления имперской истории.

— Смерть первого царя означает также рождение династии, — объясняла она, — а слово, которым называют эволюцию династии, и есть история. В этот день Биснага переходит из мира фантастики в мир истории, и великая река историй начинает течь в великий океан сказаний, который есть история этого мира.

После этого все быстро успокоилось. Пампа Кампана не стала отправлять своих девочек в Гути притворяться пастушками. Она поставила на карту безопасность своей семьи, полагаясь на то, что, пока она находится рядом с наследником престола, никто не осмелится поднять на него руку. Так и случилось. Придворные, знать

и военачальники быстро признали Букку Райю I новым правителем Биснаги, так же поступили и Горные Сестры. Трое уцелевших братьев Букки испытали громадное облегчение от того, что их собственные жены не убили их, узнав о кончине Хукки, и отправились в город Биснага, чтобы преклонить колени перед новым монархом; вот и все. Букке Райе I предстояло править двадцать один год, на год больше, чем брату, и эти годы будут считаться первым золотым веком Биснаги. На смену пуританству и религиозной истовости Хукки пришло беспечное отсутствие религиозной строгости у Букки, и дух “тогда-и-что-с-того” толерантности, свойственный городу и империи в момент их рождения, вернулся. Счастливы были все, кроме перековавшегося в политика священнослужителя Видьясагара, который выразил Пампе Кампане свое неудовольствие по поводу возвращения атмосферы распущенности и легкомыслия, снисходительного отношения к представителям иной веры и теологической распущенности нового режима.

Она не была больше травмированной маленькой девочкой, которую он когда-то поселил к себе в пещеру и — по ее непроизнесенным словам — использовал. И потому, довольно естественным

образом, предпочла его просто не заметить.

7

В первый же день своего правления Букка послал за своим старым собутыльником. Халея Коте, чья жизнь проходила в военных лагерях и на дешевых постоялых дворах, был потрясен величием царского дворца. Женщины-воины с каменными лицами вели его мимо затейливо украшенных бассейнов и великолепных ванн, мимо каменных рельефов, изображающих марширующих солдат и запряженных слонов, мимо каменных девушек в развевающихся юбках, танцевавших в каменном ритме, в то время как за их спинами музыканты стучали в каменные барабаны и выводили сладостные мелодии на каменных флейтах. Стены над этими резными фризами были обтянуты шелковой материей, расшитой жемчугом и рубинами, а в углах стояли золотые львы. Халея Коте, несмотря на весь свой тайный радикализм, испытывал благоговейный трепет, а также страх. Что хочет от него новый царь? Возможно, он желает стереть из памяти свое развеселое прошлое, в таком случае Халея Коте опасался за собственную голову. Женщины-воины привели его в Зал Личных Приемов и

велели ждать.

После часа, проведенного в одиночестве в окружении мерцающего шелка и каменного великолепия, беспокойство Халея Коте значительно увеличилось, и когда царь наконец прибыл в окружении полной свиты из охранников, дворецких и прислужниц, Халея Коте был убежден, что настал его смертный час. Букка Райя I больше не был маленьким кругленьким Буккой из "Кешью". Он был великолепен в парчовом одеянии и шапочке в тон костюму. Казалось, что он стал выше ростом. Халея Коте понимал, что на самом деле он никак не мог подрасти, что это просто иллюзия, порожденная величием, но этой иллюзии хватило, чтобы усугубить замешательство старого убеленного сединами солдата. Когда Букка заговорил, Халея Коте подумал: *Я труп*.

— Я все знаю, — заявил ему Букка.

Значит, дело не в пьянстве. Теперь Халея Коте еще более уверился, что проживает последний день своей жизни.

— Ты не тот, кем кажешься, — продолжал Букка, — ну или так сказали мои шпионы.

Так новоиспеченный царь впервые признал, что все время правления брата он имел собственную охрану и разведку, чьи офицеры теперь

должны сменить сотрудников Хукки, которым будет рекомендовано проводить пенсию в маленьких дальних деревушках и никогда впредь не возвращаться в город Биснага.

— Мои шпионы, — добавил Букка, — люди крайне надежные.

— И что они говорят, кто я такой? — спросил Халея Коте, хотя ответ был ему уже известен. Он был человеком, приговоренным к смерти, и просил, чтобы ему зачитали его смертный приговор.

— Ты *ремонстрант*, это правильное слово? — спросил Букка очень вкрадчиво. — И согласно моей информации, ты действительно можешь быть человеком, чья персона крайне интересовала моего покойного брата, настоящим автором "Пяти Ремонстраций", а не просто рядовым последователем культа. Более того, чтобы скрыть свое авторство, ты ведешь себя не так, как вел бы себя религиозный консерватор, коим должен являться автор. Если это не так, то то, что ты декларируешь, не соответствует твоей собственной природе, и ты делаешь все это для того, чтобы приобрести себе последователей, которых не заслуживаешь.

— Не стану оскорблять твою разведку, отрицая то, что тебе известно, — ответил Халея Коте. Он

стоял очень прямо, как и надлежит стоять солдату перед военным трибуналом.

— Теперь что касается “Пяти Ремонстраций”, — продолжал Букка. — Я полностью согласен с первой. Духовный мир должен быть отделен от светской власти, и начиная с этого самого дня так оно и будет. Что касается второй ремонстрации, я соглашусь, что практики коллективных богослужений чужды для нас, и им тоже будет положен конец. А вот дальше все становится немного сложнее. Связь между аскезой и содомией не доказана, равно как и связь подобной практики и целибата. Помимо всего прочего, это форма получения удовольствия любима в Биснаге многими, и я не готов давать рекомендации, какие формы получения удовольствия приемлемы, а какие вне закона. Дальше ты требуешь, чтобы мы отказались от любых военных кампаний. Я понимаю, что ты, как многие закалившиеся в боях солдаты, ненавидишь войну, но ты должен признать в свою очередь, что, когда этого потребуют интересы империи, мы тут же пойдем в бой. И наконец, твоя пятая ремонстрация, направленная против искусства, — ее создал полнейший обыватель. При моем дворе будут поэзия и музыка, и я также буду возводить прекрасные здания. Искусства

не есть легкомыслие, и богам об этом отлично известно. Искусства важны, чтобы общество было здоровым и процветающим. В “Натьяшастре” сам Индра говорит, что театр — сакральное пространство.

— Ваше Величество, — начал Халея Коте с официального обращения к своему прошлому собутыльнику, — дадите ли вы мне время, чтобы я мог все объяснить и нижайше попросить о помиловании?

— Не надо тебе ни о чем просить, — отвечал Букка. — Два из пяти не так уж и плохи.

Халея Коте испытывал сильные смешанные чувства, облегчение пополам с непониманием — он почесал затылок, потряс головой, слегка пожал плечами, так что со стороны казалось, будто его одолевают блохи, что, однако, могло быть и правдой. Наконец он спросил:

— Почему вы вызвали меня в суд, Ваше Величество?

— Раньше этим утром, — рассказал ему Букка, — я оказал гостеприимство нашему великому и мудрому святому, Видьясагару, Океану Учености, и сообщил ему, что его главный, но пока не дописанный труд, исследование Шестнадцати Философских Систем, по имеющимся у меня све-

дениям, является особо выдающейся и блестящей работой, и что будет трагедией, если он останется незавершенным из-за того, что мудрец будет отвлекаться на работу при дворе. Я позволил себе упомянуть и о том, что астрология — не то, к чему я питаю слабость, так что в ежеутренних ознакомлениях с гороскопом, на которых настаивал мой брат, больше нет необходимости. Должен сказать, что в целом он воспринял это очень хорошо. Этот человек — средоточие неизмеримой благодати, и когда он испустил единственное бессловесное восклицание “Ха!”, столь громкое, что испугались лошади в конюшнях, я понял, что это — часть его высшей духовной практики, контролируемый выдох, которым он изгнал из тела все, что стало более ненужным. Отпущение. После этого он ушел, и я предполагаю, отправился в свою первую пещеру, которую так давно оставил, рядом с территорией комплекса Манданы, чтобы начать девяностооднодневный цикл медитации и духовного обновления.

Я знаю, что мы все будем благодарны ему за плоды его дисциплинированного служения и за то, что дух его переродится в еще более щедром воплощении. Он — величайший из нас.

— Ты уволил его, — решился подвести итог

Халея Коте.

— Это правда, и у меня при дворе есть вакансия, — заявил Букка. — Я не могу заменить Видьясагара каким-то одним советником, ведь это человек, который превосходит любого из живущих. А потому я предлагаю тебе две пятых его обязанностей, а именно быть советником по политическим вопросам. Я найду кого-то еще, кто будет отвечать за другие две пятых, то есть социальную жизнь и искусство — ты слишком невежественен и фанатичен, чтобы иметь дело с этими вещами. Что касается войны и того, когда она оказывается необходима, эти вопросы я буду решать лично.

— Впредь я постараюсь быть менее невежественным и фанатичным, — отвечал Халея Коте.

— Хорошо, — отозвался Букка Райя I, — посмотрим, как у тебя получится.

В великой вновь обретенной книге Пампы Кампаны, “*Джаяпараджая*”, которая с одинаковой точностью и скепсисом рассматривает и Победу, и Поражение, имя советника, выбранного Буккой для помощи в социальных делах и области искусства, звучит как “Гангадеви”; об этой женщине говорится, что она поэт и “супруга сына Букки Кумара Кампаны”, а также автор эпической по-

эмы “*Мадураи Виджаям*”, “Падение Мадураи”. Скромный автор данного (при том в полной мере производного) текста берет на себя риск предположить, что то, что мы здесь видим, представляет собой некоторую уловку со стороны бессмертной Пампы — почти бессмертной при физической жизни и навеки бессмертной в своих словах. Нам уже известно, что “Гангадеви” — имя, используя которое Видьясагар обращался к бессловесному ребенку, появившемуся у него после огненной трагедии, “Кампана” же, бесспорно, имя, которое навсегда ассоциируется с самой Пампой. Что касается “супруги сына Букки” — что ж! Такое было бы просто невозможно, ни морально, ни физически, ведь Пампе Кампане еще предстояло вскорости стать матерью трех сыновей Букки — да! На этот раз все до единого мальчики! — а потому эти сыновья еще не были рождены во время похода на Мадураи; да даже если они и были бы рождены, выйти за кого-то из них замуж было бы невозможно и оскорбительно для любой женщины. А потому мы должны прийти к заключению, что “Кумара Кампаны” никогда не существовало и что “Гангадеви” и Пампа Кампана — одно и то же лицо, то есть что сама Пампа и есть автор “*Мадураи Виджаям*” и что ее вели-

кая скромность и нежелание искать признания для себя самой стали причиной создания этой эфемерной завесы вымысла, сорвать которую не представляет никакого труда. Тем не менее мы можем прийти к дальнейшим выводам о том, что эфемерность этой завесы указывает на то, что на самом деле Пампа Кампана хотела, чтобы ее будущие читатели не оставили от нее и клочка; это свидетельствует о том, что она хотела создать впечатление скромницы, втайне желая похвалы, которую она якобы отдает другой. Мы не можем знать правду. Мы можем лишь предполагать.

Итак, резюмируем: Пампа Кампана совершила невозможное, оставаясь царицей Биснаги на протяжении последовательного правления двух царей, она была супругой правителей, приходившихся друг другу братьями; Букка к тому же отдал ей на откуп обязанности по надзору за развитием в империи архитектуры, поэзии, живописи, музыки, а также за вопросами секса.

Поэтические произведения, написанные в период правления Букки Райи I, могут сравниться лишь со стихами, созданными на сотню лет позже, в дни славного Кришнадеварайи. (Мы знаем это, поскольку Пампа Кампана включила множество образцов поэзии обоих периодов в свою

захороненную книгу, и эти надолго забытые поэты только сейчас начинают обретать признание, которого заслуживают.) Из картин, созданных в придворных мастерских, не сохранилось ни одной, поскольку во время апокалипсиса Биснаги разрушители империи уделяли особое внимание уничтожению произведений изобразительного искусства. Похожим образом, о существовании огромного числа эротических скульптур и резных фризов мы тоже знаем с ее слов.

Несмотря ни на что, Букка хотел оставаться в хороших отношениях с философом-священнослужителем Видьясагаром, поскольку тот продолжал оказывать огромное влияние на умы и сердца многих жителей Биснаги. Чтобы сохранить репутацию Видьясагара после увольнения из дворца, Букка согласился позволить святому самостоятельно собирать налоги на содержание разрастающегося храмового комплекса в Мандане и взамен получил заверения, что *матт* не будет вмешиваться в светские дела.

Что же Пампа Кампана? Она нанесла Видьясагару визит в пещеру, куда он удалился, в пещеру, где некогда проявилась и неоднократно обрушилась на ее тело его слабость. Она пришла туда без свиты, без охранников и служанок, словно

нищенка, завернутая лишь в две полоски ткани, тем самым, очевидно, снова сделав себя юной отшельницей, которая много лет спала на полу этой пещеры и безмолвно принимала то, что он делал. Она приняла от него предложенную чашу с водой и после нескольких ритуальных комплиментов поведала свой план.

Центральной частью программы, которую она подготовила в качестве министра культуры, заявила она великому человеку, станет предложение возвести внутри городских стен великолепный новый храм и посвятить его божеству, которое выберет Видьясагар; верховный жрец также должен будет назначить туда священнослужителей и *девадаси*, храмовых танцовщиц. Со своей стороны, сообщила она Видьясагару с невозмутимой серьезностью, ни малейшим намеком не выдав, что знает, как напугают его ее слова, она будет лично отбирать наиболее искусных во всей Биснаге каменщиков и резчиков по камню, чтобы они возвели величественное здание и покрыли возносящиеся ввысь стены храма, изнутри и снаружи, а также его монументальную башню-*гопурам* резьбой — эротическими барельефами, с портретной точностью изображающими прекрасных *девадаси*

и некоторых их партнеров-мужчин во многих позах сексуального экстаза, включая — но не ограничиваясь — те, что известны в традиции тантры, либо в древние времена рекомендованы “Камасутрой” или философом Ватсьяяной из Паталипутры, по отношению к которому, добавила она, Видьясагар наверняка испытывает восхищение. Эти рельефы, предложила она отшельнику, должны включать в себя изображения как типа *майтхуна*, так и типа *митхуна*.

— Как учит нас “Брихадараньяка Упанишада”, — заявила она, отлично зная, что упоминать в присутствии почтенного Видьясагара не один, а два священных текста, по меньшей мере, большая дерзость, — эротические изображения типа *майтхуна* символизируют *мокшу*, трансцендентное состояние, которое, когда его достигают живые существа, освобождает их от цикла перерождений. “Как муж в объятиях любимой жены не сознает ничего ни *вне*, ни *внутри*, — продекламировала она Упанишаду, — так и этот пуруша в объятиях познающего Атмана не сознает ничего ни *вне*, ни *внутри*. Поистине, это его образ, в котором он достиг исполнения желаний, имеет желанием лишь Атмана, лишен желаний, свобо-

ден от печали”.[1]

— Что касается скульптурных изображений *митхуна*, — продолжала она, — они представляют собой воссоединение с Сущим. В самом начале Упанишада говорит нам, что Сущее, *Пуруша*, захотел второго и разделил себя на двоих. Так появились мужчина и жена, и значит, когда они вновь соединяются, Сущее вновь становится цельным и полным. А еще, как известно, из союза двух начал возникла вся Вселенная.

Видьясагар в свои хорошо за пятьдесят, с седой бородой, такой длинной, что он мог обернуть ее вокруг тела, уже не был тощим двадцатипятилетним юношей с дикими кудрями, что растлил маленькую Пампу в своей пещере. Жизнь во дворце раздула его талию и обнажила кожу на голове. Да и другие прежние качества оставили его — скромность, к примеру, и способность принимать чужие идеи и мнения. Он выслушал Пампу Кампану, а затем ответил самым надменным и покровительственным тоном:

— Боюсь, маленькая Гангадеви, что ты наслушалась людей с севера. Твоя попытка оправдать непристойность, апеллируя к древней мудрости,

---

[1] Примечания: 1
Брихадараньяка Упанишада (3:21), перевод А. Сыркина.

пусть и притянута за уши, остроумна, но, мягко говоря, ошибочна. Здесь, на юге, нам отлично известно, что эти порнографические скульптуры в далеких местах вроде Конарака — едва ли что-то иное, чем потуги запечатлеть жизнь *девадаси*, которые — там, на севере — немногим лучше проституток и готовы принять множество непристойных поз в обмен на горстку монет. Я не допущу подобных изображений в нашей девственно чистой Биснаге.

Голос Пампы Кампаны сделался ледяным.

— Во-первых, великий учитель, — проговорила она, — я больше не ваша маленькая Гангадеви. Мне удалось сбежать из той проклятой жизни, и теперь я любимая всей Биснагой Дважды-Царица. Во-вторых, хотя все это время мои уста оставались безмолвны о том, как ты вел себя в этой пещере все те годы, я готова сорвать с них печать в любой момент, если ты встанешь у меня на пути. В-третьих, речь идет не о севере или юге, а о желании воспевать хвалу тому, как в людях проявляется священное, в форме как моногамных, так и полигамных союзов. А в-четвертых, прямо сейчас я решила, что нет никакой необходимости строить новый храм. Я размещу эти рельефы на уже имеющихся, на Новом Храме и

на Обезьяньем Храме, так, чтобы ты мог видеть их каждый день до конца своей жизни и размышлять о том, какова разница между занятиями любовью, которые несут радость и происходят по взаимному желанию, и жестким принуждением, чтобы тот, кто слабее и беззащитен, делал это с тобою. Есть у меня еще одна идея, знать о которой тебе необязательно.

— Твоя власть сделалась больше, чем моя, — отвечал Видьясагар, — по крайней мере сейчас. Я не могу остановить тебя. Делай, что хочешь. Из твоей невозможной непрерывной юности я могу видеть, что долголетие, дарованное тебе богиней, существует на самом деле, и это впечатляет. Прошу тебя, знай, что я буду просить у богов даровать мне столь же долгую жизнь, чтобы я мог противостоять твоим нездоровым идеям, пока мы оба будем живы.

Вот так Пампа Кампана и Видьясагар сделались, говоря одним словом, врагами.

А вот какой была “еще одна идея” Пампы Кампаны: вывести эротическое искусство за пределы религиозного контекста, исключительно в рамках которого оно рассматривалось до этого времени, и отказаться от необходимости оправдывать его обращением к древним текстам,

будь то тантрическая традиция, “Камасутра” или Упанишады, индуизм, буддизм или джайнизм, отделить его от высоких философских и мистических концептов и превратить в ежедневное торжество жизни. Букка, царь, веривший в принцип удовольствий, полностью ее поддержал, и в следующие месяцы и годы скульптурные изображения *девадаси* и их партнеров-мужчин начали появляться на стенах жилых кварталов, за стойками бара в “Кешью” и других подобных заведениях, снаружи и внутри торговых павильонов на базаре, короче говоря, повсюду.

Она отыскала и обучила новое поколение женщин-резчиц по дереву и женщин-каменщиц, поскольку большинство жилых построек в Биснаге, включая значительную часть царского дворца, были построены из дерева, а еще потому, что женщины имеют более сложные и интересные представления об эротике, чем мужчины. За те годы, пока рождались ее сыновья и они с Буккой наслаждались друг другом — она никогда так не наслаждалась временем, проведенным с Хуккой, — она намеревалась превратить Биснагу из придуманного Видьясагаром пуританского мира, в правильности которого он убедил и Хукку, в место, полное смеха, счастья, а также

частых и разнообразных сексуальных утех. Этот план стал своего рода продолжением ее личного недавно обретенного счастья — оно позволило ей отправить Доминго Нуниша в царство памяти, а не боли, — которое она предоставляла всем жителям в качестве подарка. Вероятно также, что этот план был не так уж невинен, а являлся своеобразной местью и был осуществлен исключительно потому, что не нравился великому подвижнику — тому подвижнику, что некогда был монахом, который вел себя в пещере в Мандане совсем не столь по-монашески, как заставил всех верить.

Не кто иной как Халея Коте явился к Букке, чтобы предостеречь, что этот план может стать самострельным.

— Особенность идеи создать жизнь, полную удовольствий, — внушал старый солдат царю во время прогулки по приватным зеленым тоннелям дворцового сада, — состоит в том, что она не работает сверху вниз. Люди не хотят получать удовольствие из-за того, что так им велела царица, и не хотят делать это тогда, где и как предпочитает она.

— Но она же не говорит им напрямую, что делать, — не соглашался Букка, — она просто создает стимулирующую атмосферу.

Она хочет быть для них вдохновением.

— Есть пожилые женщины, — указал ему Халея, — которые не хотят, чтобы стены над их кроватью были увешены деревянными тройничками. Есть жены, которым сложно из-за того, что их мужья слишком долго и внимательно разглядывают эти новые скульптуры, есть мужья, которые гадают, возбуждают ли их жен деревянные мужчины или, наоборот, деревянные женщины на этих рельефах и фризах. Есть родители, которым сложно объяснять детям, что именно происходит на этих рельефах. Есть печальные недотепы и одинокие сердца, которым становится еще печальнее и еще более одиноко от изображений того, как получают удовольствие другие люди. Даже Чандрашекхар (так звали бармена в “Кешью”) говорит, что лично он чувствует собственную несостоятельность, каждый день глядя на это совершенство красоты и техничности, ведь какой нормальный парень способен достичь таких гимнастических высот. Так что сам видишь. Тут все сложно.

— Чандра так говорит?

— Да.

— Как неблагодарны люди, — размышлял Букка. — Они находят сложности в том, что им

просто предлагают красоту, искусство и радость для всех.

— То, что для одного — произведение искусства, для другого — грязный рисунок, — продолжал Халея Коте. — В Биснаге все еще много последователей Видьясагара, а тебе известно, что он говорит о резьбе, которая сейчас расползается по храмам и заполоняет городские улицы.

— "Расползается!" "Заполоняет!" Мы что, о тараканах говорим?

— Да, — настаивал Халея Коте, — именно эти слова он использует. Он призывает людей положить конец этому нашествию и истребить грязных тараканов, трахающихся в дереве и камне. Несколько новых скульптур уже были повреждены.

— Ясно, — согласился Букка, — и что? Что ты предлагаешь?

— Это не моя вотчина, — отвечал Халея Коте, опасаясь возможного противостояния с Пампой Кампаной, — тебе нужно обсудить это с ее царским величеством. Однако… — Тут он замолчал на полуслове.

— Однако? — настаивал Букка.

— Однако может статься, что для империи будет хорошо, если проводимая ею политика будет

не разобщать нас, а объединять.

— Я подумаю над этим, — пообещал царь.

— Я понимаю, — заявил он в ту же ночь Пампе Кампане в царской спальне, — что для тебя акт физической любви есть выражение духовного совершенства. Но, по всей видимости, не все смотрят на это так же.

— Какой позор, — отвечала она, — ты что, принимаешь сторону этого старого лысого жирного проходимца и идешь против меня? Это он отравляет мозги людям, не я.

— Возможно просто, что твои идеи, — ласково увещевал ее царь, — слишком прогрессивны для четырнадцатого столетия. Ты просто немного опережаешь время.

— Могущественная империя вроде нашей, — не согласилась Пампа, — как раз и есть то образование, что должно вести своих людей в будущее. Пусть повсюду вокруг будет четырнадцатое столетие. Но здесь будет пятнадцатое.

8

У Пампы Кампаны и Доминго Нуниша было три дочери, которые официально считались дочерьми Хукки Райи I: Йотшна, “лунный свет”, — это имя Пампа выбрала, чтобы закрепить претензию братьев Сангама на происхождение от Бога Луны; Зерелда, “храбрая женщина-воительница”, и Юктасри, “прекрасный капризный ребенок”. К середине правления Букки, когда они превратились во взрослых женщин хорошо за двадцать, стало ясно, что провидческий дар Пампы позволил ей точно предвидеть натуру каждой. Йотшна была спокойным ребенком и выросла меланхоличной красавицей, блистательной, как полная луна над рекой, манящей и романтичной, как встающий на востоке молодой месяц. Она родилась с заиканием, однако еще до того, как кто-то успел это заметить, Пампа Кампана нашептала ей в ухо лекарство, чтобы ни одному гнусному сплетнику даже в голову не пришло сказать “так же, как и у Доминго Нуниша”. Средняя дочь Зерелда обладала мальчишескими ухватками и порой была, вероятно, слишком жестока в своих играх с дочерьми придворных, которые не отваживались

бить ее в ответ из-за ее высокого положения, а потому были вынуждены безропотно сносить побои; теперь же, став взрослой, она шокировала двор тем, что коротко стригла волосы и носила мужскую одежду. Юктасри, младшая, была самой умной девочкой в придворной школе, и ее учителя говорили Пампе Кампане, что не будь она царевной, ее ждало бы большое будущее в математике или философии, однако, вероятно, следует обуздать ее привычку разыгрывать шутки как над одноклассниками, так и над учителями. В шестнадцать лет она по-прежнему была самой большой интеллектуалкой в семье, а также разделяла с сестрами общую удивительную черту — ни одна из них троих не проявляла ни малейшего интереса к поиску мужа.

Пампа Кампана не пыталась принуждать их к замужеству. Она всегда предоставляла своим девочкам свободу и позволяла им расти самими собой. И теперь, когда они превратились в женщин и не были больше детьми, она поделилась с Буккой своей последней, самой смелой идеей. Когда богиня говорила ее устами, она призвала Пампу отстаивать мир, в котором *к женщинам станут относиться по-другому*, и это было самым мощным новым началом. Женщины,

заявила Пампа, должны обладать такими же правами престолонаследия, что и мужчины, и, если он с этим согласен, а царский совет примет и одобрит соответствующую прокламацию, нужно будет решить, чья кровная линия, Хукки или Букки, будет определять будущее династии. Если Пампа Кампана и знала, что это предложение приведет к расколу в семье, настроит ее мальчиков против ее девочек, то никоим образом этого не показала, а сказала лишь, что ратует за равенство и надеется, что все, кого она любит, чувствуют то же.

— В империи Биснага, — заявила она в своем обращении к суду, — к женщинам не относятся, как к людям второго сорта. Многие наши дамы получили отличное образование и обладают высокой культурой. Взять хотя бы нашего прославленного поэта-женщину Таллапалку Т. Взять хотя бы выдающегося поэта Рамабхадрамбу. Кроме того, женщины активно участвуют во всех государственных делах. Взять хотя бы нашего дорогого друга, благородную даму Аккадеви, которая не только управляет провинцией на наших южных рубежах, но и не единожды поднимала на штурм войска во время осады вражеской крепости.

— Вы видите здесь грозных женщин из числа

дворцовой стражи. И вам наверняка известно, что у нас есть женщины-медики, женщины-счетоводы, женщины-судьи, а также женщины-приставы. Мы верим в наших женщин. В городе Биснага работает двадцать четыре школы для мальчиков и тринадцать — для девочек, число неравнозначное, по крайней мере пока, но нигде за пределами нашей империи вы не найдете лучше. Так почему же тогда мы не можем позволить женщине управлять нами? Отрицать такую возможность — ставить себя в невыгодную позицию. Этот вопрос должен быть пересмотрен.

На момент воззвания к равенству трем сыновьям Пампы Кампаны и Букки Райи I было восемь, семь и шесть лет. Их звали — Букка настоял, что лично выберет для них имена — Ерапалли, Бхагават и Гундаппа. Согласно астрологическим выкладкам Видьясагара, ребенок с именем *Гундаппа* должен быть щедрым и великодушным, *Бхагават* — преданным слугой Господа, а *Ерапалли* — идеалистом-мечтателем с чрезвычайно развитым воображением. Беседуя с Пампой Кампаной один на один, Букка признал, что то, какими характерами мальчики обладают на самом деле, во многом сводит на нет ценность предсказаний астролога, ведь у Ерапалли не

было ровным счетом никакого воображения, и он обладал наибольшей среди всех мальчиков склонностью к учению, Гундаппа не проявлял ни малейшего интереса к высоким материям и, если говорить честно, был довольно подлым ребенком, а затем и взрослым. Бхагават же, тут все верно, был крайне религиозным ребенком, склонным, с грустью был вынужден признать Букка, к фанатизму; это означало, что сбылось одно астрологическое предсказание из трех — счет не слишком удачный, даже в процентном сравнении с Халея Коте, у которого два из пяти.

Материнство никогда не давалось Пампе Кампане легко. Она старалась не винить в этом свою мать Радху, однако комок гнева в ее груди поднимался всякий раз, когда перед ее глазами вставала картина самосожжения матери. Радха не настолько пеклась о дочери, чтобы остаться в живых. Проблема Пампы была противоположной. Ей предстояло пережить всех. Какой бы матерью она ни была, ей все равно придется наблюдать, как умирают ее дети.

Пампа Кампана делала все возможное для своих сыновей, в которых, если говорить начистоту, была серьезно разочарована. Она привила им хорошие манеры и привычку очаровательно

улыбаться. Но эти внешние проявления лишь маскировали их истинную натуру, которая была, прямо скажем, своенравной. И когда стало известно, что царь и его совет намерены всерьез рассмотреть предложение царицы, натура всех троих — высокомерная, спесивая, возможно, даже склонная к агрессии — дала о себе знать.

Трое братьев — всего лишь восьми, семи и шести лет от роду! — ворвались в зал совета, чтобы заявить о собственных чувствах; вслед за ними вбежали воспитатели и гувернантки, они хлопали в ладоши, надеясь успокоить этим детей.

— Если женщина наденет корону, — кричал Бхагават, — боги посчитают нас своими дурными детьми и покарают!

Ерапалли продолжил, тряся головой:

— Раз я мужчина, мне что теперь, сидеть дома и готовить? А еще наряжаться в женские платья, выучиться шить и рожать детей? Это… глупость.

И наконец, маленький Гундаппа привел, как ему казалось, свой убедительный, решающий аргумент:

— Я такого не потерплю, — заявил он и топнул ногой, — нет, нет и нет. Мы — царевичи. Царевны — это просто *девчонки*.

Пампа Кампана восседала на помосте бок о бок

со своим мужем. То, как вели себя ее сыновья, привело ее в ужас, и в этот момент она сделала скандальный выбор, переиначивший историю Биснаги и самым драматическим образом изменивший и ее собственную жизнь.

— Я не признаю своей крови и плоти в этих маленьких варварах, — заявила она, — и потому — с тяжелым сердцем — прошу царя и совет лишить их царских титулов. Все трое должны быть высланы из города Биснага и помещены в дальнюю часть империи под вооруженной охраной. Они могут взять с собой своих гувернанток и наставников. Это очевидная вещь. Со временем хорошее образование поможет исправить их дурной характер.

Букка был потрясен.

— Но они всего лишь маленькие дети, — с горячностью возразил он, — как может их собственная мать говорить о них такое?

— Это чудовища, — заявила Пампа Кампана, — это не мои дети. Твоими детьми они не должны быть тоже.

Начался полнейший ад. Первый круг ада разверзся непосредственно в зале совета, где Букка Райя I сгорал на огне смертоносного выбора — поддержать жену и объявить собственных

детей вне закона, либо защитить маленьких царевичей и лишиться Пампы Кампаны, по всей вероятности, навсегда, — а все находившиеся рядом члены совета смотрели на него, решая, в каком направлении метнуться после того, как он совершит свой скорбный прыжок. Если он отправит мальчиков в изгнание, это пошатнет империю и даже может привести к гражданской войне, а если откажется выполнить требование Пампы Кампаны, кто знает, какие оккультные разрушения прольет она на Биснагу? Разве, будучи создательницей империи, она не может стать и ее разрушительницей?

— Нам нужно время, — заявил он, — это необходимо тщательно обдумать. До той поры, пока мы не примем решения, царевичи должны оставаться здесь под охраной дворцовых стражей.

Отказ принимать решение был наихудшим из решений. На следующий день, когда все узнали эту новость, на улицах города начались стычки и последовали множественные жестокие нападения на женщин со стороны тех, кто не разделял взгляды царицы, — все эти преступления ввергли Биснагу во второй круг ада. На третий день банды мародеров, стремившихся нажиться на общественных беспорядках, грабили лавки на

базаре, а на четвертый имела место даже дерзкая попытка ограбить городскую сокровищницу, где хранились значительные запасы золота. На пятый день город был исполнен гнева, одни шли против других, а на шестой одни обличали других в еретическом образе мыслей; на седьмой день насилие вышло из-под контроля. Всю эту неделю Букка Райя I провел в одиночестве в своих личных покоях — почти не двигаясь, практически без еды и сна, он размышлял, не замечая никого вокруг, даже царицы. В конце концов Пампа Кампана ворвалась в его покои и ударила царя по лицу, чтобы он вышел из задумчивости.

— Если ты не предпримешь сейчас никаких действий, — сказала она ему, — все пойдет прахом.

Приведем в этот ответственный момент повествования цитату из слов Пампы Кампаны (ведь мои собственные могут звучать недостоверно, когда нужно описать разлад подобного масштаба): “Выйдя из своего странного оцепенения, Букка Райя был столь же решителен, сколь нерешителен был прежде”. Он очень быстро принял сторону Пампы и согласился с ее требованиями, получил одобрение царского совета и отправил троих маленьких мальчиков в изгна-

ние, а также послал женщин-воинов из числа дворцовой стражи и значительное число солдат из военного городка восстанавливать порядок на улицах города.

(Крайне примечательно, что Пампа Кампана, когда описывает в своей книге эти судьбоносные и болезненные события, пишет о них без тени эмоций, без малейшего намека на то, что она на самом деле чувствовала, а ведь она, должно быть, испытывала боль и внутренние противоречия, столь внезапно и бесповоротно отвергнув собственных сыновей; Букка также разрывался на части между любовью к своей жене и отцовскими чувствами к своим детям; не пишет она и о том, что предпочесть сыновьям жену было — и это еще мягко сказано — нетипичным и неожиданным решением для человека, занимающего его положение и жившего в его время. Она же просто фиксирует факты. Заносчивые маленькие мальчики отправились в изгнание, а царевны стали править при дворе. Здесь мы начинаем отмечать, Пампа Кампана была поразительно — даже пугающе — безжалостна.)

Городу не понадобилось много времени, чтобы успокоиться. Биснага не была примитивной ци-

вилизацией. Своим первым творящим шепотом Пампа Кампана привила ее новорожденным жителям стойкую веру в торжество закона и научила их ценить свободы, которые они могут вкушать, когда закон защищает их, как зонт во время дождя. Именно зонты стали в городе наиболее важным модным аксессуаром, признаком статуса и символом патриотической приверженности справедливости и порядку. Ежедневно на улицах города можно было наблюдать парад зонтиков всех цветов радуги со свисающими со спиц золотыми листочками, некоторые из них украшали восточные огурцы или абстрактные зигзаги, другие — изображения тигров или летающих птиц. Зонты богатеев были из шелка с драгоценными камнями, даже бедняки носили над головой простенькие зонтики, и разнообразие их внешнего вида говорило о богатстве культур, вероисповеданий и национальностей, представителей которых можно было встретить на здешних улицах — там были не только индуисты, мусульмане или джайны, но и португальцы, арабы — торговцы лошадьми, римляне, привозившие на продажу огромные сосуды вина и закупавшие специи, попадались даже китайцы. Букка Райя I отправил своего посла ко двору Чжу

Юаньчжана, известного также как император Хунъу, в первую столицу империи Мин Нанкин, а через несколько лет, когда вследствие семейного переворота столица государства была перенесена в Пекин, что в переводе означает “Северная столица”, великий полководец (и евнух) нового императора Чжэн Хэ, испытывавший страсть к путешествиям, посетил Биснагу с ответным визитом. У него тоже имелся зонт, и внешний вид этого золотого китайского зонтика вдохновил создание множества копий. Зонты являлись проявлением космополитической сущности города, именно благодаря своей открытости его жители после нескольких дней беспорядков приняли указ Букки — так Биснага стала первым и единственным во всей стране местом, где люди приняли идею о том, что женщина может самостоятельно восседать на троне.

Беды, однако, не закончились. Букка послал в город своих шпионов, чтобы узнать, что бурлит под внешне спокойной поверхностью. Новости, которые они принесли, были тревожными. Реальность, порожденная беспорядками — раскол, преступность, клокочущая ярость и порождаемая этой яростью угроза возобновления насилия, — не была иллюзорной. Люди оказались разобщены

в большей степени, чем предполагалось, а поддержка отправленных в изгнание маленьких царевичей была сильнее, чем ожидалось. Решение в пользу равенства в будущем, возможно, начнут рассматривать как ведущее к смуте и принятое далекими от народа элитами. Букка сообщил Пампе Кампане, о чем рассказывают его шпионы, однако это не слишком ее впечатлило.

— Подозреваю, что большинство любителей мутить воду принадлежит к Сотворенному Поколению, не Перворожденному, — ответила она. — Я всегда переживала из-за того, что Нашептывание — не идеальный способ и что некоторые — по крайней мере из числа Сотворенных — будут впоследствии страдать от самых непредсказуемых форм экзистенциальных затруднений, психологических проблем, порожденных их неуверенностью в том, каковы их природа и предназначение, и что подобные проблемы приведут их к предвзятому отношению к другим — тем, к кому, как им ошибочно кажется, относятся лучше, чем к ним. Достань мне список всех сомневающихся, — распорядилась она Букке, — я пошепчу им еще.

Во второй половине правления Букки Пампа Кампана сосредоточилась на задаче перевос-

питания посредством шепота. Как мы увидим, осуществить ее ей не удалось. Так Пампа получила урок, усвоить который должен каждый творец, включая самого Бога. Как только ты закончил создавать своих героев, ты оказываешься связан их выбором. Ты более не властен переделывать их по своему желанию. Они — те, кто они есть, и они будут делать то, что будут делать.

Это то, что называется “свободной волей”. Она не могла изменить их, если они сами не хотели меняться.

Букка Райя I в течение двух десятилетий играл вторую скрипку при своем брате, однако, став царем, начал вести себя как прирожденный монарх. Если мы вновь обратимся к книге Пампы Кампаны, то узнаем, что в последующие годы его будут считать самым лучшим и самым успешным царем династии Сангама, первого из трех правящих домов Биснаги. Никто не помнит теперь о династии Шамбхуварайя, правившей в княжестве Аркот, да и могущество династии Редди из Кондавиду давно сошло на нет. А это были значительные территории, которые в течение нескольких поколений правителей находились под пятой у Букки. Ему принадлежал Гоа и даже часть Одиши или Ории. Его вассалами были

заморины Каликута, а правители государства Джафна на Сарандибе, он же Цейлон, платили ему дань. Как раз в Джафну Букка и отправил в изгнание бывших принцев Ерапалли, Бхагавата и Гундаппу Сангама доживать свои дни под домашним арестом, под чутким присмотром солдат правителя Джафны, желавшего услужить императору Биснаги.

Это стало для Букки не только самым болезненным решением, но и самым большим просчетом. Ни одному правителю не понравится платить дань более могущественному монарху или признавать кого-то своим сюзереном. И потому, когда мальчики из Биснаги повзрослели, правитель Джафны начал тайно помогать им и наладил систему сношений — сначала на лодке через пролив, отделяющий Цейлон от материка, а затем на лошадях — с троицей их дядьев, Чуккой, Пуккой и Девом, которые тоже почти не скрывали своих имперских амбиций. Ночные всадники, все в черном, регулярно носились галопом в Неллор, Мулбагал и Чандрагутти и обратно, благодаря чему шестеро Сангама, трое обозленных племянников-подростков и их трое дядьев — бывших бандитов, исполненные горячих, смертоносных амбиций, могли выстраивать свои планы.

Неспособность разведки Букки развенчать назревающий заговор можно объяснить наличием всего одного отвлекающего фактора, имя которому Зафарабад. Возвышение султаната Зафарабад, расположенного к северу от Биснаги на противоположном берегу реки Кришна, стало для империи реальной угрозой. Загадочную фигуру Зафара, его первого султана, можно было так редко увидеть на публике, что люди начали говорить о нем как о Призрачном Султане и опасаться, что в Зафарабаде восстала из мертвых Призрачная Армия, уничтожить которую, следовательно, невозможно. Ходили слухи, будто принадлежащий Призрачному Султану трехглазый призрачный конь Ашкар разгуливает по улицам Зафарабада, словно принц. Букке было ясно, что султан Зафар строит свое государство по модели, заимствованной у Биснаги. Точно так же, как братья Сангама претендовали на родство с богом Луны Сомой, Зафар и его родственники провозгласили, что ведут свое происхождение от легендарного персидского Воху Мана, воплощения Благого Помысла, и даже пошли дальше, провозгласив Биснагу средоточием Ака Мана, Дурного Помысла, то есть противницей добра. Это означало никак не меньше, чем объявление

войны, в пользу чего говорил и выбор названия государства — “Зафарабад” переводится как “Город Победы”, ровно так же, как и “Биснага”, однако в этом названии не содержится искажений. Назвав султанат одним именем с империей, его правитель явно продемонстрировал свои намерения. Призрачный Султан намеревался уничтожить Биснагу и занять ее место. Даже фигура магического трехглазого коня несла в себе вызов. Ведь если он существовал на самом деле, то был соперником небесного белого коня бога Луны, потомками которого, как всегда утверждали Хукка и Букка, не предоставляя при этом никаких доказательств, были их собственные священные боевые лошади.

Царя Букку очень любили, а потому, когда он предпочел выступить против Зафарабада, его решение стало популярным. Ликующие толпы наводнили улицы, по которым царь выезжал из ворот к ожидавшей его армии — миллион военных, сто тысяч слонов, двести тысяч арабских скакунов и дух абсолютной непобедимости, — одолеть такую армию не под силу даже призракам. Одна лишь Пампа Кампана была исполнена дурных предчувствий, и последние обращенные к ней слова Букки прозвучали как

предостережение или предзнаменование.

— Вот ты получила то, что хотела, — сказал он ей, — в мое отсутствие ты будешь царицей-регентом. Будешь править единолично.

После того как он отбыл во главе армии, Пампа Кампана осталась в одиночестве в своих личных покоях в *зенане*, женской половине дворца, и послала за Начаной, придворным поэтом.

— Спой мне счастливую песню, — попросила она, и это была для него простая просьба, поскольку все произведения Начаны воспевали империю и ее правителей, их мудрость, их воинскую доблесть, их искушенность в делах культуры, их популярность, их красоту.

Однако, когда Начана открыл рот, из него полились исключительно скорбные стихи. Он закрыл рот, изумленно потряс головой и снова открыл его, чтобы попросить прощения за свою ошибку и попытаться начать снова. Еще более печальные строки зазвучали из его губ. Он вновь потряс головой и нахмурился. Все было так, словно некий злой дух получил власть над его языком. Это второй знак, поняла Пампа.

— Не берите в голову, — успокоила она смущенного поэта, — даже у гениев иногда бывают выходные. Наверное, завтра у вас получится

лучше.

Когда униженный поэт собрался уходить, вошли три дочери Пампы. Йотшна, Зерелда и Юктасри превратились в троицу взрослых красавиц, столь же великолепных, как и их мать. Начана поклонился им и, уходя, произвел контрольный выстрел:

— Ваше Величество, ваши дочери стали вашими сестрами.

Осуществив эту последнюю неудачную попытку польстить царице, он удалился.

Его фраза пронзила сердце Пампы Кампаны, как стрела. “Да, — подумала она, — это повторяется вновь”. Люди вокруг становились старше, в то время как она никак не менялась. Ее возлюбленному Букке было уже шестьдесят шесть, у него болели колени, и ему часто не хватало воздуха; на самом деле он был не в том состоянии, чтобы отправляться на войну. В то время как она, сделай она паузу и задумайся над этим, тоже приближалась к своему пятидесятому дню рождения, но выглядела при этом по-прежнему, как молодая девушка двадцати одного-двадцати двух лет. И да, девочки смотрелись как ее старшие сестры, а не как ее дети — возможно даже, что и как тетушки, ведь это были старые девы за тридцать. Она

ясно представляла себе будущее, когда им будет за шестьдесят и даже больше, а она по-прежнему останется, вероятнее всего, молодой женщиной лет двадцати семи. Возможно, она будет выглядеть почти тридцатилетней, когда они умрут от старости. Она боялась, что ей снова придется ожесточить свое сердце, как это было с Доминго Нунишем. Следует ли ей научиться не любить их, чтобы отпустить после смерти и продолжить жить дальше? Чего ей будет стоить хоронить своих детей, одного за другим? Будет она рыдать или не проронит ни слезинки? Освоит ли она духовную практику отрешения от мира, которая избавит ее от горя, или их уход уничтожит ее, и она будет жаждать смерти, которая упрямо будет отказываться приходить за ней? А быть может, им повезет, и они погибнут все разом в молодом возрасте, на поле битвы или от несчастного случая. Или, может, их всех перебьют прямо в их постелях.

Дочери не захотели оставлять ее одну с грозовой тучей на челе.

— Пойдем с нами, — громко позвала Зерелда, — мы идем на урок фехтования.

Пампа Кампана хотела, чтобы они обучились гончарному делу, как она и ее мать Радха, но

трое сестер не проявляли никакого интереса к гончарному кругу, работа на котором по-прежнему оставалась ее единственным увлечением. Она растила своих дочерей такими, чтобы они были лучше мужчин, были образованы лучше любого мужчины, лучше владели речью, лучше мужчин скакали на лошадях, искуснее спорили и сражались жестче и эффективнее любого мужчины-воина во всей армии. Когда Букка отправлял в Китай своего посла, Пампа Кампана попросила:

— Я слышала, в этой стране владеют выдающимися боевыми навыками. Молодежь обучают рукопашному бою, владению мечами и копьями, длинными ножами и короткими кинжалами, а еще, я думаю, трубками с отравленными дротиками. Привези мне самого лучшего инструктора по военному делу, какого сможешь найти.

Посол исполнил наказ, и теперь Великий мастер Ли Е-Хэ был назначен главным инструктором по владению уданским мечом в биснагском *квуне* — скажем так, школе, — Зеленой Судьбы, лучшими ученицами которой являлись все три царственные дамы.

— Да, — согласилась Пампа Пампана, отбрасывая печаль, — пойдем повоюем.

Квун представлял собой деревянное сооруже-

ние, возведенное рабочими (и работницами) из Биснаги в оригинальном китайском стиле в соответствии с указаниями Великого мастера Ли. В центре *квуна* был деревянный четырехугольный двор без крыши, где ежедневно расстилали ковры для занятий борьбой. Двор окружало трехэтажное здание, балконы которого выходили на площадку для борьбы и где располагались также учебные классы и комнаты для медитаций. Пампа Кампана считала это чуждое строение почти в самом сердце Биснаги очень красивым, она верила, что, когда один мир проникает в другой, это несет благо им обоим.

— Великий мастер Ли, — произнесла она с поклоном, зайдя с дочерьми в *квун*, — я привела к вам своих девочек. Вы должны знать, что все они говорят, что намерены найти вам в Биснаге жену.

Все четыре женщины старались каждый день делать подобные замечания, надеясь увидеть какую-то реакцию своего наставника — улыбку, возможно, даже румянец. Однако его лицо оставалось бесстрастным.

— Вам следует учиться у него, — наставляла Пампа Кампана дочерей, — такое великолепное самообладание, такое внушающее благоговей-

ный трепет спокойствие — это сила, которую все мы должны стремиться обрести.

Наблюдая за тем, как дочери упражняются на борцовском ринге в *квуне*, сражаясь парами, Пампа Кампана уже не в первый раз отметила, что у ее девочек развиваются сверхъестественные способности. В пылу схватки они взбегали вверх по стенам, как по полу, вопреки законам гравитации, перескакивали на огромные расстояния с балкона на балкон на верхних этажах здания школы, вращались с такой скоростью, что вокруг них возникали маленькие торнадо, поднимавшие их вертикально в воздух, где они демонстрировали технику исполнения воздушного сальто — кувыркались, скажем так, в воздухе, как по небесной лестнице, — с подобным, как утверждал Великий мастер Ли, он никогда не сталкивался прежде. Их навыки владения мечом были столь совершенны, что, как понимала Пампа Кампана, они смогут защититься от небольшой армии. Она надеялась, ей никогда не придется проверить это предположение на практике.

Она также занималась с Великим мастером Ли, но одна, предпочитая во время занятий дочерей быть просто гордой матерью, а науку постигать самостоятельно. На ее индивидуальных уроках с

Великим мастером Ли быстро стало ясно, что они с ним равны.

— Мне нечему учить вас, — признался Ли Е-Хэ.

— Но сражаясь с вами, я оттачиваю свои навыки, поэтому будет честно сказать, что вы меня учите.

Так Пампа Кампана выяснила, что богиня даровала ей даже больше, чем она прежде подозревала.

В одиночестве своего регентства, повсюду видя знаки, Пампа Кампана все сильнее ощущала дурные предчувствия. Имея привычку делиться всем с дочерьми, она рассказала им о своем беспокойстве.

— Возможно, настаивая на идее равенства, я перегнула палку, — сказала она, — и нам всем придется расплачиваться за мой идеализм.

— Чего ты боишься? — решила уточнить Йотшна. — Или правильнее спросить, кого?

— Это всего лишь чувства, — отвечала Пампа Кампана, — но меня беспокоят трое ваших полубратьев, и беспокоят трое ваших дядьев, и еще один человек, который беспокоит меня больше, чем все они шестеро вместе взятые.

— Кто это? — настойчиво поинтересовалась Юктасри.

— Видьясагар, — ответила Пампа Кампана. — Он опасный человек.

— Ни о чем не беспокойся, — успокоила мать Зерелда.

Из всех троих дочерей она была наиболее искусной воительницей и знала о своих возможностях.

— Мы защитим тебя от всего и от всех. И, — добавила она, подзывая своего учителя, — вы ведь тоже встанете на защиту царицы, правда, Великий мастер?

Великий мастер Ли подошел и поклонился.

— Готов отдать жизнь, — заверил он.

— Не надо давать подобных обещаний, — отреагировала царица.

“Нам кажется, что миров *много*, — любил говаривать мудрец Видьясагар, — тогда как на самом деле *множества* не существует, есть лишь *единство*”. Лишившись обязанностей главного министра и завершив одиночную медитацию в пещере, он на много лет уехал из Биснаги и добрался до самого Каши, чтобы помедитировать на берегах реки и углубить свои знания. Теперь он вернулся. Он вновь восседал на своем почетном месте под раскидистым баньяном в самом сердце Манданского храмового комплекса, обер-

нув свою длинную белую бороду вокруг талии на манер пояса; *девадаси* у него за спиной держали над его лысой головой скромный зонтик для защиты от солнца, в то время как он, приняв позу лотоса-*падмасану*, без движения, с закрытыми глазами ежедневно просиживал долгие часы. Вокруг вернувшегося святого собирались толпы надеющихся на то, что он заговорит, однако такое случалось нечасто. Чем дольше длилось его молчание, тем более внушительная толпа собиралась вокруг. Таким образом ему удалось увеличить армию своих учеников, никак не выказав заинтересованности в последователях, его влияние распространилось в городе и за его пределами без единой попытки с его стороны влиять на кого-то. Когда он говорил, то говорил загадками.

— Есть лишь ничто, — говорил он. — Ничего нет. Все есть иллюзия.

Один смелый ученик попытался добиться у него комментария, скажем так, политического толка:

— То есть дерева баньяна не существует? Или Манданы? Или Биснаги? Целой империи?

Видьясагар не отвечал в течение недели. Затем он снова заговорил:

— Есть лишь ничто. Есть только две вещи, которые суть одна.

Ответ был неясен, и ученик спросил снова:

— Что это за две вещи? И как две вещи могут быть одной?

На этот раз Видьясагар не отвечал месяц, за это время окружавшая его толпа разрослась до гигантских размеров. Когда же он заговорил, то говорил очень тихо, так, что его ответ приходилось повторять по многу раз, и слова расходились по толпе, как волны по поверхности моря.

— Есть *Брахман*, — сказал он, — который есть высшая и единственная реальность, он есть причина и следствие, он неизменен, но заключает в себе все возможные изменения. Еще есть *атман*, он присутствует во всем, что живо, он — единственное, что истинно во всем, что живо, и он на сотню и еще один процент тождественен *Брахману*. Идентичен. Одно и то же. Все прочее есть иллюзия — пространство, время, власть, любовь, место, дом, музыка, красота, молитва. Иллюзия. Есть только две вещи, которые суть одна.

Когда его шепот прошел через всю толпу, несколько изменяясь по мере продвижения от повторений, то звучал как призыв к оружию. Видьясагар говорит — так поняли люди, — что

есть Двое, тогда как должен быть Один. Лишь Один может сохраниться, остальных же следует… что?… поглотить? Или свергнуть?

Во время своего правления Букка Райя I настаивал на разделении церкви и государства, и Видьясагар не переступал эту черту.

— Если мы сделаем это, — говорил он своим ученикам, — огонь охватит эту черту и поглотит нас.

Всем была очевидна связь этой черты и магической защитной линии-*рекхи*, которую начертил Лакшмана, брат Рамы, чтобы защитить его жену Ситу, когда обоим братьям случилось отлучиться, линией, которая должна была вспыхнуть пламенем, если кто-то из демонов попытается ее пересечь. Так люди поняли и то, что, во-первых, Видьясагар, использовавший "Рамаяну" как метафору, остается на религиозных позициях, а во-вторых, что его речам свойственны духовная скромность и даже самоуничижение, ведь он сравнил себя и своих последователей с демонами-*ракшасами*, коими на самом деле — в реальности, которая была иллюзией — ни он, ни они не являлись. Однако на ином уровне его последователи поняли и то, что своим заявлением он создал *нас* — тех, кто не *они*, — *нас*, которые хотят пересечь

черту и втайне поддерживают проникновение религии во все уголки жизни, будь то политика или духовность, и *их*, кто противостоял этим *демоническим* идеям. Так постепенно в Биснаге образовалось два лагеря, видьяитов и буккаистов, и хотя напрямую эти лагеря так не назывались, а все люди — по крайней мере на поверхности — разделяли идею, что они есть Одно. Однако ниже этой поверхности иллюзия рассеивалась, и было ясно, что существуют Два, и этим Двум все труднее и труднее мириться друг с другом. Если видьяиты замечали, что события развиваются вразрез с идеей Видьясагара о недвойственности, вразрез с его проповедью о тождественности *Брахмана* и *атмана*, то не упоминали об этом, предпочитая, напротив, напирать на идею, что империя — своего рода иллюзия, и верить, что истина — которая есть религиозная вера, то есть их собственная истинная вера, которая исключает любые иные ложные верования в пустых богов, — скоро воспрянет и возьмет под свой контроль все, что Есть.

Тем временем в другой части Биснаги Движение ремонстрантов Халея Коте претерпело значительные изменения. В своих брошюрах и рисунках на стенах ремонстранты отказались

от противостояния содомии, войне и искусству, но напротив, пропагандировали свободную любовь, завоевания и творчество любого рода; в результате движение начало приобретать последователей, многие из которых считали, что лидерам движения больше незачем скрываться, а стоит открыто выступить в поддержку буккаистических ценностей, которые в Биснаге разделяют очень многие, — то есть фактически взять на себя роль лидеров буккаистов в их противостоянии с видьяитами. (При этом, повторим еще раз, раскольнические термины “буккаист” и “видьяит” никогда не использовались открыто.) Халея Коте слышал их голоса, но оставался безмолвным.

Для человека, всю жизнь прожившего в потемках, солнечный свет непереносимо ярок.

Конечно, Букка рассказал Пампе Кампане о тайной жизни Халея Коте. И она согласилась с его решением оставить ремонстрантов в подполье.

— Попроси своих друзей разработать планы эвакуации, — велела она ему, — если в будущем — боюсь, что в ближайшем будущем — дела пойдут плохо, подпольная сеть будет ровно тем, что всем нам понадобится.

Прибыли гонцы с фронта. Кампания против

Зафарабада шла не гладко. Халея Коте прибыл, чтобы сообщить царице-регенту новости. После первых столкновений Букке пришлось отступить к югу, за реку Бхиму и уступить султану ее северный берег. Кроме того, султан захватил Варангал, прежде являвшийся частью империи Биснага, и умертвил его правителя. Пампу Кампану удивило и встревожило, что Букка отправил своих посланцев ко двору султана в Дели, чтобы те просили правителя помочь Биснаге в борьбе против собственных же единоверцев; это был шаг отчаяния, и такое предложение, естественно, было отвергнуто. Позднее ситуация улучшилась. Букка вновь выступил в северном направлении и захватил Мудгал. Посланники описали жестокую расправу, которую Букка учинил над жителями Мудгала, и это напугало Пампу Кампану.

— Это не тот человек, которого я знала, — поделилась она с Халея Коте. — Если теперь он ведет себя подобным образом, под угрозой это предприятие, да и мы сами.

Она была права. Гонцы, прибывшие следом, описывали, как султан Зафарабада напал на войска Букки Райи I в Мудгале. Жестокость этого нападения повергла в шок многих воинов армии Биснаги, а слухи о Призрачном Султанате и том,

что в авангарде армии Зафарабада сражаются воины-призраки, быстро распространились среди военных всех сословий и породили ужас и панику. Когда армия напугана, она не может сражаться, даже если имеет численное преимущество. Букка бежал из собственного лагеря, так сообщали гонцы. Его войска в спешке отступали, и наступающий султан уничтожил девяносто тысяч оставшихся позади солдат. Затем последовало новое, еще более сокрушительное, поражение.

— Царь едет домой, но его преследует враг, — сообщили гонцы, — нам нужно подготовиться к нападению или, самое малое, осаде.

Букка и вправду вернулся с войны совсем другим человеком, чем ушел на нее. То, как человек справляется с победой, говорит о том, великодушен он или мстителен. Продолжит ли он вести себя скромно или взрастит в себе завышенное самомнение? Станет ли победозависимым, возжелает ли повторять свой триумф или удовольствуется тем, чего достиг? Поражение ставит перед человеком более серьезные вопросы. Насколько глубоки его внутренние ресурсы? Окажется ли он в момент поражения раздавлен случившимся или продемонстрирует невиданные прежде стойкость и смекалку — ка-

чества, о которых он прежде и сам не подозревал? Входивший в собственный дворец царь в окровавленных доспехах из кожи и металла выглядел человеком, точно мухами, облепленным знаками вопроса. Даже Пампа Кампана не знала, каков будет его ответ.

Он ничего не сказал ей, лишь тряхнул головой, и знаки вопроса дрогнули в такт. Он отправился в свои личные покои и велел никому не входить. Он не выходил оттуда неделю за неделей, и Пампе Кампане с помощью Халея Коте и трех дочерей пришлось организовывать оборону города во время осады. Видьясагар посетил ее на крепостном валу, где она трудилась от рассвета до заката и сообщил, что поражение Биснаги стало следствием отказа царя от "близости к богам, в особенности к Шиве". Если восстановить эту близость, то атака Зафарабада окончится поражением, и последует военный успех Биснаги.

— Многие жители Биснаги — большая часть наших людей, смею предположить, — согласны с этой оценкой, — сообщил он ей. — Бывают моменты, когда народ должен руководить действиями царя и наставлять его, и никак иначе.

— Благодарю, — ответила она. — Я позабочусь, чтобы этот мудрый совет дошел до царя.

Затем она вернулась к своей работе и больше не думала над мудрыми словами Видьясагара, потому что следила, чтобы на зубчатых стенах установили котлы с маслом, которое нужно будет нагреть и вылить на любого, кто попытается брать стены штурмом, и чтобы охранявшие стены солдаты были хорошо вооружены, а также хорошо отдыхали, поочередно отсыпаясь и сменяя друг друга в строгом соответствии с графиком. Армия Зафарабада была совсем близко. Через считаные дни — если они планируют атаковать — должна была начаться атака или, по меньшей мере, осада.

Пампа Кампана была близка к отчаянью, но одним пятничным утром, когда земля сотрясалась от марширующих по ней людей и животных и поднимаемое армией Зафарабада облако пыли можно было увидеть совсем недалеко, Букка взял себя в руки, вышел из своих личных покоев в полной боевой готовности и закричал:

— Давайте так встретим Призрачного Султана, что он опрометью побежит обратно в свой Призрачный Мир.

Хоть он не был крупным человеком, но пронесся по улицам, как разъяренный колосс, а после, возглавив войско, повел его в атаку на армию

султана с таким ужасающим криком, что даже Армии призраков — если это на самом деле были солдаты-призраки — не оставалось ничего, кроме как в полном беспорядке бежать как можно быстрее.

В конфликте с Зафарабадом Букка выступил агрессором, он видел, какую опасность влечет за собой укрепление северного соседа, и решил нанести упреждающий удар, который не увенчался успехом. Река Кришна оставалась границей между двумя мирами. Ни *гунтхи* земли не было захвачено или потеряно — ни *цента*, ни даже крошечного *анканама*. Обе стороны сохранили свою территорию, и было установлено шаткое перемирие.

Но после этой своей последней триумфальной атаки Букка почувствовал себя плохо. Ему становилось все хуже — медленно, но верно, — пока он не впал в глубокое забытье. Когда новость о его болезни распространилась за пределами дворцовых стен, люди начали размышлять о ее причинах. Укрепилось мнение, что царь был отравлен призрачной стрелой.

— Он борется с ядом, но яд побеждает, — утверждал таксидермист.

— Призраки убивают медленно, потому что

переход из нашего мира в их мир требует времени, — сокрушался продавец сладостей.

— Он стоит на берегу реки Сараю, как Господь Рама, — причитал рисовальщик знаков, — и скоро, как Господь Рама, войдет в ее воды и пропадет там.

Пампа Кампана дни и ночи проводила у постели Букки, накладывая ему на лоб холодные компрессы и капля за каплей смачивая его губы. Он спал и не просыпался. Она поняла, что он умирает, что он станет следующим, кто покинет ее, оставив жить и скорбеть. На третий день болезни Букки Халея Коте попросил, чтобы его пустили к царю и царице. Пампа Кампана сразу же поняла по выражению его лица, что за пределами царской спальни дела идут так же плохо, как и внутри.

— Мы были слепы, — заявил Халея Коте, — или просто смотрели на опасность на севере, но не увидели, что проблемы нарастают также на востоке, западе и юге.

Чукка, Пукка и Дев Сангама в сопровождении Горных Сестер Шакти, Ади и Гаури со своими войсками приближаются к Биснаге, выдвинувшись из укрепленных Неллора, Мудбагала и Чандрагутти, сообщил Халея Пампе Кампане.

— Очевидно, что они убедили этих грозных Сестер, своих жен, что их клятва защищать на троне Букку станет недействительной, когда тот умрет, и что после этого они должны быть преданы исключительно своим мужьям.

Кроме того, продолжал он, троим изгнанным царевичам, которые из заносчивых спесивых детей превратились в заносчивых спесивых молодых мужчин, еще более злобных, чем в детстве, позволили покинуть Джафну в сопровождении значительного числа цейлонских воинов, и они тоже следуют в Биснагу, чтобы заявить свои претензии на трон.

— Мне жаль говорить это вам, — закончил он, — но даже несмотря на то, что так распорядился Букка Райя и совет одобрил его решение, мало кто поддерживает идею о том, что ваша старшая дочь имеет право на трон. “Королева Йотшна” — это все еще слишком для большинства людей.

— Шесть претендентов на трон, который еще даже не освободился, — заметила Пампа Кампана, — кто будет выбирать между ними?

Халея склонил голову. Это был вопрос, ответ на который знали они оба. Этот ответ сидел с закрытыми глазами под баньяном в Мандане, очевидно далекий от всех этих событий, вовсе не

участник заговора, даже отдаленно не похожий на человека, вступившего в сношения и сговор со всеми шестью претендентами, просто святой под деревом.

— Кто бы это ни был, кто бы ни одержал верх, — сказал Халея Пампе Кампане, — опасность для вас и ваших дочерей крайне велика. Особенно в связи с тем, что вопрос об их истинном происхождении все еще живет во многих воспаленных умах.

— Мы не убежим, — отвечала Пампа Кампана, — я буду сидеть у постели моего супруга и, если он нас покинет, прослежу, чтобы все было устроено с надлежащими государственными почестями. Это мой город, я воздвигла его из семян и шептаний. Его жители, чьи истории — мои истории, чьему бытию в мире я положила начало, не прогонят меня.

— Меня беспокоят не простые люди, — сказал Халея Коте, — но пусть будет так, как вы хотите. Я останусь рядом с вами, со всеми защитниками, которых смогу собрать.

Со смертью Букки Райи I не стало двух из троих создателей империи, в живых осталась одна Пампа Кампана. На следующий день после того, как Букка мирно почил, так и не пробудившись от своего последнего сна, прощальные обряды *ан-*

тйешти провели на погребальной гхате, которая со временем превратилась в место поклонения. В отсутствие детей мужского пола — таковые все еще были в дороге, во главе армии — роль главного скорбящего взял на себя Халея Коте; он совершил тщательное омовение, после чего в свежих одеждах обошел лежащее на погребальном костре тело, спел короткий гимн и положил почившему царю в рот немного семян кунжута — они символизировали волшебные семена, посредством которых тот создал город, — окропил погребальный костер топленым маслом, сделал правильные движения, призывающие бога смерти и бога времени, совершил разбивание сосуда с водой и разжег огонь. После этого он, Пампа Кампана и три ее дочери несколько раз обошли вокруг пламени, и наконец Халея Коте, взяв бамбуковый посох, разбил череп Букки, чтобы освободить его дух.

Они совершили все это с подобающей торжественностью, но после того, как скорбящие ушли с горящей гхаты, отряд солдат отделил Халея Коте от четырех царственных женщин, которые были препровождены во дворец и изолированы на его женской половине, *зенане*, под круглосуточной вооруженной охраной. Было неясно,

по чьему приказу это было сделано, и стражи отказывались отвечать Пампе Кампане, когда она спрашивала их об этом. Жрец Видьясагар был довольно далеко, под своим баньяном, в глубокой медитации, и не произнес ни слова. И все же каким-то образом всем было понятно, кто за это в ответе.

Той ночью Пампа Кампана, взбешенная своим заточением и неспособная поверить в то, что Биснага может обращаться с нею подобным образом, не могла размышлять здраво. Она велела женщине-стражу, стоявшей у входа в комнату:

— Ступай и приведи мне Улупи, немедленно.

Улупи, как вы помните, была громадным шепелявящим капитаном стражей, той самой обладательницей полуприкрытых глаз и постоянно движущегося языка. Однако женщина-воин у дверей лишь пожала плечами.

— Нет в наличии, — произнесла она, ясно давая понять, что та, что еще вчера была царицей, сегодня стала никем — что Биснага отвернулась от своего матриарха с презрением.

Лицо Пампы Кампаны вспыхнуло. Увидев это, дочери подошли и увели ее.

— Нам нужно поговорить, — обратилась к матери Зерелда.

Пампа Кампана сделала семь очень глубоких вдохов.

— Отлично, — сказала она, — поговорим.

Три женщины собрались вокруг матери, очень близко, чтобы разговаривать шепотом. Пампа Кампана внезапно поняла, что теперь, после того как она нашептала в уши жителям Биснаги все их истории, ее дочери нашептывают ей ее собственную. Карма, подумала она.

— Во-первых, — шептала Йотшна, — никто вокруг не станет отстаивать наши права, даже безопасность. Согласна?

— Да, — печально подтвердила Пампа Кампана.

— Во-вторых, — подхватила Юктасри, — возможно, ты не слышала, какие ходят слухи о государственном совете. О совете, лишенном главы — теперь, когда царя нет. Ты заметила, что никто из совета не пришел к тебе, чтобы подтвердить твое назначение царицей-регентом до тех пор, пока вопрос с престолонаследием не будет решен?

— Да, — сказала Пампа Кампана.

— Один из слухов, — сообщила ей Зерелда, — что они хотели заставить нас взойти на погребальный костер царя. Так не произошло, но

это было очень возможно.

— Я не знала, — призналась Пампа Кампана.

— Никто в совете не может решать, кому следует править, — продолжила Йотшна, — а значит, когда все будут в сборе, Видьясагар станет вершителем царских судеб.

— Ясно, — сказала Пампа Кампана.

— Сейчас самое важное для нас, — пояснила Йотшна, — отправить тебя в безопасное место, пока мы не поймем, что будет представлять из себя этот новый мир.

— И есть ли в этом новом мире место для нас, — добавила Зерелда.

— О, безопасное место нужно нам всем, — сказала Юктасри.

— Где это место, — спросила Пампа Кампана, — и как мы сможем туда добраться?

— Касательно того, как сбежать отсюда, — ответила Йотшна, — у нас есть план.

— А о том, куда отправиться, — продолжила Зерелда, — мы надеемся, что идеи есть у тебя.

Пампа Кампана некоторое время думала.

— Ладно, — сказала она, — давайте выбираться отсюда.

— У тебя есть десять минут на сборы, — ответила Йотшна.

Великий мастер Ли Е-Хэ был наш спаситель,
Он пронесся по зенане, *словно молния ударила в гору Кайлас,*
Его клинки, мощные, как разряды молний,
Осветили ночь, точно свет
свободы.

Я привожу здесь свой никудышный перевод непревзойденных стихов Пампы Кампаны. Я неспособен приблизиться к ее поэтическому гению (я даже не пытался сохранить метрическое либо ритмическое соответствие), но делаю это, чтобы нынешний читатель смог соприкоснуться с этим повествованием в момент, когда туда приходит мир чудесного, — ведь Великий мастер Ли не только прилетел к ним по крышам, как гигантская летучая мышь, не только ворвался во внутренний двор *зенаны*, как пантера, уничтожающая все, что попадается ей на пути, не только открыл перед четырьмя дамами дорогу смерти, но и царевны, столь же проворные, как и он — двое из них поддерживали под руки мать, — вслед за ним пронеслись по стенам и высоким крышам города; словно на ногах у них были крылья, перескочили они с крыши храма на дерево, а оттуда на зубчатую стену, и наконец все пятеро беззвучно приземлились по другую

сторону оборонительных сооружений в том месте, где Халея Коте — весь в черном — ждал их с шестью оседланными воронымиими лошадьми, готовыми двинуться в путь.

Куда нам отправиться, Мать, мы взываем к тебе,
Подальше от тех, кто желает нам зла?
Возлюбленные мои, дорогие, родные,
Давайте отправимся в Зачарованный Лес,
Как поступали герои древний сказаний,
И останемся целы.

Часть вторая. Изгнание

9

Леса располагаются в самом сердце великих древних сказаний. В “Махабхарате” Вьясы царица Драупади и пятеро ее мужей, братья Пандавы, были на тринадцать лет отправлены в изгнание. Большую часть этого времени они прожили в лесах. В “Рамаяне” Вальмики госпожа Сита и братья Рама и Лакшмана провели в изгнании — преимущественно лесном — четырнадцать лет. В своей “Джаяпараджае” Пампа Кампана пишет, что время, которое она провела в изгнании — так называемый ванвас, *— а затем скрываясь — так называемый* аджнятвас, *— суммарно равно ста тридцати двум годам. Ко времени ее нового триумфального появления все, кого она любила, были мертвы. Или почти все.*

В лесах прошлое оказывается поглощенным, существует лишь настоящий момент, однако будущее наступает там порой раньше времени и проявляет себя в лесах до того, как внешний мир хоть что-то о нем узнает.

Пока они галопом мчались прочь от Биснаги, главную роль взяла на себя Пампа Кампана.

— Так много лесов, — сказала она, — лес Дандака, где нашел приют Господь Рама, Вриндаван Господа Кришны. А еще лес сахарного тростника слоноподобного Ганеши, Икшувана, и Кадаливана, банановый обезьяньего бога Ханумана. Кроме того, есть Имливана, тамариндовый лес Деви. Но мы отправимся в самый зачарованный из них всех, в Лес Женщин.

В своей книге она не упоминает, как долго они скакали, сколько дней и ночей, и не говорит, в каком направлении. А потому мы не можем точно определить, где находился Лес Женщин и сохранилась ли до наших дней какая-то его часть. Нам известно лишь то, что их путь был труден и очень далек, они скакали через суровые холмистые пустоши и зеленые речные долины, бесплодные земли и заросшую многотравьем почву, пока наконец перед ними не предстал лес, зеленая крепостная стена, скрывающая великие тайны.

На входе в лес Пампа Кампана должна была предостеречь Халея Коте и Великого мастера Ли.

— В этом лесу, который находится под защитой лесной богини Араньяни, — сообщила она, — мужчины могут столкнуться с серьезными трудностями. Сказано, что любой входящий сюда

мужчина будет немедленно обращен в женщину. Только мужчины, которые познали о себе абсолютно все и достигли полного контроля над своими эмоциями, могут сохранить здесь свое мужское обличье. А потому мы должны поблагодарить вас и предостеречь — будет безопаснее, если здесь мы простимся.

Мужчины какое-то время обдумывали это неожиданное препятствие.

Затем заговорил Великий мастер Ли:

— Я дал обет защищать вас ценой собственной жизни. Это обещание не утратит свою силу до моего последнего дня. И я отправлюсь с вами в Лес Араньяни, пусть будет так, как будет.

Он спешился и взял в руки свой меч и прочие вещи.

— Иди осторожно, лошадка, — сказал он и похлопал коня по крупу. Тот ускакал.

Зерелда, его лучшая ученица, смотрела на него с восхищением и, как заметила Пампа Кампана, даже немного с любовью.

— Если есть кто-то, кто познал о себе все и достиг полного контроля над своими эмоциями, — сказала Зерелда, — то это вы. Лес не причинит вам никакого вреда.

(В своем повествовании Пампа Кампана делает

в этом месте отступление о преданности лошадей, о том, что они не предали людей, искренне заботившихся о них, и о том, как она обратилась к лошадям, прося их прятать следы на обратном пути, скакать вдоль ручьев и по каменистой почве, чтобы беглецов не смогли обнаружить. Мы же предпочли опустить этот, возможно излишне затянутый, фрагмент.)

Халея Коте неловко заерзал в седле.

— Я не такой, как этот наш парень Е-Хэ, — заявил он, — не медитирую и не занимаюсь самосовершенствованием. Я не такой мудрый человек, как Видьясагар, познающий Шестнадцать Философских Систем. Я просто тот, кто волею случая стал другом нашего дорогого почившего царя, парень, который время от времени не прочь выпить и неплох в битве. Я никогда не был женщиной. Не знаю, как справлюсь с этим.

Пампа Кампана подъехала к нему и мягко сказала:

— Но еще ты человек, который не врет себе. Ты не фальшивка. Ты точно знаешь, кто и что ты есть.

— Ну да, может быть, — отвечал Халея Коте, — я не кто-то там особенный, но я — это я.

— В таком случае я полагаю, с тобой все должно

быть в порядке.

Халея Коте минуту подумал.

— Ладно, — сказал он наконец, — черт с ним. Я остаюсь.

Они отпустили оставшихся лошадей и замерли на минуту, вглядываясь в свою судьбу из зеленых листьев. А затем ушли за деревья, и все правила внешнего мира перестали действовать.

Их окружал лес, и он был полон звуков. Пело множество птиц, точно целый хор взлетел в небо, чтобы поприветствовать их — лесной болтун соловей-бюльбюль с желтой шейкой и рыжий трипи, можно было услышать птицу-портного, лесных ласточек и жаворонков, бородастиков, кукушек, были здесь маленькие лесные совы, попугаи и лесные вороны и множество других птиц, названий которых они не знали и думали, что это сказочные птицы, которых не существует в реальном мире. Ибо это был реальный мир, который был нереален, все законы реального мира были унесены здесь ветром, точно пыль, а если существовали иные, здешние законы, они были им неизвестны. Они прибыли в *араджакту*, место, где нет царей. Корона сделалась здесь просто ненужной шляпой. Здесь справедливость не была ниспослана свыше, здесь правила одна

лишь природа.

Халея Коте заговорил первым.

— Дамы, прошу простить меня за вульгарность, но я осмотрел себя, и мне кажется, я не изменился.

— О, прекрасно, — воскликнула Йотшна, старшая из царевен, и Пампа Кампана во второй раз заметила, что в голосе одной из ее дочерей слишком много эмоций. — Это прекрасное известие для нас всех.

— Великий мастер, — спросила Зерелда, — а вы?

— Счастлив сообщить, — отозвался Е-Хэ, — что я тоже, похоже, остался невредим.

— Наши первые победы, — провозгласила Зерелда, — это хорошие знаки. Они указывают, что мы сможем преодолеть любые препятствия, которые лес может выставить перед нами.

— Здесь есть дикие животные? — спросила младшая, Юктасри, стараясь не показать в голосе страха.

Ее мать кивнула.

— Да. Тигры, огромные, как дом, и хищные птицы, крупнее, чем *рух* Синдбада, и гигантские змеи, способные заглотить козу, а еще, возможно, драконы. Но я владею магией, благодаря которой

мы все будем в безопасности.

(Нам следует задаться вопросом, насколько мощными были ее силы на самом деле и вправду ли в том лесу жили дикие животные, которые ни разу не побеспокоили их благодаря ее чарам — как предлагает нам думать ее история, — или же лес был благословенно лишен подобных опасностей, и ее слова были всего лишь своеобразной шуткой. Вправду ли богиня, преподнесшая ей дар долгой жизни, наделившая ее властью даровать семена, властью вырастить город и властью, позволившей ей нашептывать людям в уши их жизни, также наделила ее способностью накладывать свои чары на зачарованный лес? Или это просто поэзия, легенда, подобная множеству других? Нам следует ответить так: будь это правдой или сплошь неправдой, мы предпочитаем верить правде хорошо рассказанной истории.)

В тот момент они услышали музыку. Барабаны-табла быстро выстукивали ритм где-то над их головами, переговаривались на своем тайном языке: *тат-тат-та-дри-ге-тхун-тхун-джи-джилф-трэй-та… та-ранг… тай! Тат-тхай!* И был кто-то, кто танцевал, невидимыми ногами вторя разговору барабанов. Они слышали, как позвяки-

вают бубенчики браслетов на лодыжках танцора. Кто-то танцевал в кронах деревьев, на самых верхних ветках, а возможно, и в воздухе между деревьев.

— Это Араньяни? — спросила Юктасри, не в силах сдержать в голосе благоговейный трепет.

— Богиню невозможно увидеть, — сообщила Пампа Кампана, — но, если в этом месте она одарит нас своим благословением, мы будем часто слышать, как она танцует рядом с нами. Если она откажет, опасности возрастут. Привыкайте к звону бубенчиков. Они — часть того, что будет защищать нас.

— Если мне позволят вмешаться, — вмешался Халея Коте, — все это крайне интересно, но нам необходимо задаться вопросом, где мы будем жить и что мы будем пить и есть.

— Да! — согласилась Йотшна, улыбнувшись слишком широко. — Отличная мысль.

Теперь, когда история Биснаги известна нам целиком, деревянная хижина — лесной дворец, в котором Пампа Кампана была царицей в изгнании и где планировала свое триумфальное возвращение, — превратилась в легенду.

— Араньяни не единственное Живое существо в лесу, — объяснила Пампа Кампана своим то-

варищам, когда они принялись за работу. — У каждой рощи, у каждого ручья есть собственные семейные духи. Нам следует спросить позволения перед тем, как мы начнем рубить деревья и строить. В противном случае все, что мы сделаем, тут же вернется в прежнее состояние; если духи разгневаются на нас, нам не выжить.

Тогда они обратились с призывами к духам, а когда закончили, закапал слабый дождик. Густой лес не дал им промокнуть, хотя маленькие ручейки воды стекали с ветвей и листьев повсюду вокруг них.

— Это замечательно, — сказала Пампа Кампана. — Дождь — благословение, которое нам нужно.

Когда дождь закончился, четверо женщин и двое мужчин выстроили себе дом на небольшой полянке, где деревья расступались, позволяя солнцу светить после дождя. Они спросили позволения у богини и малых божеств деревьев и листьев и использовали свои боевые навыки владения мечами и топорами, а также навыки боя голыми руками, чтобы прорубать себе путь среди деревьев, словно эти деревья были из хлопка. В своем воображении мы видим, как кружатся они в роще гигантских деревьев, не имеющих назва-

ний, деревьев из мифов и легенд, и создают свой новый дом, как, демонстрируя головокружительный атлетизм и грацию, взлетают над землей, чтобы срубить самые высокие ветки и смастерить над своим лесным убежищем широкий навес из листьев. Небесный барабанщик и невидимая танцовщица оба на минуту остановились, чтобы понаблюдать за этим удивительным зрелищем, а затем продолжили, так что дом появился на свет под музыку незримых богов.

Старый солдат Халея Коте оказался человеком, который заранее думает о практических вещах. Из доверху набитых мешков, которые он сначала взвалил на свою лошадь, а затем, когда лошади ушли, безропотно тащил на спине, он извлек два котелка для приготовления пищи и достаточное — чтобы все могли есть и пить — количество деревянных мисок и чашек, а также огнива, чтобы можно было развести огонь. — Сила привычки, — сообщил он со смущением, но польщенный, когда царица с царевнами начали его благодарить. — Это не то, к чему вы, дамы, привыкли, но нам пригодится.

Что касается их первой трапезы, Пампа Кампана сообщает, что сам лес организовал ее для них. Вокруг них пролился дождь орехов, и банановые

деревья — такие же, как растут в лесу Ханумана, — предложили им свое изобилие. С веток неизвестных деревьев свисали фрукты, которых они никогда прежде не видели, а ягоды на кустах были такими вкусными, что можно было рыдать от наслаждения. Они обнаружили неподалеку быстрый ручей с прохладной сладкой водой, по берегам которого росли *анне сопу*, водяной батат и индийский щитолистник, которые можно было использовать в медицинских целях, чтобы снизить их тревожность и даже улучшить память. Они обнаружили луковичный ямс и гвоздичные бобы, черные солнечные ягоды со вкусом лакрицы, дикорастущую красную окру и вкуснейшую восковую тыкву.

— Значит, страдать от голода нам не придется, — заключила Пампа Кампана, — я тоже привезла с собой семена, мы посадим их и вырастим себе еще большее разнообразие. Но давайте поговорим про рыбу и мясо.

Первым заговорил Великий мастер Ли. Он был вегетарианцем всю свою жизнь, сказал он, и его более чем устраивает то, что дарует им лес. Халея Коте прочистил горло.

— В мои военные годы, — сказал он, — существовало лишь одно правило. Ешь все, что

достанешь, что угодно и где угодно, и ешь столько, сколько тебе нужно, чтобы двигаться дальше. Так что я ел и кроликов, и цветную капусту, и козлят, и огурцы, и ягнят, и пустой рис. Я старался не есть коров, многие из них плохо питаются, и мясо у них не очень хорошее. Оно жесткое, не говоря уже о всех других причинах от него отказаться. Я также не ел баклажаны, но уже потому, что терпеть их не могу. Если в лесу есть олени, обыкновенные или пятнистые, кабаны, винторогие антилопы или любая другая двигающаяся пища, я готов охотиться на них.

Дочери Пампы Кампаны сообщили ей то, что она уже и так знала.

— Только овощи, — сказала Зерелда, заговорщицки улыбнувшись Великому мастеру Ли.

— Все что угодно, — сказала Йотшна и слегка придвинулась к Халея Коте.

Что же до Юктасри, она подобрала свои одежды, зашла в ручей и застыла там по колено в бурной воде, закрыв глаза и раскинув руки.

— Рыба роху, рыба катла, рыба пиласа, сюда плывите, — позвала она тихим голосом. — Розовые рыбы рани, лягушковые сомы, змееголовы, моим словам внемлите.

Как рассказывает Пампа Кампана, через

несколько мгновений рыба всевозможных сортов, которой они никогда и не видели прежде, начала выпрыгивать из воды в руки Юктасри, которая вернулась с нею к остальным.

— Мне нравится рыба, — сказала она.

Ее мать Пампа Кампана, долгое время испытывавшая отвращение к мясу животных, к собственному изумлению, подумала, что возможно, рыба — это не так плохо, что она не вызывает у нее ужасных воспоминаний о горящей материнской плоти. Воистину они попали в новый мир.

Та первая трапеза у разведенного Халея Коте костра, когда все были измучены и голодны, показалась всем шестерым скитальцам настоящим пиром. И то, что они оставили свои дома и бежали, и то, что будущее у них было пугающе неопределенным, и то, что больше ничего не значило, кем они были — царицами, царевнами, великими мастерами или бывшими солдатами, пьяницами и радикалами в подполье, сделавшимися советниками у царя, и то, что этот лес был полон необъяснимого и, без сомнения, сам по себе был опасен — в этот теплый и сытый миг все это утратило значение. Пампа Кампана прислонилась к дереву, закрыла глаза и затерялась в глубине собственных мыслей, в то время как

пятеро ее спутников смеялись и шутили.

— Для меня не важно, сколько мы здесь пробудем, если мы будем все вместе, как сейчас, — сказала Зерелда, опуская голову все ниже, пока та — почти, но все же не совсем — не легла на плечо Великого мастера Ли.

— Согласна, — подтвердила ее сестра Йотшна. (Она сидела слишком близко к Халея Коте.)

А младшая Юктасри сказала:

— Отличная рыба.

— Время спать, — произнесла Пампа Кампана, поднимаясь. — Завтра надо будет точно выяснить, что происходит в Биснаге и что мы можем с этим сделать.

Всю ночь лесные летучие мыши кружили над ними снова и снова, словно армия небесных стражей.

Одним из чудес зачарованного леса стало то, что Пампа Кампана и остальные стали сразу же понимать всех обитавших в нем живых существ и общаться с ними. Конечно, благодаря этому прибывшие меньше ощущали себя чужаками в новой обстановке, но это также часто давило на них, ведь лес был полон разговоров — нескончаемых птичьих пересудов, обманчивых змеиных перешептываний, громких дальних перекли-

чек волков на высоких нотах и издевательских тигриных рыков. Со временем все шестеро натренируют свое сознание и научатся отключать эту нескончаемую какофонию, но поначалу царевнам то и дело приходилось зажимать уши руками; они даже задумывались, не забить ли им свои изящные ушки грязью, лишь бы заставить этот шум стихнуть.

Пампа Кампана не испытывала подобных трудностей и тут же с явным удовольствием включилась во множество бесед, даже раздавала приказания и делала указания. Возможно, она больше не была царицей Биснаги, но здесь, в лесу, никто не мог спорить с ореолом магической власти, давным-давно дарованной ей богиней. Араньяни, лесная богиня, приняла ее как сестру, так же думали о ней и все лесные обитатели. На вторую ночь с дерева спрыгнула самка пантеры и обратилась к ним на языке, которого они не знали, но, как выяснилось, могли понимать.

— Не беспокойтесь из-за нас, — сказала она. — У вас есть могущественный покровитель в этом месте.

На следующее утро, еще до того, как на заре птичий хор начнет свою перекличку, Пампа Кампана проснулась и вышла из своего нового

дома, чтобы поговорить с птицами. Она отвергла некоторых лесных птиц как недостаточно серьезных для ее целей и сосредоточилась на попугаях и воронах. — Вы, — велела она попугаям, — полетите в город и будете слушать, что говорят люди, а затем вернетесь обратно и передадите мне все слово в слово. А вы, хитрые созданья, — обратилась она к воронам, — полетите с ними, чтобы понять, что это значит, услышать слова, скрытые за сказанными словами, и после сделаться моими мудрыми советчиками.

Семеро попугаев и семеро ворон послушно полетели в сторону великого города. Они были в сравнительно добрых отношениях друг с другом, вороны и попугаи, потому что и тех и других недолюбливала большая часть прочих птиц. В лесном мире вороны оставались чужаками, их считали вероломными и своекорыстными и не доверяли им. Даже их голоса, в сравнении с соловьями и жаворонками, были отвратительны: они не пели, а по-лошадиному каркали. Если лесные птицы составляли оркестр, вороны постоянно в нем фальшивили. К тому же никто не забыл про войну, которая произошла двумя сотнями лет раньше, между воронами и совами, про войну, на которой — как считало большинство птиц

— вороны повели себя недостойно. Пампа Кампана знала, что все настроены против ворон, и считала это отвратительным. Сотни лет до этой войны вороны были вынуждены состоять в услужении — практически в кабале — у более высокородных птиц, в первую очередь сов, и с ее точки зрения, эта война была битвой за их освобождение. К концу войны многие совы были мертвы, а вороны больше ни от кого не зависели, и честно говоря, как считала Пампа Кампана, более красивым птицам с более сладкозвучными голосами следовало пересмотреть свои предрассудки. Да, было много жертв, но это была война за независимость, и именно так следовало к ней относиться.

— Очень плохо, — отчитывала она запевающий с зарей птичий хор, — что вы, прекрасные крылатые создания, бываете такими же нетерпимыми, как лишенные крыльев люди.

Что же до попугаев, они тоже были неважными певцами, что делало их, скажем так, птицами низшей касты; к тому же они были столь многочисленны, что другие птицы сетовали, что они занимают слишком много места. Пампа Кампана намеренно выбрала двух этих птиц-чужаков, чтобы сделать своими глазами и ушами. В конце

концов, она сама и ее спутники теперь тоже были чужаками в изгнании.

Делегация попугаев и ворон прибыла обратно спустя три недели. Они принесли много новостей. Когда шестеро претендентов на трон прибыли в Биснагу (рассказали они Пампе Кампане), не кто иной как Видьясагар повелел им оставить своих воинов за городскими воротами и войти в город в сопровождении исключительно своей личной охраны.

— На наших улицах не будет кровопролития, — провозгласил он. — Все разрешится без единого убийства.

К этому времени (докладывали птицы) Видьясагару было уже хорошо за семьдесят, и даже если боги вправду даровали ему такую же долгую жизнь, как жизнь, дарованная Пампе Кампане богиней, чье имя она носит, они, к несчастью, не наделили мудреца даром не поддаваться старению. Да, он был жив, но, надо признать, даже более чем дряхл. Его руки превратились в костлявые когтистые лапы, он сильно похудел и выглядел, честно сказать, изможденным. Из вежливости птицы не стали рассказывать о состоянии его зубов.

— Меня не заботит его внешний вид, — сказала

им Пампа Кампана. — Расскажите мне, о чем говорили и что происходило.

— Внешний вид тоже был немаловажен, — сообщил ей главный попугай, которого звали как-то вроде Ту-ох-ах-та. — Видьясагар всего раз взглянул на седых дядьев Сангама, Чукку, Пукку и Дева, и заявил им, что они слишком стары для подобной работы — из его уст это прозвучало забавно! — и что империи нужна молодая кровь, правитель, который достигнет стабильности благодаря своему долгому правлению.

— Это значит, — пояснила главная ворона, чье имя звучало как-то вроде Ка-ах-ех-ва, — что он, Видьясагар, будет главным на самом деле, в то время как молодой царь будет делать то, что он ему скажет.

— Трое братьев Хукки и Букки Первых покинули Биснагу без пререканий, — сообщил главный попугай. — Люди говорят, для них было облегчением, что им не пришлось никого убивать или быть кем-то убитыми, не пришлось умерщвлять собственных жен, чтобы не быть умерщвленными ими, что они могут в покое доживать свои дни в своих удаленных крепостях со своими жуткими женщинами. Так что для них такой конец был счастливым.

— Слабаки, — заявила главная ворона. — У них никогда не было достаточно мужества, воли и силы, чтобы заполучить корону, и все об этом знали. Нам больше не нужно считаться с ними. Они всегда были на вторых ролях, а теперь у них больше и реплик-то не осталось.

— А что с моими сыновьями? — спросила Пампа Кампана, — Что с Ерапалли, Бхагаватом и Гундаппой, от которых я отреклась, но которые, похоже, сейчас одержали надо мною верх?

— Что любопытно, — сказал Ту-ох-ах-та, — Видьясагар помазал среднего сына, Бхагавата.

— Это значит, — прокомментировала Ка-ах-ех-ва, — что теперь Биснагой будет управлять религиозный фанатик, в советниках у которого будет состоять еще один экстремист.

— Должен сообщить также, — сказал попугай, — что, во-первых, Ерапалли и Гундаппа Сангама приняли решение Видьясагара, так что кровопролития не будет, по крайней мере не сейчас.

— Но ни один из них не рад, — добавила ворона, — так что стоит ожидать кровопролития в будущем.

— А во-вторых, — продолжил попугай, раздраженно нахохлившийся после того, как ворона

его перебила, — Бхагават Сангама выбрал себе в качестве тронного имени имя своего дядюшки — это решение многие посчитали его пощечиной по отношению к почившему отцу, отвергнувшему его. Так что он будет Хуккой Райей Вторым. Хукка Райя *Ераду*. Люди уже зовут его "Ераду" для краткости. Или, в более суровых городских кварталах, с меньшей вежливостью, "Номером Два".

— Он говорил что-нибудь про меня? — спросила Пампа Кампана.

— Не думаю, что он скучает по матери, — заявила ворона с определенной долей жестокости. — Мы слышали его коронационную речь.

– *С этого дня,* — попугайски изобразил его попугай, — *Биснага будет управляться посредством веры, а не волшебства. Волшебство в своем женском обличье царило здесь слишком долго. Этот город не был взращен из волшебных семян! Вы не растения, чтобы иметь такую вегетативную родословную! У вас у всех есть воспоминания, вы знаете истории собственных жизней и истории жизней тех, кто жил до вас, ваших предков, построивших этот город до вашего рождения. Это подлинные воспоминания, они не были вживлены в ваш мозг какой-то волшебницей-шептуньей. Это место имеет историю. Оно — не плод ведьмин-*

ского труда. Мы перепишем историю Биснаги, чтобы вычеркнуть из нее ведьму вместе с ее ведьмами-дочерьми. Это такой же город, как и все прочие, только еще великолепнее, самый великолепный во всем мире. Он — не магический фокус. Сегодня мы объявляем Биснагу свободной от ведьмовщины и вскоре распорядимся также, что любое ведьмовство будет караться смертью. Отныне будет преобладать наша и только наша история, поскольку только она есть история истинная. Все ложные истории будут запрещены. История Пампы Кампаны — именно такая. Она полна неправильных идей. Ей не будет позволено занимать место в истории империи. Скажем прямо: женщине не место на троне. Ее место — и с этого момента так оно и будет — дома.

— Вот видите, — сказала ворона.

— Да, — согласилась Пампа Кампана, — отлично вижу. Это трущобное имя, “Номер Два”, отлично ему подходит.

В первый раз за очень долгое время Пампа Кампана начала задумываться о поражении. Нечего было и думать о возвращении в Биснагу. Хуже того, было похоже, что риторика Номера Два пользовалась широкой поддержкой у народа — или, по меньшей мере, у значительной его части.

Это было ее поражением. Идеи, которые она сеяла, не укоренились, а если и укоренились, то совсем не глубоко, и их легко было выдрать с корнем. Биснага превращалась в противоположность того мира, который она творила, нашептывая из небытия. Она же сама пребывала в лесу — в лесу, который не был тюрьмой, но довольно скоро она начнет чувствовать себя в нем, как в темнице.

Я должна начать строить планы на долгую перспективу, подумала она, кто знает, через какое время ветер переменится. Мои дочери состарятся. Внучки — вот то, что мне нужно.

Пампа Кампана положила начало двум совершенно разным наследственным линиям. Их с Буккой Райей I сыновья были людьми, как запах духов, источавшими злобу, — в этом была ее вина, ведь это она отказалась от них; теперь один из них был царем. Царем “Номер Два”. Он был творением Видьясагара, а значит, его правление станет эпохой пуританства и репрессий, и свободолюбивые женщины Биснаги будут испытывать сильные страдания. Она закрыла глаза, заглянула в будущее и увидела, что после Номера Два все станет еще хуже. Династия погрязнет в раздорах, растущей религиозной нетерпимости и даже фанатизме. Такова линия ее сыновей.

Однако дочери Пампы Кампаны выросли опережающими свое время, они были великолепны — и как ученые, и как воины — и были самыми необыкновенными детьми, которых только может пожелать мать. Им также передалась большая часть ее магических способностей, в то время как в присущем мужским отпрыскам Сангама узколобом буквализме не было и следа чудесного. Даже религиозная вера была у них на редкость простодушной и банальной. Высшая мистика была им совершенно недоступна, и религия превратилась для них не более чем в инструмент поддержания контроля над обществом.

— Мне нужно, — решила Пампа Кампана, — чтобы меня окружало как можно больше девочек.

Это было сложное время, чтобы поднимать вопрос о продолжении рода. Три ее дочери с трудом воспринимали мысль о том, что лесное изгнание может оказаться долгим и продлиться даже до конца их жизни. Последним, что они хотели обсуждать накануне своего сорокалетия, были дети. Они ощущали себя перемолотыми и вырванными с корнем, словно деревья после урагана. Они никак не могли поверить, что их сводный брат, новый царь, может быть для них

так опасен, но при этом были достаточно зрелыми, чтобы знать: когда умирает царь, наиболее опасных врагов царской семьи следует искать в наиболее приближенном к царской семье круге. Это были умные женщины, и силы духа им было тоже не занимать, поэтому они стиснули зубы и продолжили самоотверженно трудиться, чтобы сделать свою новую жизнь лучше, насколько это только возможно.

— Если даже мы будем вынуждены быть *джангли*, лесными жительницами, — заявила матери Йотшна Сангама, — мы станем самыми свирепыми *джангли* из всех когда-то живших на свете. Таков закон джунглей, да? Или ты на вершине, или на дне. Ешь или будешь сожран. Я намерена стать охотником, я не стану молиться.

— Здесь мы не на войне, — мягко поправила ее мать, — здесь нас приняли. Нам нужно учиться сосуществовать.

Да, у нее должны быть внучки, думала она, возможно, даже правнучки. По понятным причинам это была идея, которую она должна была держать при себе. Она обдумала и то, что у некоторых ее внучек может быть китайская кровь, благодаря чему может стать возможен великий союз с династией Мин. Она также опасалась, что старый

солдат, милый сердцу Йотшны, мог оказаться слишком пожилым для того, чтобы стать отцом. А Юктасри, что будет с ней?

Словно в ответ на ее вопрос, младшая дочь спросила ее, когда они сидели у походного костра вечером:

— В этом лесу есть еще женщины? Иногда по ночам мне кажется, что я слышу смех, пение и крики. Кто это, люди или демоны-*ракшасы*?

— Почти наверняка где-то есть еще женщины, — ответила ей мать, — беглянки вроде нас из того или другого жестокого царства, или просто лесные женщины-дикарки, которые предпочли прожить жизнь подальше от грубой мужской самонадеянности, или женщины, которых их матери бросили на опушке леса, когда они были грудными детьми, и они не знают ничего, кроме леса, будучи вскормленными волками.

— Отлично, — многозначительно заключила Юктасри.

Ох, подумала ее мать. *Ох*.

10

Быстро стало очевидно, что лесные жители не хотели причинить им вреда. В эти первые дни лесные обитатели собирались в группы и приходили, чтобы поприветствовать прибывших. Змеи свешивались с деревьев, медведи и волки являлись засвидетельствовать свое почтение в полном составе. Воздушный барабанщик приветствовал их, и Араньяни исполняла свой незримый танец над их головами, так что атмосфера вокруг была праздничной. Постепенно все они расслабились, и Великий мастер Ли и Халея Коте согласились, что нет необходимости в том, чтобы кто-то из них постоянно стоял на страже, и отказались от этого; саму по себе идею с охраной четверо женщин с самого начала находили в некотором роде покровительственной.

— Этот лесной праздник в честь нашего прибытия, — печально произнесла Пампа Кампана, — напоминает мне о том, как все было в Биснаге в старые добрые времена.

В старые времена в Биснаге все жители отмечали все праздники. На Рождество Пампа Кампана устанавливала во дворце елку, просила Доминго

Нуниша обучить ее песнопениям и молитвам, воспевающим его “трех богов” на оригинальном языке, и расспрашивала о том, что означают эти чуждые слова — *adeste fideles, laeti triumphantes*[2] — в переводе на понятный ей язык. Младенец Иисус стал для нее тем, кого она, можно сказать, знала, по крайней мере немного. Что же до последователей “одного бога” — она всегда остерегалась говорить это вслух, — она считала, что “один бог” звучит значительно скучнее, чем ее огромный и разношерстный пантеон божеств; так что она, напротив, приглашала единобожцев участвовать в празднике света, празднике красок и продолжающемся на протяжении девяти ночей празднике в честь победы богини Дурги над демоном Махишей-асурой, который, скажем так, знаменовал собой победу добра над злом, поскольку считала, что эти праздники без сомнения могут отмечать все, независимо от того, какие они практикуют богослужения и единым или множественным божествам поклоняются. Вот чего она хотела для Биснаги — такого перекрестного опыления, такого взаимопроникновения. Теперь это все исчезало. Ворона и попугай пери-

[2] Примечания: 2

Adeste fideles, laeti triumphantes — “Придите, верные, радостно ликующие” *(лат.).* Католический рожденственский гимн.

одически снова летали в город и рассказывали ей, что напряженность между представителями различных конфессий все увеличивается. Теперь в городе были районы, куда небезопасно было ходить единобожцам, где по ночам на них без всякой причины нападали. Такие новости разбивали ей сердце, но она сказала себе, что в данный момент должна находиться здесь и строить будущее вместе со своими дочерьми, пока история не предоставит ей трамплин, оттолкнувшись от которого она сможет вернуться.

В лесу условности внешнего мира утрачивали свое значение и исчезали. Здесь не было распорядков и расписаний. Каждый ел, когда испытывал голод, и спал, когда хотел спать. Лес был сценой, на которой можно было познать себя, переделать свое естество или очистить свою сущность посредством медитации. Надежды висели на каждой ветке. Страхи поддавались контролю. Желания должны были исполняться.

Пампа Кампана проводила много времени в медитации. Положение *араджакта*, то есть отсутствие царя, философы считали равным хаосу и отсутствию порядка. Однако здесь, в лесу, это самое царившее здесь состояние *араджакты* воспринималось почти как благодать. Может ли

статься, что без царей мир был бы лучше? Но ведь и в царстве животных выбирают вождей, лидеров и победителей. Тогда, возможно, вопрос лучше поставить так: каким образом следует выбирать подобного рода лидеров? Путь, по которому идут животные — в драке, — не самый лучший. Может ли существовать путь, при котором — возможно ли вообще такое? — выбирать будет позволено людям?

Эта мысль шокировала ее. И она отложила ее, чтобы обдумать в другое время.

Юктасри Сангама сделалась ночной жительницей. Не спросив ни у кого разрешения, она взяла за обыкновение спать, издавая громкий храп, большую часть дня и просыпаться после наступления темноты. Затем она переступала невидимую защитную черту-*рекху* и скрывалась в лесу. Когда она поступила так в первый раз, проснувшейся Пампе Кампане пришлось сдерживать себя, чтобы не отправиться следом. Она увидела, как движутся в лесу тени, услышала смех и поняла, что лесные женщины-дикарки пришли приветствовать ее дочь и что именно их общества Юктасри искала и именно в нем нуждалась. На следующий день она отвела Юктасри в сторонку и попросила, так мягко, как только

могла:

— Расскажи мне о них.

Поначалу дочь отвечала ей неохотно, но, начав говорить, уже не могла остановиться. Когда она рассказывала, ее глаза сверкали от волнения, и Пампа Кампана увидела в молодой девушке счастье, которого та никогда не испытывала в своей старой жизни.

— Поначалу, — говорила Юктасри, — они думали, что я испорченная аристократка. Они хотели толкать меня по кругу, швырять друг другу, как игрушку. Но они не смогли меня поймать. Я босыми ногами взбежала по стволу дерева и начала руками отрубать ветки, эти ветки сыпались им на головы, и так я заслужила определенное уважение. Они говорят на странном языке, и я сначала решила, что они придумали его, чтобы общаться друг с другом, что это смесь из множества языков и того, как общаются волки. Но потом я довольно быстро поняла, что это — хотя они говорят на нем со своим собственным ужасным акцентом — тот же язык, на котором разговаривала самка пантеры и который мы инстинктивно поняли. Они называют его Главным Языком или как-то похоже, и магия леса работает, поскольку, даже если я не знаю слов, я знаю, что они значат. Слов-

но бы кто-то шептал мне в ухо перевод. Могут ли в лесу жить духи-переводчики, которые всем нам шепчут? Я думаю, они должны быть. Большинство женщин не заботится о том, чтобы носить одежду, у них растрепанные волосы, и, если говорить прямо, они грязные, и от них воняет. Мне все равно. Я хочу узнать их всех. Прошлой ночью они прислали сюда только маленькую группу, шесть человек, что-то вроде разведотряда. Но лес большой, и у них несколько лагерей. Я хочу узнать все, каждую тропинку, как и на кого они охотятся, как отдыхают. Они сказали, что научат меня. Взамен они хотят, чтобы я научила их всему, что усвоила в *квуне* Зеленой Судьбы. Вертикальный бег, летящий прыжок, восходящий торнадо, кувырок на лестнице, отрубание. У них нет мечей, но они хотят научиться сражаться на палках.

— Если для них лес — безопасное место, — решила выяснить Пампа Кампана, — почему они так заинтересовались боевыми искусствами?

— Они встревожены. — пояснила Юктасри. — Ходят слухи о злобных обезьянах.

— Обезьянах? Каких обезьянах? Для нас обезьяны — священные животные, ты сама знаешь. Это дети Господа Ханумана ипотомки племен, населявших его древнее царство Кишкиндха.

— Это не храмовые обезьяны, — сообщила Юктасри, — это дикие обезьяны, и лес кишит ими, и коричневыми, и зелеными. Но нам не стоит волноваться ни из-за зеленых, ни из-за коричневых. Они безобидные. Обезьяны, которых женщины боятся больше всего, розовые, и они не отсюда. Это совершенно точно не потомки Господа Ханумана и не жители Кишкиндхи. Это чужаки.

— Розовые обезьяны — чужаки?

— Говорят, что у розовых обезьян почти нет волос на теле и их голая кожа имеет жуткий розовый цвет. Говорят, розовые обезьяны огромны, передвигаются стаями и хотят захватить лес.

Пампа Кампана была в замешательстве.

— Но этот лес находится под защитой Аранья-ни, так что этого не может произойти.

— Не знаю, — отвечала Юктасри. — Может статься, ее волшебство против них бессильно.

— А кто-нибудь видел этих розовых обезьян? — поинтересовалась Пампа Кампана.

— Не думаю, — ответила Юктасри, — но женщины упорно утверждают, что они приближаются. И скорее всего, среди них нет обезьян женского пола. Это исключительно армия самцов.

— Для меня это звучит как история, которую они сами придумали и рассказывают, — заявила

Пампа Кампана. — Она не похожа на правду. Это история, возможно, об их общей нелюбви к мужчинам. Кроме того, если наложенное Араньяни заклятье работает, при входе в лес они, наверное, превратятся в женщин, изменят свои планы и осядут здесь.

— Ох, — ответила Юктасри, — если бы ты слышала, как они это рассказывают, ты бы так не говорила. Они поют такую песню, — сказала она и запела:

О, как близко Обезьяны,
Цветом кожи что язык
То иные обезьяны
В наших песнях нет таких.
Лысы, мерзки, не проворны,
И огромны, как мужик.
О, опасны обезьяны,
Ведь пришли нас подчинить
Розовые обезьяны, о как близко подошли,
Те, с короткими хвостами
И жестоким языком
Непонятным нам нисколько
То не Главное Наречье
Всего леса, всех лесов
Но хотят-то подчинить нас
Это важно понимать

Расскажите всем по лесу
Волку, птицам и козлам,
И пантере, и медведю, тигру,
Что идет беда,
Что она все ближе, ближе,
Скоро будет здесь у нас.
Мы должны сражаться вместе
Забыв сомненья, склоки, страх
Нас ведь защитит богиня
Скажут многие из вас
Мы в ее волшебном лесе,
И хозяйка здесь она.
Обезьяны-то безбожны,
И хотя она сильна,
Может статься, что опасность
Эта слишком велика
О, как близко Обезьяны,
Цветом кожи что язык
То иные обезьяны
В наших песнях нет таких.

Услышав эту песню, Пампа Кампана похолодела. Я услышала послание из будущего, подумала она, из будущего, которое я не могла себе и представить, и эти существа — его предвестники. Мне хочется думать, что это не моя битва. Я занята иной борьбой. Но может статься, что эта битва

сделается и моею тоже.

Она сама была наследницей, ребенком мира Господа Ханумана, и Биснага в некотором роде была наследницей, ребенком обезьяньего царства Кишкиндхи, так что она всегда думала об обезьянах только хорошо и верила в их благосклонность. Возможно, теперь и это поменяется. Еще одно поражение. Быть может, такова есть история человечества: кратковременная иллюзия счастливых побед сменяется чередой горьких и неиллюзорных поражений.

— Ладно, — произнесла она вслух, — а могу я встретиться с этими твоими женщинами?

— Не сейчас, — ответила Юктасри. — Пока я к этому не готова.

Каждое утро Великий мастер Ли и Зерелда Сангама совершенствовались во владении мечами, длинными боевыми ножами, томагавками, палками и собственными ногами. Когда они сражались, казалось, что весь лес замирал и собирался вокруг них, чтобы посмотреть. Как и все прочие, Юктасри наблюдала за этим с восхищением, но позже тихо сказала сестре:

— Я знаю, что вы с Великим мастером Ли лучшие. Но прошу тебя, не вмешивайся в мою жизнь. Это я нужна лесным женщинам, а не ты.

— Лесные женщины полностью твои, — заверила ее Зерелда, — у меня другие вещи на уме.

А на уме у нее был Пекин Великого мастера Ли и другие неизвестные города со странными названиями. Из всех Сангама она одна испытывала тягу к путешествиям на чужбину, желание увидеть мир за пределами того места, где ты живешь. Пампа Кампана чувствовала это, понимала ее привязанность к Великому мастеру из Китая и боялась, что дух авантюризма сможет навсегда унести дочь прочь от нее. Такая же природная склонность к авантюрам привела Ли Е-Хэ на юг, в Биснагу; в лесу он рассказывал Зерелде истории о том, как сам путешествовал по суше и по морю, а также истории, что рассказывал ему его друг Чжэн Хэ, генерал, евнух и неутомимый охотник за сокровищами, обошедший океан по кругу и пересекший его на восток, и еще истории, которые Чжэн Хэ слышал от потомков людей, встречавших итальянца Марко Поло при дворе Хубилай-хана во время правления династии Юань.

— Я слышал, — рассказывал Великий мастер Ли, — что по другую сторону вод есть город, который носит твое имя. В городе Зерелда время летит быстро. Каждый день его жители, знающие, что

жизнь коротка, бегают, стараясь поймать в гигантские сети часы и минуты, которые летают у них над головами, как разноцветные бабочки. Счастливчики, которым удается поймать немного времени и проглотить его — его очень просто съесть, оно даже вкусное, — продлевают себе жизнь. Но время изворотливо, и многим не удается его поймать. Все жители Зерелды знают, что у них никогда не будет достаточно времени, и в конце концов оно и вовсе закончится. Им грустно, но они носят радостные лица, ведь это стойкие люди. Они стараются наилучшим образом распорядиться тем временем, что им отпущено.

— Я хочу поехать туда, — закричала Зерелда, хлопая в ладоши, — а еще я хочу посмотреть город Е-Хэ, большой город одного с тобой имени, в котором, как мне рассказывали, живут люди, которые умеют летать, они селятся на верхушках деревьев, в то время как неумеющие летать птицы ищут червяков внизу на земле. На деревьях расположено множество лавок, где торгуют теплой одеждой, ведь умеющим летать хорошо известно, что воздух, если подниматься вверх сквозь его слои, быстро становится очень холодным и нужно кутаться, если у тебя нет перьев, способных защитить от холода. Поэтому они, эти лишенные

перьев воздушные гимнасты, понимают, что любой твой дар, каким бы чудесным он ни был, приносит и проблемы, а потому они скромные люди, люди со скромными ожиданиями, которые не просят от жизни слишком многого.

Пампа Кампана, подслушивавшая их беседы, не была уверена, рассказывают ли они друг другу истории неких путешественников, которые на самом деле слышали, или же обмениваются закодированными сообщениями, скрывая за этими вымышленными описаниями свою любовь и желание.

“Что ясно, — сказала она самой себе, — так это то, что они собираются нас покинуть”.

Она смело смотрела этому в лицо, ведь взрослые дети в конце концов уходят из дома, и их матерям следует довольствоваться воспоминаниями и тоской, но ей все же трудно было сдержать слезы.

Затем она услышала, как Великий мастер Ли произнес:

— Скоро наступит то время года, когда генерал Чжэн Хэ любит на лодке наведываться в порт Гоа, чтобы поесть превосходного рыбного карри, — и поняла, что до их отъезда осталось совсем немного времени.

Она решила взять инициативу на себя и самой предложить им этот важный шаг, чтобы Зерелда не чувствовала себя виноватой из-за того, что бросает мать в изгнании.

— Путешествия — это хорошо, — сказала Пампа Кампана, — но в то же время опасно. Помните, что Номер Два — правитель всех земель до Гоа и включая его, и что всех нас объявили ведьмами, и мы скрываемся от того, что он называет правосудием. Если вы хотите благополучно встретиться с генералом Чжэн Хэ и беспрепятственно взойти на борт его лодки, нам нужно выработать четкий план.

Зерелда разрыдалась.

— Мы вернемся, — заверила она, — это просто небольшое путешествие.

— Если у вас обоих все пойдет хорошо, ты никогда не вернешься, — ответила ей мать. — Я сама на твоем месте, принимая во внимание наше бедственное положение, не вернулась бы.

Тогда заговорил Великий мастер Ли.

— Я уже объяснил царевне Зерелде, — сказал он, — что все это — не более чем фантазия, в которой мы позволяем себе пребывать, своеобразное путешествие внутри собственного воображения, а потом объяснил ей также, что подобного просто

не может случиться, поскольку я связан обетом.

— Вы, наверное, скучаете по своей стране, — сказала Пампа Кампана, — ведь, помимо всего прочего, очень давно не были там и не могли предвидеть, как сильно ухудшится наше положение; и хотя вы кажетесь таким же мастером в воображаемых путешествиях, как и в боевых искусствах, это не то же самое, что настоящее путешествие. А потому я освобождаю вас от вашего обета. Моя дочь испытывает к вам любовь, и еще я вижу, что она питает любовь к своего рода бродячей жизни, которую вы с ней воображаете. Так что мы должны придумать, как сделать так, чтобы вы с генералом Чжэн Хэ смогли отведать в Гоа рыбного карри и отправиться дальше, с ним или без него, в Китай, или в Тимбукту, или куда вас поведет сердце или забросит ветер, и испытать все, что уготовил вам случай. Но до того, как вы уйдете, мне нужно кое с кем переговорить, чтобы вы были в безопасности.

(В этом месте в своем великом труде Пампа Кампана описывает свой первый визит к богине Араньяни, и дар, который вручила ей богиня. Мы уверены, что подобные отрывки из "Джаяпараджаи", не могут быть переведены буквально. Они являются частью поэтического видения, про-

низывающего это великое произведение, и — как это видение в целом — должны передаваться в переводе при помощи метафор и символов. Пусть более светлые умы, нежели настоящий автор, определяют природу и выясняют значение этих символов и метафор. Мы можем лишь скромно привлечь внимание к подобной необходимости. Что же до нас самих, то мы будем всеми силами пытаться постичь, каким образом поэтический текст сообщает нам истины, которые правдивый прозаический текст не способен раскрыть, ведь его оказывается недостаточно для подобных целей.)

Ее подхватил (*или так она нам рассказывает*) внезапно налетевший вихрь, он закружил ее вместе с листьями, поднял вверх и унес так далеко, что никто ее больше не видел. Наверху, источая разливавшийся над лесом свет, над верхушкой самого высокого дерева парил в воздухе золотистый шар света, он был даже ярче, чем солнце, и ослепил ей глаза. Вокруг золотого шара и над ним парила стая свирепых *чилов*, соколов, птиц-изгоев, что присматривают за всеми отверженными этого мира. Голос, который заговорил с ней из этого шара, был ни на что не похож — он словно звучал откуда-то из воздуха и сам был частью

этого воздуха.

— Ты можешь обратиться ко мне с просьбой, — сказал он.

Вернувшись на лесную поляну, куда ее осторожно поставил прежде унесший ее вихрь, она сказала лишь:

— Я попросила определенный дар, и она дала мне его.

От дальнейших объяснений она отказалась.

— Вы поймете, когда оба будете готовы покинуть нас, — сказала она. — Когда придет время, придите ко мне, и у каждого их вас в руках должно быть по вороньему перу.

После этого она удалилась в лес, чтобы предаться семидневной медитации. Вернулась она с кроткой улыбкой — если она и горевала, то не показывала этого.

— Вы готовы? — спросила она Зерелду и Ли Е-Хэ, и они ответили ей, что готовы. У каждого в руках было воронье перо.

— У меня тоже есть перо, — сообщила она, — но не вороны, а сокола-*чила*. Для вас двоих будет разумно стать обыкновенными птицами, на которых никто и не взглянет дважды, я же собираюсь охранять вас во время путешествия и должна выглядеть как можно свирепее.

— О чем ты говоришь? — спросила Зерелда Сангама.

— Метаморфозы, — пояснила Пампа Кампана, — удаются только тогда, когда бывают вызваны не эксцентричностью либо легкомыслием, а глубочайшей потребностью в них.

Как только она произнесет заклинание, право произнести которое даровала ей Араньяни, все трое преобразятся и обратятся в птиц; они будут птицами, пока не выпустят перья, которые будут держать в когтях.

— Не выроните перья, когда будете лететь, — предостерегла она, — иначе вы снова сделаетесь собой и упадете с небес навстречу своей смерти. К тому же перья срабатывают только трижды — птица-человек-птица-человек-птица-человек. Берегите их. Нельзя предугадать, когда вам может понадобиться их помощь, чтобы сбежать от какой-то плохой ситуации.

— Значит, мы ничего не сможем с собою взять? — спросила Зерелда.

— Одежда, которая на вас, золото у вас в карманах, сумки через плечо и мечи в ножнах за спиной, — сообщила Пампа Кампана. — Все это вернется, когда вы снова примете свой облик. Но это все. То, что никак не соприкасается с вашим

телом, вы не сможете взять с собой в дорогу.

— Когда мы встретимся с генералом Чжэн Хэ, — давал свои наставления Великий мастер Ли, — я отпущу свое перо, но ты, царевна, должна будешь не выпускать своего и сидеть у меня на плече до тех пор, пока его корабль благополучно не отчалит от берега туда, где его не сможет достать Хукка Второй.

— А как же ты? — спросила Зерелда. — Разве в Гоа тебе не угрожает опасность?

— С того момента, как мы окажемся вместе с Чжэн Хэ и его людьми, — отвечал Великий мастер Ли, — я буду в безопасности. Мы, китайцы, обнаружили, что в этой стране люди не могут отличать нас друг от друга.

Пампа Кампана выдала каждому путешественнику по мешочку золотых монет из своих секретных запасов.

— Удачи, — сказала она, — и до свиданья, ведь, хоть я и буду лететь над вами, разговаривать мы не сможем.

Лицо ее было бесстрастным. Когда Зерелда, рыдая, подошла к ней, чтобы попрощаться, лицо Пампы Кампаны казалось высеченным из камня.

— Давай просто полетим, — сказала она.

Это был ее первый выход из леса, первый выход из *ванваса*, лесного отшельничества, в *аджнятвас*, неузнаваемость, и лишь тогда, когда все трое, две вороны и сокол, поднявшись над землей, летели к морю, Пампа Кампана поняла, что забыла нечто важное. Е-Хэ и Зерелда начинали совместную жизнь, но не были женаты. Она молча обдумывала этот вопрос во время полета и, к своему немалому удивлению, обнаружила, что ее это не заботит.

— Я стала жить как дикарка, по законам леса, — поняла она, — там никто не женится, и никого это не заботит.

Она спросила себя: возможно, Зерелда где-то могла хотеть такой формальности, как свадьба, и ответила себе:

— Слишком поздно, ты уже ничего не сможешь с этим сделать.

Всю дорогу до Гоа она с определенным изумлением обдумывала это свое равнодушное отношение. Была ли она плохой матерью? А быть может, это ее отношение — еще один звоночек из будущего, когда брак станет вещью архаичной и ненужной и никому не будет до него ровно никакого дела?

Это будущее, которое я не могу себе даже пред-

ставить, подумала она, так что да, плохая мать — вот и ответ.

Тьма окутала их внезапно, словно чьи-то невидимые руки быстро задернули завесу дня, а затем, в мерцании огней, появился Гоа, а за Гоа — море, где в гавани — они спустились ниже, чтобы рассмотреть, — стоял самый большой деревянный корабль, который Пампа Кампана видела в своей жизни. У него было множество палуб, и места на борту было достаточно, чтобы разместить несколько сотен человек, а на корме был изображен некий китайский флаг. Генерал Чжэн Хэ уже прибыл и, по-видимому, путешествовал вместе со своей личной армией. Хорошо. У Зерелды будут защитники, если они ей понадобятся.

Пампа Кампана оставалась в небе, она зависла в воздухе и наблюдала, как Ли Е-Хэ и Зерелда летели вниз к постоялому двору, где Чжэн Хэ по своему обыкновению вкушал свое острое рыбное карри. Одна ворона коснулась земли, и вот уже на этом месте стоял Великий мастер Ли с другой вороной, сидящей у него на плече. Чуть помешкав, Великий мастер зашел внутрь. В этот момент время для Пампы Кампаны остановилось. Весь бесконечный час она сидела на крыше гостиницы и прислушивалась к звукам веселья. Затем

компания с генералом вышла и, горланя песни, отправилась обратно на корабль. А еще позже, через некоторое бесконечное время, в темноте на носу корабля появилась едва различимая тень человека с сидящей на плече еще менее различимой черной тенью, он посмотрел вверх на невидимого сокола-*чила* в полночных небесах и поднял руку в прощальном жесте.

Во время полета обратно в лес Араньяни Пампа Кампана держала свои чувства под строгим контролем, что было ей свойственно. “По крайней мере, — думала она, — мне никогда не придется видеть, как она стареет и умирает, никогда не придется сидеть возле старой женщины пугающим призраком из прошлого, словно она сама, только молодая, наблюдает свои собственные последние часы. По крайней мере, мы обе избежим такого конца, когда все перевернулось с ног на голову. И я не узнаю, когда она умрет, не узнаю как, и буду продолжать думать о ней такой, какая она теперь, в расцвете красоты и сил. Да. Это то, чего я хочу”.

После отбытия Зерелды время потекло медленно, словно дрейфуя на волнах печали. Годы шли, но никто не замечал этого. Было похоже, что никто не стареет, ни мужчины, ни женщины.

Это удивительное явление также ускользнуло от их внимания, словно по велению зачарованного леса.

Эмоции оставленных Зерелдой сестер не ослабевали. Они восприняли ее уход как своего рода предательство и испытывали по этому поводу скорее гнев, чем горе. В лесном лагере кипела работа, поскольку царевны вымещали свою ярость в строительных прожектах. Со временем их резиденция разрослась, многочисленные комнаты связали лабиринты коридоров, пол покрыл толстый мягкий ковер из листьев, были расставлены пни, искусно обтесанные ими и превращенные в удобные сиденья, и разложены резные деревянные подставки для подушек, повторяющие форму их шей. Однако мира в этом жилище не ощущалось, ведь оно строилось с яростью. Спустившись с небес и вновь приняв человеческий облик, Пампа Кампана замкнулась в себе, проводя дни и даже недели в одиночестве, а Юктасри тем временем надолго исчезала в лесу с лесными женщинами и, возвращаясь обратно в лагерь со стоящими дыбом волосами, в порванной одежде и с измазанным глиной лицом, все больше выглядела дикаркой. Йотшна, самая сентиментальная из сестер, стремилась исцелиться, с головой

нырнув в любовь. Она заявилась к Халея Коте и призналась ему в своих чувствах. Старый солдат, несмотря на то что сам был ею одурманен, сделал все, чтобы отговорить ее.

Халея Коте был, возможно, лет на пятьдесят старше Йотшны Сангамы. Он появился на свет раньше, чем ее отец. Ей нелепо даже думать о нем в романтическом ключе. Он объявил ей об этом с самого начала.

— Мои колени скрипят, когда я встаю, — говорил он, — а когда сажусь, вздыхаю “уф!” — так, словно из меня выпустили весь воздух. Я не могу ходить так быстро, как ты — черт подери, я не могу бежать так быстро, как ты идешь, — и думать так же быстро, как ты, я не могу тоже. Я не образован, мои глаза уже не такие, как должны быть, я медленно читаю, у меня почти не осталось волос на голове, а волосы на лице поседели, и у меня болит спина. Я убивал людей и так часто в те далекие дни получал раны, что стал мертвецом больше, чем наполовину. Я был посредственным солдатом, не самым успешным подпольщиком, более успешным пьяницей, а еще советником твоего дяди, чьей главной задачей было пересказывать ему грязные шутки из моего давнего военного прошлого. Разве это подходящий для

тебя человек? Ты начала думать обо мне только потому, что вокруг не было других мужчин, кроме Великого мастера Ли, который был предназначен Зерелде и которого теперь здесь нет. Самое большое достижение в моей жизни — что я не превратился в женщину, когда мы зашли в этот лес. И это почти все. Ты молода. Прояви терпение. Скоро ты выйдешь отсюда, а подходящий парень — молодой, красивый, обаятельный, удалой — будет ждать тебя в Биснаге, когда ты вернешься.

— Так оскорбительно, что ты считаешь, что все, чего я хочу, — отвечала ему Йотшна, — это какой-то молодой смазливый дурак. Они роем вились вокруг меня всю мою жизнь при дворе, и честно сказать, это *бее*. Ты не превратился в женщину потому, что ты не какой-то глупый мальчишка. Ты мужчина, и ты прожил достаточно долго для того, чтобы понять, кто ты есть. Очень немногие мужчины знают, кто они такие, и именно поэтому они не могут попасть сюда. Мужчина, знающий, кто он есть, он… он — золото.

— У меня воняет изо рта, — продолжал Халея Коте, — и я храплю сильнее, чем Юктасри, когда сплю. У меня полвека воспоминаний о том времени, когда тебя не было на свете, когда не было Биснаги, когда мир был полон вещей, которые

ты не сможешь понять, поскольку они существовали так давно. В своих снах я иногда вижу мечту, что я вернулся туда, такой же молодой, как ты, сильный, полный решимости и надежды, и ничего не знаю о том, как суров и жесток этот мир, как он вышибает из молодых оптимизм и делает их старыми. Я не хочу стать тем, из-за кого ты утратишь оптимизм.

— Мне нравится, когда ты говоришь так романтично, — отвечала Йотшна, — в такие моменты я понимаю, что ты меня любишь.

— Будешь ли ты любить меня, когда я стану больным, начну угасать, двигаться, что неизбежно, навстречу смерти? — вопрошал он. — Неужели ты на самом деле хочешь нянчиться с умирающим и в ответ на всю впустую потраченную на него любовь видеть лишь горе?

— Любовь невозможно потратить впустую, — сказала она. — Ты будешь заботиться о себе, лесные чары будут заботиться о тебе тоже, и я буду; если у нас будет десять или пятнадцать счастливых лет, я буду довольна. И да: я буду заботиться о тебе до последнего дня, когда придет твое время.

— Так не может быть, — сказал он, — так не должно быть.

— Да, — ответила она, — но так будет.

11

Настало время, когда Пампа Кампана больше не могла мириться с изгнанием. Ей необходимо было точно знать, что происходит в Биснаге, чтобы решить, какие действия следует предпринять. Она сообщила Халея Коте, что у нее есть для него поручение, которое он должен исполнить в стенах города.

— Я не могу вечно полагаться на ворон и попугаев, — сказала она, — мне нужны опытные глаза и уши. А у тебя есть секретные ходы, ведущие в город и из него.

Йотшна разозлилась на мать.

— Ты делаешь это из-за меня, — обвинила она Пампу, — чтобы убрать его от меня подальше. Ты хочешь подвергнуть его жизнь огромной опасности только затем, чтобы рядом со мной не было мужчины, которого я хочу.

— Во-первых, — увещевала Пампа Кампана дочь, — это не так. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не понимать, что не смогу сделать ничего, что остановит тебя, когда ты полна решимости. Во-вторых, не стоит недооценивать Халея. Он отлично поднаторел в подпольной работе и ис-

кусстве оставаться незамеченным, *аджнятвасе*, кроме того, я тоже ему помогу.

— Превратишь его в ворону?

— Нет, — сказала Пампа Кампана, — мне не была дарована неиссякаемая сила осуществлять трансформации. Я могу осуществить их только раз или два и должна ждать случая, когда смена личины будет совершенно необходима. Халея Коте пойдет туда в своем человеческом обличье.

— Ты не хочешь сделать для нас то, что сделала для Зерелды и Е-Хэ, — начала кричать Йотшна, — то есть ты хочешь, чтобы он умер, и если он умрет, я буду считать тебя виноватой, я никогда не прощу тебе этого и найду, как тебе отомстить.

— Ты на самом деле любишь его, — ответила Пампа Кампана, — я рада, что узнала это.

Город Биснага вырос в тени скалистого горного хребта, тех самых гор, где Хукка и Букка Сангама сидели в первый день и наблюдали, не веря своим глазам, как из волшебных семян Пампы Кампаны прорастает будущее. С двух сторон границы города упирались в горы, которые естественным образом замыкали кольцо городских защитных сооружений и придавали Биснаге совершенно неприступный вид. Но Халея Коте и ремонстранты давно обнаружили глубокие

трещины между валунами и, после многолетних раскопок, превратили эти пещеры в тоннели, создав невидимые выходы из города во внешний мир, которые предполагали использовать для отступления в случае, если их раскроют и начнут преследовать.

— Я могу войти в город и вернуться, — заверил Пампу Кампану старый солдат, — а в городе меня укроют члены “Ремонстрации”, если кто-то из них еще жив. В любом случае я способен позаботиться о себе, вам не стоит волноваться. Но без лошади, которая будет меня везти, это путешествие будет очень медленным. Возможно, мне удастся украсть лошадь по дороге, а потом еще одну на пути назад.

Во время отсутствия Халея Коте Йотшна Сангама отказывалась разговаривать со своей матерью; по мере того как проходили дни, она все больше верила, что он уже мертв. Она представляла себе, что его схватили, представляла его страшные последние минуты и задавалась вопросом, погиб ли он с ее именем на губах. Он был героем, которого ее мать превратила в бессмысленную жертву, и ради чего? Что такого он мог узнать в Биснаге, что как-то повлияло бы на их жизнь? Ничего, думала она. А значит, он погиб за ничто, не так,

как должно погибать героям.

Но он вернулся назад, невредимым, верхом на украденной лошади, как и обещал.

— Все прошло по плану, — успокаивал он рыдающую Йотшну, которая бросилась в его объятья, как только он спешился, отпустил лошадь и зашел обратно в лес, вновь избежав превращения. — Не было ни одного опасного момента. Никто не ищет старое ничтожество вроде меня.

— Выглядишь ужасно, — приветствовала его Йотшна. — Эти опасности, риск и дорога состарили тебя. Ты выглядишь так, словно тебе сто лет.

— Ты выглядишь какой же прекрасной, как всегда, — ответил он. — Я же говорил тебе, что слишком стар для тебя.

Благополучное возвращение Халея Коте было хорошей новостью, но новости, которые он принес, принять было трудно. Номер Два заменил царский совет руководящим органом святых старцев, Сенатом Божественного Господства или СБГ, во главе которого стоял некий Саяна, брат Видьясагара, и теперь город находится под жестким религиозным контролем этого Сената, поскольку он “разрушил” философские системы буддистов и джайнистов, а также мусульман, во имя торжества созданной мыслителями из Ман-

данского матта под руководством Видьясагара Новой Ортодоксии, и сделал Новую Ортодоксию — которая была не чем иным, как изложенной другими словами Новой Религией Видьясагара — базисом общества Биснаги. Эти перемены были зеркальным отражением того, что происходило в султанате Зафарабад, где умер Султан Зафар (тем самым доказав, что он все-таки не был Призрачным Султаном из легенд), ему на смену пришел другой Зафар, другой Номер Два, фанатик своей собственной веры, и создал свой собственный религиозный "совет безопасности". Так на смену былой терпимости, когда приверженцы любой веры полностью участвовали в жизни обоих государств, пришло разделение и печальная миграция между странами людей, которые больше не были в безопасности в своих собственных домах.

— Это просто глупо, — сказала Пампа Кампана. — Любой решивший, что наши или их боги хотят подобных страданий, в корне не понимает природы божественного.

По словам Халея Коте, большинству жителей Биснаги не нравилась эта новая жесткая линия, однако они молчали, поскольку Номер Два создал карательный отряд, недоброжелательно реаги-

ровавший на любое выражение инакомыслия.

— То есть существует сравнительно небольшое ядро непримиримых, которое все решает, большинство людей постарше боятся их и ненавидят, но, к несчастью, определенная часть молодежи поддерживает, заявляя, что новая “дисциплина” необходима для обеспечения сохранности их идентичности.

— А что армия? — поинтересовалась Пампа Кампана. — Что думают солдаты про увольнения представителей других религий, среди которых должно быть много старших офицеров?

— Пока что армия молчит, — ответил Халея Коте. — Думаю, солдаты боятся, что им прикажут выступить против своих же сограждан, это будет для них сложно, а потому они настаивают на собственном нейтралитете.

Видьясагар очень редко появлялся где-либо. Возраст зажал его в тиски.

— Он отказывается умирать, — рассказывал Халея Коте Пампе Кампане, — или это люди так говорят, но его тело определенно в разладе с духом. Его называют живым человеком внутри уже мертвого тела. Он говорит устами мертвеца и размахивает руками мертвеца. Но он все еще самый могущественный человек в Биснаге. Но-

мер Два не готов идти вразрез с его желаниями, какими бы безумными они ни были. Он возжелал переименовать все улицы, избавиться от старых названий, которые все знают, и заменить на новые, с длинными титулами всяких никому не известных святых, так что теперь уже никто не знает, где что находится, и даже тем, кто давным-давно живет в этом городе, приходится чесать затылки, чтобы найти нужный адрес. Одно из новых требований, за которые нынче борются ремонстранты, — чтобы вернули старые привычные названия. Вот какое безумие творится.

“Ремонстрация” разрослась. Халея Коте встретил множество сторонников, готовых дать ему кров, пищу и укрыть от ненужного внимания. “Ремонстрация” больше не была малым, не имеющим значения культом, теперь ее тайные приверженцы исчислялись тысячами, они сменили свои требования, отказавшись от старых, не особенно приемлемых, и приняв инклюзивное, доброе и синкретичное мировоззрение, благодаря чему превратились в популярную, хотя и запрещенную, оппозиционную партию. У ее платформы была необычная особенность — чтобы смотреть вперед, они оглядывались назад, — иными словами, хотели, чтобы будущее

было таким же, как прошлое, тем самым сделав ностальгию своего рода радикальной идеей, в рамках которой понятия “вперед” и “назад” оказывались скорее синонимами, чем антонимами, и описывали один и тот же процесс, движение в одном и том же направлении.

По городу разбрасывали написанные от руки листовки, на стенах рисовали граффити, но ни то, ни другое не было долговечным. Банды сторонников режима собирали и жгли листовки, и художники граффити знали, что их заклятые враги совсем рядом и нужно работать быстро. Одно-единственное слово — все, что они могли позволить себе написать, — и то к следующему утру оно уже будет смыто. Так что протестовать было сложно, но попытки продолжались. В “Ремонстрации” состоит много высокомотивированных людей. Халея Коте не единожды слышал историю о герое-протестующем, который дерзнул в одиночку встать посреди базара и раздавать листовки. Когда прибыл отряд СБГ, чтобы арестовать его, они обнаружили, что листы бумаги, которые он распространял, были чисты. На них не было надписей, изображений или зашифрованных символов, не было вообще ничего. И все же это ничто разозлило СБГ-шников больше, чем

смогли бы любые призывы или рисунки.

— Что это значит? — допытывались они. — Почему здесь ничего не написано?

— В этом нет нужды, — ответил протестующий. — Все ясно.

Йотшна Сангама вышла из их пристанища, неся воду.

— Дай мужчине отдохнуть и выпить воды, — зло упрекнула она мать. — Он только что вернулся с долгого и опасного задания, на которое ты его послала, он долго и опасно добирался домой, все это отпечаталось годами на его лице, а ты настойчиво допрашиваешь его прямо здесь, даже не позволив бедняге присесть.

Халея Коте с жадностью напился и поблагодарил ее.

— Не волнуйся, царевна, — сказал он, успокоительно коснувшись ее руки. — Лучше я избавлюсь от всего этого сейчас. Память у меня уже не та, и я должен рассказать все раньше, чем начну забывать.

— Хм, — недоверчиво усмехнулась Йотшна, — я вижу, царица все еще способна обвести тебя вокруг пальца. Быть может, когда-нибудь ты начнешь слушать меня.

Она ушла, оставив Халея Коте и Пампу Кампану

в одиночестве. Что же стало с братьями Номера Два, хотела теперь узнать Пампа, лишенным воображения Ерапалли и злобным Гундаппой. Каков их замысел? Создавать неприятности или поддерживать мир?

— Что касается братьев, — сообщил ей Халея Коте, — Номер Два отправил их на завоевание Рачаконды, жители которой до сих пор придерживаются старой культуры *гангаджамны*. Так в тех местах называют смешение хинду и мусульманской культур. В Рачаконде эти две культуры перетекают одна в другую, как реки Ганга и Ямуна, и сливаются в одну.

— Так, как раньше было в Биснаге, — заметила Пампа Кампана.

— Номер Два такого не одобряет, да и СБГ тоже, — пояснил Халея Коте, — и поэтому Ерапалли и Гундаппа получили инструкции разрушить великий форт Рачаконда и убить достаточно людей, чтобы излечить уцелевших от подобных идей. После этого они оба смогут вместе управлять этим регионом.

— А что их дядюшки в своих замках? — задала свой последний вопрос Пампа Кампана. — Какие новости об этих трех бандитах?

— Они никогда ничего особо не значили, —

пояснил Халея Коте. — Их истории не успели начаться, а уже завершаются. Сейчас они старые, больные и далеко от Биснаги, так что тебе не стоит беспокоиться из-за них. Долго они не протянут.

Когда Халея Коте завершил свой отчет, Пампа Кампана медленно кивнула.

— Твои новости о “Ремонстрации” воодушевляют, — заговорила она. — Семена перемен были посеяны, но нужно время, чтобы новые растения начали подрастать. Скоро мне надо будет самой отправиться в Биснагу. Я слишком долго пряталась, как крыса, и ничего не делала. Пришло время снова начать нашептывать людям. И если многие среди молодежи соблазнились идеями Номера Два, это будет тяжелая работа. В конце концов колесо всегда поворачивается, но, если ты сказал о молодежи правду, для этого может понадобиться много времени. И все же нам стоит начать.

— Я слышала, — вопила Йотшна, выбегая из их жилища на поляну, где стояли ее мать и Халея Коте. — Как вы смеете говорить, что оба собираетесь отправиться в Биснагу, то есть в буквальном смысле залезть в самую пасть смерти, и бросить меня в этом лесу одну?

— Ты будешь не одна, — возразила Пампа Кампана. — Здесь Юктасри.

— Нет ее здесь, — причитала Йотшна Сангама. — Она теперь дикарка в джунглях и вместе с другими дикарями несет чушь о розовых обезьянах. Я — единственная из всех нас, кто не утратил разум, и теперь вы бросаете меня одну в этом ужасном месте, чтобы и я сошла с ума.

— Я должна быть там, — уговаривала ее Пампа Кампана. — Если кто-то хочет изменить ход истории, он не сможет делать это издалека.

— А если они поймают тебя, — воскликнула Йотшна, — ты изменишь историю не в том направлении, согласна?!

— Они меня не поймают, — заявила Пампа Кампана, — да и время прошло, оно охладило пыл. К тому же люди забывают. История есть последствие не только человеческих поступков, но и того, о чем люди забыли.

— Тебя трудно забыть, — отвечала ей дочь, — и это безумие.

— Не переживай, — пыталась разубедить ее Пампа Кампана. — Мы украдем лошадей, а потому нас не будет не слишком долго.

Выйдя с Йотшной и Халея Коте на опушку зачарованного леса, Пампа Кампана в первый

раз осознала, что чары Араньяни затуманили у изгнанников ощущение хода лет, и в этом мире без зеркал они, словно слепые, перестали замечать изменения, которым были подвержены их тела, — или, говоря точнее, чары позволили им оставаться неизменными, сохранили их такими, как они были, когда впервые зашли сюда. Теперь она понимала, почему после возвращения из Биснаги Халея Коте выглядел настолько постаревшим. Когда он вышел за пределы леса, его настоящий возраст отпечатался у него на лице, и теперь он казался почти невероятно древним — нет сомнений, что столь долгая жизнь была дарована ему чарами леса. Она стала вычислять свой собственный возраст, о котором никогда ничуть не задумывалась — каким-то образом, она не понимала как, лес словно убрал подобные мысли из ее сознания, — и в результате своих вычислений с тревогой обнаружила, что ей должно быть не меньше восьмидесяти шести; при этом благодаря дарованной Пампе богиней юности — не вечной, но длительной юности! — она все еще обладала возрастом, энергией и внешностью молодой женщины лет двадцати пяти.

Ее подсчеты прервал испуганный голос Йотшны.

— Что ты сделала? — визжала она. — Что со мной случилось?

— Я ничего не делала, — заверила Пампа Кампана, — прошли годы, а мы жили в лесу, словно во сне.

— Но ты, — вопила Йотшна, — ты выглядишь как девочка. Ты выглядишь так, словно ты моя дочь. Кто ты вообще такая? Я даже не знаю, кто ты.

— Я рассказала тебе все, — ответила Пампа Кампана, и в ее голосе звучало глубокое несчастье, — это мое проклятие.

— Нет, — кричала Йотшна, — мое! *Ты* мое проклятие! Посмотри на Халея Коте. Он выглядит так, словно не проживет и часа. Так что ты в конце концов нашла способ, как забрать его у меня.

— Я буду жить, — проговорил Халея Коте, — и вернусь к тебе. Обещаю тебе это.

— Нет, — рыдала Йотшна, — она найдет, как убить тебя. Я знаю, она это сделает. Я никогда тебя больше не увижу.

С этими словами она, рыдая, скрылась в лесной глуши.

Пампа Кампана горестно качала головой, но потом взяла себя в руки.

— Пошли, — обратилась она к Халея Коте, — у

нас есть дела, которые нужно сделать.

Пампа Кампана вернулась в Биснагу с ног до головы закутанная в покрывало, она проползла через секретный туннель “Ремонстрации”, и Халея Коте проводил ее в надежный дом, принадлежавший вдове-астрологу, которая называла себя Мадхури Деви, невысокой почтенной даме в районе сорока, охотно согласившейся приютить Пампу Кампану. (Когда Халея Коте назвал Мадхури Деви имя ее новой гостьи, глаза астролога недоверчиво округлились, но она не стала задавать вопросов и приветствовала Пампу Кампану в своем доме.) Это было время больших потрясений, как в столице империи, так и в цитадели ее противника, Зафарабаде, а потому никто и не думал о прошлой дважды царице, и память людей постарше, которые помнили ее или слушали ее речи, тоже тускнела. Все умы были заняты пертурбациями в правящей династии, а также среди правителей Зафарабада. Хукка Райя II внезапно умер, и по другую сторону северной границы также внезапно умер Султан Зафар II, оба Номера Вторых почили почти одновременно. В обоих государствах разгорелась ожесточенная борьба за власть.

Зафар II не умер мирно во сне, как Хукка Райя II.

Его дядя Дауд в сопровождении еще троих убийц ворвался в его спальню, и его зарезали. Месяц спустя убийца сам был убит во время молитвы в Пятничной Мечети Зафарабада. Другой вельможа, Махмуд, взошел на трон после того, как ослепил восьмилетнего сына Дауда, дабы положить конец любым спорам о престолонаследии. Весь Зафарабад пребывал в состоянии хаоса и смятения.

Между тем в Биснаге дела обстояли намного лучше. У Хукки Райи II было двое сыновей, Вирупакша (нареченный именем в честь божества, считающегося местным воплощением Господа Шивы), Букка (да, еще один Букка) и Дева (что означает просто “Бог”). Вирупакша занял трон, и за несколько следующих месяцев потерял большую часть территории, включая Гоа, после чего был убит *собственными* сыновьями. С этими сыновьями, в свою очередь, разобрался брат Вирупакши Букка, ставший после этого Буккой Райей II, однако и его век был недолог, после его убийства на смену ему пришел третий брат, Дева, полагавший, что, будучи настоящей инкарнацией одноименного божества, имеет божественное право на трон. (Он положит конец череде династических убийств и будет править

на протяжении сорока лет.)

В годы этой смуты в Биснагу прибыл второй португальский торговец лошадьми, Фернан Паес, он был достаточно благоразумен, чтобы не высовываться и не заниматься ничем другим, кроме как продавать своих лошадей и быть готовым уехать в любой момент. Однако бизнес шел хорошо, и он стал наведываться в Биснагу чаще. Он вел журнал, в котором описал обагривших себя кровью Вирупакшу и Букку Райю II как тех, “кому интересно только пить и трахаться, обычно именно в этой последовательности”. Дева Райя мог бы пойти по той же самой кривой дорожке, но он был наиболее внушаемым из братьев, из-за чего, как мы увидим, ему была уготована другая история, он сумел остаться в живых и умереть непримечательной смертью, от старости.

— Мир перевернулся с ног на голову, — размышляла Пампа Кампана, — и моя задача снова развернуть его в правильную сторону.

Даже несмотря на то, что прошло много времени и новый царь Дева Райя считал бегство Пампы Кампаны старой, давно завершенной историей, существовал СБГ, а где-то там все еще существовал и древний Видьясагар, и важно было соблюдать осторожность. В спальне Пампы

был альков, и Мадхури Деви настояла, чтобы в дневные часы ее гостья уходила туда, после чего Мадхури будет загораживать его, передвинув деревянный шкаф-альмиру, чтобы скрыть Пампу. По ночам она будет передвигать альмиру назад, чтобы Пампа Кампана могла выйти. В качестве дополнительной предосторожности Мадхури будет покупать продукты в двух местах, на главном базаре, куда она регулярно ходит и где ее хорошо знают, и на другом, менее крупном рынке на другом конце города, где ее не знает никто; так люди не начнут удивляться, почему она берет продуктов больше, чем нужно одному человеку, и не заподозрят, не покупает ли она на двоих. Пампа Кампана понимала, что ее хозяйка была опытным, профессиональным действующим подпольщиком, и не стала спорить с ее правилами. В своем секретном алькове она принимала позу лотоса и просиживала долгие жаркие дневные часы, закрыв глаза и отпустив свою душу бродить по Биснаге, как это было в давние дни нашептываний, она слушала мысли жителей и подслушивала царские козни. Долго не начинала она шептать вновь. Она слушала и ждала.

Время действовать для нее еще не пришло. Она не разыскивала Видьясагара, ведь, проникни

она в его мысли, этот сморщенный долгожитель наверняка ощутил бы ее бесцеремонное присутствие поблизости и перевернул вверх дном весь город, чтобы разыскать ее, и ее тайное прибежище оставалось бы таковым очень недолго. Она видела его только в проявлениях, в долгой жизни и силе его брата Саяны, тоже очень старого, но все еще бесконечно могущественного, чья черная лапа, как считала Мадхури Деви, оставалась незамеченной за всеми совершенными убийствами.

— Все это время его целью было посадить на трон Деву, — рассказала она Пампе Кампане, — потому что тщеславие и комплекс бога делают его восприимчивым к отвратительной лести, а потому из всех претендентов его легче всего держать под контролем.

И если таким был план Саяны, значит, на самом деле таким был план Видьясагара, а Дева Райя был пешкой старика.

— Я сделаю все, чтобы вырвать этого юного царя из лап старых братьев, — пообещала Пампа Кампана, — и это станет началом возрождения, возвращения Биснаги, которую мы любим.

— На это может понадобиться больше времени, чем ты думаешь, — предупредила Мадхури Деви.

— Почему ты так говоришь? — удивилась Пам-

па Кампана.

— Звезды говорят, — сообщила ей Мадхури Деви, — что ты еще один раз станешь женой царя Биснаги, но не этого, и случится это не скоро.

— Мадхури, ты была так добра, что дала мне убежище, но я не очень-то доверяю звездам, — призналась Пампа Кампана, а потом, через некоторое время, добавила: — А насколько нескоро это случится?

— Я не понимаю, как такое вообще возможно, — мрачно ответила ей Мадхури Деви, — но я не понимаю тогда и как возможна ты сама. Ты — та, о которой рассказывали бабушка с дедушкой, когда я была маленькой, и при этом выглядишь моложе, чем я. Как бы то ни было, звезды говорят очень определенно: это случится примерно через восемьдесят пять лет.

— Слишком долго, — отвечала Пампа Кампана, — нужно будет как-то разобраться с этим.

Во времена его правления люди называли Деву Райю великим монархом, но Пампа Кампана в “Джаяпараджае” называет его “Царь-Марионетка”, поскольку он позволил не одному, а двум невидимым хозяевам дергать его за веревочки, оказавшись во власти двух соперников, чья борьба лежала в основе тайной истории Биснаги:

сначала Видьясагара, священнослужителя, а после “подопечной” этого священнослужителя, той, над кем он надругался, которая отвергла его и стала его величайшим противником — самой Пампы Кампаны, бывшей и будущей царицы империи.

В начале своего правления Дева Райя был послушным творением Саяны и СБГ, иными словами, Видьясагара, невидимого кукловода. Он приказал возвести в самом сердце Царского Квартала великолепный храм Хазара Рама, который стал — и был до самого конца — местом домашних богослужений царей Биснаги. Пуританизм же и нетерпимость СБГ-шников к другим религиям сохранялись. К тому же, находясь под все возрастающим влиянием СБГ, он очень часто отправлялся воевать. За почти сорок лет он захватил все соседние земли и победил всех, включая Махмуда Зафарабадского. Все это служило укреплению его славы, но означало, что город Биснага на долгое время оставался в руках Саяны, который становился все старше и больнее, за чьей спиной стоял Видьясагар, уже много лет как старый и больной. Оказавшись под контролем СБГ-шников, царский совет также зачах. Продолжительное нахождение у власти и преклонный

возраст привели его старших членов к лени и некомпетентности, что, в свою очередь, породило — среди менее старших — значительную финансовую коррупцию и пристрастие к извращенным сексуальным практикам, решительное осуждение которых было частью официальной политики этой организации. Жители Биснаги начали ждать перемен.

Это было началом, которое ждала Пампа Кампана. Она начала нашептывания, шептала все время, что пряталась днем, и большую часть ночи.

— Ты не ешь, — беспокоилась за нее Мадхури Деви. — Если ты человек, то должна есть хоть когда-то.

Пампа Кампана вежливо согласилась выделить тридцать минут в день, чтобы они могли поесть и побеседовать. Все оставшееся время она просиживала с закрытыми глазами, путешествуя по людским умам.

— Ты не спишь, — изумлялась Мадхури Деви, — по крайней мере, я такого не вижу. Что ты такое? Уж не богиня ли посетила мой дом?

— Богиня поселилась во мне, когда я была еще маленькой, — рассказала Пампа Кампана, — и это очень сильно изменило меня, во многом так,

что я сама до сих пор не понимаю.

— Я знала это, — проговорила Мадхури Деви, падая на колени.

— Что ты делаешь? — воскликнула Пампа Кампана.

— Служу тебе, — ответила Мадхури Деви. — Разве не это следует делать?

— Прошу, не надо, — проговорила Пампа Кампана. — Я отдала одну дочь чужеземцу и морю, а двух других бросила в лесу. Сейчас я вижу, что мне понадобится много лет, чтобы решить стоящую передо мной задачу, и когда я это сделаю, возможно, ни одной из моих дочерей уже не будет в живых, Халея Коте к этому времени наверняка умрет, может статься, твой путь тоже будет завершен, и несмотря на все это, внутри меня есть что-то, что не дает мне думать обо всем этом, его заботит лишь стоящая передо мной задача. Я отвернулась от своих дочерей — так же, как моя мать отвернулась от меня. Я совсем не тот человек, которому тебе следует поклоняться. Поднимись с колен немедленно.

Нашептывания не были такими прямолинейными, как вначале. То было время Поколения Сотворенных, рожденных из семян, это были чистые листы, пустые головы, и когда она писала

на этих листах их истории, они принимали рассказы, которые она вкладывала в их головы, не впадая в какое-либо волнение. Она творила их, и они становились людьми, которых она задумала. Не было или почти не было сопротивления. Однако люди, которым она нашептывала теперь, ее задумками не были. Они родились и выросли в Биснаге, подлинная история их семей продолжалась два или даже три поколения. К тому же нынешние авторитеты, СГБ-шники, внушали им, что истинная история рождения Биснаги — ложна, но истинна следующая ложь: Биснага не была взращена из семян, это древнее царство, чья история берет свое начало не из фантазии ведьмы-шептуньи.

И еще одно: город разросся. Теперь нужно было обращаться ко множеству людей, и на этот раз ей придется убеждать многих в том, что культурная, всеобъемлющая и утонченная история Биснаги, которую предлагает им она, лучше узколобой, ограниченной и — как считает она сама — варварской официальной версии истории нынешних времен. И совершенно нельзя было быть уверенной в том, что люди предпочтут утонченное варварскому. Линия партии в отношении приверженцев других вероисповеданий

— мы хорошие, они плохие — отличалась определенной заразительной ясностью. Так же как и идея, что инакомыслие непатриотично. Будь людям предложен выбор между самостоятельным мышлением и слепым следованием за своими лидерами, многие предпочли бы прозорливости слепоту, особенно когда империя процветала, на их столах была еда, а в карманах — деньги. Не каждый хочет думать, предпочитая этому занятию еду и развлечения. Не каждый хочет возлюбить своего соседа. Некоторые предпочитают ненавидеть. Она столкнется с противодействием.

Халея Коте пришел проведать ее посреди ночи, когда она на несколько часов вышла из своего алькова в секретном зашкафном пространстве. Йотша уже говорила ей, что он выглядит ужасно, и вот теперь он выглядел еще хуже, чем когда она отметила это.

— Ходить мне осталось уже недолго, — сказал он Пампе Кампане, — и я должен сдержать обещание.

— Иди, — ответила она.

Из складок одежды она извлекла небольшой мешочек с золотыми монетами.

— Иди и разыщи этого нового чужеземца, сира

Паеса, и купи у него самую быструю лошадь из всех, что он продает. Иди и обними ее, и скажи, что я шлю ей свою любовь.

— Она тоже любит тебя, — ответил Халея Коте, — а сама ты со мной не пойдешь?

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — сообщила Пампа Кампана, — я должна сидеть в дыре за альмирой и пытаться организовать массовое движение. Когда-то я была царицей. Теперь стала революционеркой. Или это слишком громкое слово? Лучше сказать, что я ведьма за шкафом.

— Тогда я попрощаюсь, — сказал Халея Коте, — и отправлюсь в свое последнее путешествие.

(В "Джаяпараджае" Пампа Кампана рассказывает удивительную историю об этом путешествии. Нам следует задаться вопросом, откуда ей известно, что происходило, хотя ее самой там не было. Будет простительно прийти к выводу, что весь этот эпизод — выдумка. Стихи опровергают подобные сомнения. Ей рассказали птицы — так она пишет. Много лет спустя, сообщает она, когда она завершила свое затворничество, вороны и попугаи говорили с ней на Главном Языке.)

— Ему было трудно ехать назад, — сообщила

ворона, — сначала ему пришлось подкупить португальского торговца, чтобы тот вывел лошадь за городские ворота к секретному месту встречи. Позже, по дороге к лесу, ему стало плохо.

— По дороге к лесу у него начался жар, и он стал бредить, — рассказывал попугай, — он ехал верхом и выкрикивал всякую чушь.

Ворона подхватила рассказ.

— Когда он добрался до леса, то уже полностью лишился сознания и не понимал, кто он есть. Все, что он знал, — он должен зайти в лес, чтобы увидеть ее.

— Но, как вам известно, для мужчин, которые не знают — или забыли, — кто они есть, этот лес — опасное место, — сказал попугай.

— Он забежал в лес, выкрикивая ее имя, — продолжала ворона, — но после начал кричать, а когда чары леса взяли над ним верх, он рухнул на землю и больше уже не поднялся.

— Она бежала, — рассказал попугай, — но было слишком поздно.

— Когда она подбежала к распростертому телу, это уже больше не был Халея Коте, ее возлюбленный, — проговорила ворона с большой торжественностью.

— Это была умирающая женщина лет ста на

вид, — грустно сообщил попугай.

— И на ней был костюм старого солдата, — добавила ворона.

12

Когда царский советник Саяна наконец умер, Пампа Кампана решила, что настало время действовать. К этому времени Видьясагар перестал как-либо проявлять себя. Если он на самом деле был все еще жив, то, вероятно, лежал где-нибудь в кроватке, как древний младенец, беспомощный, цепляющийся за жизнь из чистой злобы, но неспособный быть живым. Его время прошло. Стоящие во главе СБГ офицеры тоже были беззубыми и высохшими. Как будто всем заправляли трупы, мертвые правили живыми, и живые устали от этого.

Из своего алькова за альмирой она начала нашептывать царю. В глубине своего дворца Дева Райя хватался за голову, не в силах понять, откуда вдруг взялись эти необычные новые мысли — он не понимал, как могло появиться в нем такое вдохновение, ведь одухотворенность никогда прежде не была ему свойственна, — и в конце концов начал считать, что сумел достичь состояния истинного гения. Так сказал ему голос в его голове. Он превознес его и заявил, что он, голос, является проявлением этого самого гения. Он дол-

жен слушать его и руководствоваться тем, что он — то есть это он лично сам! — велит ему делать.

Голос в голове повелел ему забыть о войне и фанатизме.

“Ты Дева, божественный, да, таков ты и есть, но зачем же быть всего лишь богом Смерти? Тебе не надоело возвращаться домой с войны в брызгах крови, запекшихся и свежих? Не хочешь ли ты вместо этого стать богом Жизни? Вместо армий ты можешь отправлять дипломатов и заключать мир”.

“Да-да, — думал он, — я буду делать ровно так, как сейчас сам себе посоветовал. Я пошлю дипломатов и заключу мир с ними со всеми, почему бы и нет? Даже и с Зафарабадом тоже”.

“И фанатизм, — напомнил ему голос, — забудь о фанатизме тоже”.

“Да-да, — думал он, — я покажу, каким стал толерантным! Я женюсь на джайнистке! На Бхиме Деви, она красивая, я женюсь на ней и тоже буду молиться в ее любимых храмах. И я возьму себе второй женой мусульманку. Ее придется поискать, но я уверен, что справлюсь с этим. Я слышал, что в Мудугале у ювелира-мусульманина есть очень красивая дочь. Присмотрюсь-ка я. А что еще, мой великолепный мозг, что еще?”

“Вода”, — прошептала Пампа Кампана.

“Вода?”

“Город так сильно разросся, что не всем хватает питьевой воды. Построй плотину! Сооруди ее ниже слияния Тунги и Бхадры, там, где они становятся мощной и быстрой Пампой, а потом построй большой акведук, чтобы доставлять в город свежую речную воду, и установи на всех площадях насосы, чтобы жаждущие могли напиться, а грязные — искупаться и отстирать одежду, и тогда люди будут любить тебя. Заслужить любовь водой проще, чем победами”.

“Да-да! Плотина! Акведук! Насосы! Вода — это любовь. Я буду Богоцарем Плотин Любви. Я заставлю любовь растекаться по всему городу и сделаюсь Любимым Народом, Наивозлюбленнейшим. Что-нибудь еще?”

“Ты должен стать патроном искусств! Пригласи ко двору поэтов, Кумару Вьясу, чтобы писал на языке каннада, Кунду Димдиму, чтобы писал на санскрите, и царя поэтов, Сринатху, чтобы писал на телугу! И знаешь что? Бьюсь об заклад, ты и сам способен создавать прекрасную поэзию!”

“Да-да, поэзия, поэты. И любовная лирика! Я могу писать ее и буду!”

“Пригласи еще математиков. Наши люди лю-

бят математику! И пригласи корабелов, чтобы они строили не только военные корабли, но и торговые суда и королевские баржи, на которых ты сможешь посетить триста портов империи! И позаботься, чтобы большинство из этих новоприбывших — художников, поэтов, счетоводов, дизайнеров — составляли женщины, они достойны этого не меньше мужчин!"

"Да-да! Я осуществлю все это и еще больше. Мои мысли умнее меня самого, но с этого момента я буду столь же велик, как и мои мысли".

"Ах, вот еще что. Избавься от этих мумифицированных старых священников, которые окружают тебя и нашептывают тебе в уши свои старомодные идеи, и верни старый царский совет. Ты можешь включить в него всех — математиков, архитекторов, которые будут строить плотину и акведук, дипломатов, — их сияние сделает еще более ярким твой собственный блеск".

"Отличная идея! Я счастлив, что она внезапно пришла мне в голову. Я сделаю это прямо сейчас".

И теперь, подумала Пампа Кампана, мой внук-убийца — марионетка, которую я дергаю за ниточки.

В те дни у жителей Биснаги были сложные

отношения с воспоминаниями. Возможно, они не доверяли им подсознательно, даже не зная либо не веря, что в начале времен Пампа Кампана посеяла выдуманные истории в их предков и создала целый город своим плодовитым воображением. Как бы то ни было, они были людьми, которых мало заботил день вчерашний. Они предпочитали — как дикарки из леса Аранья-ни! — жить полностью в сегодняшнем дне, не особо оглядываясь на то, что было прежде; если им и приходилось задумываться о каком-то другом дне, то это был день завтрашний. Это делало Биснагу динамичным местом, способным аккумулировать огромную, направленную в будущее энергию, но также и местом, где существовала проблема всех страдающих амнезией, состоящая в том, что отвернуться от истории — значит сделать возможным циклическое повторение ее преступлений.

Девяносто лет прошло с тех пор, как Хукка и Букка посадили волшебные семена, и к этому времени большинство людей уже считали это сказкой и верили, что имя “Пампа Кампана” принадлежало доброй волшебнице, не настоящему человеку, а персонажу этой истории. Даже Дева Райя, ее внук, считал так. Он знал историю о том,

как его отец Бхагават Сангама, отверженный ребенок колдуньи, сделался Хуккой Райей II и дал обет отомстить Пампе, своей нелюбящей матери, бабке Девы Райи, а также любимицам Пампы Кампаны, ее дочерям. Даже если все это наполовину правда, думал Дева Райя, то все оно уже в прошлом. Если его бабка жива, ей должно быть около ста и еще десяти лет, и это, конечно, абсурд. И вся эта чепуха о ее колдовстве также абсурдна. Вероятно, она была злобной старухой, но не была колдуньей, а теперь ее не стало, и этот старый мир мог исчезнуть вместе с ней. Все, чего он хотел, — внимать голосу-гению у себя в голове, который указывал ему дорогу в будущее. Пришло время акведуков, математиков, судов, послов и поэзии. Да-да!

А что же Видьясагар? Враг Пампы Кампаны проживал последние дни своей жизни, его план жить так же долго, как она, и разрушать ее начинания, провалился. Ей больше не нужно было его бояться.

После того как Дева Райя внезапно радикально изменил свою политику, на улицах начались драки. Головорезы из ставшей ненужной властной структуры не сдавались так просто. С детских кроваток для древних получившая отставку ста-

рая гвардия руководила своими штурмовыми отрядами и пыталась взять улицы под контроль. Они не привыкли, чтобы им перечили. Они привыкли к собственной линии, к тому, что их боятся и, следовательно, слушаются. Однако столкнулись с внезапным противодействием. Годы нашептываний принесли неожиданные плоды. Повсюду в Биснаге — из закоулков и с широких авеню, из тихих убежищ стариков и мест шумных скоплений молодежи — люди выходили за двери и выказывали свой протест. Знамя “Ремонстрации” — руку с поднятым вверх, словно ремонстрирующим, протестующим указательным пальцем — можно было увидеть на улицах повсюду, а изображенный на нем символ красовался на множестве стен. Порожденное Пампой Кампаной преображение проявлялось во всей своей удивительной силе. Это было рождением того, что стало известно под именем “Новая Ремонстрация”; это движение более не было направлено против искусства и женщин и не выражало неприятия многообразия сексуальной жизни, оно приветствовало поэзию, свободу, женщин и радости, а из изначального манифеста Первой Ремонстрации сохранило лишь первый пункт — против вмешательства религиозного

мира в работу правительства, второй — против массовых религиозных собраний, и четвертый, который призывал отдавать предпочтение миру, а не войне. Отряды головорезов *старого режима* отступали в беспорядке. Этот режим казался всемогущим, непобедимым, но в конце концов весь его аппарат рассыпался за считаные дни и развеялся, подобно пыли, продемонстрировав, что прогнил изнутри, а потому, когда его столкнули, оказался слишком слаб, чтобы выстоять.

Царь у себя во дворце, сбитый с толку быстротой происходящих событий, услышал голос, который он считал голосом своего собственного гения, он прошептал ему в ухо:

“Ты справился”.

“Да-да, — убеждал он себя, — я справился”.

В Биснаге наступил новый день. Пампа Кампана покинула свой альков и вышла на дневной свет. Маскировкой — *аджнятвасом* — ей служил ее собственный облик. В годы второго золотого века, последовавшие за великой Сменой и вознесением членов “Ремонстрации” до видных постов в городском правительстве, Пампа Кампана была неузнаваема, все воспринимали ее как женщину лет двадцати пяти, и лишь узкий круг приближенных знал, что она — великая ос-

новательница города, чей возраст приближается к ста десяти годам. Астролог Мадхури Деви, ее ближайшая наперсница, а ныне еще и один из высших лидеров “Ремонстрации”, член царского совета, рекомендовала царю свою подругу как женщину выдающихся качеств, которую следует нанять на работу во благо государства.

— Как твое имя? — спросил Дева Райя, когда к нему доставили Пампу Кампану.

— Пампа Кампана, — ответила Пампа Кампана.

Дева Райя захлебывался от смеха.

— Это отлично, — кричал он, вытирая глаза, — да-да, юная леди! Ты — моя бабушка, конечно же да, и тебе повезло — я не разделяю отцовских обид, но нам в команду нужен мудрый матриарх, такой, как ты.

— Нет, Ваше Величество, благодарю вас, — надменно отвечала ему Пампа Кампана. — Во-первых, если вы не верите мне сейчас, когда я никто, то вы не будете доверять мне и когда я сделаюсь вашим советником. А во-вторых, моя подруга Мадхури Деви, астролог, сказала мне, что мое время еще не пришло, что пройдет еще несколько десятилетий, и лишь потом я сделаюсь женой другого царя. Ни при каких условиях я не могу

выйти за вас замуж, поскольку это будет инцест.

Дева Райя снова залился раскатистым смехом.

— Мадхури Деви, — кричал он, — у твоей подруги отличное чувство юмора. Быть может, она согласится присоединиться к нам в качестве придворного шута? Много лет я так не смеялся.

— С вашего позволения, Ваше Величество, — произнесла Пампа Кампана, стараясь не выдать обиды, — я бы хотела уйти.

Правление Девы Райи стало для Пампы Кампаны временем большого успеха, и она вполне могла бы по праву гордиться этим. Однако описывая это время в своих стихах, она остается жестоко самокритичной.

“Я начинаю чувствовать, — писала она, — что я больше, чем один человек, и что не все эти люди достойны восхищения. Я — мать этого города (пусть лишь немногие верят, что это так), но нахожусь вдали от своих собственных дочерей, и в разлуке с ними я совершенно перестаю ощущать себя их матерью. Идут годы, а я не знаю даже такой малости, живы они или нет. Как выглядят пожилые женщины, которыми они стали, если все еще живы, зеленоглазые пожилые женщины, которых я не знаю и которые, в свою очередь, не знают меня, пусть я каким-то чудесным образом

и остаюсь той, кем была жизнь назад. Эта женщина, человек, чье отражение я вижу в воде или зеркале, мне и самой неизвестно, кто она. Моя дочь Йотшна задала мне этот вопрос: «Кто ты?», и я не смогла на него ответить".

"Эта вечная юность — своеобразное проклятие. Эта способность влиять на мысли других и изменять историю — еще одно проклятие. Волшебство, чары магических семян и метаморфоз, пределов которым я сама не знаю, — третье. Я — призрак, заключенный в теле, которое отказывается стареть. Видьясагар и я — мы, по большому счету, одинаковы. Мы оба — призраки самих себя, потерявшие себя внутри. Что мне известно — так это то, что я — плохая мать, и все мои сыновья и дочери с этим согласятся. Порой мне кажется, что я не человек вовсе, что меня больше нет, что больше не существует того «я», с которым я могла бы себя соотнести. Быть может, мне следует взять новое имя — или много новых имен — для того бесконечного будущего, что простирается передо мной. Когда я называю свое имя, то не верю в это сама, потому как я конечно же невозможна".

"Я тень или я сон. Однажды ночью, когда тьма развеется, я могу просто оказаться частью этой тьмы и исчезнуть. Нередко я ощущаю, что это

было бы не так уж и плохо”.

В день, когда умер Видьясагар и город погрузился в траур и молитвы, Пампа Кампана, охваченная меланхолией иного рода, впервые посетила питейное заведение под названием “Кешью” и заказала там кувшин крепкой фени, которую когда-то давно Халея Коте пил в компании будущего царя. Она опустошила половину кувшина, когда к ней подошел человек с зелеными глазами и рыжими волосами, смотревшийся здесь чужеземцем.

— Прекрасная дама вроде вас не должна сидеть здесь с кувшином, полным одинокой тоски, — произнес мужчина с сильным акцентом, — если позволите, я хотел бы облегчить ваш груз.

Она пристально его осмотрела.

— Это невозможно, — удивилась она, — ты давно мертв. Я тут единственная, кто не умирает. — Уверяю вас, что я жив, — отвечал незнакомец.

— Не будь смешным, — попросила она, — тебя зовут Доминго Нуниш, это мне известно потому, что мы многие годы были любовниками, и твое появление вызвано алкоголем, потому что тебя совершенно точно давно нет на свете.

И с ее языка почти сорвалась следующая фраза, но так и осталась несказанной: “кстати говоря,

ты отец трех моих дочерей".

— Я слышал имя Нуниша, — с восхищением отвечал незнакомец, — он был одним из первопроходцев, проложивших сюда дорогу моему бизнесу. Но он — человек из далекого прошлого, слишком далекого для тебя, конечно. Я тоже португалец. Меня зовут Фернан Паес.

Пампа Кампана осмотрела его еще пристальнее.

— Фернан Паес, — повторила она.

— К вашим услугам, — заявил он.

— Это безумие, — сообщила она, — в самом деле как две капли воды.

— Вы позволите мне присесть рядом с вами? — поинтересовался он.

— Я слишком стара для тебя, — ответила она, — но я здесь тоже в своем роде иностранка. Никто не узнает меня. Я построила этот город, но я в нем чужая. Так что мы оба чужаки. Мы оба просто проходим мимо. У нас есть что-то общее. Присаживайся.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — признался Фернан Паес, — но хотел бы это выяснить.

— Мне сто восемь лет, — заявила Пампа Кампана.

Фернан Паес улыбнулся своей самой заискива-

ющей улыбкой.

— Мне нравятся женщины постарше, — сообщил он.

Он разбогател, продавая лошадей царю, вельможам и в кавалерию, так что отстроил каменный особняк в португальском стиле, с большими украшенными ставнями окнами с видом на город, с зеленым садом, орошаемым одним из первых каналов, вырытых для подачи воды из огромного резервуара, возникшего благодаря новой речной плотине. Еще он владеет полем сахарного тростника и даже небольшим участком леса. Пампа Кампана перебралась из дома астролога в резиденцию чужестранца. “Я стала человеком без дома, — поняла она, — и вынуждена полагаться на милость других”.

Фернан Паес был человеком эмоциональным и сложным, и мог любить Пампу Кампану несмотря на то, что не верил историям, которые она рассказывала ему о своей жизни. Когда человек путешествует через континенты и океаны, то слышит много историй из жизни, в которые ни один здравомыслящий человек никогда не сможет поверить. В аденском порту он встречал обедневшего моряка, который клялся, что в более счастливые времена открыл секрет превраще-

ния неблагородных металлов в золото, но у него украли формулу, когда в Средиземном море он попал в плен к пиратам, и теперь, из-за удара по голове, он не может ее вспомнить, и так далее. И он встречал карлицу, которая утверждала, что раньше была великаншей, пока колдун своим заклинанием не уменьшил ее в размерах, и так далее, и так далее; и мальчика из Бриндизи, обладавшего самым острым зрением из всех, кого Паес когда-либо видел, который утверждал, что родился ястребом, пока колдун своим заклинанием не спустил его на землю, превратив в ребенка с ястребиными глазами, и так далее, и так далее, и так далее.

Повсюду в мире ему попадались люди, рассказывавшие истории о том, что они не те, кем кажутся, что раньше они были лучше или хуже, но определенно другими, другими на сто процентов. Паес даже встречал нищенку ста лет от роду, что собирала милостыню на берегу Красного моря и рассказала ему, что, когда ей был двадцать один год, в нее влюбился ангел, он унес ее на небеса, но когда живые люди попадают на небеса, с ними творится нехорошее, они очень быстро стареют и умирают в течение нескольких часов, поэтому я умоляла ангела вернуть меня на

землю, сказала она, и когда я приземлилась, то выглядела вот так, сир, а это было всего два года назад, сир, и вы должны поверить, что всего за два года я стала такой, а мне все еще двадцать три. Поскольку Фернан Паес уже слышал, как та старая женщина рассказывала, что на самом деле молода, он не сильно удивился, когда услышал, как молодая женщина прикидывается старой, и принял то, что сказала ему Пампа Кампана, не осуждая ее. Весь мир безумен. Таково было его глубочайшее убеждение. Он был единственным здравомыслящим человеком.

Переехав в дом Паеса, Пампа Кампана поначалу решила, что влюблена в него, но позже поняла, что испытывает облегчение. С тех пор как она вернулась из леса, она расстраивалась, даже обижалась из-за недоверия, с которым ее встретили все, кроме Мадхури Деви, скептицизма, кульминацией которого стал бесцеремонный смех царя, но теперь это чувство оскорбленности сменилось ощущением удовольствия от своей новой анонимности. Впервые с девяти лет ей не надо было оправдываться за то, что она Пампа Кампана, точнее говоря, она могла быть “этой” Пампой Кампаной — никем с громким старинным именем, — а не “настоящей” Пампой, которой, как

считали почти все, больше не было на свете, она сохранилась только в воспоминаниях. Жизнь дала ей второй шанс и возможность занять в этом мире обыкновенное, а не безжалостно выдающееся место. Этот мужчина, Паес, был живым и предприимчивым, он казался искренним в своих чувствах к ней и, что самое главное, подолгу отсутствовал, разъезжая туда-сюда между Биснагой и Персией с Аравией в поисках подходящих для продажи лошадей.

“Он и в самом деле лучший из всех возможных мужчин, — размышляла она, — он верный и любящий, и дает мне хорошую крышу над головой и еду в желудок, к тому же большую часть времени его здесь нет”.

Так Пампа Кампана вступила во вторую стадию своего изгнания, во время которой она, физически находясь в Биснаге, соглашалась с общим мнением, что она — не тот человек, которым, как ей было известно, она на самом деле была, — а просто другой, незначительный человек, носящий то же имя. Ее единственной непрекращающейся болью, которую еще больше усугубляло поразительное сходство Фернана Паеса с Доминго Нунишем, были ее дочери; они не нуждались в материнской заботе, это правда,

к этому времени они уже стали пожилыми дамами, однако не знать, что с ними, здоровы они или нездоровы, счастливы или несчастливы, живы или мертвы, — вот что было трудно. Зерелда избрала жизненный путь, который подходил ей, — точно так же, как и Доминго Нуниш, *она унаследовала это от него*, думала Пампа Кампана; Юктасри чувствовала себя дома среди этих диких лесных женщин и даже стала одной из них; Пампа Кампана часто успокаивала себя, что это — двое из трех. Проблемой была Йотшна. У Йотшны были основания для обиды, Йотшна не простит свою мать. Именно обвиняющие глаза Йотшны преследовали Пампу Кампану в ее снах.

Фернан признался ей, что озадачен поведением царя.

— Когда я впервые приехал в Биснагу, все убивали всех, — признался он ей однажды за завтраком. (Он завтракал, как дикарь: много дрожжевого хлеба, ломтики сыра из коровьего молока и кофе, тоже разведенный в коровьем молоке, который он называл *галан*, — ни один нормальный человек не стал бы есть такое в начале дня.)

— И я записал у себя в журнале, — продолжал он, — что Деве Райе и его кровожадным братьям

интересно только пить и трахаться. А мог бы еще приписать *и убивать друг друга*.

Ох, это мужчины моей потомственной линии, подумала Пампа Кампана. Никчемные отбросы, вот кто они все. Отцы, которые приходились мне сыновьями, и их сыновья.

— Потом Дева Райя попал под влияние Видья-сагара, Саяны и СБГ, стал трезвенником и даже пуританином, — рассказывал Паес, — а потом вдруг неожиданно изменился снова, прогнал священников, и все радовались этому его новому широкомыслию и открытости, и теперь у нас бывают торжества и гулянья, и люди говорят, что это великий царь, что настал золотой век. Лично мое мнение, что этот парень не думает своей головой, ему нужен кто-то, кто скажет ему, как себя вести и что делать, но я представить не могу, кто мог отвратить его от теократов. Где-то должен существовать секретный советник или советники, нашептывающие ему в уши.

Да, мой милый, подумала Пампа Кампана, но, когда я говорила тебе об этом, ты мне не поверил.

— Возможно, это Мадхури Деви, — сказала она. — "Новая Ремонстрация" похоже сделалась правящей партией, теми, кого царь использует,

чтобы всем управлять.

Дружба Пампы Кампаны с Мадхури Деви продолжилась, и старый астролог, ныне ставшая царским советником, часто рассказывала ей о том, что происходит во дворце. Несмотря на то что теперь у Мадхури были апартаменты в дворцовом комплексе, она сохранила свой старый дом, и они с Пампой встречались там наедине, чтобы выпить чаю и посплетничать.

— Дело в том, что Дева Райя утратил любой интерес к тому, чтобы оставаться царем, — рассказывала Мадхури. — Он сбросил все на нас и вернулся к своим разгульным юношеским привычкам, хотя на самом деле он больше не способен на настоящую дикость.

— Пить и трахаться, — задумчиво произнесла Пампа Кампана, — в особенности трахаться, по-видимому. Весь рынок обсуждает армию его жен. — Это траханье по большей части теоретическое, — сообщила Мадхури Деви. — Да, двенадцать тысяч жен. Это чтобы продемонстрировать его сексуальную мощь. Сомневаюсь, что он способен на что-нибудь горяченькое хотя бы с одной из них. Форма у него плохая, да и здоровье. Ему просто нравится наряжаться в зеленые атласные одежды и носить ожерелья с драгоцен-

ными камнями, надевать на пальцы множество колец и нежиться, положив голову на колени одной из жен, в окружении других жен, и чтобы все остальные стояли вокруг. Существует план организовать в городе процессию из всех его жен, чтобы показать их людям. Четыре тысячи из них пойдут пешком, чтобы продемонстрировать, что они лишь чуточку выше, чем домашние слуги. Четыре тысячи поедут на лошадях, чтобы показать, что их статус выше. А еще четыре тысячи понесут в паланкинах. И это самое худшее.

— Почему?

— Он хочет, чтобы эти четыре тысячи сожгли себя вместе с ним на погребальном костре, когда он умрет. Это было условие, на котором он сделал их царицами, и поскольку они его приняли, он велел оказывать им наибольшие почести.

— В Биснаге больше не будет сожжений живых женщин на погребальных кострах их мужей, — в ярости заявила Пампа Кампана. — Никогда больше!

— Поддерживаю, — согласилась Мадхури Деви. — Я думаю, что это часть старого менталитета СГБ, который все еще сидит у него в голове.

Наблюдая за тем, как Фернан Паес поглощает свой завтрак дикаря, Пампа Кампана вспоминала

свою мать и страшный огонь; она решила, что еще раз, как можно скорее, начнет нашептывать царю. Поев, Фернан Паес вскочил на ноги, готовый к новому дню. Перед тем как отправиться в конюшню, он обратился к Пампе Кампане с еще одной мудрой речью.

— Когда люди говорят, что наступил золотой век, — сказал он, — они всегда думают, что настал новый мир, который будет существовать вечно. Но правда об этих так называемых золотых веках состоит в том, что они всегда скоротечны. Возможно, несколько лет. А потом всегда приходит беда.

В жаркий сезон до прихода дождей они спали на плоской крыше дома Фернана Паеса на сплетенных из канатов кроватях-*чарпаи*, занавешенных белой москитной сеткой, отчего Пампе Кампане казалось, что весь мир по другую сторону — лишь видение, а она сама — единственное живое существо в нем. Оказываясь в темноте внутри этого белого куба, она ощущала себя еще неродившейся, той, кому еще только предстоит ступить в эту жизнь и превратить ее в нечто новое, прежде невиданное. Она начала чувствовать надежду, представляла, что несется верхом на *яли*, своеобразном леогрифе, преодолев по-

рог жизни, в будущее. В те дни Дева Райя отдал приказ о строительстве нового храма, Виттхалы, сооружение которого займет девяносто лет. Тогда, в начале строительства, ряд каменных *яли* гарцевал под открытым небом, ожидая, когда вокруг них и над ними вырастет могучее сооружение. Когда кто-то заходил в храм, или выходил из него, или собирался начать какое-то новое дело, ему следовало попросить у *яли* благословения. Пампа Кампана поняла, что ее сон с *яли* — благое предзнаменование для нового начала.

Знала она и то, что подобные суеверия — чепуха и что на них следует полагаться не больше, чем на астрологические предсказания ее подруги.

Однажды ночью, когда воздух, словно чрево, был наполнен влагой, готовой, но все еще не исторгающейся на землю, Пампу Кампану разбудило карканье вороны над ухом. Она проснулась и поняла, что другой ее мир пришел за ней, чтобы увести.

— Ка-ах-ех-ва, — позвала она тихо, чтобы не разбудить спящего под соседней москитной сеткой Фернана Паеса.

— Ну, не совсем, — ответила ей на Главном Языке ворона, — но да, родственница. Можете обращаться ко мне, как вам угодно.

— Ты принесла мне послание, — поняла Пампа Кампана, — мои дочери, как они?

— Есть только одна дочь, — отвечала ворона. — Она и отправила послание.

— А что с другой моей дочерью? — спросила Пампа Кампана, хотя уже знала ответ.

— Умерла давным-давно, — кратко сообщила ворона. — Говорят, из-за разбитого сердца, но я этого не знаю. Я всего лишь посланник. Не убивайте меня. Я просто ворона.

Пампа Кампана сделала глубокий вдох и подавила слезы.

— Что за послание? — спросила она.

Послание от Юктасри было: “Война”.

13

Поначалу розовые обезьяны прибывали небольшими группами и вели себя вежливо. Они были способны общаться на искаженном, уродливом Главном Языке. Их можно было понять, несмотря на смешное произношение. Они рассказывали, что по сути они просто торговцы, состоящие на службе у торговой компании, расположенной где-то очень далеко, но даже того отдаленного места достигли слухи о богатствах леса Араньяни, где можно найти то, что не произрастает больше нигде в мире, — ягоды, от неведомого вкуса которых на глазах у тех, кто их ест, выступают слезы радости, тыквы, такие сладкие, как ни одна другая тыква, а также фрукты, не имеющие названий, поскольку они никогда прежде не попадали во внешний мир, где вещи, чтобы существовать, должны иметь названия; в лесных реках водились безымянные рыбы, настолько питательные, что люди — и обезьяны — были готовы пересечь весь мир, чтобы попробовать их.

Мы просим вашего разрешения забирать часть лесных даров, сказали розовые обезьяны, и будем

платить вам в любой валюте, которая вам нужна. Быть может, вам пришло время узнать ценность серебра и золота, поучали розовые обезьяны коричневых и зеленых обезьян и через них весь лес и даже саму Араньяни. Набор звуков, которые они издавали, описывая эти монеты, напоминал слово из языка восточного побережья, *качу*, которое, поскольку они не могли произнести его правильно, звучало как *кэш*.

– *Качу, кэш* — это будущее, — говорили они. — С *качу* у вас будет место в этом будущем. А без него, к сожалению, для вас не останется места, и в конце концов будущее придет к вам, как лесной пожар, и спалит ваши джунгли дотла.

Зеленых и коричневых обезьян подкупила любезность розовых и напугали обрисованные ими угрозы, и они согласились сотрудничать. Прочие обитатели леса проигнорировали посольство этих странных пришельцев с ужасным акцентом. Только лесные дикарки и, как говорят, сама Араньяни, поняли, что это угроза для их образа жизни. “Будущее” было опасностью, с которой у них не было никакого желания сталкиваться. Но они долго не знали, что предпринять.

(Возможно, мы сможем лучше понять историю о розовых обезьянах, если примем во

внимание нашедшее отражение в "Джаяпараджае" почтительное отношение ко Времени — Времени, состоящем из множества вчера, сегодня и завтра. Обезьяны, с которыми мы впервые столкнулись в этих стихах, серые лангуры-хануманы из Биснаги, являются, можно сказать, обращением поэта к мифологическому прошлому, описанному в великих легендах, в то время как эти розовые пришельцы олицетворяют пока не известное завтра, завтра, которое полностью наступит спустя много лет после того, как поэт закончил свое творение. По крайней мере, таково предположение, которое, при всей должной скромности, мы хотим высказать здесь.)

Когда Пампа Кампана сообщила Фернану Паесу, что должна его покинуть и будет благодарна, если он подарит ей лошадь, чужеземец не стал спорить.

— В самом начале ты сказала мне, что лишь мимоходом пройдешь через мою жизнь, — сказал он, — так что я не могу пожаловаться, что ты каким-то образом ввела меня в заблуждение. И если ты, как ты говоришь, чудесное создание из далекого прошлого и была когда-то любовницей Доминго Нуниша, я должен признать — хоть и не могу в это поверить, — что ты видишь во

мне не более чем отголосок или замену твоему прежнему возлюбленному. Как бы то ни было, я благодарен за подаренное мне время, и лошадь — самое малое, что я могу предложить взамен.

Она в последний раз встретилась с Мадхури Деви в старом доме с альковом.

— Я больше никогда тебя не увижу, — сказала она бывшему астрологу, — но я знаю, что оставляю город и империю в надежных руках. Обязательно найди надежные руки, чтобы передать их, когда придет твое время.

— Я никогда не думала о тебе как о сверхъестественном существе, хотя ты — это оно, — ответила Мадхури Деви, — но теперь вижу одиночество и тоску, которые это тебе приносит. Мы для тебя — лишь тени, мелькающие на экране. Как же одиноко тебе должно быть.

— Прошлой ночью я нашептывала царю, — сообщила Пампа Кампана, — так что не удивляйся, когда он объявит о своем решении запретить по всей империи сожжения вдов и поднять статус женщин в Биснаге до прежнего уровня.

— “Новая Ремонстрация” не позволила бы проводить сожжения в любом случае, — сказала Мадхури Деви. — Но спасибо, будет проще, если царь уже согласен.

— Больше никаких сожжений вдов, — произнесла Пампа Кампана вместо “прощай”.

— Больше никаких сожжений вдов, — отвечала Мадхури Деви. После они расстались, зная, что эта разлука будет вечной.

После того как Пампа Кампана во второй раз покинула Биснагу, так называемый “второй золотой век” внезапно закончился, словно своим уходом она опустила над этими годами занавес. Дева Райя умер, и — к счастью — ни одна из женщин не сгорела на его погребальном костре. Двенадцать тысяч жен выпустили в большой мир, чтобы они смогли устроиться в нем настолько хорошо, насколько смогут. После настало время некомпетентности и коррупции. Опустим череду некомпетентных царей, каждый из которых был убит своим последователем на троне. Имели место обезглавливания и головы, набитые соломой. В конце концов последний жалкий царь из рода Сангама был обезглавлен собственным генералом по имени Салува, и династия основателей Биснаги завершилась.

Пампа Кампана мало что говорит нам о недолговечной “династии Салува”, несмотря на то что в этот период благосостояние империи было в значительной степени восстановлено, но она с

любовью пишет о некоем Тулуве Нарасе Наяке, другом генерале, чья “династия Тулува” вскоре вытеснила Салувов — он вернул оставшиеся утраченные территории, держал Зафарабад и других противников на расстоянии и стал отцом человека, во время правления которого Пампа Кампана получит самый важный урок любви за всю свою долгую жизнь. В своей эпической поэме она дразнит нас, своих читателей, намекнув на грядущую историю любви, но отказавшись развивать эту тему дальше, она лишь пишет со свойственной ей простотой формулировок:

“Прежде всего этого нам нужно было сразиться с обезьянами”.

По дороге из Биснаги Пампа Кампана, расстроенная своим последним разговором с Фернаном Паесом, во время которого он понял, что является не чем иным как отголоском из прошлого, думала о Доминго Нунише и трех своих дочерях, отцом для которых он был — отцом, оставшимся в тени, отцом, чье отцовство никогда не было признано. Я обидела его, думала она, быть может, поэтому у меня нет внуков по его линии. Это месть его крови. Ее дочери, унаследовавшие, по крайней мере, часть способностей к магии, которыми наделила ее богиня, станут окончанием линии,

а не началом династии. Магия исчезнет из этого мира, и ее место займет банальность. Она скакала в лес Араньяни, в самое сердце сказки, и заранее оплакивала победу обыденности, рутины над этой иной реальностью. Победу линии обыкновенных мальчиков над линией необыкновенных девочек. И, возможно, розовых обезьян над женским лесом.

Юктасри Сангама поджидала ее на опушке леса, она была похожа на призрак собственной матери. Разница в их внешности была ей безразлична.

— Я знаю, что значит быть твоей дочерью, — обратилась она к Пампе Кампане. — Это значит стать перед смертью твоей бабушкой.

Желания обсуждать это дальше у нее не было.

— Я слишком долго ждала до того, как позвала тебя, — призналась она. — Дела здесь обстоят скверно, и последняя схватка должна начаться очень скоро.

Проблемы начались с того, что зеленые и коричневые обезьяны захотели пригласить на свои деревья розовых. Вскоре некоторые из розовых вожаков убедили зеленых обезьян, что им нужно бояться коричневого племени, в то время как другие розовые вожаки убедили коричневых в злобных намерениях зеленых. Мир в лесу был

нарушен, и в одной части леса розовые обезьяны хитро встали на сторону зеленых, а в другой — коричневых и помогли своим союзникам победить “соперников”, попросив в награду лишь контроль над древесным миром побежденных племен. За поразительно короткое время розовые обезьяны закрепились в лесу и использовали это обстоятельство, чтобы расширить зону своего контроля. Они даже наняли множество зеленых и коричневых обезьян, чтобы они помогали им в их предприятии. После этого богатства леса оказались в их власти. — Мы ничего не сделали, — сообщила Юктасри матери.

— Мы думали, что это дело обезьяньего народа и нам не следует вмешиваться. Мы сделали глупость. Мы должны были догадаться, что розовые будут прибывать снова, снова и снова, волна за волной, пока не захватят весь лес целиком.

Богиня Араньяни наверняка могла бы предотвратить захват леса, предположила Пампа Кампана, но Юктасри покачала головой.

— Она может окружить лес своим магическим кругом, своей защитной линией-*рекхой*, — сказала Юктасри, — но она не работает, если лесные жители сами приглашают незваных гостей войти. А теперь розовые — также жители леса, их

поддерживают многие среди зеленых и коричневых, они призывают поделить лес на зеленые и коричневые зоны и слишком тупоголовы, чтобы понять, что их подход приведет к тому, что останется только одна зона, не зеленая и не коричневая. Обезьяны, что с них взять?

Так сказала Юктасри, ее небрежение обычным для обитателей джунглей взаимным уважением указывало на то, как плохи дела.

— Их ничему невозможно научить.

— Как я могу помочь? — спросила Пампа Кампана. — Я уже не живу здесь.

— Я не знаю, — ответила Юктасри, — но думаю, что погибну, сражаясь с розовыми захватчиками, и мне хочется, чтобы ты тоже была здесь.

— Это потому, что тебе нужна мама, — уточнила Пампа Кампана, — или потому, что ты хочешь, чтобы она тоже пала в битве?

— Не знаю, — ответила Юктасри, — возможно, и то и другое.

(В этом месте в рукописи "Джаяпараджаи" мы находим необъяснимый разрыв в повествовании. Возможно, автор уничтожила несколько страниц — может быть, из-за того, что ей было больно в деталях описывать противостояние с дочерью, просто потому, что Пампа Кампана

задвинула на задний план эту личную историю, чтобы завершить свой рассказ о кризисе. В следующем фрагменте она резко обрывает сцену между матерью и дочерью и описывает свой второй визит к невидимой лесной богине Араньяни. Вот эта сцена — такая, как описала Пампа Кампана. Следует отметить, что это единственная во всем корпусе древней литературы сцена, когда лесная богиня предстала во плоти перед каким-либо человеческим существом.)

Она, Пампа Кампана, раскинула руки и назвала имя богини. Как и прежде, налетел вихрь, он словно укрыл ее покрывалом из листьев и унес в небеса. Там были злобные соколы-*чилы*, они снова кружили над верхушками леса, был и золотистый шар света, а она, Пампа Кампана, стояла на самой высокой ветке самого большого дерева в лесу. Однако на этот раз шар света распался в воздухе, и перед ней предстала Араньяни, она парила в небе, явившись перед Пампой Кампаной без прикрас — золотой короны или драгоценного сияния, исходящего от божеств, — а в простом платье жительницы лесов.

— Спрашивай, — велела она, как и прежде.

— Когда мне было девять лет, в меня вошла сама великая богиня Пампа, — начала Пампа

Кампана, — и если во мне еще осталась ее частица, возможно, мое тело обладает большей силой, чем я думаю, и если выпустить ее наружу, я смогу присоединить ее к твоей, и вместе мы сможем избавить лес от этой чумы, что принесли с собой короткохвостые безволосые иноземцы.

— Да, эта сила внутри тебя, — сообщила ей Араньяни, — и эта сила значительно превосходит мою собственную. Я могу выпустить ее наружу. Но когда такая сила вырывается из человеческого тела, очень вероятно, что человеческое тело распадется. Если ты сделаешь это, я не могу обещать тебе, что ты останешься в живых.

— Я подводила своих дочерей на протяжении всей их жизни, — проговорила Пампа Кампана. — Хотя бы на этот раз я смогу ответить, когда один из моих детей просит меня о помощи.

— Есть кое-что еще, — рассказала Араньяни, — скоро наступит момент, когда боги удалятся из этого мира и перестанут вмешиваться в его историю. Очень скоро людям — да и обезьянам всех цветов радуги, раз уж на то пошло, — придется учиться справляться со всем без нас и самим творить собственные истории.

— Что станет с лесом, когда он перестанет находиться под твоим покровительством? — спросила

Пампа Кампана.

— Он разделит горькую судьбу множества лесов, что ждет их в эру людей, — отвечала Араньяни. — Сюда придут люди и либо сделают здесь открытые всем ветрам сельскохозяйственные поля, либо дома и дороги, и, может быть, останется небольшой лес-призрак, и женщины будут говорить, смотрите, здесь сохранилась память о лесе Араньяни, а мужчины не станут им верить, или их это не будет заботить.

— И это не тревожит тебя?

— Наше время истекло, — сказал Араньяни, — теперь пробил ваш час. Так что даже если ты — или вышедшая из тебя богиня — и я вместе сможем победить в этой битве, после этого никто, ни животные, ни люди, уже не смогут рассчитывать на нашу защиту, или советы, либо помощь. Победа может быть настоящей, но при этом также временной. Ты должна это понимать.

– *Навсегда* — слово, лишенное смысла, — отвечала Пампа Кампана. — *Сейчас* — единственное, что меня волнует.

Когда Араньяни величественно спустилась на лесную землю, все живые существа склонились перед ней, объятые страхом и уважением. Никто из них прежде не лицезрел существа божествен-

ной природы, и их единственной надлежащей реакцией была благодарность и благоговейный трепет. В тот день все розовые обезьяны были изгнаны из джунглей. Они ушли молча или, самое большее, бормоча себе под нос, что их изгнание несправедливо и у них есть уверенность, что они однажды вернутся. Женщины-дикарки сопроводили их до выхода из леса, но все понимали, что приближаются основные силы захватчиков, и это был всего лишь предварительный ход. Пампа Кампана и богиня выступили бок о бок, чтобы встретить врага. Когда они приблизились к северной границе территории, которой предстояло стать полем боя, Юктасри Сангама в последний раз подошла к своей матери.

— Я хочу сказать до свиданья, — сказала она, — и спасибо.

Они выступили бок о бок
Двое великих
Богиня и Женщина
Великолепные стояли рядом
Против тонкой розовой полоски
Наших захватчиков
Они нанесли страшные потери
Нашим врагам.

(Она сообщает нам — Пампа Кампана сообщает нам, — что много позже дикарки рассказали ей, что Юктасри *умерла спокойной и счастливой, когда увидела, что ты победила в войне*, и лесные животные рассказали ей о том, что видели, и она перевела их слова с Главного Языка и изложила в своих безупречных стихах.)

Эта Война не была просто Битвой
Но Мигом Деяний
Они стали два Золотых Солнца
Богиня и Женщина
Сверкали, слепили, палили
Полностью испепелили Врага
Своим огнем.

После этих невиданных, катастрофических событий жительницы леса отнесли неподвижное тело Пампы Кампаны в ее старый дом в джунглях и положили отдыхать на ложе из мягких мхов и листьев. Ее рот и глаза были открыты, им пришлось закрыть их, и женщины решили, что она мертва, и начали заниматься подготовкой погребального костра, но тут воздух наполнился голосом Араньяни — богиня в последний раз обратилась к земным женщинам со словами:

— Она не умерла, а спит. Я погрузила ее в этот

глубокий исцеляющий сон и окружу огромными зарослями колючих растений, а вы должны оставить ее там, пока ее не пробудит проявление любви.

Шло время. Чувствуете ли вы его ход? Время шло, как призрак в коридоре, проплывающий мимо белых занавесок, развевающихся в открытых окнах, как корабль в ночи или стая птиц высоко в небе, время шло, тени удлинялись и отступали, листья вырастали и опадали с ветвей, и были жизнь и смерть.

И однажды Пампа Кампана почувствовала, как будто легкий ветерок касается ее щеки, и открыла глаза.

Над ней склонилась молодая женщина, чье лицо было настолько похоже на ее собственное, что ей показалось, что она парит над своим телом и смотрит на себя сверху вниз. Потом в голове прояснилось. Женщина была одета, как воин, и на спине у нее висел большой меч.

— Кто ты? — спросила Пампа Кампана.

— Я Зерелда Ли, — ответила та, — дочь дочери дочери Зерелды Сангамы и Великого Мастера Ли Е-Хэ. Весь мой род разными путями ушел из этой жизни, оставив меня с единственной живой родственницей, о которой были последние слова

моей умирающей матери — те же слова, что сказала ей ее мать, а ей ее и ее. “Матриархом нашего рода является женщина по имени Пампа Кампана, — сказала она мне, — и она до сих пор жива. Отправляйся в лес Араньяни и заставь ее отдать тебе то, что она тебе должна”. Я крепко сжала ее руку. “Что она должна мне, мама?” — спросила я, и она ответила: “Все”, — а потом умерла.

— И вот ты здесь, — заключила Пампа Кампана.

— Никто из моих предков не верил тому, что им сказали, они думали, что просто невозможно, чтобы ты до сих пор находилась в нашем мире. Я же по определенной причине не сомневалась в том, что это правда, и начала поиски, они были долгими и трудными. Я прорубила себе дорогу сквозь колючие растения, чтобы найти тебя, — сообщила Зерелда Ли, — вот этим мечом, который ты должна узнать. А потом я тебя поцеловала, надеюсь, ты не будешь против, и скорее всего, это вернуло тебя к жизни.

— Проявление любви, — произнесла Пампа Кампана. — И твоя мама была права.

— Что ты должна отдать мне все?

— Да, — сказала Пампа Кампана, — я сделаю это.

Время вернулось, чтобы приветствовать ее, и история возродилась вновь. Шел 1509 год. Пампе Кампане был сто девяносто один год, и она выглядела лет на тридцать пять, максимум на тридцать восемь.

— Наконец-то, — призналась она Зерелде Ли, — пусть ненадолго, но я все же выгляжу старше тебя. И да, я вижу, ты унаследовала этот прославленный меч. Но унаследовала ли ты также от своих предков и мастерство владения им?

— Мне говорили, что я так же хороша, как знаменитые Зерелда Сангама и Великий Мастер Ли Е-Хэ вместе взятые, — отвечала молодая женщина.

— Хорошо, — сказала Пампа Кампана. — Эти навыки могут нам понадобиться.

Пампа Кампана во второй раз из трех, дарованных богиней, воспользовалась даром превращений. Она достала из кармана перья сокола-*чила* и протянула одно Зерелде Ли, а второе зажала в руке, и вот они уже летели, летели в сторону Биснаги, престол которой готовился занять величайший за всю историю империи царь и где вот-вот должна была начаться история любви, о которой Пампа Кампана сообщала нам намеками; вначале это будет не ее история, и она будет

причинять ей сердечную боль, но впоследствии превратится в самую странную историю любви, которую она когда-либо знала.

Часть третья. Слава

14

До того как город был окончательно разрушен, Биснагой правили двадцать два *райи*, Кришна Райя был восемнадцатым и самым прославленным из всех. Вскоре после того, как сделался царем, он начал добавлять к своему имени слово *дева*, бог, отражавшее его высокое мнение о самом себе, и сделался Кришнадеварайей, Кришной-богоцарем, однако в начале правления он был просто Кришной, нареченным именем в честь всеми любимого божества с синей кожей — это верно, — он не был при этом ни синекожим, ни божественным, хотя слово “всеми любимый” отлично ему подходило. При жизни и после смерти придворные поэты воспевали его на трех языках, создавая исключительно хвалебные образы; сохранилось множество его статуй, на них он тоже был изображен комплиментарно — в камне он был красивее, стройнее и мускулистее, и если бы скульптор вложил ему в руки флейту или посадил у ног несколько влюбленных пастушек, его легко можно было бы принять за бога, в честь которого он был назван. В реальной жизни, если говорить начистоту, у него было несколько

излишне круглое лицо с отметинами от оспы, от которой он счастливо излечился в детстве. При этом он мог похвастаться роскошными закручивающимися вверх усами и мощной челюстью, поговаривали также — хотя это может оказаться просто лестью со стороны придворных, — что ему не было равных по части сексуальной мощи.

Не одна, а сразу две недавно открытые рукописи описывают его восхождение на то, что теперь называется Львиным, а иногда и Алмазным, троном, — к этому времени настоящий трон заменил изначальные царские матрасы-*гадди*. В своем пересказе мы, как обычно, опираемся в первую очередь на труд Пампы Кампаны, однако был найден также дневник итальянского путешественника Никколо де Вьери, посетившего Биснагу во времена Кришнадеварайи — того самого Вьери, который называл себя синьором Римбальцо, господином Попрыгунчиком, потому что большую часть своей жизни прыгал с места на место. Оба источника приводят девять разных версий истории о том, как Кришнадеварайя стал царем (версии Вьери более кровожадны, чем версии Пампы Кампаны, которые содержат больше информации о прядильщиках, чем об этом историческом событии).

Вьери сообщает нам, что Кришна и его сильно старший сводный брат, Нарасимха, враждовали. Оба они были сыновьями первого царя из династии Тулува, то есть самого Тулувы, низкокастового военачальника, захватившего трон, однако их матери, обе амбициозные бывшие куртизанки — Типпамба была матерью старшего сына, а Нагамамба младшего — ненавидели друг друга и воспитали своих сыновей в том же духе. Когда Тулува умирал, Нарасимха приказал главному царскому министру выколоть своему младшему брату Кришне глаза и принести их ему в качестве доказательства (так пишет Никколо де Вьери). Однако министр — Салува Тиммарасу, о котором еще многое будет сказано, — вместо этого убил козу и принес ее глаза умирающему Нарасимхе, удостоверившись, таким образом, что после его смерти на троне его сменит Кришна.

Пампа Кампана, однако, сообщает, что между сводными братьями не было вражды и что на самом деле Нарасимха добровольно отказался от права на трон и передал Кришне царский перстень с печатью.

Но нет же! — восклицает Вьери, все было так: мать Нарасимхи, злобная Типпамба, замыслила убить Кришну, и, чтобы его спасти, Тиммарасу

пришлось его прятать.

Ерунда, отвечает Пампа Кампана, правда в том, что прекрасный царевич Кришна играл на берегу реки на своей флейте, и все люди собрались послушать его и изумлялись, говоря: воистину, бог ходит среди нас; и это решило все.

На это Вьери отвечает историей о том, как на смертном одре Тулува, отец Нарасимхи и Кришны, сказал двум своим сыновьям, что царем станет тот, кто сможет снять с его пальца кольцо с печатью. Нарасимха попытался сделать это, но палец был слишком опухшим, ведь старик был изнутри наполнен смертью; тогда Кришна просто отрубил отцу палец и заграбастал себе кольцо.

Очевидно, что Пампа Кампана отводит в своем рассказе мало места ужасным и жестоким легендам, которые, похоже, забавляют иностранца Вьери. Она предполагает, что на самом деле старый царь Тулува положил в центр большого ковра кинжал и велел сыновьям забрать его, не наступив на ковер. Нарасимха растерялся, а Кришна просто свернул ковер так, что смог дотянуться до кинжала, и таким образом одержал победу в поединке.

В ответ Вьери сообщает о слухах о смертельной схватке между сводными братьями, в конце кото-

рой Кришна встал над трупом соперника, высоко подняв свой окровавленный меч и получив, таким образом, корону.

Ко всем этим рассказам можно отнестись с уважением, а можно отмахнуться от них, как от любых небылиц, тут уж как решит читатель. Для наших же целей наиболее важной — хотя, возможно, она же и самая невероятная — оказывается восьмая версия происшедшего, в которой Пампа Кампана, вместе с Зерелдой Ли, принимает непосредственное участие.

В день смерти своего отца *(рассказывает нам Пампа Кампана)* Кришна и его сводный брат вместе вышли к воротам дворца, чтобы сообщить собравшейся толпе о смерти Тулувы Райи. Когда они вышли к людям, Кришна взглянул в небо и увидел двух соколов-*чилов*, круживших над их головами, точно воздушные змеи, высоко в раскаленном воздухе. Они сделали один, два, три круга, пока ему не стало ясно, что они появились как предзнаменование.

— Если они сделают над нами семь кругов, — заявил он, — будет наверняка ясно, что они прибыли с посланием от богов.

И в самом деле, два воздушных змея пролетели семь кругов, постепенно снижаясь, все ниже и

ниже с каждым новым кругом, пока не пролетели над самыми головами у двоих царевичей. Затем они ударились о землю у их ног и ко всеобщему изумлению обернулись двумя самыми красивыми женщинами, каких кто-либо когда-либо видел, — небесные сестры, вот кем они казались. Стремительным движением они преклонили колени перед царевичем Кришной, склонили головы и протянули ему свои мечи.

— Мы здесь, чтобы служить тебе и империи Биснага, — сказали они.

После этого не было никаких споров о том, кто унаследует Львиный трон. Сводный брат Нарасимха исчез из истории Пампы Кампаны, и больше о нем никто никогда не слышал. Остается надеяться, что Кришна Райя позволил ему дожить до конца своих дней в комфортной анонимности.

Эффектное появление в Биснаге Пампы Кампаны и Зерелды Ли было игрой ва-банк, и она оправдала себя. Появившись столь лихо, они рисковали, что существа, коими они себя показали, вызовут у людей скорее страх и враждебность, нежели благосклонность. Но Пампа Кампана решительно собиралась на этот раз зайти в Биснагу через парадный вход, а не вползти по туннелю.

На этот раз ей хотелось, чтобы все видели, кто она и какова есть. К счастью, они выбрали идеальный момент. Свежекоронованный Кришна Тулува — теперь Кришна Райя — уверовал, что Пампа Кампана и Зерелда Ли были сверхъестественными существами, *апсарами* (небесными нимфами, про которых было известно, что они способны менять обличье), посланными с небес на землю для того, чтобы благословить его правление, после чего их безопасность была гарантирована. Им выделили роскошные апартаменты во дворце, и они выразили свою благодарность за это, хотя Пампе Кампане, помнившей дни, проведенные в покоях царицы, пришлось подавить прилив разочарования. Было очевидно, что молодой царь опьянен двумя спустившимися с небес женщинами, которых все без исключения считали сестрами, и уже подумывал об отношениях, однако то, кому из них он отдаст предпочтение, оставалось неясным, даже для него самого. Но поначалу он был поглощен государственными делами и понимал, что с любовью и браком придется повременить.

К этому времени великий старый султанат Зафарабад раскололся на пять небольших государств — Ахмаднагар, Берар, Бидар, Биджапур и Голконда, — и никто уже больше не говорил о

Призрачном Султанате. Таков ход истории: то, что было наваждением в один ее момент, в другой отправляется на свалку истории. Все пятеро новых султанов, неудовлетворенные своими ужатыми территориями, жаждали завоеваний, в особенности султан богатой алмазами Голконды, который был счастлив освободиться от господства старого режима Зафарабада и имел собственные планы по установлению нового господства над регионом. Помимо этого, царство династии Гаджапати на востоке сделалось более могущественным и также имело виды на земли империи Биснага. Воцарение на Львином троне нового, молодого и неопытного царя вдохновило их попытать удачу.

Когда армия Кришны Райи была готова выступить против атаковавших их объединенных сил Бидара и Биджапура, Пампа Кампана и Зерелда Ли попросили царя об аудиенции.

— Не причисляйте нас к разодетым в парчу придворным дамам, привыкшим бездельничать среди шелковых тканей и евнухов, дни напролет распевающим любовные песни, курящим опиум и пьющим сладкий гранатовый сок, — заявила царю Пампа Кампана. — В своем распоряжении вы не найдете более искусных воинов, чем мы.

Кришна Райя был под впечатлением.

— Старый *квун*, сооруженный еще во времена Великого мастера Ли, до сих пор стоит, — отвечал он. — Мы соберем там самых лучших женщин-воинов из нашей дворцовой стражи и посмотрим, как вы сможете им противостоять.

— Мы учились у самых лучших, — сказала Зерелда Ли, — так что предпочли бы, чтобы нас проверяли в бою и с мужчинами, и с женщинами.

— Не стоит недооценивать здешних женщин-воинов, — вмешалась внушительных размеров дама, возглавлявшая царскую охрану. — Моей прародительницей была непобедимая Улупи, меня нарекли именем в ее честь. Вы увидите, что я не уступаю ни одному мужчине.

Царь был озадачен.

— Хватит, довольно, — со смехом распорядился он. — Улупи Младшая сразится с вами обеими, две мои *апсары*, и мы отыщем обыкновенного мужчину, чтобы он тоже мог испытать вас.

Он призвал Тимму Огромного (его называли так потому, что это было точным описанием его внешности, а также чтобы избежать путаницы с Салува Тиммарасу, премьер-министром Кришны Райи). Об этом огромном, молчаливом великане

говорили, что он скорее слон, нежели человек — его руки были похожи на два длинных хобота, они могли поднять врага в воздух и отбросить на большое расстояние, а гигантские ноги могли расплющить противника под своим невообразимым весом. Ему требовалось так много пищи, что он, как рабочий слон, был вынужден носить еду в мешке, закрепленном на шее; когда он не дрался и не спал, он ел. Было достаточно одного его появления на поле боя, чтобы заставить целые взводы противников развернуться и обратиться в бегство. Его любимым оружием была дубина, но, отправляясь в *квун*, он прихватил еще и копье. Балконы *квуна* были забиты людьми. Никто не думал, что у двух женщин есть хоть какие-то шансы, пусть они и прибыли сюда с небес, и зрители делали крупные ставки на их проигрыш. Тимма и Улупи Младшая были безусловными фаворитами. Один лишь царь, в качестве дружеского жеста в отношении недавно прибывших, благословивших его притязания на престол сверхъестественных женщин, поставил на них крупную сумму, которая еще долго продолжала приносить ему дивиденды.

Битва началась, и очень скоро все те, кто поддержал местных героев, поняли, что их деньги

пропали. Это зрелище — две *апсары*, вращающиеся в воздухе, чтобы атаковать противника сверху, взбегающие по стенам и несущиеся вдоль крыши *квуна*, чтобы нырнуть вниз, атаковать и ретироваться снова, — заставило закружиться головы не только у зрителей, но и их соперников, которым вскоре пришлось встать в центре боевой арены *квуна* спина к спине, размахивая руками и делая выпады в пустоту. Воздушный балет двух женщин, почти экстатически прекрасных, перемежавшийся боевыми схватками на мечах, измотал Тимму Огромного и Улупи Младшую, у которых для обороны остались лишь разбитая дубинка, потрепанное копье и сломанный меч. Когда Тимма наконец, тяжело дыша, опустился на колени, царь бросил на арену кусок алой материи — это означало, что бой окончен. После этого дня в Биснаге больше не стоял вопрос о том, кто является самыми свирепыми воинами, и Кришна Райя провозгласил:

— Эти воины, все четверо, будут участвовать вместе со мною в войнах, и ни одна сила на земле не сможет противостоять нам.

Самые пожилые из зрителей, хорошо знакомые со старыми преданьями, говорили друг другу:

— Единственными во все времена женщина-

ми, способными вот так сражаться, были Пампа Кампана и три ее дочери, в особенности Зерелда Сангама.

Эти воспоминания стремительно пронеслись по галереям *квуна*, спустились на арену и достигли ушей сражавшихся и царя.

— Тогда называйте меня Пампа Кампана, — сказала Пампа Кампана. — Я стану вторым ее пришествием. Или, если быть точнее, третьим.

— А меня зовите Зерелдой, — добавила Зерелда Ли, — я стану перерождением этой великой женщины.

Золотые монеты, выигранные Кришной Райей благодаря ставке на двух женщин, потратили на то, чтобы купить еду и раздать ее бедным. Таким образом и царя, и обеих победительниц люди начали воспринимать как своих добродетельных благодетелей и очень любить.

— В Биснаге началась новая эра, — стали говорить люди, и это было правдой.

На ночных стоянках во время марша в Дивани, где им предстояло лицом к лицу встретиться с армиями Биджапура и Бидара, Пампа Кампана и Зерелда Ли останавливались в одной палатке, и это время — впервые в нескончаемом круговороте событий, последовавшем за их первой

встречей, — предоставило им первую возможность начать узнавать друг друга.

— Расскажи мне свою историю, — попросила Пампа Кампана, и молодая женщина, от своей необычной жизни ставшая по натуре скрытной и замкнутой, открылась своей призрачной юной прародительнице, бывшей также отправной точкой и причиной всех необычностей.

— Я родилась на корабле, — сообщила она. — Никто не может прорасти корнями в море. Так происходило с нами с тех пор, как Зерелда Сангама и Великий мастер Ли присоединились к генералу Чжэн Хэ. Мы стали женщинами на кораблях, наши пути лежали там. Здесь повсюду мы находили себе мужчин, но не выходили за них замуж, следуя примеру Зерелды Сангамы и Великого мастера Ли, которые никогда не были женаты, но оставались преданы друг другу всю свою жизнь, мы рожали дочерей, снова и снова, и нарекали их именем Зерелды Сангамы — Зерелду за Зерелдой за Зерелдой; это закончилось на мне, а я была шестым поколением! Свою фамилию мы пронесли через все эти поколения тоже. Так что мы звались Зерелда Ли Первая, Вторая, Третья и так далее. Что касается меня, у меня была мама, а больше никого не было. Отец пропал в каком-то

порту. На борту не было других детей, так что ко мне с самого начала относились как ко взрослой и ожидали от меня взрослого поведения. Я росла молчаливой и внимательной, думаю, что мужчины на борту — в татуировках, с золотыми зубами, кривыми ногами и повязками на глазах, похожие на пиратов, таких нормальные девушки боятся, — немного меня опасались, еще они сильно боялись мою маму, а потому держались от нас на расстоянии.

Корабль был единственным местом, которое я знала, он был моей родной улицей, но в каждом порту, куда мы прибывали, меня ждал новый мир, который ненадолго становился частью и моего мира тоже. Ява, Бруней, Сиам, далекие азиатские острова, а в противоположном направлении — земли Аравии, мыс Африки, Побережье суахили. Когда мы довезли жирафа из Африки до самого Китая, император заявил, что это — его Небесный Мандат, доказательство того, что небеса благословили и утвердили его правление. Мы привозили еще и страусов, но им не приписывали божественное происхождение, слишком уж глупо они выглядели. Такой была моя жизнь, повсюду и нигде, и я поняла, что обладаю даром хранить в своем сознании формы вещей. Я сдела-

лась картой мира.

Я узнала, что мир безграничен в своей красоте, но также безжалостен, неумолим, жаден, беспечен и жесток. Я узнала, что любви по большей части нет, а когда она случается, бывает порывистой, текучей и, в конце концов, оставляет неудовлетворенность. Я узнала, что общества, которые выстраивают мужчины, зиждутся на угнетении многих немногими, но я не поняла, я до сих пор не понимаю, как эти многие соглашаются с этим угнетением. Возможно, потому что, если они воспротивятся и восстанут, за этим последует лишь еще более жестокое угнетение, чем то, которое они победили. Я начала думать, что мне не очень-то нравятся люди, но я любила горы, музыку, леса, танцы, широкие реки, песни и, конечно, море. Море было моим домом. И наконец я узнала, что мир забирает у тебя твой дом, не испытывая при этом ни малейших мук совести. Когда мы были где-то возле восточного побережья Африки, на борт пришла желтая лихорадка. Меня она обошла стороной, но многие, включая мою маму, умерли. Все, что у меня осталось, — это то, чему она меня научила, высокое искусство вести бой, и ее предсмертные слова, предсмертные слова всех женщин по имени Зерелда: “Разыщи

Пампу Кампану". И вот я здесь, а тебе теперь все известно.

— Твоя карта мира? — спросила Пампа Кампана. — У тебя в голове на самом деле настоящая карта? Можешь ли ты видеть, как сочленен этот мир? Как *здесь* соединяется с *там*, как это влияет на него и как оно изменяется? Можешь ли ты видеть формы вещей?

— Да, — отвечала Зерелда Ли, — я вижу это очень отчетливо.

— Тогда я расскажу тебе, кто есть я, — продолжала Пампа Кампана. — Я — карта времени. Я несу в себе уже почти два века и вберу еще полвека до того, как со мной будет покончено. И ровно так же, как ты можешь видеть, как *здесь* соединяется с *там*, я чувствую, как *тогда* соединяется с *сейчас*.

— Тогда давай обе изготовим свои карты, — предложила Зерелда Ли и захлопала в ладоши. — Я нарисую свою на бумаге, если ты согласишься сделать то же со своей. Я попрошу царя создать Зал Карты и покрою каждый сантиметр стен и даже потолка рисунками огромного лежащего за океаном мира, а ты должна попросить чистую книгу, которую ты будешь заполнять историей, мечтами и даже, возможно, будущим, когда в нем

окажешься.

Там, в спартанском полевом лагере, по дороге на войну и зародился великий шедевр Пампы Кампаны. Она всерьез взялась за написание “Джаяпараджаи”, хотя это означало, что ей придется вновь пережить ужас поглотившего ее мать пламени, а Зерелда Ли начала рисовать карты, которые на протяжении последующих пятидесяти пяти лет будут считаться вершиной искусства картографа. Увы, Зал Карты не уцелел при разрушении Биснаги, и от гениальности Зерелды Ли, которой мы могли бы восхищаться, не осталось и следа.

Сражение при Дивани не было долгим, и его было бы правильнее назвать разгромом. Когда армии Биджапура и Бидара бежали с поля боя, побежденные султаны пали ниц к ногам Кришны Райи, ожидая, что их растопчет его боевой слон Масти Мадахасти, восседая на котором в своем золотом паланкине Кришна Райя взирал на них с широкой желтозубой улыбкой победителя. Однако Кришна осадил слона. — У него чувствительные ступни, — сообщил он распростертым перед ним султанам, — и я не хочу травмировать их, если этого можно избежать. А потому я предполагаю, что вы можете остаться в живых

и вернуться на свои жалкие троны, но с этого момента оба ваши султаната будут подчиняться империи Биснага, вы признаете мое превосходство и будете платить мне дань. Надеюсь, вы примете это щедрое предложение, иначе Масти Мадахасти придется все же рискнуть своими нежными ногами.

— Только одно условие, — сообщил из горизонтальной позиции султан Биджапура. — Мы не готовы перейти в вашу религию с ее тысячей и одним богом, и если вы будете настаивать на этом, то позвольте слону показать все, на что он способен. Прав ли я, мой друг Бидар?

Султан Бидара некоторое время думал, а затем ответил:

— Да, — сказал он, — думаю, это верно.

Кришна Райя громко хохотнул, однако веселья в его смехе было мало.

— С чего бы мне настаивать на этом? — спросил он. — Во-первых, такое принятие веры бесчестно. Из истории нам известно, что основатели Биснаги Хукка и Букка Сангама были насильно обращены Делийским султаном, и какое-то время им пришлось притворяться, что они принимают вашего скучного единого бога, однако при первой же возможности они отказались от

этой чепухи. Во-вторых, если вас обратить, вы потеряете поддержку своих собственных народов и из-за этого не сможете убедить их, как выгодно им проявлять лояльность к империи Биснага, и мне будет мало пользы от вас. И в-третьих, если бы каким-то чудом ваши народы последовали за вами и массово обратились в индуизм, кто тогда занимал бы все те прекрасные мечети, которые вы понастроили в своих султанатах? Так что сохраняйте свою веру, мой слон не будет возражать против этого. Но если вы продемонстрируете хотя бы малейшую нелояльность к империи, Масти Мадахасти, видимо, все же придется рискнуть своими нежными ступнями и затоптать вас обоих до смерти.

В тот век отсеченных и набитых соломой голов, в век убийств и растаптывания слонами весть о милосердном поступке Кришны Райи быстро распространилась повсюду и сработала в его пользу. Так началась легенда о новом Боге-Царе, столь же божественном, как и бог, в честь которого он был назван, легенда, в которую, к несчастью, очень скоро поверил и сам Кришна Райя. Пампа Кампана же обнаружила, что в тот день у него был и более убедительный мотив совершить этот акт милосердия. Прощая поверженных султанов,

Кришна Райя на миг оторвал взгляд от их распростертых в унижении тел и метнул его между Зерелдой Ли и Пампой Кампаной. Верхом на лошадях они располагались справа от его слона. Слева стояли пешие Улупи Младшая и Тимма Огромный, но царь не бросил в их сторону ни единого взгляда. Зерелда Ли продолжала смотреть прямо перед собой и никак не показала, что заметила пристальный царский взгляд, но Пампа Кампана прямо взглянула на него в ответ и смотрела до тех пор, пока его ухмылка не стала шире — и при этом еще желтее — и он, очевидно, не покраснел.

Пампа Кампана сложила ладони и начала аплодировать его мудрости. В благодарность за этот жест он склонил голову, ведь, как оказалось, одобрение со стороны двух *ancap* было тем, чего он страстно желал. Стало ясно, что начало чему-то положено.

Великий министр — *Махамантри* — Салува Тиммарасу был человеком, который разъяснил молодому Кришне Райе важность числа семь. Существует, учил он, семь способов взаимодействия с противником: ты можешь попытаться с ним договориться, можешь подкупить его или устроить смуту на его территориях; ты можешь

лгать ему в мирное время и обманывать на поле боя; естественно, ты можешь атаковать его, и это наиболее предпочтительный способ, или же, наконец — что не рекомендуется — можешь помиловать его. Когда Кришна Райя помиловал двух султанов при Дивани, практически все одобрили это и оценили его человечный поступок. Однако Тиммарасу приветствовал его возвращение следующими словами:

— Надеюсь, это было не настоящее помилование, потому что этим вы показали бы свою слабость, но, если вы сыграли с ними трюк, он был хорош.

— Сначала я напал на них и поверг, — ответил Кришна Райя, — а затем подкупил их тем, что сохранил жизнь, и сделал это под видом помилования, я вел себя как разумный человек. Мы отправим в Биджапур и Бидар шпионов, которые будут создавать для них сложности, так что они увязнут в локальных разногласиях, а значит, не смогут снова предпринять что-либо против нас, а если они обвинят нас в том, что мы это сделали, мы будем лгать им в ответ. Можешь называть это трюком, если желаешь. Я же предпочитаю думать, что одновременно использовал все семь способов.

Тиммарасу оказался под впечатлением.

— Я вижу, что ученик превзошел своего учителя, — проговорил он.

— Ты не единожды спасал мне жизнь, — ответил Кришна Райя, — так что ты всегда будешь моей правой рукой, и я буду продолжать учиться у тебя всему, чему ты должен меня научить.

— В таком случае добро пожаловать домой, — приветствовал его Тиммарасу. — И я должен прямо сейчас рассказать вам про семь царских пороков.

Кришна Райя снова занял Львиный трон.

— Я уже сейчас могу опротестовать два из них, — сообщил он. — Я не пью и не играю в кости, так что можешь не рассказывать мне историю из "Махабхараты" о Юдхиштхире, который бросил кости и потерял свое царство и жену. Ее знают все. Избавь меня также от аллегорий с богом смерти и отравленными водами озера.

— Вы также доказали, что избегаете жестокости во время войны, — согласился Тиммарасу, — но в вас уже поселился такой порок, как высокомерие. Вот над чем нам следует работать.

— Не сейчас, — пренебрежительно отмахнулся царь. — Давай следующие три.

— Охота, — подсказал Тиммарасу.

— Я ненавижу охоту, — признался Кришна Райя. — Занятие для варваров. Я предпочитаю поэзию и музыку.

— Сорить деньгами, — продолжал Тиммарасу.

— Деньги будут твоей заботой, — царь отвечал со смехом, но было непонятно, шутит ли он на самом деле. — Мешки с деньгами казны находятся у тебя в руках, как и право облагать кого-либо налогами. Если ты станешь жадным или, напротив, начнешь транжирить деньги, я отрублю тебе голову.

— Справедливо, — ответил Тиммарасу.

— Так в чем состоит последний порок? — поинтересовался Кришна Райя.

— Женщины, — отвечал ему министр.

— Если ты собираешься сказать мне, что мне разрешено иметь всего семь жен, — перебил его Кришна Райя, — даже не трудись. В некоторых вопросах число семь совершенно неприменимо.

— Понятно, — согласился Тиммарасу, — хотя мне есть что сказать вам об этом в следующий раз. Сейчас же я лишь попрошу вас принять мои поздравления. Пять из семи — это неплохо. Из вас выйдет отличный царь.

И он подошел к царю вплотную и с силой ударил его по лицу. Не успел Кришна Райя сказать,

как он шокирован и обижен, Тиммарасу проговорил:

— Это чтобы напомнить вам, что обычные люди страдают от боли каждый божий день.

— Слишком много уроков для одного дня, — ответил царь, потирая лицо, — тебе повезло, что я только что сказал, что готов у тебя учиться.

15

Касательно “женского порока”: вскоре после победы при Дивани Кришна Райя решил превратить царскую *зенану* — прилегающее к его собственным покоям в Лотосовом Дворце женское крыло — в роскошную имитацию мира своего божественного тезки и объявил жителям Биснаги, что сто восемь самых красивых их дочерей удостоятся чести быть избранными в качестве царских *гопи*. Он освободит их от обязанности доить коров — в конце концов, это же очевидно, что он не собирается превратить царскую резиденцию в коровий дворец. Начнем сначала: братья Сангама были пастухами коров, так что, возможно, во времена Хукки и Букки во дворце и несло навозом, но их династии уже давно нет и в помине, все это — древняя история, и поэтому никаких коров не будет. Пастушки, которым не надо будет доить вонючее вымя, будут окружены заботой, они будут жить в праздности — можно сказать, даже великолепии, — и их единственной обязанностью будет дарить безусловную любовь. Когда он захочет играть на флейте, они будут танцевать для него, и их танец будет *Рас-Лилой*,

танцем божественной любви. У него будут жены трех рангов — снизу супруги-посланницы, в середине супруги-прислужницы, и над всеми ними будет стоять его царица, которую — после того, как выберет — он наречет именем Радха вместе с восьмеркой жен-*варишттха, гопи* наивысшего ранга, его постоянных спутниц, которым он даст имена из древних сказаний — Лалита, Вишакха, Чампака-Маллика, Читра, Тунгавидья, Индулекха, Ранга и Судеви. Сложнее всего будет найти жену на роль Радхи, ведь она должна быть настоящим воплощением Блаженного Могущества.

— Так начнем же поиски! — распорядился он. — Когда я отыщу их всех, я переименую также *зенану*, и она будет называться Рощей Тулси, так же как священная роща богов, и во всей империи будет править любовь.

В этот же момент он, по собственным словам, "неохотно, со всей должной скромностью и глубоким ощущением того, что недостоин такой чести, уступил звучащему отовсюду требованию народа" и позволил изменить свое царственное имя. До конца своих дней он будет именоваться Кришнадеварайя, Богоцарь.

Узнав, что царь собирается отдать подобное распоряжение, Салува Тиммарасу забеспокоился.

— Гордыня ведет к краху, — думал он, — приравнять себя к богу означает навлечь на себя гнев этого самого бога.

Однако увидев, что царя не переубедить, он понял, что в его интересах управлять этим проектом как можно эффективнее, чтобы не впасть в немилость. Итак, начался парад молодых женщин, и выбор Тиммарасу радовал царя до тех пор, пока сто пять вакансий не были заняты девушками, которые страстно желали угождать царю, ведь почти для всех из них внезапный рост их благосостояния полностью изменил жизнь их семей, а горизонт их собственных ограниченных возможностей, казалось, расширился до пределов целого мира. Если Кришнадеварайя желал их безусловной любви и ценой была их новая жизнь, они с радостью были готовы предоставить ему по меньшей мере видимость этой любви. Это того стоило. И вот они тоже, все сто пять, начали создавать симулякр, жизнь в мимикрии, обман. Но выглядел он как нечто реальное, а потому — в некотором роде — сделался реальным, либо все вокруг обращались с ним, как с реальным, что почти одно и то же.

Салува Тиммарасу был скромного происхождения, он не был сведущ в текстах, был грубым

земным человеком, солдатом, пробившим себе дорогу; этот простой человек понимал, что не в состоянии справиться с задачей обучить этих псевдо-*гопи* играть отведенные им роли и угодить тем самым своему царственному повелителю. А потому он обратился за помощью к одному из небесных созданий, к той, кого считал старшей из сошедших с небес в их жизнь и которая, будучи небожительницей, должна знать натуру и поведение вневременных существ, населяющих тот, другой мир. Оказалось — Тиммарасу не знал об этом, — что эта Старшая из Небесных Созданий обладала самыми богатыми во всей Биснаге книжными знаниями и провела детство, начиная с шестилетнего возраста, в компании мудреца Видьясагара, штудируя древние тексты и пытаясь постичь их смысл. Естественно, этим человеком была Пампа Кампана, и если царь признал Тиммарасу своим личным наставником, то Пампа Кампана стала учителем для Тиммарасу, а также тренером и доверенным лицом ста пяти царских жен.

Поначалу Пампа Кампана не хотела этого делать. Ее передовые взгляды на положение женщины в обществе были несовместимы с порядками царского дома с более чем сотней жен.

Она хотела прийти к царю и сказать: просто выбери прекрасную женщину и правь вместе с ней, бок о бок. Но Тиммарасу предположил, что будет неумно так себя повести.

— Он находится под глубочайшим впечатлением от вас и Зерелды Ли, — пояснил министр, — из-за вашей сверхъестественной природы и непревзойденного мастерства в бою. Но он начинает думать о самом себе как о боге, а потому считает, что находится рангом выше, чем *апсары* с их подверженной метаморфозам природой. Не становитесь на его сторону сейчас, в самом начале событий. Медленно, очень медленно — только так можно заставить его измениться. А еще я видел, как он смотрит на вас обеих. Одной из вас или вам обеим может быть дарован очень высокий статус.

— Есть некоторые вещи, которые я должна рассказать Кришне Райе о нас — обо *мне*, — которые, как я надеюсь, заставят его относиться ко мне крайне серьезно, — ответила Пампа Кампана, — но ты прав. Всему свое время. Давай дождемся, когда в Биснаге появится царица.

— Что касается этого вопроса, — признался Тиммарасу, — я рассчитываю влиять на царский выбор. Тут дело не любовное, а государственное.

— Поняла, — ответила Пампа Кампана. — Так я смогу узнать, чью сторону ты в конце концов поддержишь.

Она приступила к выполнению своей задачи, начав с супруги восьмого уровня, которая в прошлой жизни была дочерью торговца цветами, а теперь именовалась “Судеви”; ее отобрали за цвет кожи, схожий с тычинками лотоса.

— Ты должна делать множество вещей, — наставляла ее Пампа Кампана. — Тебе следует всегда оставаться милой, чтобы ни происходило вокруг. Ты должна подносить царю воду всякий раз, как он почувствует жажду, и массировать его тело с ароматными маслами, когда он возвращается домой после дневных трудов. Ты будешь обучать попугаев веселить его, а петухов — драться. Ты также будешь отвечать за цветы в *зенане*, следить, чтобы цветы в вазах всегда были свежими. Некоторые цветы раскрываются только после восхода луны. Такие цветы приносят удачу. Выучи их названия и следи, чтобы они всегда в изобилии имелись во дворце. А еще ты будешь ухаживать за пчелами. А когда появится коронованная царица, ты будешь заплетать ей волосы и шпионить за другими *гопи*, чтобы убедиться, что они не замышляют против нее заговор. Сможешь

ли ты делать это?

— Я буду делать это с любовью, — отвечала ей *гопи* восьмого уровня.

Гопи седьмого уровня была “Ранга”, в прошлом дочь прачки.

— Твоя работа, — сообщила ей Пампа Кампана, — состоит в том, чтобы постоянно заигрывать с царем, когда рядом нет царицы, а когда царь и царица оказываются вместе, смешить царицу неиссякаемым потоком шуток. В летний зной ты должна обмахивать их опахалом, а в зимний мороз приносить в их очаг угли. Но тебе также следует изучить логику, чтобы, если царь решит пофилософствовать, ты могла присоединиться к беседе с впечатляющей компетентностью и задором. Сможешь ли ты делать это?

— С логикой будет трудно, — отвечала *гопи* седьмого уровня, — но я компенсирую это, заигрывая с царем особенно усердно.

Когда *гопи* шестого уровня по имени “Индулекха” — в прошлом дочь придворного повара — предстала перед ней, Пампа Кампана заявила:

— О, да ты темпераментна, это, возможно, из-за кухонного жара. Ты будешь готовить для царя блюда, которые будут на вкус как нектар, и станешь обмахивать его опахалом во время трапез.

Кроме того, ты освоишь искусство заклинания змей, чтобы они танцевали для царя, и искусство гадания по руке, чтобы предсказывать ему судьбу каждое утро и знать наверняка, что он хорошо готов к предстоящему дню. Когда появится царица, они с царем станут использовать тебя, чтобы передавать друг другу послания, так что ты будешь знать их секреты; ты также будешь отвечать за ее гардероб и украшения. И если ты окажешься настолько глупа, чтобы хоть раз рассказать хоть одной живой душе царский секрет или украсть что-нибудь…

— Я никогда не буду настолько глупой, — закричала *гопи* шестого уровня, — так что будьте любезны не обижать меня, подозревая в болтливости или воровстве.

Гопи пятого уровня, ныне известная как “Тунгавидья”, дочь школьного учителя, была отобрана за высокий интеллект и обширные знания во многих областях, а также за искушенность в искусствах.

— Ты здесь, — разъясняла ей Пампа Кампана, — чтобы способствовать развитию царя своими знаниями в восемнадцати областях, включая мораль, литературу и что угодно прочее. И чтобы танцевать. Я думаю, ты умеешь играть на

вине и петь в стиле *марга*. Это то, что нужно. Может также статься, что царь, желая вступить с кем-то в политический альянс, призовет тебя для дипломатической экспертизы. И если царь и царица поссорятся, твое искусство дипломата потребуется для того, чтобы сгладить положение, хотя в подобных ситуациях главной всегда будет твоя старшая, Читра, а ты будешь делать то, что она велит.

— Все это хорошо, — ответила *гопи* пятого уровня, — но я надеюсь, мне будет позволено получить и свою долю романтики.

"Читра", *гопи* пятого уровня, была среди выбранных девушек одной из немногих аристократок, а потому задирала нос и не радовалась возможности обучаться у Пампы Кампаны.

— Я знаю, как все это устроено, — заявила она Пампе. — Я урегулирую царские разногласия и каждый день буду украшать царя и царицу гирляндами. Я умею говорить и читать на многих языках и могу перевести для царя любой текст, растолковав, что на самом деле хотел сказать автор, а не то, что явно лежит на поверхности. Я знаю, каким будет вкус пищи, стоит мне только взглянуть на нее, и я могу также определить, отравлена она или нет. Я могу наполнить сосуды

разным количеством жидкости и исполнять на них музыку барабанными палочками. Я буду отвечать за дворцовый сад, так что смогу приносить царю травы, способные перенести его в трансцендентное состояние, или те, что смогут излечить его, когда он заболеет. Живущие во дворце звери также будут моей заботой. И я буду проявлять к царю невероятную нежность и чувственность, но оставаться абсолютно сдержанной в присутствии царицы. Все это не очень сложно сделать.

— Посмотрим, — ответила Пампа Кампана.

Ее последней ученицей была “Чампака”, или “Чампака-Маллика”, Царица-Магнолия, родом из скромной семьи лесника.

— Я мало чего могу сказать тебе помимо того, — сказала ей Пампа Кампана, — что уже сказала другим девушкам вместе взятым. Ты самая высокопоставленная из всех женщин при дворе, за исключением пока еще неизвестной царицы и двух ее пока еще неназванных ближайших спутниц. Ты будешь полностью отвечать за все, что должны будут делать девушки ниже тебя по рангу, но ты будешь — или должна будешь стать — умелой в искусстве делегирования полномочий. Если ты сможешь успешно исполнять отведенную тебе роль, став четвертой ступенью

воплощения Блаженного Могущества, то царь станет посылать за тобой, чтобы ты дарила ему блаженство в случаях, когда трое старших выбьются из сил или не захотят этого делать. У тебя умелые руки, или они должны стать таковыми, чтобы ты могла делать скульптуры из глины, а также сладости, такие вкусные, что все будут называть тебя “Сладкие ручки”.

— Я не умею готовить, — отвечала Царица-Магнолия, — все вокруг говорят об этом. Что будет, если у меня не получится?

— Пусть получится, — велела Пампа Кампана, почти потеряв терпение. — Научись! И побыстрее.

К удивлению Пампы Кампаны, длительный процесс отбора царских жен не вызвал у ее пра-пра-пра-пра-правнучки Зерелды Ли никаких возражений; на самом деле ей даже нравилось, что Пампа Кампана принимает участие в этом предприятии и помогает девушкам осознать важность и разнообразие их новых обязанностей.

— Кто знает, — сказала она с невинным блеском в глазах, удивившим Пампу Кампану, — может быть, он выберет меня одной из двух Главных Спутниц, а может — да, почему бы нет? — своей царицей.

— Что ты такое говоришь, — спросила ее Пампа Кампана. Горячность, с которой она это произнесла, удивила их обеих и, возможно, была результатом ее неохотного наставничества над недавно назначенными царскими женами. — Ты поездила по миру, так что должна была видеть, что для женщин существуют и другие возможности в жизни, получше этой.

— Да, я провела жизнь в странствиях, не имея корней, не зная, откуда я есть пошла, какому месту принадлежу и кем — если я найду это место — могу стать, — отвечала Зерелда Ли, — и если сейчас у меня есть возможность стать полноценной частью чего-то, присоединить себя к древней традиции, да еще и войти в правящую династию, я буду счастлива это сделать, и ты должна понимать почему. Оказаться стоящей бок о бок с царем будет означать для меня, что мои странствия окончены, что я наконец-то смогу пустить корни.

— Я всегда верила, что женщина способна пустить свои корни в себе самой, — возразила Пампа Кампана, — а не определять себя через возможность стоять бок о бок с мужчиной, даже если это царь. Во всех своих путешествиях ты никогда не встречала женщин, которые думали

бы так же?

Они оттачивали свои боевые навыки в старом *квуне* Зеленой Судьбы, и этот спор — первое возникшее между ними разногласие — добавил остроты их тренировкам.

— На картах в моей голове, — сообщила Зерелда Ли во время сражения, — я вижу места, где женщины — это рабыни либо служанки, и даже если они свободны, к ним все равно не относятся с уважением. В Китае им бинтуют и калечат ноги, когда они еще дети. В Каменном Городе на Занзибаре женщинам запрещено появляться в публичных местах. В Средиземном и Южно-Китайском море я встречала женщин-пиратов, это правда, но одну из них подвинул ее собственный зять, а другая вышла замуж за своего приемного сына и в итоге стала содержательницей борделя в Макао. Быть царицей — гораздо лучше, чем все то, о чем я рассказала.

— Я была царицей, — ответила Пампа Кампана, опуская меч, — это не так уж прекрасно.

Окончив тренироваться, они отправились в ванны.

— В старой Биснаге, — сообщила Пампа Кампана своей внучке, — женщины были юристами, торговцами, архитекторами, поэтами, гуру, кем

угодно.

— Когда я стану царицей, — ответила Зерелда Ли, — все это вернется снова.

— Если ты станешь царицей, — со вздохом поправила ее Пампа Кампана.

— Когда, — стояла на своем Зерелда Ли. — Ты что, не видела, как он на меня смотрит?

И тут Пампа Кампана произнесла то, чего не собиралась говорить, фразу, вырвавшуюся у нее изнутри, из какого-то места, о существовании которого она даже не подозревала.

— Он смотрит на меня ровно так же, — сказала она.

После этого Зерелда Ли неделю не разговаривала с ней, она закрылась в Зале Карты в Лотосовом Дворце, куда ей приносили пищу, пока она работала, и установили кровать, где она спала. Когда она наконец распахнула двери, все увидели, что она нарисовала, повторив их снова и снова, карты всего двух стран, и обе они, как подозревала Пампа Кампана, были вымышленными — страну Зерелды, которую Великий Мастер Ли придумал, чтобы увезти туда свою любимую, и страну Е-Хэ, придумав которую прародительница Зерелды Ли, дочь Пампы Кампаны Зерелда Сангама, нашла язык, на котором она могла сказать Ли Е-Хэ,

что тоже любит его. Город утекающего времени и сетей для ловли бабочек, так же как и город летающих людей и нелетающих птиц, были изображены в ослепительных красках и удивительно детально. Вот, на задворках Зерелдавилля, пожилая женщина в кресле-каталке, которое толкают ее дочери, отчаянно цепляется за утекающие часы, за которые она больше не в силах уцепиться, а молодые люди жуют похожие на часы фрукты и сэндвичи с начинкой из времени и наблюдают за ней со смесью жалости и презрения, думая, что они сами бессмертны; а вот, на соседнем рисунке, экзальтированные молодые женщины парят над облаками Города Е-Хэ, нагие, словно только что родились на свет, они танцуют друг с другом в воздухе, нимало не заботясь о мире внизу; а вот те же самые женщины, дрожа от холода, покупают пальто в облачных магазинах одежды, не потому, что им страшно и стыдно из-за своей наготы, а потому, что они до смерти замерзли на такой высоте. На лицах жителей обоих городов были запечатлены определенные выражения — стоицизм у зерелдавильцев и мудрость у е-хэйтцев.

Наконец, закончив работу, Зерелда Ли позволила своей бабушке взглянуть, что у нее получилось. Пампа Кампана заплакала, потому что карты

были прекрасны, и долго хвалила ее работу. Но затем она была все же вынуждена сказать тихим, любящим голосом:

— Мое возлюбленное дитя, разве это не те места, отправиться в которые мы можем только в своих снах, а не те, куда кто-то сможет отправиться наяву?

— Напротив, — ответила Зерелда Ли, — каждая карта, что я сделала, с портретной точностью отражает то место, где мы сейчас находимся. Это все карты Биснаги.

Двери в Зал Карты распахнули настежь. Царь стал его первым посетителем — он тоже расплакался от того, сколь прекрасны были произведения картографического искусства Зерелды Ли. Следующими посетителями стали старшие придворные, они тоже были вынуждены плакать, чтобы показать, что тронуты не меньше царя; после такого каждый, входящий в зал, был обязан пролить определенное количество настоящих или фальшивых слез, так что люди начали называть этот зал — лишь тогда, когда этого не слышал царь, — Залом Принудительных Рыданий.

Свеженареченный Кришнадеварайя собрал придворных в Львином Тронном Зале — придворные входили гуськом, вытирая заплаканные

глаза — и публично признался в любви картографу Зерелде Ли. Он сообщил ей, что предлагает и ей поменять свое имя на “Радха-Рани”, Царица Радха — имя всеми любимой богини — и выбрать себе двух ближайших спутниц:

— Одной из них, я полагаю, — сказал он, — будет прибывшая с тобой *апсара*, сестра она тебе или кто-то еще.

После этого, одна за другой, быстро произошли три вещи:

во-первых, Зерелда Ли сказала, что смиренно принимает дар его любви;

…и во-вторых, Пампа Кампана, раскрасневшаяся и не владеющая собой, ответила, что не имеет желания становиться ни одной из ее ближайших спутниц, ни псевдо-“Лалитой”, ни псевдо-“Вишакхой”.

— С вашего позволения, — заявила она царю, — я останусь просто Пампой Кампаной до конца своих дней.

— Я не понимаю, — удивился Кришнадевараййа. — Очевидно, что ты не та настоящая легендарная Пампа Кампана из далекого прошлого, что ты просто подхватила ее имя, словно правильный флаг, так почему же тебе тогда сложно сменить его на другое, новое, которое принесет

тебе почет и славу?

— Быть может, Ваше Величество, придет то время, — отвечала Пампа Кампана, — когда я смогу объяснить вам, кто и что я есть. А сейчас прошу меня извинить.

И она покинула тронный зал.

...и в-третьих, великий министр, *Махаманатри* Тиммарасу, стоявший у Львиного трона по правую руку от царя, склонился к нему и прошептал:

— Я настоятельно прошу позволения сказать наедине пару слов в безукоризненное ухо Вашего Величества.

Кришна, уже усвоивший, что, когда его главный министр говорит подобным тоном, обратить на него внимание будет правильным решением, сошел с трона и проследовал в свои личные покои. Одному Тиммарасу было позволено сопровождать его. Оставшись с царем наедине, министр с грустью покачал головой.

— Вы должны были сначала обсудить это со мной, — сказал он. — Выбор супруги номер один — это вопрос, который не решается только из-за одной физической привлекательности.

— Я люблю ее, — признался Кришнадевараййа, — и этого достаточно, это все решает.

— Чушь, — прямо заявил Тиммарасу, — простите мне такое выражение.

— Тогда чего должно быть достаточно и что решает? — настойчиво поинтересовался Кришнадеварайя.

— Интересы государства, — отвечал Тиммарасу, — в подобных случаях ничто другое не должно приниматься в расчет.

— И о каких же интересах государства ты говоришь сейчас? — уточнил царь.

— О южной границе, — объяснил Тиммарасу. — Пришло время заключить союз. После победы при Дивани ситуация на севере стабильна, по крайней мере в настоящий момент. На юге же мы нуждаемся в определенной поддержке. Короче говоря, нам нужно, чтобы царь Вирапподейя из Срирангапатны, талантливый правитель и внушающий ужас командующий, захватил ряд южных районов и установил в них для нас свою власть, в частности Майсор — и регион, и город.

— Но какое это имеет отношение к моей любви к *ancape* Зерелде Ли? — раздраженно спросил царь, краснея от подступающего гнева.

(Он был известен своим вспыльчивым нравом, и Тиммарасу еще придется в результате испытать на себе последствия царского гнева. Но верно и

то, что, когда гнев Кришнадеварайи утихал, он чувствовал раскаяние и шел на многое, чтобы компенсировать жертвам своего гнева их страдания. Как мы еще увидим. Пока же речь о другом.)

— Единственный путь обеспечить преданность и поддержку со стороны царя Виры, — разъяснил царю Тиммарасу, — жениться на его дочери Тирумале.

— Что, *на этой* Тирумале? — взревел Кришнадеварайя, и его крик отозвался эхом в каждом уголке дворца, так что его слышали Зерелда Ли, Пампа Кампана и все придворные. — На этой печально известной царевне народа телугу, о которой люди говорят, что она настоящий головорез, имеет замашки тирана и совершенно никого не любит?

— Вы знаете, как это бывает, — успокаивал его Тиммарасу. — Сильным мужчиной восхищаются как лидером, но сильную женщину поносят, считая сварливой. Этим союзом вы покажете всем женщинам империи, что вернулись времена, когда к женской силе относятся с уважением.

— То есть благодаря этому я стану возлюбленным благодетелем для каждой женщины в Биснаге, — проговорил царь.

— Станете, — подтвердил Тиммарасу.

— И у меня в любом случае будут мои *гопи*, так что мне не придется проводить с этой дамой много времени, — размышлял царь.

— Говорят, что эта дама имеет воинские наклонности, — продолжал Тиммарасу. — Быть может, вы захотите взять ее на войну вместе с другими вашими великими героинями, Улупи Младшей, Зерелдой Ли и Пампой Кампаной.

— Они не уживутся друг с другом, — выдал пророчество царь.

— Должны будут, — возразил Тиммарасу, — поскольку вы им велите, а вы — царь.

Кришнадеварайя размышлял в течение недолгого времени.

— Что же мне теперь делать? — спросил он, и его голос звучал уже не грозно, а скорее жалобно. — Всего несколько минут назад я объявил всему свету, что Зерелда Ли будет моей Радхой. Я что, должен понизить ее в должности еще до того, как хоть что-то началось?

— Жизнь при дворе — это школа, где учат держать тяжелые удары, — пояснил Тиммрасу. — Бывают взлеты, а бывают падения. Для девушки это будет ценным уроком, и ей следует его усвоить.

— Тогда я должен пойти и сказать ей, что она

не может быть Радхой, но сможет стать Лалитой, а это всего на одну ступень ниже. И также очень важная позиция.

— Я думаю, Тирумала попросит свою мать сопровождать ее в Биснагу, — ответил Тиммарасу. — Возможно, она не будет с нами все время, но должность ближайшей спутницы нужно отдать ей. Так что вторая по значимости роль, “Лалита”, будет отдана ей.

— Ты хочешь, чтобы я отбросил Зерелду Ли на третье место? — закричал Кришнадеварайя. — Она не может быть Радхой и даже Лалитой, значит, пусть будет тогда Вишакхой. Ей будет трудно принять такое.

— Она в своем роде иностранка, — жестко отвечал ему Тиммарасу, — в ней течет далеко не несколько капель китайской крови, и быть может, есть примеси и других народов. Скажите ей, что ни один иностранец никогда не занимал в нашей империи столь высокой должности. Когда-то был чужеземец, назначенный главным по взрывам, но ее должность гораздо выше. Скажите, что нет возможности поставить ее еще выше, поскольку это может стать для китайского императора знаком, что вы готовы признать, что китайцы имеют в Биснаге некоторую власть. Это

может привести к вторжению, их флот высадится в Гоа, и начнется война, которой мы не хотим. На самом деле, было бы лучше, если бы вы вообще не предлагали ей никакой должности при дворе.

— Ты зашел слишком далеко, — осадил его Кришнадеварайя. — Это женщина, которую я люблю. Я должен причинить ей боль из-за твоих “интересов государства”, но я не перестану любить ее. Тирумала может стать царицей и императрицей Биснаги, но Зерелда Ли навсегда останется царицей и императрицей моего сердца.

— В самом деле? — стоял на своем Тиммарасу. — Или это просто ваше увлечение? Вы почти не разговаривали с этой девушкой с того момента, как она здесь появилась. Вы ее не знаете.

— Это не увлечение, — возразил царь. — Когда ты видишь, как кто-то сражается на поле боя, тебе становится понятна вся его природа. Когда речь идет о жизни или смерти, спрятаться негде. Я видел ее при Дивани. Она была великолепна. Она выдающаяся женщина. Я не могу представить женщину лучше, чем она, чтобы бок о бок прожить остаток жизни. Хотя другая *апсара*, та, что называет себя Пампой Кампаной, может оказаться даже более выдающейся, но, несмотря

на ее кажущиеся молодость и красоту, по какой-то неясной мне причине она производит впечатление очень старой женщины, и хотя я уважаю ее и восхищаюсь старой душой, которой она, похоже, обладает, мне нужно, чтобы юные вели себя как юные. Вот что лежит в основе моих чувств. Они не поверхностны. Это глубокие чувства. Я выскажу еще одно соображение, которое, возможно, придется по душе твоему разуму счетовода. Возможно, это даже те самые “интересы государства”.

— Если то, что она говорит, правда и она на самом деле является потомком Зерелды Сангамы, тогда союз с ней будет означать объединение династий Тулува и Сангама и делает притязания на Львиный трон — мои и наших детей — неопровержимыми. Нам не стоит сообщать об этом Тирумале и ее отцу, но я предпочел бы поддержать эту потомственную линию, это будет лучшая линия наследования в нашей семье.

Тиммарасу внимательно посмотрел на него.

— Я вижу, что вы говорите правду о своих чувствах и что вы очень интересно мыслите на перспективу, — сказал он через некоторое время. — Так что я буду защищать вашу любовь и способствовать ей. Но главной царицей должна

стать Тирумала. С вопросом о том, что будет со всеми вашими потомками, нам предстоит столкнуться позже. А сейчас мы должны вернуться в тронный зал и все прояснить.

— Отлично, — согласился Кришнадеварайя. — Давай покончим с этим.

Покинув тронный зал, Пампа Кампана отправилась в свои покои, чтобы посидеть там в одиночестве и спросить себя, в чем может быть дело. Ее собственное поведение в последнее время было для нее загадкой. Почему она так по-сопернически говорила с Зерелдой Ли о том, как царь на нее смотрит — "*Он смотрит на меня ровно так же*"? Почему так неэлегантно покинула тронный зал, вся красная от досады? Правда, что она не хочет быть частью эрзац-Вриндавана Кришнадеварайи, его "священной Рощи Тулси", населенной поддельной свитой бога. Правда, что она возмущена тем, что министр Тиммарасу втянул ее в это глупое дело в качестве воспитательницы и наставницы девушек. Правда и то, что Радха — имя ее матери, и ей больно видеть, как его отдают другой. Однако ничто из этого не должно было привести к расколу между Зерелдой Ли и нею самой. К тому же ей была отлично понятна жажда Зерелды Ли сделаться частью этого

нового для нее мира, ее стремление проникнуть в сердце культуры, которая, будучи ее собственной, во многом оставалась для нее неизвестной; ее желание принадлежать. Так что же тогда происходит, недоумевала Пампа Кампана. Почему она так расстроена?

Уж не влюбилась ли она сама в царя?

Нелепая мысль. Его тщеславие, его благочестивые иллюзии, его рябое лицо. Есть сотня причин, по которым она просто не может желать такого мужчину, как он. Это совершенно не ее тип. Да и вообще, они едва знакомы.

И все же не влюблена ли она в него?

И как долго вообще нужно знать человека, чтобы в него влюбиться? Семь дней? Или семь минут?

Во всей империи будет править любовь. Это его слова, и они сильно добавляют ему очков. За всю свою долгую жизнь она не слышала, чтобы какой-либо царь — какой-либо *мужчина* — ставил любовь превыше всех прочих ценностей. Она тоже в самой глубине души мечтала об этом, о Биснаге, в которой любые различия — по кастам, цвету кожи, религии, образу мыслей, форме тела, региону — были бы отброшены, и она превратилась бы в *премраджью*, царство любви. Она

никогда и никому — быть может, даже самой себе — не признавалась, что таит в своем сердце столь сентиментальное желание, и вот этот Кришнадеварайя произнес его вслух, во всеуслышание.

Будет править любовь.

Возможно, он даже не понимает, что это значит, убеждала себя Пампа Кампана. Просто брошенная им фраза, риторическая пустота. Но если бы она стала той, что находится с ним рядом, она бы разъяснила ему, что это значит. Если бы ей вернули ее прежнее место, место ее славы, она нашептала бы слова любви в ухо царя, в ухо его Великого Министра, в каждое ухо в стране. Она сделала бы это делом своей жизни, жизни, которая еще будет продолжаться, хотя с ее начала прошло уже почти двести лет.

Но ведь она может сделать это в любом случае, разве нет? Когда-то прежде она нашептала целому городу. Так почему бы ей просто не пойти дальше и не распространять это Евангелие любви, если это, как она себе сейчас призналась, ее самое заветное желание?

Место ее славы. Или это все из-за славы, из-за нее она утратила равновесие? Не ее ли она на самом деле ищет, и это после всего, что случилось с ней за все это время? Стремление к новой славе,

маскирующееся под желание заполучить не особенно желанного мужчину и его корону?

Она была вынуждена признаться себе, испытав при этом стыд, что именно этот ответ, по всей видимости, был верен. Не только Зерелда Ли провела в изгнании долгие годы, не одна она искала сопричастности и своего рода признания. Но Зерелда Ли почти ничего не знала о Биснаге, помимо того, что рассказывала ей ее мать, а ее матери было известно лишь то, что дошло до нее через множество поколений. У нее не было здесь живого опыта, и она, естественно, жаждала обрести его, как голодный пищу, но будем честны: голодна та женщина, которую не кормят.

Пампе Кампане же, напротив, было известно все. Она знала, что ей пришлось сделать для того, чтобы Биснага стала такой, как есть сейчас, помнила и горечь лесного изгнания. Иметь что-то, а потом потерять, думала она, гораздо хуже, чем не иметь этого никогда и не знать, что это такое. Она хотела, чтобы все вернулось: чтобы в ней опять видели чудесное создание, которым она являлась — земная женщина, в теле которой поселилась богиня, — которая сотворила империю из мешка с семенами, нашептала в ее уши историю и таким образом сделала ее реальной. Она

хотела усесться наедине с царем и поведать ему истинную историю его царства, рассказать, что играла ключевую роль в его создании, и заставить его поверить, что эта история — не просто сказочка, которую на протяжении двух сотен лет передают друг другу, что это истина и она воплощена в женщине, рассказывающей ее ему, женщине, которая выглядит не старше тридцати семи, но на самом деле недавно отметила свой стодевяностолетний юбилей. Это было бы лучше, чем корона. И если вслед за признанием ее той, кто она есть, последует любовь, любовь царя, а быть может, и народа, если ей предложат корону, что ж, она с радостью примет это все в качестве своего рода миропомазания.

Она ругала себя за тщеславие.

В комнату ворвалась Зерелда Ли, она одновременно смеялась и плакала на бегу.

— Не быть мне царицей, — рыдала она, — но младшей царицей я стану! — Из потока ее слов, рыданий и хихиканий Пампа Кампана узнала о ее политическом поединке с Тирумалой из Сирангапатны. — Но мне плевать, ведь она, похоже, ведьма, разве нет, если для нее единственный способ заполучить мужа — какое-нибудь хладнокровное политическое соглашение, не очень-то

романтично, верно, и кому вообще есть до нее дело, он же привел меня в самую личную из всех его личных комнат и сказал мне, что я — его единственная и истинная любовь, сказал, что бог любви выпустил все свои пять стрел и все пять попали в него, а это значит, что он будет любить меня до конца жизни, это так прекрасно, и он был таким, таким *искренним*.

— Ясно, — сказала Пампа Кампана, раскрывая молодой женщине объятья, в которые она тут же бросилась. — Ну, я тебя поздравляю.

— Младшая царица — это же все равно царица, — всхлипывала Зерелда Ли в плечо Пампе Кампане, — правда же?

— Разумеется, — подтвердила Пампа Кампана.

Зерелда Ли вытерла глаза.

— Ты знаешь о пяти стрелах Камы? — спросила она все еще немного плаксиво.

— Да, — ответила Пампа Кампана, но этот ответ не остановил молодую женщину.

— А я не знала, — призналась Зерелда Ли, — но он так прекрасно мне все объяснил. Он сказал, что стрела, украшенная белыми лотосами, *Аравинда*, попала ему в сердце, и он почувствовал себя воодушевленным, молодым и счастливым. Вторая стрела, *Ашока*, украшенная цветами

одноименного дерева, угодила ему в рот, и он начал кричать от любви. Третья стрела, с нарисованными на древке цветами мангового дерева, *Чхута*, пронзила его мозг и заставила сходить с ума от обожания. Четвертая стрела, с цветами жасмина, *Навамаллика*, попала ему в глаз, и после этого, когда он смотрит на меня, то видит такое мощное сияние красоты, какое излучают только величайшие богини. А пятая стрела, та, что с голубыми лотосами, *Нилотпала*, попала ему в пупок. На самом деле, как он сказал, неважно, куда именно попадет в тебя пятая стрела. Где бы она ни оказалась, она наполняет тебя любовью, ты чувствуешь, что тонешь в море любви и все, чего ты хочешь, — утонуть в нем.

— Очень красиво сказано, — согласилась Пампа Кампана. — Теперь я вижу, почему этот рассказ так глубоко тебя задел, словно это в тебя попали эти стрелы.

— Думаю, в меня они тоже могли попасть, — отвечала Зерелда Ли, — но поскольку я тогда не знала ни про бога любви Каму, ни про его лук из сахарного тростника, я могла этого не понять.

Пампа Кампана сделала над собой усилие, чтобы промолчать, и лишь слегка улыбнулась загадочной улыбкой. — Ты счастлива за меня? —

вопрошала ее пра-пра-пра-пра-правнучка.

— Ты должна быть счастлива. Мне нужно, чтобы ты была очень сильно за меня счастлива. Чтобы ты была в экстазе.

Я должна ей все, подумала Пампа Кампана, моя родная дочь сказала это перед своей смертью, а потом ее дочь, и дочь ее дочери, и так дальше. Так что я все ей отдам. Слава принадлежит ей. Ради нее я отойду в сторону, останусь в тени, просто Пампой, усвою, что глубинный смысл любви — отречение, отказ от собственной мечты во имя осуществления мечты любимого человека. К тому же я устала наблюдать за тем, как те, кого я люблю, стареют и умирают. Оставим смертную любовь для смертных. У бессмертных есть лишь они сами.

— Я в экстазе от счастья за тебя, — произнесла Пампа Кампана, крепко обнимая внучку, — я исполнена божественной радости.

16

Пампа Кампана у своего любимого фруктового прилавка на большом базаре пробовала первое в этом сезоне настоящее манго — выведенный в Гоа сорт “альфонсо”, когда в ее поле зрения попал чужеземец Никколо де Вьери, он прогуливался вдоль улицы с таким видом, словно был на ней хозяином. На его голове красовалась мягкая шляпа бордового цвета, а на шее был свободно повязан подходящий к ней по тону шарф. Он щеголял густой рыжеватой бородой, цвет которой гармонировал с его одеждой, и на его блузе был изображен распростертый золотой лев с крыльями. Он был похож на человека, собравшегося писать собственный портрет. И еще у него были ярко-рыжие длинные волосы на голове и изумрудно-зеленые глаза.

— Этого не может быть, — громко произнесла Пампа Кампана, — но это снова ты, в третий раз.

Никколо де Вьери — он же синьор Римбальцо, господин Попрыгунчик — услышал ее слова. Как и все в Биснаге, он слышал историю о двух сошедших с небес *ancapax*. Но не был уверен, что верит ей, — она звучала как сказочная сага, ко-

торую амбициозный правитель мог сочинить и распространить, чтобы оправдать совершенный им захват власти, — к тому же, как мы уже знаем, он слышал и другие рассказы о том, каким образом Кришнадеварайя стал царем. Однако увидев Пампу Кампану, он поймал себя на мысли: “Я буду верить всему, что бы ни рассказывала мне эта женщина, и буду исполнять все, о чем она меня попросит”. С церемонным поклоном он ответил:

— Если бы это был третий раз, я бы непременно запомнил первый и второй, ведь подобные встречи невозможно забыть.

— Ты хорошо говоришь на нашем языке, — похвалила его Пампа Кампана, — но откуда же ты родом, чужеземец?

— Мой дом — Светлейший и Главенствующий, Ла Серениссима, Ла Доминанте, — ответил он в свойственной ему напыщенной манере. — Это город мостов, город масок, город без принца, который, с вашего позволения, мы называем Венецианской Республикой, лицезреть который приятнее, чем любой другой город на земле, чью истинную красоту и подлинную природу нельзя увидеть, ибо они сокрыты в уникальном и многогранном духе его жителей, которые путешествуют по миру, никогда не покидая дома,

поскольку всегда носят свой дом в себе.

— А, — ответила Пампа Кампана, — ну, на этот раз ты хотя бы не португалец.

Как оказалось, Вьери остановился в месте, которое со времен Фернана Паеса было известно как “дом чужеземца” — в каменном особняке с большими выходящими на улицу окнами, рядом с которым когда-то гордо красовались зеленый сад и поле сахарного тростника и который теперь превратился в постоялый двор, утратив прилегавшие к нему земли из-за новой застройки и расширения города. Он пригласил Пампу Кампану, если она того пожелает, навестить его там.

— Даже голос у тебя тот же, — отвечала она. — Теперь ты носишь эту бороду, но я уверена, что под ней скрыто точно такое же лицо. Думаю, я должна быть благодарна. Раз в поколение ты возрождаешься, чтобы радовать меня.

— Ничто не доставит мне большего счастья, чем радовать вас, — отвечал Никколо де Вьери.

Его перебил маленький и пузатый продавец фруктов Шри Лакшман, который очень гордился собственным товаром:

— Манго тоже приносят вам счастье, разве не так? — спросил он.

— Манго приносят мне радость, — уточнила

Пампа Кампана. — Пришли мне полную корзину альфонсо, а еще одну корзину пришли в жилище этого иностранного господина, чтобы он просто смог увидеть, на что способны португальцы.

Манго альфонсо — это сорт манго, который в Гоа вывели португальцы, продемонстрировав свое мастерство в прививании растений, его назвали в честь генерала Альфонсо де Альбукерке, первым утвердившего колониальное присутствие своей страны на западном побережье. Никколо де Вьери поднял с витрины Шри Лакшмана манго и слегка подбросил его в воздухе.

— Все, на что способны португальцы, — отвечал он, — венецианцы могут делать еще лучше, и притом в более элегантных нарядах.

Продавцом за соседним прилавком был брат Шри Лакшмана, Шри Нараян. Он торговал бобовыми, крупой, рисом и семенами.

— Сир, мадам, купите и мой товар тоже, — крикнул он им в притворном возмущении. — Рис тоже приносит счастье. Семена несут в себе щедрость земли, что может быть радостнее этого.

— Сегодня не день семян, — отвечала ему Пампа Кампана, — но придет и твой день.

— Когда некто может просто приказать любой женщине в Биснаге испытывать к нему безуслов-

ную любовь, — откровенничал Кришнадеварайя в царской спальне с Зерелдой Ли, — он просто не в состоянии одарить кого-то из этих женщин своей безусловной любовью в ответ. Однако ты другая, ибо спустилась ко мне с небес. Раз я способен быть со своей божественной возлюбленной, не будучи испепеленным ее божественной силой, это значит, что та же сила содержится и во мне. Ты показала мне, кто я есть, и я никогда не перестану любить тебя за это.

— Благодаря тебе, — отвечала ему Зерелда Ли, — в первый раз за свою жизнь я ощущаю под ногами твердую почву, на которой могу стоять, и я чувствую, как мои корни через стопы проникают внутрь этой земли. Так что и ты даровал мне меня, и я никогда не перестану любить тебя за это.

— Единственная истинная любовь — любовь к самому себе, — продолжал Кришнадеварайя. — В любви другой соединяется с тобой в твоей сути, становится равным ей, так что любить другого означает любить этого другого внутри твоего собственного “я”, ибо они равны и тождественны.

Зерелда Ли уселась в кровати и съела со стоявшего на ночном столике блюда сладкий шарик с фисташками.

— Когда она приезжает? — поинтересовалась она. — Ведьма? И ее мамаша?

— Завтра, — ответил царь.

— Тогда начиная с завтрашнего дня ты и я больше не сможем быть тождественны, — заявила она, — это попросту невозможно.

— Бывает, что одна и та же вещь одновременно является невозможной и возможной, — отвечал Кришнадеварайя, — и это — одна из таких вещей.

— Посмотрим, — сказала Зерелда Ли, притягивая его к себе со все большей уверенностью. — Докажешь это своим поведением.

Царевна Тирумала из Срирангапатны — вовсе не ведьма, а поразительно красивая женщина с, надо сказать, надменным, даже жестоким, но несомненно, впечатляющим носом, носом, который вдохновил на создание по крайней мере одного великого стихотворения, — прибыла к воротам Биснаги, восседая на золотом троне, установленном на золотой колеснице, запряженной дюжиной коней золотого цвета, покрытых золотыми попонами, сверкавшими на солнце так, что слепило глаза. За спиной Тирумалы стояли ее отец, царь Вира, и мать, царица Нагала, в высоких золотых головных уборах, широких

золотых ожерельях и золотых поясах, усыпанных драгоценными камнями. Все были наслышаны о богатстве императора Биснаги, и королевская семья из Срирангапатны постаралась не выглядеть бедными родственниками с юга.

Кришнадеварайя ожидал их у парадных ворот дворца, и то, как он был одет, поразило, можно даже сказать, шокировало прибывших. Вместо того чтобы, как было традиционно принято на юге, расхаживать с обнаженной грудью, Кришнадеварайя носил длинную парчовую тунику в арабском стиле, которая называлась *кабаи*, и конической формы шапочку, как у персов или турков, тоже из парчи, под названием *куллди* или *кулдх*; единственным надетым на него украшением был перстень с царской печатью на пальце. Царь Вира не смог сдержаться и ответил на тщательно продуманное официальное приветствие Кришнадеварайи невежливым тычком указательного пальца, сопровождаемым столь же невежливыми, резкими словами:

— Это что?

Кришнадеварайя разозлился.

— К вам в провинцию, возможно, еще не дошли новости о Нас, — ответил он, величественно употребляя множественное число, — но Мы

рады именовать Себя султаном среди индуистских царей. Ваша дочь будет не только царицей. Она станет еще и султаншей, и к концу Нашего правления все пять расположенных на Декане султанатов будут принадлежать Нам. Два из пяти, Биджапур и Бидар, уже являются Нашими вассалами. Вот почему вы, к примеру, повсюду в Нашем дворце будете видеть удивительной красоты *бидри*, изделия мастеров из Бидара — шкатулки, курительные кальяны-*хукки*, вазы и шкафы, изготовленные из черненой меди и цинка и инкрустированные тончайшими серебряными узорами…

— Да, да, хорошо, — нетерпеливо прервал его царь Вира. — Заимствование мусульманского искусства — это нормально, почему нет. Но к чему одеваться, как они?

— Мне нравится эта одежда, — ответил Кришнадеварайя, — и много еще другого в том, как они живут. А теперь, с вашего позволения, я поприветствую вашу дочь, мою будущую жену.

На пороге своего нового дома царевна Тирумала задрала свой знаменитый нос кверху.

— Если мне следует зайти сюда, — сказала она, — то я хочу, чтобы мне был присвоен титул Тирумала Деви, богиня Тирумала. Если вы бог-де-

ва, вам надлежит иметь рядом с собою богиню. А моя мать, стоящая здесь со мной, находясь в вашей резиденции, должна именоваться Нагала Деви, богиня Нагала. И мы не будем носить одежды, как у каких-то султанов. Для нас все эти арабо-персидско-тюркские богохульства существовать не будут.

Великий Министр Тиммарасу заметил в глазах Кришнадеварайи зарождающуюся ярость и вмешался.

— Договорились, — поспешно согласился он. — А теперь давайте начнем торжества.

Свита невесты — за золотой царской колесницей тянулось множество колесниц поменьше — въехала во дворец. Из толпы зевак ее приветствовали выкриками, хотя и не слишком многочисленными. Было непохоже, чтобы царская избранница пользовалась в городе популярностью. Позже, ночью, шпионы Деварайи, находившиеся в толпе, доложили, что, когда процессия въезжала в парадные ворота, люди шептали “*Шримати Виша*”. Кришнадеварайя нахмурился.

— Это плохо, — сказал он.

Зерелда Ли была с ним в его спальне, несмотря на то что это была его первая брачная ночь и ему

следовало находиться в другом месте, в другой постели, на которой, как знак грядущей дефлорации, были разбросаны цветочные лепестки, а рядом курились благовония, служанки облачали невесту в ночной наряд и заплетали в косы ее длинные, умащенные кокосовым маслом волосы, а в дальнем углу тихонько играли музыканты.

— Прости, — поинтересовалась Зерелда Ли, — но я все еще осваиваю язык. Слово “*Шримати*” я, конечно, знаю, это значит “Мадам”. Но что значит “*Виша*”?

— На ее родном языке, телугу, оно звучало бы как “*Вишам*”, — объяснил царь, — *виша, вишам*, все равно. Значит одно и то же. “Яд”. То есть, *Шримати Виша* означает “Мадам Яд”.

— О ком они это говорили? — решила уточнить Зерелда Ли. — О матери или о дочери?

— Это неясно, — отвечал Кришнадеварайя. — Мы аккуратно интересуемся, откуда взялось это имя и почему появилось, но на данный момент не знаем.

Зерелда Ли села в кровати.

— Поняла, — сказала она. — Тогда мне следует быть осторожной с тем, что я ем.

Кришнадеварайя поцеловал ее и, нежно простившись, отправился в другое место, чтобы

исполнить свой долг брачной ночи.

Довольно быстро мгновенно возникшая между Тирумалой Деви и Зерелдой Ли враждебность переросла в открытую войну. Кришнадеварайя почти не пытался скрывать от своей старшей жены, что отдает предпочтение младшей царице. По своей натуре Тирумала Деви была гордой, даже надменной женщиной, и по понятным причинам это сильно задевало ее, так что чувствами, которые она начала испытывать по отношению к своему новому дому, Биснаге, стали обида и горечь. Она ожидала, что муж оценит ее управленческий талант и переложит на ее плечи часть бремени по надзору за империей, но поначалу этого не произошло. Она также надеялась бок о бок с ним участвовать в сражениях, но с досадой узнала о том, что царь уже выбрал себе четверку любимых боевых товарищей — Улупи Младшая и Тимма Огромный сражались слева от него, а Пампа Кампана и Зерелда Ли — справа.

— Если ты настаиваешь, что хочешь ездить со мной, — заявил он Тирумале Деви, — я бы предпочел, чтобы ты взяла на себя обязанность по управлению полевым лагерем, кухней, полевыми госпиталями и всем прочим, а битвы оставила нам.

У нее не было выбора, и она склонила голову в знак согласия. В тот момент этот вопрос был скорее теоретическим, ведь Биснага не вела войн. У нее будет достаточно времени, подумала она, чтобы занять достойное ее место, когда начнется военная кампания. Сейчас же в ней росла ненависть к Зерелде Ли.

Вскоре пришло время праздника Гокулаштами, дня рождения бога Кришны, который появился на свет в полночь, так что придворные *гопи* пели и танцевали день и ночь напролет, до полуночи, и потчевали царя сладостями и соленьями, которые любил сам бог Кришна — орехами бетеля, фруктами и *сидаи*, мелкими жареными шариками из рисовой муки и пальмового сахара, которые они по очереди клали царю в открытый рот, пока он не взмолился — довольно, нельзя же съесть сотню и еще пять. Последний шарик положила ему в рот Зерелда Ли, она сделала это с такой неприкрытой чувственностью, что Тирумала Деви, старшая царица, сидевшая от царя по правую руку, закричала в ярости:

— Знай свое место, узкоглазая чужеземка!

На что Зерелда Ли рассмеялась старшей царице в лицо.

— Я отлично знаю свое место, — ответила

она, — и не думаю, что место, которое занимаешь ты, приносит тебе столько же удовольствия.

Она послала царю воздушный поцелуй и удалилась, низко склонившись и смиренно сложив ладони. После ее ухода Кришнадеварайя повернулся к Тирумале Деви и произнес: — Никогда больше не желаю я слышать из твоих уст подобных расистских заявлений, или я велю придворным швеям зашить тебе рот.

Царица покраснела и отшатнулась, словно ее ударили по лицу, но не дала волю языку.

В завершение праздничного вечера *гопи*, четко следуя указаниям царя, разыграли во внутреннем дворике дворца *Рас-Лилу*, танцевальную драму. Несмотря на то что ей было отказано в этой роли в жизни, Зерелде Ли досталась главная роль, Радха, и в своем выступлении она показала, что ее таланты танцовщицы соперничают даже с ее мастерством владения мечом. То, как кокетливо она приближалась к царю, а затем внезапно отстранялась от него, отразилось в ее новом имени, которое стали использовать при дворе. В своей посвященной событиям той ночи поэме поэт Дхурджати назвал ее “неуловимой танцовщицей”. *Вот как я буду удерживать тебя*, — говорила она своим танцем Кришнадеварайе, — *я буду*

выскальзывать из твоих объятий всякий раз, как ты подумаешь, что поймал меня, и этим заставлю тебя желать меня еще отчаяннее, чем прежде. Тирумала Деви, понимавшая, что неспособна продемонстрировать такие же гибкость и вожделение и исполнить столь эротически мощный номер, осознала в этот момент, что Зерелда Ли обладает гораздо большим, чем она сама, Блаженным Могуществом, и захотела покинуть дворик, однако протокол предписывал ей остаться и наблюдать, как ее врагиня соблазняет ее мужа на ее же собственных глазах.

Фейерверки были подарком, который сделал Биснаге еще Доминго Нуниш, и к настоящему времени мастерство их изготовителей возросло настолько, что они могли запускать в полуночные небеса изображения огненных монстров, огнедышащих драконов, которые сражались с богом и были им повержены, и гигантские — во все небо — изображения Кришны и Радхи, оказывающихся все ближе друг другу в пылких, но нежных объятиях. Когда последняя картина была показана, царь поднялся и поблагодарил всех, кто развлекал его.

— Это лучший день рождения из всех, что я помню, — сказал он и удалился один, бросив

разъяренную Тирумалу Деви и ее не менее возбужденную мать Нагалу на произвол судьбы. В их глазах плясали драконы фейерверков, а также кружились демоны.

— Ты слышала это? — поинтересовалась Тирумала у матери. — Он воображает, будто это на самом деле его день рождения, как будто он на самом деле бог Кришна, а не смертный человек. Неужели он действительно думает, будто он — сошедший на землю великий бог?

— Боюсь, моя дорогая, — отвечала ей мать, даже не попытавшись понизить голос, так что ее слова услышали все собравшиеся при дворе, — что твой эксцентричный супруг, великий Кришнадевараййа, похоже, немного сошел с ума.

К ним подошел Великий министр Тиммарасу.

— Неразумно, дамы, делать столь неблагоприятные замечания в столь благоприятный день. Советую вам отправиться в свои покои и помолиться там о прощении. Уверен, царь, будучи человеком великодушным — а он такой и есть, — не оставит ваши молитвы неуслышанными.

Две женщины удалились во дворец. Позже некоторые из присутствовавших утверждали, что слышали, как мать говорила дочери:

— Кроме молитвы, у нас есть и другие средства

достичь наконец желаемого.

Однако тому нет ни доказательств, ни подтверждений.

Зерелда Ли не ошибалась (пишет Пампа Кампана),

Когда сказала, что ей следует быть осторожней

С тем, что она ест.

Ибо пища — главное средство поддерживать жизнь —

Может стать тем, что поддержит ее конец,

Если эта пища окажется в неправильных руках.

Первой жертвой отравления во дворце Биснаги стал придворный поэт — или это Пампа Кампана решила, что так было, и в своей книге возложила ответственность за его смерть на Нагалу Деви и Тирумалу Деви, несмотря даже на то, что любовь к поэзии была единственным, что объединяло Кришнадеварайю и Тирумалу Деви. Кришнадеварайя назначил на почетные придворные должности так называемых “Восьмерых Слонов”, искусных поэтов, чей гений достигал небес, как любил выражаться царь. В их число входили двое мастеров, Алласани Педдана и Тенали Ра-

ма, обреченный стихотворец Дхурджати и сам Кришнадеварайя, хотя некоторые видели в этом свидетельство все сильнее и сильнее присущих царю нескромности и высокомерия. Кроме того, в составе своей свиты Тирумала Деви привезла в Биснагу некоего Мукку Тимману, чье имя означало “Носовоспеватель Тиммана”, поскольку самым известным его стихотворением было то, о котором мы уже упоминали ранее, — ода красоте женского носа, благодаря которой у Тирумалы Деви появились основания считать, что сомнительный нос на самом деле является выдающимся достоинством ее лица. Кришнадеварайя согласился включить Мукку Тимману в свой пантеон живых, несмотря на благоприятные свойства числа семь, и потому Слонов стало Восемь, а не семь.

Вскоре умер Дхурджати — он схватился за живот после съеденного в своих личных покоях ужина, после чего был найден мертвым; его руки все еще сжимали живот, а в уголках губ пузырилось немного пены. Никто не хотел признать, что он был убит — кто мог захотеть лишить жизни столь универсально любимого всеми человека? — так что совет из медиков пришел к заключению, что нечто взорвалось у него

внутри, выпустив смертельную дозу токсических веществ. Подобные вещи случаются, это очень грустно, но сделать тут ничего нельзя. После этого Слонов снова стало Семь. Особо суеверные могли бы с легкостью поверить, что восьмой слон оказался противным естественному порядку вещей, который и принял меры, чтобы вернуть все на свои места.

Пампа Кампана вспоминала последнюю работу Дхурджати, это прекрасное, длинное стихотворное ожерелье, в котором он воспевал ночь празднования Гокулаштами, когда Зерелда Ли — "неуловимая танцовщица" — танцевала перед царем и вызвала этим гнев старшей царицы. Могло ли быть, спрашивала она себя, что страшная месть настигла поэта за то, что он превознес неправильную царицу, ту, что младше и не знает своего места? Был ли это предупредительный выстрел, сигнал, посланный Зерелде Ли затем, чтобы она перестала перегибать палку и раз и навсегда смирилась со своим второстепенным статусом? Передаваемая шепотом фраза "Мадам Яд" все еще летала по базару, и после смерти Дхурджати ее стали произносить чуть более громким шепотом. Пампа Кампана начинала верить, что это так. Однако в то время ей еще было сложно

пойти к царю и открыто обвинить его старшую царицу.

У царя, однако, были и свои собственные подозрения.

Вскоре выяснилось, что Тирумала Деви воинственно настроена не только к Младшей Царице Зерелде Ли, но и ко всей труппе суррогатных *гопи*. Твердым шагом зашла она в залы удовольствий *зенаны*, чтобы предстать перед царем во время его ежедневных забав. Младшие жены испугались ее прихода.

— Это второсортный рай, это подобие Рощи Тулси, что это вообще? — настойчиво вопрошала Тирумала Деви. — Возможно, это твоя любовь к мусульманской культуре, к многим женам-наложницам, к духам их семи небес, к *гуриям*, "которых не трогают ни люди, ни джинны". Тебе следует надеть мужскую одежду и оставить эту девичью помойку.

Кришнадеварайя не испытал раскаяния.

— У твоего собственного отца целая конюшня жен, — отвечал он, — это не связано ни с индуистами, ни с мусульманами. Я прославляю своего тезку, Господа Кришну, воссоздав у нас в Биснаге приют его удовольствий.

— Знаешь, когда, по-моему, наступит настоя-

щий рай? — спросила у него Тирумала, продемонстрировав во многом общий с Пампой Кампаной образ мышления. — Это случится в том месте — или в то время, — когда одному мужчине будет достаточно одной женщины.

— Для большей части людей этот рай уже существует, — парировал Кришнадеварайя. — Он называется бедность.

— Возможно, нам придется переименовать его, — заявила его старшая царица, — или начать думать о нем как о богатстве. Возможно, беден ты, которому, сколько ни будет женщин, все мало.

— А я смотрю, ты умеешь отстаивать свою точку зрения, — произнес царь. — Мне это нравится. Продолжай.

— Оденься подобающим образом, — велела она ему, — потом посмотрим насчет беседы.

— Кстати, — добавил царь, когда она собралась уходить, — ты слышала, бедный Дхурджати умер.

— Да, — ответила она, пожав плечами, — у него что-то разорвалось внутри, возможно, его сердце. Ты же знаешь, что говорят о поэтах. Они в тоске с самого рождения, и все умирают от печали, ведь никто не может любить их настолько сильно, насколько им это нужно.

— Люди говорят и другое, — продолжал царь. — К примеру, они шепчут слова *Шримати Виша*, когда мимо проходишь ты или твоя мать.

— Смерть неизбежна, — отвечала она. — Бедняги во всем видят убийства. А я вижу только судьбу, я называю ее карма — это единственное должное и точное название, — но ты, в своем мусульманском костюме, со своим постоянным урду на языке, возможно, предпочтешь слово "кисмат".

— Вот тебе один совет, — заявил царь. — Отравитель всегда заканчивает тем, что сам выпивает яд. Просто чтобы ты задумалась.

— Это твоя младшая царица, это она отравительница, — прокричала Тирумала Деви прежде, чем удалиться с гордо поднятой головой, — эта чужеземка! Присмотрись к ней, если задумался об отравлениях.

"Чужеземка" Зерелда Ли навестила Пампу Кампану в "доме чужеземца". Она приехала на серебряной карете со слугами и охраной, но вошла в дом одна и во время пребывания там вела себя не как младшая царица, а как обычный приехавший в свою семью ребенок. Она застала Пампу Кампану в одиночестве, та сидела на подоконнике и наблюдала из окна за городской суетой

с меланхолическим видом женщины, которая чувствует, что ее время прошло, а любовник, в чьем доме она живет, — всего лишь средство сделать так, чтобы оставшиеся часы пролетели как можно незаметнее.

— Он не особенный, — признавалась она себе, — его волосы похожи на великолепный костер, глаза — на драгоценные камни, и у него старомодные манеры, что выглядит мило. Но он — просто имитация другого человека из прежней жизни. Точнее, имитация человека, который сам был имитацией другого, настоящего человека. Я слишком стара для того, чтобы влюбляться в имитации имитаций, даже те, у которых правильные волосы, глаза и манеры, которые занимаются любовью так, как я помню и до сих пор предпочитаю, даже при том, что он не португалец. Я видела оригинал, слышала музыку той любви и не смогу довольствоваться эхом эха. Никколо приятный человек и повидал большой мир, что, как он утверждает, свойственно венецианцам, но, в конце концов, к делу он отношения не имеет.

Затем она подумала, я и сама, возможно, сделалась тем же самым за все эти годы, этим подхожу к своему двухсотому дню рождения. Возможно, что и я не имею отношения к делу.

— Пра-пра-пра-пра-прабабушка, — спросила Зерелда Ли, — так чего же ты хочешь?

— Я хочу две вещи, — отвечала Пампа Кампана. — Во-первых, я хочу, чтобы у тебя было то, чего хочешь ты. Если ты хочешь этого царя и все, что к нему прилагается, если это то, что позволяет тебе ощущать принадлежность и видеть, кто ты есть, то я в долгу перед тобой и должна быть уверена, что ты будешь владеть этим столько, сколько захочешь, и случайно не умрешь от яда прежде, чем устанешь от жизни.

Она встала с места возле окна и жестом пригласила Зерелду Ли следовать за ней.

— Леса в окрестностях Биснаги не похожи на зачарованный лес Араньяни, — рассказывала она, — но не похожи они и на рощи около пещеры Видьясагара, в которой я выросла. Тот обычный лес давал ему все, что ему было нужно, и в этих лесах тоже есть все, что нужно для достижения моих целей. Я довольно часто добывала там необходимое, пока ты была занята дворцовыми интригами.

— Добывала что? — не поняла Зерелда Ли, и Пампа Кампана расплылась в блаженной улыбке.

— Видьясагар был разносторонним челове-

ком, — пояснила она. — Он обладал мудростью, за которую многие его боготворили, и государственным мышлением, столь коварным, что многие боялись его из-за этого. Были и другие стороны, романтические, чего я никогда не смогу ему простить, но я заперла эти воспоминания в таком далеком чертоге памяти, что порой и сама не могу найти к ним то дорогу, то ключ, да и ни к чему сейчас этот ключ искать. Были у его личности и стороны, которые нам пригодятся. Пригодятся, я бы сказала, тебе.

Они находились в комнате Пампы Кампаны, где в углу стоял небольшой глиняный сосуд с вытянутым горлышком, похожий из-за этого на хорохорящегося петушка.

— Вьери рассказывал, что этому сосуду уже сто лет и что он привезен из страны, жители которой хранили в нем кровь своих побежденных врагов. Когда он подарил мне его, в нем еще были засохшие остатки этой крови, а мне известно — этому меня научил Видьясагар, — что из такой крови, если смешать ее с правильными травами, получается напиток, который сделает ту, что его выпьет, неуязвимой ко вреду, который может нанести ей все то, что она ест и пьет.

— Это антидот, — поняла Зерелда Ли.

— Я собрала травы, — продолжала Пампа Кампана, — растолкла и добавила внутрь через длинное горлышко. Я нагрела сосуд на огне и произнесла слова, которым научил меня Видьясагар, и теперь напиток готов.

Она поставила рядом с глиняным петушком деревянную миску, подняла сосуд за горлышко и опрокинула его в миску. Из разбитых осколков начала сочиться густая темная жидкость.

— Ты говорила, ему сто лет, — удивленно уточнила слегка шокированная Зерелда Ли.

— Да, — подтвердила Пампа Кампана, — он долго ждал, чтобы исполнить свое предназначение.

Она заметила, что Зерелда Ли все еще смотрит с недоверием.

— Солидный возраст, — с горечью добавила она, — в наши дни не приносит тебе никаких привилегий. Я раньше делала горшки, так что для меня непросто взять и разбить один из них вдребезги.

Она перелила густую темную жидкость в стеклянный флакончик и закупорила его маленькой пробкой.

— Надень это на шею, — велела она, — прибегай к услугам пробовальщиков еды и соблюдай все прочие предосторожности, но, если все это

окажется напрасным и ты почувствуешь, что в твое тело попал яд, сделай глоток. Не нужно пить много. Даже несколько капель спасут тебе жизнь.

— Как я узнаю, что еду или питье отравили? — уточнила Зерелда Ли. — Яркие специи могут замаскировать вкус яда, ведь так?

— Тебе расскажет об этом твое тело, — объяснила Пампа Кампана. — Когда телу угрожает опасность, оно подает сигнал тревоги. Ты его почувствуешь. Но я искренне надеюсь, что ты не почувствуешь этого никогда.

— А другое твое желание? — настойчиво интересовалась Зерелда Ли, вешая сосуд на шею и пряча под одежду. — Ты же мне скажешь, в чем оно?

— О чем ты говоришь? — уточнила старшая из женщин.

— Ты сказала, что хочешь две вещи, — напомнила ей Зерелда Ли. — Так что это за вторая вещь?

Пампа Кампана долго молчала, а после, решившись, заговорила.

— Я — мать Биснаги, — начала она. — Все, что здесь происходило, происходило из-за меня. Мои семена дали жизнь людям, мое искусство возвело

эти стены. Я восседала на троне рядом с обоими царями-основателями. Чего я хочу? Я хочу, чтобы признали мою истинную природу. Я не хочу быть невидимкой. Хочу быть увиденной.

Зерелда Ли слушала ее очень внимательно и серьезно. Потом она сказала:

— Я поговорю с ним. Я объясню. Уверена, он будет потрясен, когда начнет верить. Уверена, что он перевезет тебя во дворец и предложит самую высокую должность, даже выше старшей царицы. Я попробую. Но знаешь, что сможет убедить его лучше, чем я?

— Нет, — призналась Пампа Кампана.

— Новые стены, — сообщила Зерелда Ли.

Под влиянием мистической силы числа семь Кришнадеварайя решил, что разрастающийся город должен защищать не один, а семь рядов внешних стен. Население разительно выросло и вырвалось за пределы первоначальных границ. С внешней стороны от укреплений возводились целые новые кварталы, и граждане, жившие там, оставались совершенно незащищены от нападений. Возведение новых стен было срочной необходимостью.

— Прошло много времени с тех пор, когда я возвела первые стены, — сомневалась Пампа

Кампана, — и тогда я была намного моложе. И сильнее. Это было еще до того, как розовые обезьяны чуть не убили меня, и я проспала все время, пока ты меня не разбудила. Мы смогли обернуться в птиц, чтобы попасть сюда, это правда, но даже этот дар я использовала до конца и не знаю, остались ли еще какие-то. Не знаю, смогу ли я теперь построить хоть одну новую стену, не говоря еще о шести.

— Попытайся, — велела Зерелда Ли.

На следующий день Пампа Кампана пришла к Шри Нараяну и купила большой мешок различных семян. — Мадам, сегодня без фруктов? — прокричал ей через дорогу торговец фруктами Шри Лакшман, брат Шри Нараяна. — Мадам, сезон манго скоро закончится. У манго тоже есть семя. Лучше купите поскорее несколько штук, потом не будет.

Чтобы сделать ему приятное, она купила несколько манго и положила их в свой мешок. Шри Нараян раздраженно фыркнул.

— Он лучше, чем я, умеет вести сладкие речи, — заметил он, — но какое такое манго-санго сможет вырасти на этой каменистой почве?

— Из семян манго вырастут не только манго, — отвечала она, — и из твоих семян тоже.

Когда она ушла, братья почесали в затылках.

— Что она хотела этим сказать? — спросил Шри Нараян.

— Ерунду какую-то, — отвечал Шри Лакшман. — Это восхитительная дама, но иногда я опасаюсь, что она немного того.

И для пущей убедительности постучал себя по лбу.

Пампа Кампана отправилась спать рано, а Никколо де Вьери тихо залез в кровать позже, не побеспокоив ее. Было еще темно, когда она проснулась и выскользнула из комнаты, не разбудив его. На заре она вышла через городские ворота, босая, обернутая в качестве одежды лишь двумя кусками домотканой материи, с нанесенными на лоб для демонстрации серьезности ее цели знаками и большим мешком, наполненным семенами (в нем было также несколько плодов манго), перекинутым через плечо. В одиночестве вышла она на каменистую коричневую равнину и осмотрела окружающие холмы, словно сообщая им о том, что очень скоро их ждут великие перемены. А после исчезла в пустоте, и многие недели ее никто не видел. Позднее она опишет в “Джаяпараджае” свои долгие скитания по равнине, подъемы на горы и спуски в долины и расскажет,

как колдовала и пела на этом пути.

Да, бесплодна земля эта (пишет она),
Но песня может заставить вырасти фрукты
Даже в пустыне,
А выращенные песнями фрукты
Могут стать настоящими чудесами света.

Когда наконец она снова спустилась на широкую равнину Биснаги, ее кожа была в пыли, а губы потрескались. Это опять произошло на рассвете, тени холмов отступили, и солнечный свет хлынул на нее, как река тепла. В течение следующих семи часов Пампа Кампана стояла очень прямо, не обращая внимания на ручейки пота, которые начали стекать у нее со лба, на испарину, сочащуюся из всех пор ее тела, на то, что пыль на коже превращается в грязь, воздух блестит от жары, и в ушах от нее словно бьют барабаны. Семь часов спустя она закрыла глаза, распростерла руки, и ее чудо началось.

Каменные стены вознеслись в воздух повсюду, где она посеяла свои семена, — вдоль реки, на равнинах, на холмах и в низинах этого сурового края. Их камни омывала река, они возвышались над равнинами, и вместе с грядами окружающих Биснагу холмов возносили защищающие город

сооружения до небес. Там были сторожевые башни, ожидающие прихода часовых, зубчатые крепостные стены, на которых не хватало только лучников, пушек и котлов с горячим маслом. Были ворота, достаточно прочные, чтобы противостоять самым тяжелым таранам. С этого и до последнего дня империи нога врага никогда не ступала в ее сердце, да и в последний день враг вошел в город лишь потому, что люди потеряли надежду. Одно только отчаяние могло заставить эти стены рухнуть, а до наступления этого отчаяния оставалось еще много лет.

Шесть новых рядов высоких каменных стен, рожденных из волшебных семян, всего семь рядов — это были *чудеса света*.

Воздвижение стен не закончилось с заходом солнца, оно продолжалось до глубокой ночи, но еще задолго до того, как чудо полностью свершилось, собрались толпы зевак — они спешили из Биснаги пешком, на лошадях или в экипажах, чтобы постоять и, разинув рты, посмотреть на то, как появляются защитные сооружения города. Царь лично приехал верхом и не поверил собственным глазам. Пампа Кампана, одинокая фигура в самом сердце великой равнины Биснаги, стояла с закрытыми глазами и распростертыми руками,

и поначалу никто не связывал эту похожую на аскета женщину с вздымающимися вокруг камнями. Толпа становилась все больше, ничего не знающие люди начали теснить Пампу Кампану. А она так и стояла там, безмолвная, неприметная, и заставляла появляться массивные укрепления, камень к камню, идеально подогнанные, с ровными и гладкими стенами, словно их возводила армия невидимых призрачных каменщиков, армия, способная материализовать камни из воздуха и работать с невероятной скоростью. Когда солнце скрылось за семью каменными рядами, жителей Биснаги переполняла смесь страха и радости — так бывает с мужчинами и женщинами, когда чудесное пересекает границу мира богов и входит в повседневность, открывая женщинам и мужчинам, что эта граница не непроницаема, что чудесное и повседневность — две половины единого целого и что мы сами являемся богами, которым стремимся поклоняться, и сами способны на великие деяния.

Зерелда Ли скакала рядом с царем и, увидев, что в ночи толпа начинает толкать и теснить маленькую женскую фигурку с распростертыми руками, пронеслась галопом прямо сквозь людей, желая защитить Пампу Кампану.

— Назад! — закричала она. — Вы что, не видите, что это она сотворила все это?

После чуда со стенами вся Биснага поверила в силы Пампы Кампаны, и люди осознали наконец, что живут в городе, созданном ею — выращенном ею *из семян,* — и поняли, что древние мифы несут в себе буквальную правду. Все, начиная со Шри Нараяна, продавшего ей семена и его торговавшего фруктами сладкоречивого брата Шри Лакшмана, и заканчивая Никколо де Вьери, чужеземцем, чью постель она покинула, чтобы начать свою работу, находились в благоговейном страхе. Даже царю пришлось признать, что не его одного в империи коснулась рука бога либо богини. Зерелда Ли рассказала ему подлинную историю Пампы Кампаны — так, как в свое время ее рассказали ей самой, — и Кришнадеварайя в ней не усомнился. Доказательства были вокруг, воплощенные в камне.

— Я был благословлен ее величием, — заявил он, — и ее слава возвеличит мою собственную.

Наконец в полночь Пампа Кампана в изнеможении опустилась на колени и без чувств упала лицом в грязь. Назад в Биснагу ее доставили на личной карете царя, которую верхом сопровождали он сам и Зерелда Ли, а также Великий министр

Тиммарасу. (Тирумала Деви отсутствовала, она горевала в своих покоях, понимая, что только что ее влияние при дворе сделалось значительно меньше.) Пампу Кампану уложили на кровать в покоях, предназначенных для приезжающих царей и цариц, и Зерелда Ли спала рядом с ней на полу, чутко, сжимая в руке рукоять меча, готовая, словно затаившаяся тигрица, в любой момент уничтожить появившегося врага.

Она проснулась спустя месяц. Рядом была Зерелда Ли, она обтирала ее губы водой, как делала на протяжении всего ее долгого сна.

— Стены стоят? — спросила Пампа Кампана, а когда Зерелда Ли сообщила ей, что они высокие и прочные, старшая женщина с улыбкой кивнула. — Сейчас я отправлюсь к царю, — заявила она.

Когда она появилась в тронном зале, неуверенно держась на ногах и опираясь одной рукой на плечо Зерелды Ли, Кришнадеварайя сошел со Львиного трона, пал ниц и поцеловал ее ноги, послав тем самым сигнал всем присутствовавшим там своим женам, придворным и всем жителям империи за пределами дворца.

— Прости меня, Мать, — произнес он, — я был слишком слеп, чтобы видеть, и слишком глух,

чтобы слышать, но теперь мои уши свободны, а глаза узрели истину. Ты не просто обычная *апсара*, хотя и обычная *апсара* — настоящее чудо. Теперь я понял, что сама богиня живет внутри тебя, она поддерживает тебя с тех самых пор, когда ты дала жизнь нашему миру почти две сотни лет назад, и что твои красота и молодость — проявления ее божественного присутствия. Начиная с этого момента ты будешь именоваться нашей всеобщей матерью, матерью империи, и по статусу будешь стоять выше любой царицы — я построю храм, где мы ежедневно будем поклоняться живущей внутри тебя богине.

— Мне не нужны статус, корона или храм, — ответила Пампа Кампана. Ее голос был слабым, но она не позволила ему дрожать. — И мне не нужно, чтобы мне поклонялись. Я хотела быть узнанной, и это все; возможно, я бы еще хотела, чтобы мне, наряду с *Махаманатри* Тиммарасу, было позволено предлагать свои советы и давать наставления, способные привести империю ко времени ее величайшего расцвета и славы.

— Отлично, — ответил царь. — Так пусть же начнется время славы!

— В связи с этим, — вмешалась Тирумала Деви, опускаясь подле царя на колени, — позвольте

мне сообщить Вашему Величеству о величайшей радости, о том, что я имею честь носить его первенца.

Зерелда Ли густо покраснела, она тоже вышла вперед, оставив Пампу Кампану у себя за спиной, и встала перед Кришнадеварайей. (Отказом преклонить колени она молча, но с презрением осудила подобострастное падение ниц своей соперницы.)

— К чему я хотела бы добавить, — сообщила она царю, — уверена, что вы будете счастливы узнать об этом — что нахожусь в том же положении.

17

Что ж! Соревнования беременных между Тирумалой Деви и Зерелдой Ли, бесспорно, как говорится в пословице, объединили мангустов и кобр! В следующие месяцы весь двор — да что там двор, всю империю — охватила горячка предположений, споров и неизвестности. Что будет, если у Зерелды Ли родится мальчик, а у Тирумалы Деви — девочка? Как это повлияет на соотношение сил во дворце? А что, если у обеих мальчики или у обеих девочки? Стоит ли снова поднимать старую щекотливую тему — камень за пазухой Пампы Кампаны — о праве женщин наследовать трон? К каким непредвиденным последствиям могут привести подобные дебаты? И если в результате детской лотереи Тирумала Деви окажется понижена в должности, как это повлияет на союз Биснаги с ее отцом, царем Срирангапатны Вирой? Если царь Вира выйдет из альянса, насколько уязвимыми станут позиции Биснаги на южных границах? И если Биснага отвлечется на беспорядки на юге, станет ли она уязвимой на севере для новых нападений Пяти Султанатов? Могут ли Бидар и Биджапур, разгромленные в битве при

Дивани, вновь поднять головы и объединиться с Голкондой, Ахмеднагаром и Бираром — воссоздав тем самым армию, которой султанат Зафарабад располагал до своего распада — и совершить опасное совместное нападение? Чью сторону следует поддержать? И должны ли придворные объединиться, или правильнее для всех будет сохранять свою независимость? Возможно ли, что сторонники Тирумалы Деви захотят причинить вред Зерелде Ли или наоборот? О, каким неоднозначным стал окружающий мир всего за миг! Неужели боги прогневались на Биснагу? Не были ли эти загадочные беременности испытанием, посланным Божественным, и как следует действовать, чтобы пройти его и умилостивить богов? Что скажет об этом *Махамантри* Тиммарасу? Почему он ничего не говорит? Почему молчит сам царь? Если те, кто стоит во главе империи, не знают, как наставить народ, могут ли люди сами понять, что лучше?

В течение этих месяцев две дамы, находившиеся в самом сердце проблемы, общались друг с другом с ледяной вежливостью, которая, однако, никого не вводила в заблуждение, в особенности их самих. Услышав, что Зерелда Ли страдает по утрам от токсикоза, Тирумала Деви послала ей

безымянный напиток, который, по ее словам, должен в один миг успокоить пищеварение младшей царицы. Когда Зерелда Ли вылила содержимое бутылочки в цветочный горшок в своих покоях, оказалось, что цветок в этом горшке немедленно засох и умер. Вскоре после этого Зерелда Ли узнала, что Тирумала Деви испытывает непреодолимую страсть к сладкому и не в состоянии воздерживаться от него, даже несмотря на свою озабоченность сильной прибавкой в весе. Младшая царица тут же начала посылать старшей вереницу корзинок, набитых самыми желанными сладостями со всей страны, там были местные майсорские *пак* и *кожукатта*, гоанские *бебинка* и тамильские *адхирасам*, и даже экзотические лакомства издалека, *сандеш* из Бенгалии и *гуджия* с территории Делийского султаната, по корзине каждый день семь дней в неделю, так что ненависть Тирумалы Деви к своей сопернице увеличивалась вместе с ее талией.

Доверенный министр Кришнадеварайи Салува Тиммарасу в частном порядке посоветовал царю не делать ничего, что могло бы как-то ущемить старшую царицу. Даже если ребенок Зерелды Ли окажется мальчиком, а Тирумалы Деви — девочкой, сын младшей царицы не должен быть

провозглашен наследником. Напротив, Тирумале Деви должны быть предоставлены новые возможности произвести на свет мальчика, который станет первым в череде наследников, когда бы он ни был рожден.

Кришнадеварайя покачал головой.

— Звучит неправильно, — заявил он.

Тиммарасу осмелился возразить ему.

— Вы хотели сказать, мой царь, что это звучит несправедливо, и, я осмелюсь заметить, это и будет несправедливо. Однако бывают случаи, когда несправедливость оказывается верным путем, став на который царь достигает своей цели.

— Давай узнаем у матери империи, согласна ли она с этим, — ответил царь.

Пампа Кампана плохо себя чувствовала. С тех пор как произошло чудо стен, у нее кружилась голова, она постоянно испытывала усталость, у нее ломило кости и кровоточили десны.

— Тебе надо отдохнуть, — уговаривала ее Зерелда Ли. — Ты на себя не похожа.

Однако Пампа знала, что на глубинном уровне чувствует себя такой, какая она на самом деле, и испытывает то, что должен испытывать человек столь древний. Впервые в жизни она чувствовала себя старой.

Она не вернулась в дом Никколо де Вьери, ее чутье подсказало ей, что что бы ни произошло — восстановит ли она свои силы и способность четко видеть цели или будет тихо угасать, превращаясь в ничто, — время синьора Римбальцо, господина Попрыгунчика, закончилось. Она послала к торговцу фруктами Шри Лакшману гонца и попросила отправить в "дом чужеземца" несколько манго сорта альфонсо и принесенную гонцом запечатанную восковой печатью записку, предназначенную исключительно для венецианских глаз. "Это последние альфонсо, — гласила записка, — сезон манго завершен". Получив подарок и прочитав записку, Вьери понял, что таким способом она попрощалась с ним. Он незамедлительно собрался и — не прошло и двадцати четырех часов — навсегда покинул Биснагу, стремясь к новой точке своего нескончаемого путешествия и унося с собой ее слова и воспоминания о своей любви — два бремени, которые ему суждено носить с собой до самой смерти. Он был последним вошедшим в ее жизнь чужеземцем. Эта часть ее истории также подходила к концу.

Она оставалась в покоях для приезжих монархов, но была так глубоко погружена в себя, что не замечала великолепия своего жилища — ни

каменных с серебром кальянов в технике *бидри* из завоеванного Бидара, ни бронзовой фигуры *Натараджи* периода Чола, изображающей Шиву как повелителя танца, ни картин уникальной школы Биснаги, представители которой отличались тем, что предпочитали изображать не богов или царей, а обычных людей во время работы и лишь иногда во время заслуженного отдыха. Теперь Пампа Кампана не замечала этих вещей, словно слепая. С таким же успехом она могла бы жить в пещере без мебели, подобной той, в которой она прожила девять лет с Видьясагаром, или в хижине в джунглях, вроде той, что они с дочерьми построили в лесу Араньяни. Она очень мало говорила, блуждая в собственных мыслях и большую часть времени рассматривая, точно одержимая, свое лицо, руки и тело, в надежде понять, может ли старость, которую она начала ощущать своими костями, наконец-то сказаться и на ее внешности.

Ей не стоит, говорила она себе, подобно какой-нибудь тщеславной кокетке, волноваться из-за появления седых волос и морщин. Ее сила заключена в ней самой, а не в том, как она выглядит.

Да, но, отвечала она себе же, если она превратится в каргу, царь начнет смотреть на нее

по-другому.

Быть может, возражала она себе в ответ, он станет относиться к ней серьезнее, с уважением, которого требует и заслуживает старость. Быть может, ее авторитет даже возрастет.

Но на самом деле она так и не видела на своей коже следов времени. Дар богини был истрачен не полностью, по крайней мере не снаружи. Внутри же она начала ощущать груз каждого прожитого года своей двухвековой жизни. Внутри она чувствовала, что зажилась на свете слишком долго.

Зерелда Ли зашла проведать ее, она была на большом сроке беременности и явилась в сильном раздражении. Беременность была к ней жестока, она страдала от букета болезней, но причиной ее мрачного настроения стало не это.

— Царь хочет тебя видеть, — было слышно, что ей не хватает воздуха и что она злится. — Ты должна прийти прямо сейчас.

— В чем же дело? — спросила Пампа Кампана.

— Дело в том, что он хочет, чтобы ты решила, будет ли мой ребенок важным человеком, человеком, имеющим перспективы в этой чертовой империи, или его следует отшвырнуть в сторону, как маленький кусочек дерьма, — заявила ей

Зерелда Ли. — И — просто чтобы я была готова — скажи мне, пожалуйста, как ты намерена ответить на этот вопрос?

Пампа Кампана рассказала ей. То, что она сказала, нисколько не осчастливило ее внучку.

Мать империи все еще не привыкла к почтению, с которым к ней теперь относились. Прошло много времени с тех пор, как она входила в эти залы в качестве дважды царицы, нынешнее же почтение было новым и более глубоким, нежели формальные приветствия, предназначенные монарху. Это, как она поняла, было проявлением почитания, так в его лучшие годы принимали ее старого противника, мудреца Видьясагара. Она не была уверена, что ей нравится, когда ее почитают, но не была уверена и в том, что ей это не нравится. Она все еще не чувствовала себя достаточно сильной, и когда вошла в тронный зал, опираясь на мрачную Зерелду Ли, придворные волнами отхлынули в стороны, точно отступающий прилив. Кришнадеварайя ожидал ее, и когда она приблизилась к Львиному трону, и император, и министр Тиммарасу опустились на колени, чтобы коснуться ее стоп. Тирумала Деви, узнав, что Пампу Кампану попросят рассудить нерожденных детей, стремительно — по крайней

мере двигаясь настолько быстро, насколько ей позволяло ее тело, — ворвалась в тронный зал, полная решимости отринуть любое решение судьи, кроме желаемого ею. Она не поклонилась, не пала ниц и не стала касаться стоп Пампы. Она стояла — прямая и мрачная, словно ангел мщения. Глаза Зерелды Ли встретились с глазами Тирумалы Деви, и ни одна из женщин более не отводила взгляд. Между ними носились смертоносные огни из их глаз.

— Ну что ж, я вижу — эмоции зашкаливают, — безмятежным тоном начала Пампа Кампана. — Давайте попытаемся их остудить. Мой суд таков: нелепо решать вопрос о царском престолонаследии сейчас, когда кандидаты даже не научились ни дышать нашим воздухом, ни портить его. Кто из них окажется способным править империей? Давайте зададим этот вопрос еще раз лет эдак через пятнадцать, к этому времени, возможно, мы уже будем знать ответ. И только тогда можно начинать спорить о девочке или мальчике.

Это был ответ, который никому не понравился и многих озадачил. Тирумала Деви и Зерелда Ли разом громко заговорили, призывая царя вмешаться, а присутствовавшие в большом количестве придворные разделились на две фракции.

Кришнадеварайя и сам не знал, что делать с таким судом Пампы Кампаны. Министр Тиммарасу, убежденный сторонник Тирумалы, что-то настойчиво шептал ему на ухо.

Пампа Кампана заговорила вновь.

— Пока наш царь находится в добром здравии и полностью владеет своим рассудком, чувствами и всей империей, — объясняла она, — просто абсурдно тратить время на обсуждение прав нерожденных детей. Нашей единственной заботой, как более полутора тысячелетий назад учил нас великий император Ашока, чье имя означает “без печали”, должно быть величайшее возможное благо и максимальное счастье для всех граждан. Когда мы сделаем все, что в наших силах, чтобы создать рай на земле, место, где не будет печали, тогда и будем изо всех сил обсуждать, кому же следует передать его защиту.

— Ашока был буддистом, — заявила Тирумала Деви, — он не верил в наших богов. Как мы можем верить древнему царю, который поклонялся человеку, отрекшемуся от царства?

— Ашока был живым сердцем нашей земли, — ответила Пампа Кампана. — Не узнав сердца, не сможешь понять и все тело.

В этот момент Тирумала Деви не стала с нею

спорить. Однако, когда произошло несчастье, она первой заявила, что это боги судят Пампу Кампану не только за плохой совет, но и за “богохульство”.

Зерелда Ли, младшая царица Биснаги, самая любимая среди всех супруг Великого Кришнадеварайи, умерла в родах, ее сын также родился мертвым. Неделю спустя Тирумала Деви тоже родила ребенка, тоже мальчика, тоже умершего во чреве. Сама она все же выжила. Все в Биснаге увидели в этой тройной трагедии роковое предзнаменование, за пределами же империи ее восприняли как проявление слабости. Кришнадеварайя покинул тронный зал и не показывался на публику сорок дней. Было понятно, что он не встречается ни с кем, кроме Тиммарасу. Было понятно, что Тирумалу Деви утешает ее мать и что Пампа Кампана просила оставить ее в одиночестве оплакивать свою пра-пра-пра-правнучку, последнюю представительницу ее рода. Ощущалось, словно империи отрубили голову, и ее тело, соответственно, лежало недвижимым. Враги Биснаги начали готовиться к вторжению.

При виде объятого пламенем тела Зерелды Ли внутри у Пампы Кампаны прорвалась плотина. Ее настигла невозможность должным образом

оплакать всех тех, кого она потеряла, и ее переполнило не нашедшее прежде выражения горе. Она попросила царя позволить ей разбить череп Зерелды Ли бамбуковой дубинкой, чтобы освободить ее дух, и хотя согласно традиции это должен был делать мужчина, царь великодушно позволил ей это. Исполнив этот долг, Пампа Кампана лишилась чувств, и ее на руках отнесли в ее покои, чтобы она пришла в себя. Эта сцена также вызвала массу споров. Для жителей Биснаги и ее союзников она свидетельствовала о широте взглядов, за которую империю часто превозносили, и позволяла предполагать, что старая тенденция к возвеличиванию ценности женщин, благодаря которой с самых первых дней существования Биснаги женщины достигали высот во всех сферах жизни, получила при этом царе новый импульс. Это показывало, что данное им прежде обещание, что “во всей империи будет править любовь”, не было пустым хвастовством. Для врагов же Биснаги это был еще один признак ее слабости, того, что власть рушится в самом центре.

Таков уж был мир в те времена. Трагедии порождали армии, а личные реакции людей на беду, символические или аллегорические — разбитые

сердца, великодушие, потеря сознания — должны были быть проверены на искренность на поле боя. Все вокруг воспринималось как знак, то есть уже заключало в себе множество интерпретаций, и только на поле битвы, только при помощи силы можно было определить, чье видение является наиболее верным.

Кришнадеварайя понимал это лучше других и, через *Махамантри* Тиммарасу, отдал приказ, чтобы армия готовилась к войне.

Пампа Кампана вышла из своего коллапса и оказалась в новой реальности. Зерелды Ли больше не было, а вместе с нею ушли и надежды Пампы, что начнется новая линия чудесных девочек. Ее сказочная династия закончилась. Будущее принадлежало Тирумале Деви, у которой, стоит ей лишь оправиться от своего глубокого горя, вне всякого сомнения, будет еще множество возможностей произвести на свет ребенка, один из которых, вне всякого сомнения, окажется мальчиком и при этом выживет. Старый порядок не изменится. Кришнадеварайя может быть окружен славой, он может выиграть множество сражений, но он никогда не станет тем, кем могла бы сделать его женщина из рода Пампы Кампаны.

Вся Биснага была потрясена смертями одной царицы и двух потенциальных царей. Сам Кришнедеварайя, которому следовало бы заниматься приготовлениями к военному походу, вместо этого сменил свое привычное одеяние султана, столь осуждаемое Тирумалой Деви и ее матерью, на два куска домотканой материи, из тех, что носят нищие и святые аскеты. Он уединился в Обезьяньем Храме и, преклонив колени, склонив голову и погрузившись в молитву, просил у Господа Ханумана наставить его. Весь город затаил дыхание в ожидании его появления оттуда.

Так прошло несколько дней.

А после утром, еще до рассвета, Пампу Кампану разбудила напуганная служанка и сообщила ей, что царь дожидается ее у входа в ее покои, по-прежнему почти без одежды, в своих нищенских лохмотьях.

— Пригласи его, — велела Пампа Кампана и, подобрав одежды, встала с постели, чтобы поприветствовать его.

Войдя, он не позволил ей преклонить колени или каким-либо иным жестом выразить почтение к нему.

— На это нет времени, — заявил он. — Я должен многое тебе рассказать. В храме, когда я с закры-

тыми глазами ждал, что Господь Хануман даст мне ответ, единственным, что я узрел, было твое лицо. И наконец я понял. В тебе и только в тебе заключено наставление, которое я ищу, а потому я немедленно должен предложить тебе новую, еще более глубокую любовь, не ту обычную любовь, что мужчины демонстрируют к женщинам, но высшую любовь, которую верующий испытывает к проявлению Божественного.

Сказав это, он сам опустился на колени и коснулся ее стоп.

Скорость, с которой происходили перемены, приводила Пампу Кампану в замешательство.

— Слишком рано, — возразила она. — Все наши мысли должны быть направлены на оплакивание мертвых. Признания в любви, высшей или низшей, следует оставить до подходящего момента. То, что вы говорите, неприемлемо, мой господин.

— Ты хочешь сказать, как я понял, что это сочтут недолжным там, в коридорах дворца и на городских улицах, — отвечал Кришнадеварайя. — Но порой то, что должно делать царю ради увеличения собственного величия, стоит выше этих пересудов. Я не могу терять времени. Я вижу, что впереди меня ждут долгие годы, когда

мои дни будут наполнены кровью, а спокойных ночей здесь, дома, будет мало. Я хочу, чтобы в мое отсутствие ты выполняла обязанности царицы-регента, в этом состоит смысл видений, явленных мне в храме, но, чтобы это осуществилось, нам нужно немедленно пожениться. Да, ты станешь младшей царицей, именно это место свободно, но во всех прочих смыслах ты будешь на вершине. Тирумала Деви утверждает, что она хороший администратор, и возможно, так оно и есть, но я превозношу тебя выше нее, и Тиммарасу в этом со мной согласен. Ты видишь, что государственные интересы должны стоять выше социальных условностей. Царь должен действовать, когда придет время действовать. Мы должны любить, когда для этого есть время, а не тогда, когда бедняки сочтут это должным. Ты — моя воплощенная слава и потому должна править вместо меня. У Тирумалы есть множество достоинств, но среди них нет славы.

— Как странно ты употребляешь это слово, любовь, — ответила Пампа Кампана. — Оно все время используется вместе с другими словами, которые не имеют к любви ни малейшего отношения. К тому же ты был любовником Зерелды Ли, а значит, не можешь быть моим. Это будет

больше, чем непристойно. А потому да, я выйду за тебя замуж и стану управлять Биснагой в твое отсутствие, но на этом все. Спать мы будем в разных постелях.

Она пребывала в сильном внутреннем смятении. Она задолжала Зерелде Ли *все* и отодвинула свои собственные мечты в сторону, чтобы молодая женщина смогла осуществить свои. Но теперь ребенка больше не было, и это *все* предлагалось самой Пампе, уже во второй раз и даже с большей силой, чем в первый. Почитание, которое к ней проявляли с тех пор, как она возвела стены — совершила чудо, превратившее столицу Биснаги в неприступную крепость, — было, в конце концов, не более чем простой вежливостью, проявлением удивления и благодарности. Однако сейчас ее приглашали занять место в самом сердце империи, что означало также и в сердце царя. Ей предлагали реальность взамен напускной вежливости, и ей больше было не нужно перестать замечать собственные мечты ради того, чтобы воплотить надежды Зерелды Ли. Это было самое странное признание в любви, что она когда-либо получала, в любви, которая в одно и то же время казалась абстракцией, попранием приличий и даже своего рода богохульством.

Богиня коснулась ее, но Пампа Кампана не была богиней, и все же ей сейчас предлагали место если не самой богини, то ее заместительницы на земле или чего-то подобного. Многие мужчины по-разному любили ее, из-за чего в результате ее обвиняли в неразборчивости в связях, и порой она даже соглашалась с тем, что эти обвинения справедливы, но ей еще никогда не предлагали подобной любви, когда речь шла не о телесной, а напротив, о высшей экзальтации, об одержимости, в которой сливались воедино — таково было "видение" царя — любовь и забота о Биснаге. Она, столь страстно и столь часто желавшая физической любви, несмотря на свое смятение, начала понимать, что плотская любовь была лишь заменой того, чего она желала на самом деле, а хотела она именно того, что ее сейчас просили принять.

В своей жизни (сообщает она нам в своей книге, по отношению к которой эта книга — лишь бледный отпечаток), *я желала множество вещей, которых не могла получить. Я хотела, чтобы моя мать вышла из огня невредимой. Хотела иметь спутника жизни, хотя мне и было известно, что я переживу любого уготованного мне спутника. Хотела династию, состоящую из женщин, и чтобы она правила миром. Хотела,*

чтобы закрепился определенный образ жизни, хотя и понимала, что мечтаю о далеком будущем, которое, возможно, так никогда и не наступит, или наступит, но в каком-нибудь усеченном, ущербном виде, или наступит, но позже будет полностью уничтожено. Однако похоже, что больше всего я хотела одного:

Я хотела быть царем.

— Я уже говорила тебе раньше, что не хочу, чтобы ты строил храм в мою честь, — заявила она Кришнадеварайе. — Но есть другой, невидимый храм, который мы с тобой построим вместе, и кирпичами для него станут процветание, счастье и равенство. И, конечно же, твои беспрецедентные военные успехи.

— Есть еще два момента, — продолжил царь. — Во-первых, я не перестану пытаться сделать Тирумалу Деви матерью моего наследника.

— Мне все равно, — ответила Пампа Кампана, хотя на самом деле это было не так, и она утешала себя мыслью: ты же не будешь проводить здесь много времени, правда? так что это будет нелегко, и от этого ей становилось легче. — А что за вторая вещь? — поинтересовалась она.

— Вторая вещь, — пояснил Кришнадеварайя, — это то, что тебе следует остерегаться моего брата.

(В этом месте в "Джаяпараджае" брат Кришнадеварайи упоминается впервые. Это может удивить читателя, как в свое время удивило Пампу Кампану.)

На расстоянии не менее двухсот пятидесяти миль к северо-востоку от Биснаги и по сей день располагается построенная в XI веке крепость Чандрагири. В этой давно забытой древней крепости — древней, стоит отметить, еще во времена империи Биснага — Кришнадеварайя заточил своего младшего брата Ачьюту, человека столь низменного по натуре, столь неподходящего для царской власти, столь вспыльчивого, жестокого и трусливого, что царь, не желая проливать родную кровь, запер его там под усиленной охраной и почти никогда не вспоминал о его существовании.

— Но он хитер, — сообщил Кришнадеварайя Пампе Кампане. — Он попытается подкупить, убить и обманом выбраться оттуда, как делал это с того самого дня, как я отправил его туда. Пошли шпионов, которым ты доверяешь, чтобы быть уверенной, что он не подкупил свою охрану. Следи за ним, иначе он вырвется и сразу же посеет здесь разрушение и хаос.

Пампа Кампана, готовясь к роли регента, усвоила эту информацию, однако для нее существовали

люди, находившиеся гораздо ближе, которых необходимо было успокоить или, по крайней мере, с которыми следовало побеседовать. Первым человеком, к которому она обратилась, был Салува Тиммарасу, который был стоявшей за троном силой и в свое время успешно настоял на том, чтобы старшей царицей была названа Тирумала Деви, и который, следовательно, с малой вероятностью мог стать союзником Пампы Кампаны в ее новой роли, даже несмотря на поддержку со стороны царя. Она застала его на крыше дворца за кормлением голубей. Этот большой старый человек со множеством подбородков и громадными руками наблюдал, как птицы садятся к нему на ладони и клюют семечки. Он поздоровался с ней, не отрывая глаз от этого зрелища.

— Когда я впервые увидел вас, — сказал он, — вы тоже были птицей. Для меня это говорит в вашу пользу. Эти маленькие серые существа — мои друзья и самые надежные посланники здесь. Во многих отношениях птицы — существа более высокого порядка, чем люди.

Она поняла, что этим он подал ей дружественный сигнал, и со своей стороны ответила тем же. — Как следует я узнал вас тогда, когда нам пришлось выбирать всех этих нелепых девушек,

чтобы они изображали *гопи* и ублажали царя, — Тиммарасу запрокинул голову и рассмеялся. — Царю все наскучивает легко, — продолжал он. — Теперь эти девушки постепенно стареют в *зенане*, заброшенные, даже забытые. Скоро мы сможем отправить их на пенсию и отослать туда, откуда они приехали, где бы это место ни было. Но я помню, как танцевала царица Зерелда Ли. На этот танец стоило посмотреть.

Таким образом он затронул тему Тирумалы Деви, которой этот танец сильно не понравился.

— Надеюсь, — ответила Пампа Кампана, — что у старшей царицы не возникнет необходимости прибегать к каким-то тайным тактикам во время моего регентства.

Тиммарасу помрачнел.

— Вы должны понимать, что моя рекомендация жениться на дочери царя Виры из Сриранга-патны была вызвана чисто политическими соображениями, — пояснил он. — Этот альянс был необходим. Вы не должны воспринимать это как выражение симпатии.

— Хорошо, — отвечала Пампа Кампана. — Значит, мы друзья.

— Насколько я вижу, — заявил Тиммарасу, — царица Тирумала слишком поглощена

династическими амбициями, чтобы заниматься повседневной работой по управлению империей. Она желает делить с царем ложе и рожать детей, и я думаю, что царь уже объяснил вам, что этому суждено случиться. Это позволит старшей царице верить, что окончательная победа будет за ней, поскольку именно она даст жизнь наследнику Алмазного трона.

— Посмотрим, как все будет, — проговорила Пампа Кампана и собралась уходить. Когда она повернулась к выходу, Тиммарасу окликнул ее.

— Что касается отравлений и всего прочего подобного, — сказал он, — в Биснаге не случится подобной мелодрамы, пока я жив и слежу за тем, что здесь происходит. Я очень ясно дал это понять всем заинтересованным дамам. Они знают, что за ними следят.

— Спасибо, — ответила Пампа Кампана, — я тоже им об этом скажу. И тоже буду следить.

— Царь — дурак, — заявила Нагала Деви. — Жениться на вас было идиотизмом, а назначение вас царицей-регентом делает это безумие еще безумнее. Вы уж извините мою дочь, старшую царицу, и меня. Мы не придем на вашу брачную церемонию, как и на церемонию вашего — давайте будем честны — крайне временного

восхождения на Львиный или Алмазный трон, называйте его, как хотите.

— Дворец наполнен смертью, — сказала Тирумала Деви. — Мой сын мертв. Ты навлекла на нас проклятие, и тебе нет прощения.

Она курила опиум, развалившись в своих заполненных коврами и подушками покоях, и воздух был наполнен ароматом наркотика и тяжелым запахом масла пачули. Носовоспеватель Тиммана находился рядом с нею.

— Носовоспеватель создал для нас новую поэму, — сообщила Нагала Деви. — Носовоспеватель, прочти ее для нашей гостьи.

Пампе Кампане вскоре стало ясно, что эта поэма была злобной сатирой на знаменитый танец Зерелды Ли, в ней говорилось, что он был лишенным грации, неуклюжим и заставил всех зрителей этого представления испытывать неловкость.

— Я ухожу, — сказала Пампа Кампана. — Ложь не становится правдой только оттого, что была сказана. Это клевета на умершую. Поэт, ты опозорил себя.

— Вы уверены, что хотите уйти, не угостившись напитком? — поинтересовалась Нагала Деви, указывая на стеклянный сосуд, наполненный

розовой жидкостью.

— Она очень боится пить с нами, — с презрением сказала Тирумала Деви. — Давай просто расскажем ей то, чего, я уверена, она не знает.

— Еще одну ложь? — уточнила Пампа Кампана.

— Простую правду, — ответила Тирумала Деви. — Пока ты будешь томиться здесь, в Биснаге, занимаясь канцелярскими делами, ремонтом крыш и юридическими спорами, я буду сопровождать царя в военной кампании. И я уверена, что к моменту нашего возвращения маленький царь будет готов вернуться вместе с нами, в моем чреве или в седле рядом со мной.

— Это неправда, — ответила Пампа Кампана.

— Спроси у него сама, — бросила старшая царица и рассмеялась сопернице в лицо.

Боевые слоны пользовались в Биснаге таким же уважением, что и городская аристократия, и Слоновий дворец в Царском квартале был одним из самых величественных зданий в столице, огромным сооружением из красного кирпича и камня с одиннадцатью гигантскими арками, в которых жили личные слоны императора, по двое в каждой арке, а также их махауты — дрессировщики и воспитатели. Когда Кришнадеварайя нуждался

в спокойном месте, где бы он мог настроить свое сознание на предстоящие дела, это стойло становилось его излюбленным пристанищем, так же как у министра Тиммарасу любимым местом была крыша Лотосового дворца с ее голубями. Царь прогуливался среди серых гигантов, поглаживая их бока и что-то бормоча им на языке махаутов, который они понимали, и часто сидел в глубине здания на простом деревянном табурете рядом со своим главным любимцем, самым большим и грозным слоном в стране, Масти Мадахасти с чувствительными ногами, который неохотно топтал врагов из-за боязни повредить стопы, но послушно сделал бы это, прикажи ему царь. Вот и теперь царь дышал здесь успокаивающими парами слоновьих лепешек, в то время как слоны хранили молчание, позволяя ему привести в порядок свои мысли. Именно здесь его нашла Пампа Кампана накануне отбытия на войну, которая займет большую часть ближайшего десятилетия его жизни. Она ворвалась туда, метая молнии, и разрушила безмятежность этого места.

Нет необходимости описывать их спор. Она возмущалась, что ей не сказали, что старшая царица поскачет на войну бок о бок с царем. Он возражал, что ясно сообщил ей об острой необходимости

обрести наследника. Она продолжала бушевать, он ревел ей в ответ. Мы можем представить себе, как они там жестикулируют и спорят, а все более встревоженные слоны вокруг них встают на дыбы, поднимают хоботы и кричат на своем языке, который нам не дано понять. В конце концов царь поднял руку с повернутой к ней раскрытой ладонью, и на этом все закончилось. Пампа Кампана развернулась на своих каблуках и отправилась восвояси, оставив его в компании его трубящих друзей.

Следующим утром до рассвета армия Биснаги выступила в поход — могучая сила из более чем сорока тысяч человек и восьмисот слонов, первыми выступали Кришнадеварайя в своем золотом паланкине верхом на Масти Мадахасти и Тирумала Деви и Салува Тиммарасу на других царских слонах, а Нагала Деви и Пампа Кампана махали им из царского павильона на самой внешней стене города, Нагала с торжеством, Пампа подавленно, но исполненная решимости добиться собственного триумфа за время пребывания на троне в отсутствие царя, главного министра и старшей царицы.

Теперь, прочитав книгу Пампы Кампаны и зная историю империи целиком, мы начнем называть

следующее десятилетие, датируемое приблизительно между 1515 и 1525 годами нашей эры, эпоху войны и регентства, “третьим золотым веком” империи Биснага, оговоримся, однако, что этот век начался со ссоры, а мы помним старую поговорку о том, что то, что начинается с разногласий, никогда не длится долго. Удивительно, но он продлился целое десятилетие, так что, возможно, старые поговорки следует оставить покоиться в удобных местах для отдыха, которые надеются найти, а иногда и находят, старики.

Книга так описывает победоносные походы Кришнадеварайи, словно ее автор сама была там, словно это она, а не Тирумала Деви, ехала рядом с ним на слоне и вместе с Тиммой Огромным и Улупи Младшей сражалась бок о бок с ним в каждой битве. Кришнадеварайя регулярно связывался с царицей-регентом, чтобы сообщать ей о своем продвижении, и эти его сообщения, возможно, легли в основу повествования Пампы Кампаны. Либо у читателя может сложиться впечатление, что Пампа Кампана просто представляла себе происходящее, как бы глядя на него глазами царя-победителя. Или же верно и то, и другое.

— В настоящий момент северная граница находится вне опасности, — сообщил Кришнаде-

варайя своим генералам. — К тому же благодаря альянсу с моим тестем, царем Вирой, юг тоже достаточно защищен. Следовательно, нападение, которое планируют наши враги, будет совершено с востока, и наш план должен заключаться в нанесении упреждающего удара.

На востоке находилось легендарное государство Калинга, против которого легендарный император Ашока восемьсот лет назад начал свою самую кровавую войну, войну, в которой погибло более ста тысяч человек и которая, как говорят, привела к тому, что император принял буддизм. Последовать по стопам Ашоки было привлекательной идеей, даже с учетом того, что Кришнадеварайя не выказывал склонности к буддизму. Однако воротами в Калингу была Восточная Гора, а царем Восточной Горы был самый могущественный враг Кришнадеварайи, Пратапарудра из династии Гаджапати, которого многие считали близнецом Кришнадеварайи, поскольку они были равны в своем величии и, как говорили, походили друг на друга и внешне. Так что для того, чтобы победить в этой великой войне, Кришнадеварайе пришлось бы лицом к лицу столкнуться с собственным отражением и победить его, уничтожить эту реплику себя.

Восточная Гора была густо поросшей лесом скалой высотой три тысячи футов, на вершине которой располагалась крепость-цитадель. Командующий войсками Пратапы генерал Раутарайя находился там с тысячами людей и хорошим провиантом. Пути наверх не было. Единственной возможностью оставалась осада.

Прошло два долгих года, прежде чем голод вынудил генерала Раутарайю сдаться. За эти годы Кришнадеварайя семь раз совершал паломничество в знаменитый местный храмовый комплекс Тирупати, чтобы помолиться Господу Вишну — в истовом молитвенном марафоне он вымаливал у бога наследника. (Закончив молиться, он также делал значительные финансовые пожертвования в храмовую казну, чтобы помочь богу благосклонно отнестись к его просьбе.) На втором месте стояло то, что вежливо можно назвать их собственными непосредственными ночными действиями, которые он и Тирумала Деви предпринимали, чтобы молитвы сработали.

Так что за время двухгодовой осады Кришнадеварайя и царица Тирумала Деви стали родителями двух детей, первой на свет появилась девочка Тирумалумба, нареченная более длинной формой имени своей матери, а затем — что

вызвало огромное всеобщее волнение — мальчик! Оба ребенка выжили. Эта новость быстро достигла Биснаги. Интересно отметить, что в своей истории Пампа Кампана лишь вскользь упоминает о прибавлении. Можно сказать, что этим молчанием она говорит очень многое.

После рождения мальчика, которого Тирумала Деви назвала мужским вариантом собственного имени, Тирумала Дева, Восточная Гора наконец пала, словно в ответ на это выдающееся событие. Кришнадеварайя передал командование завоеванным фортом сыну своего главного министра Тиммарасу. Он также захватил в Горе множество трофеев. Одним из них была тетка Пратапарудры. Другим — огромная статуя божества, чьим воплощением он себя называл. Тетку в результате вернули сопернику целехонькой. Статую Кришны не вернули. Ее отправили в Биснагу и установили во дворце в отдельной молельне.

Первое регентство Пампы Кампаны, случившееся полтора века назад, завершилось вечным изгнанием. Она знала, что теперь, во второй раз, ей нужно делать все по-другому. Чтобы завоевать авторитет среди придворных, она решила сохранить такой же распорядок дня, что был при царе, чтобы ход дня оставался для всех привычен.

Она поднималась до зари и выпивала большую чашку кунжутного масла — янтарной жидкости, получаемой из поджаренных семян кунжута, — после чего просила своих прислужниц втереть это масло ей в кожу. После этих процедур царь обычно упражнялся и поднимал тяжести. Вместо того чтоб ворочать тяжелые кувшины, Пампа Кампана отправлялась в старый *квун* Ли Е-Хэ и при свете пылающих жаровен упражнялась с мечом, внушая благоговейный трепет всем, кто наблюдал за ней с балконов. Таким способом она с потом выводила из тела выпитое масло. После этого она какое-то время скакала верхом по обширной долине, окружавшей Биснагу за последней стеной. С восходом солнца она спешивалась. Начиналась часть дня, посвященная религии, часть, которая меньше всего подходила Пампе Кампане, словно не по размеру сшитое платье. Она отправлялась в храм Хазара Рама, чтобы совершить рассветную *пуджу*, и одевалась почти так же, как любил одеваться для молитвы Кришнадеварайя — свободный белый шелковый балахон, расшитый золотыми розами с украшенным бриллиантами воротником вокруг шеи и высокая шапочка из парчи конической формы. После молитвы она сидела в *мандапе*, колонном

зале, открытом всем стихиям, каждая колонна которого была украшена замысловатой резьбой, изображающей животных или танцоров, и выслушивала текущие дела, принимала отчеты министров и жалобы недовольных граждан. Она давала оценку отчетам и выносила суждения по петициям, а затем отдавала ежедневные распоряжения, и все это время аристократы Биснаги молча стояли перед ней в шеренгах, склонив головы, и поднимали глаза, лишь когда она обращалась к ним по имени. Если она хотела особо выделить кого-то из них, то приглашала его разделить с ней орех бетеля. Никто иной при дворе не осмеливался жевать бетель. Она столь искусно сохранила и воспроизвела распорядок дня, принятый у царя, что люди говорили: “В конце концов все идет так, словно царь нас и не покидал и сейчас находится с нами”.

Прикрывшись фасадом этой покорной мимикрии, Пампа Кампана начала незаметно менять мир. Она распорядилась открыть новые школы для девочек, чтобы ликвидировать дисбаланс в количестве мест, где могли учиться девочки и мальчики. Она предложила, чтобы в этих новых школах, а постепенно и во всех существующих, образование больше бы не строилось вокруг

религиозных наставлений и не отдавалось на откуп одним лишь жрецам-брахманам, получившим образование в обширном Манданском *матте*, системе храмов и семинарий, до сих пор неотвратимо испытывающим влияние Видьясагара и его Шестнадцати Систем. Вместо этого она предложила создать новую профессиональную прослойку людей, которые будут называться просто “учителями” и могут принадлежать к любой касте, они должны обладать исчерпывающими на настоящий момент знаниями в самых разных областях — истории, юриспруденции, географии, здравоохранении, гражданском праве, медицине, астрономии — и стремиться к распространению этих знаний. Эти так называемые “предметы” должны преподаваться без какого-либо религиозного уклона или акцента, чтобы воспитать людей нового типа, которые будут отличаться широтой мышления и знаний, и, по-прежнему хорошо разбираясь в вопросах веры, будут также глубоко ценить красоту знания как такового, будут понимать, что граждане обязаны сосуществовать друг с другом, и будут готовы работать во имя всеобщего процветания.

В этом месте в своем повествовании Пампа Кампана в своем великодушии и приверженно-

сти к правде представляет нам внушительную фигуру Мадхавы Ачарьи — понтифика Мадхаву, главу Манданского *матта*, хранителя и последователя философии основателя *матта*, старого Видьясагара. “О могущественный Мадхава!” (Она обращается к нему в тексте так, словно он стоит перед нею.) “Не относись ко мне враждебно, ибо я не враг тебе!” Из этого мы можем сделать вывод, что понтифик Мадхава на самом деле был противником реформ Пампы Кампаны, могущественным противником, которого ей нужно было срочно умиротворить.

Высокому жрецу было около сорока пяти, он быстро поднялся по карьерной лестнице в системе Манданской семинарии и недавно возглавил *матт*. Это был, как сообщает нам Пампа Кампана, необыкновенно рослый человек, на целую голову выше большинства мужчин Биснаги, который возвышался бы и над Кришнадеварайей, если бы придворный протокол не предписывал ему постоянно пригибаться в присутствии царя. Она мало сообщает нам о его характере, лишь отмечает, что он был сильным и вызывал уважение и что был подвержен вспышкам дурного нрава — нрава, который, как говорили, не уступал в своей взрывной ярости нраву самого царя, и его

очень боялись в храмовом мире Манданы.

Когда царь вместе со своим главным министром, старшей женой и двумя наиболее искусными воинами отправился вести войны, Мадхава Ачарья, ничуть не впечатленный назначением на место регента женщины, решил, что образовался вакуум власти, и поспешил этим воспользоваться. Он произнес серию мятежных речей — символически усевшись со скрещенными ногами под любимым баньяном Видьясагара, он утверждал, что Биснага слишком далеко ушла от того, что проповедовал Видьясагар, слишком далеко от того — он практически сказал это, — что угодно богам. Он возобновил массовые богослужения, давным-давно утратившие популярность, и собирал большие толпы, создав в Мандане базис для власти, который все отлично видели. Мадхаве было трудно принять реформы Пампы Кампаны, и его первые же резкие высказывания против них, в особенности связанные с удалением священнослужителей из самого сердца образования, нельзя было игнорировать.

В этот момент Пампа Кампана задумалась о возрождении Ремонстрации или хотя бы о том, чтобы создать новое движение на ее руинах.

Лишившись воздуха, радикальные идеи могут

иссякнуть, и после того, как во времена Дева Райи Новая Ремонстрация вошла в правительство Биснаги и сделалась скорее частью правящей верхушки, нежели протестным движением, вскоре наступило время, когда это движение больше не было актуальным или необходимым и распалось. К настоящему моменту это была уже древняя история, но как только шпионы Пампы Кампаны заверили ее в том, что ее реформы в области образования пользуются популярностью, она тут же поручила им создать движение, которое будет защищать эти реформы. В своей поэме она также намекает на то, что возобновила свои *нашептывания*, благодаря чему многие жители Биснаги приняли ее сторону. Нашептывание далось ей еще сложнее, чем в последний раз. Она снова чувствовала свой возраст. Или это в мире произошла некая перемена, и появились люди, которые не поддавались ее сладкому шепоту, люди, чья приверженность своим идеям лежала в иной плоскости и ее невозможно было поколебать, незыблемые люди, преданные Мадхаве Ачарье так, словно он был пророком, а не простым священнослужителем. К счастью, были и другие, чьи уши с радостью внимали ее беззвучному шепоту, и было похоже, что их все

же больше, чем адептов культа Мадхавы. Так что Пампа Кампана продолжала свою ночную работу, несмотря на то что она требовала больших усилий и выматывала сильнее, чем раньше; лишь убедившись в достаточном количестве тех, кого в случае необходимости можно будет поднять на свою защиту, она попросила Мадхаву Ачарью встретиться с ней в *матте*.

"…Ибо я не враг тебе!" Мы можем обоснованно предположить, что и на самом деле с этими словами царица-регент обратилась к главе Манданского *матта*, вероятно, лично. Более того, мы располагаем ее собственным подробным описанием этой встречи в верхах, описанием, в котором она отказывается от присущего ей лиризма, чтобы в практическом ключе рассказать о том, как заключаются политические сделки.

Они встретились наедине, в закрытой и охраняемой комнате в самом сердце комплекса Манданы. В знак уважения Пампа Кампана не стала просить Мадхаву Ачарью склоняться, чтобы соответствовать ей по росту, хотя, будучи царицей, занимающей место царя, имела на это право. Это был ее способ дать понять, что они встречаются на равных. Мадхава Ачарья заявил, что тронут ее жестом и перешел к делу. Вскоре

обоим стало ясно, что каждый из них может в любой момент заставить выйти на улицы Биснаги огромную толпу людей, так что ситуация зашла в тупик. В распоряжении Пампы Кампаны имелись батальоны, оставленные для охраны города, и это было ее преимуществом, однако, как поспешил заметить Мадхава Ачарья, если она станет использовать этих солдат против граждан самой Биснаги, то тут же утратит свое другое преимущество, популярность, и с большой вероятностью может столкнуться с мятежом среди солдат и беспорядками на улицах. Так что это преимущество было скорее номинальным, использовать его на практике было нельзя.

Чтобы выйти из тупика, Пампа Кампана сначала сделала ему предложение, а затем разыграла свою козырную карту. Все время, начиная с эпохи Букки I, Манданскому *матту* были представлены ограниченные возможности прямого взимания налогов для поддержания собственной работы. Царица-регент предложила значительно расширить эти возможности, благодаря чему Мандана станет богаче, чем когда-либо, и сможет финансировать в *матте* альтернативную систему образования, акцент в которой будет делаться на вопросы веры и традиции, в то время

как школы Пампы Кампаны сфокусируются на других вещах.

Другими словами, это была взятка.

Таким было ее предложение. Чтобы вынудить Мадхаву Ачарью принять его, она тут же продемонстрировала ему письмо, написанное характерным почерком самого царя, в котором он выражал всемерную поддержку всех решений, которые она принимает в качестве регента. Как только Мадхава прочитал это письмо, он понял, что не сможет развязать в Биснаге политические беспорядки, или царь, вернувшись, сразу же отомстит ему; он понял, что взятка, которую ему предложили перед тем, как разыграть козырь — или, лучше сказать, предложить компромисс, — была для него достойным способом отступить.

— Вы и вправду талантливый правитель, — сказал он Пампе Кампане. — Конечно же я согласен.

Только после возвращении Кришнадеварайи из военных походов Пампа Кампана призналась ему, что старательно тренировалась писать его почерком и что письмо, которое она показала Мадхаве Ачарье, было самой настоящей подделкой.

— Отдаюсь на твой суд и рассчитываю на милость, — добавила она, но Кришнадеварайя лишь

громогласно расхохотался.

— Я бы не смог найти регента лучше, — орал он. — Ты нашла способ подчинить Биснагу твоей воле, даже те части, что не очень-то приветствовали твои решения. Для царя важны не решения, а способность навязать их народу без кровопролития. Я сам не сделал бы это лучше. Кстати, — тут он нахмурился, — я писал тебе много писем. Как будто я слышал твой голос, и он шептал мне в ухо: расскажи мне все. Ты уверена, что то письмо не было одним из них?

Пампа Кампана с любовью улыбнулась ему.

— Если кто-то хочет сказать важную ложь, — ответила она, — ее лучше всего спрятать среди нагромождения чистейшей правды.

Вот письмо (подлинное, неотправленное), которое Кришнадеварайя написал Пампе Кампане: “*Возлюбленная Царица-Регент, когда я думаю о тебе, преисполняюсь изумления, ибо ты, творящая чудеса, сама по себе чудо. Иногда мне трудно поверить в это, хотя я знаю, что это правда: ты видела все, ты знаешь нас всех — с самого начала до этого момента, и ответы на все свои вопросы мы можем отыскать в тебе. Иногда я спрашиваю себя о том, что было в самом начале, о стародавних Хукке и Букке, о чем они думали,*

за что боролись? Я думаю, в момент рождения Биснаги они боролись за выживание, за то, чтобы поставить себя, — пастухи, ставшие царями. Ты лучше кого-либо из живущих знаешь, что было у них на сердце. Так расскажи мне, прав ли я, ибо сейчас, когда тянутся долгие годы сражений, я задаю себе тот же вопрос. За что я борюсь, почему воюю? Если ради того, чтобы защититься от врагов, которые считали, что мы ослабли, то победа при Восточной Горе показала всем, что мы сильны. Наша оборона сейчас надежна на всех направлениях. Значит, это месть? Нет, потому что это самый низкий из мотивов. Движимый местью царь не отправит тетушку своего врага домой целой и невредимой, а она, бесспорно, может засвидетельствовать, как хорошо с ней обращались, пока она была на нашем попечении. Совершенно точно я не воюю из религиозных соображений, ведь Пратапарудра мой единоверец, а многие из числа моих лучших генералов и солдат почитают своего так называемого единого бога, и ни у кого не возникает с этим никаких проблем. Возможно, я воюю за землю, просто из желания расширять нашу империю, пока она не станет самой обширной из всех когда-либо существовавших. В этом случае захват земель может быть

порожден жаждой славы. Многие скажут, что мною движет комбинация всех перечисленных мотивов, но я понял, что ни один из них — не кто иной как мой враг Пратапа открыл мне эту истину.

Я пишу это тебе, Возлюбленная Царица-Регент, во время марша к самому сердцу Калинги, я направляю свои силы на крепость Кондавиду, там живет жена Пратапы, а управляет всем его сын; я перехватил гонца Пратапы с посланием к сыну. В этом письме Пратапа оскорбляет не только меня, но весь наш род, называет нас варварами, лишенными голубой крови, поскольку наши предки были не аристократами, а простыми солдатами. Далее он принижает всю историю Биснаги, говоря, что это место было создано пастухами, людьми низшего сорта, из низшей касты, и потому от нас не стоит ждать достойного поведения. «Не сдавайся такому человеку, как Кришна, — пишет он, — он ничем не лучше обычного дикаря, и я опасаюсь за безопасность царицы и тебя самого, если вы попадете в руки человека без воспитания». И это после того, как он получил назад свою тетку целой и невредимой!

И потому я предполагаю, что, возможно, вся история Биснаги была продиктована нашей

потребностью — моей потребностью и потребностью всех тех, кто был до меня, — доказать, что мы равны — нет! что мы лучше! — высокомерных царевичей вроде этого. Не важно, каких богов они чтят. Их снобизм и убежденность в собственном кастовом превосходстве — вот что должно быть повержено. Лишь один общественный класс по-настоящему важен — класс победителей. Вот почему я воюю. Возможно, Хукка и Букка сражались не за это. Ты скажешь мне, прав я в этом или нет. Но лично для меня причина такова".

И Кондавиду пала; сын Пратапарудры совершил самоубийство, а царица оказалась пленницей Кришнадеварайи. Однако он — возможно, желая доказать, что не является варваром, — обращался с ней и ее свитой учтиво, он вернул их своему врагу целыми и невредимыми, с посланием, в котором говорилось: "Вот так мы обращаемся с врагами в нашем царстве, где правит любовь". После Кондавиду, одерживая победу за победой, Кришнадеварайя демонстрировал безграничную доброту по отношению к своим поверженным соперникам, словно настоящим полем битвы стал для него этикет.

— Видите ли, — в какой-то момент посоветовал

ему обеспокоенный Тиммарасу, — исключительно ради соблюдения традиции, того, что является общепринятым, было бы целесообразно время от времени отрезать по нескольку голов, набивать их соломой и возить по региону. Это то, чего ждут люди. Виселицы, пытки, обезглавливания, головы на палках… Люди наслаждаются спектаклем победы. Страх — эффективный инструмент, а вот хорошие манеры на самом деле не вызывают уважения.

Вняв этому совету, Кришнадеварайя отправился маршем на север и разрушил Каттак, столицу Пратапы. По этому случаю он санкционировал казнь ста тысяч защищавших город солдат.

— Вот, — свирепо заявил он своему главному министру, — столько же обезглавленных, сколько было за весь великий давний поход Ашоки на Калингу. Это тебе.

Однако он распорядился, чтобы мирным жителям города не было причинено никакого вреда. Он также, в качестве искупления, пожертвовал множество золотых монет всем близлежащим храмам. И потому — несмотря на сотни тысяч отрубленных голов — он верил, что сумел сохранить репутацию царя, побеждающего любовью.

(Нет, не сумел.)

Пратапа взмолился о мире. При подписании договора на холме Симхачалам Кришнадеварайя впервые встретился со своим побежденным противником лицом к лицу и задал ему один простой вопрос:

— Так ты теперь видишь, разве нет, что мы с тобою одинаковы, ты и я, что мы смотрим друг на друга, как в зеркало, и что разницы между нами нет?

Пратапарудра понял, что его вынуждают извиниться за то, что он акцентировал внимание на пропасти, разделяющей его собственную династию и царей Биснаги, — пропасти в классовой принадлежности, династической истории и касте. И предпринял последнюю попытку избежать этого унижения.

— Должен признаться, — заявил он, — что не замечаю этого сходства.

— Раз ты так слеп и тщеславен, — в ярости заорал в ответ Кришнадеварайя, — тогда давай порвем эту бумажку, и я сожгу твою поверженную империю дотла, и убью всех членов твоей семьи, всех, кого найду, начиная, естественно, с тебя.

Пратапа склонил голову.

— Я заблуждался, — ответил он, — теперь,

присмотревшись, я вижу, что мы совершенно одинаковые.

Согласно одному из пунктов мирного договора, Пратапарудра отдал свою дочь Туку в жены Кришнадеварайе. Тирумала Деви, присутствовавшая на встрече для заключения мира, была в ярости. Она ворвалась в царский шатер и начала поносить царя.

— Во-первых, — заявила она, — это оскорбление по отношению ко мне. А во-вторых, неужели ты так глуп, что не видишь, что этот “брак” — часть заговора против тебя?

Кришнадеварайя пытался успокоить ее, но и на самой свадебной церемонии Тирумала Деви вмешалась, когда Тука собиралась накормить царя традиционной сладостью. Тирумала Деви настояла, чтобы сначала ее кусочек отведал пробовальщик, и когда он свалился мертвым, попытка убийства была предотвращена.

— А я тебе говорила, — заявила Тирумала Деви перепуганному царю.

Тука даже не пыталась отпираться от того, что принимала участие в покушении. Вместо этого она закричала:

— Как может этот низкопробный человек, этот царь из трущоб, жениться на такой высокород-

ной особе, как я?

После этого ее отправили в самую отдаленную часть империи доживать свои дни в одиночном заключении, и потерявший голову от ярости царь приказал сделать ее покои совершенно неудобными, а пищу, которую будут ей давать, настолько невкусной, насколько это только возможно.

— Не беспокойся, — сказала Тирумала Деви, — я позабочусь об этом.

В своей книге Пампа Кампана не рассказывает напрямую, чем закончилась история Туки, однако серьезный намек на это содержится в следующих строках:

Не вводи Мадам Яд во искушение,
Стремясь заделаться отравительницей,
Иначе твою судьбу может решить
Твоя собственная глупость.

Шесть лет прошло с тех пор, как Кришнадеварайя покинул Биснагу, став во главе своих мужчин (и женщин). И вот теперь наконец настало время вернуться домой.

18

Вернувшись домой, Кришнадеварайя обнаружил, что за время управления регентом город Биснага превратился в волшебное место, о котором всегда мечтала Пампа Кампана. Его богатство можно было увидеть во всем — в нарядах жителей, в доступных товарах в лавках, но более всего — в обилии языков, достигшем апогея благодаря великим поэтам, которым Пампа Кампана предоставила дома для жизни и сцены для творчества. Торговые суда из Биснаги отправлялись по всему миру, они разносили известия о чудесах Биснаги, и вот уже заморские гости — купцы, дипломаты, путешественники — толпятся на ее улицах, превознося ее красоту и сравнивая ее — в ее же пользу — с Пекином или Римом. *Любому человеку можно приезжать сюда, уезжать и жить по собственной вере. Великое равенство и справедливость соблюдаются по отношению ко всем, не только правителями, но и обычными людьми по отношению друг к другу*. Эти слова написал рыжеволосый и зеленоглазый гость из Португалии по имени Гектор Барбоса, обосновавшийся в Кочине и заехавший в Биснагу писец

и переводчик с языка малаялам, последняя из инкарнаций чужеземцев, населявших жизнь Пампы Кампаны. На этот раз она, однако, устояла перед его чарами.

— Мне уже хватило твоих возвращений, — заявила она озадаченному Барбосе. — У меня есть дела, которыми следует заняться.

И все же она позволила ему рассказывать ей истории из своих путешествий. Через Барбосу и других новых приезжающих до нее доходили слухи о странностях того далекого мира — к примеру, о городе под названием Турин, расположенном далеко на севере в месте, которое называют Европой, где в огромных количествах выпекают пряники и где появился человек, предположивший, что центр, вокруг которого вся движется, — это Солнце, а не Земля; и еще о городе на юге Европы под названием Фиренце или Флоренция, где пьют лучшие на земле вина, создают величайшие картины и читают самых глубоких философов, но чьи правители циничны и жестоки. Она вспомнила, что Видьясагар учил ее, что индийский астроном Арьябхата говорил о гелиоцентрической системе на тысячу лет раньше, чем тот парень из Турина, но его коллеги отвергли эту идею; знала она и то, что

царствующие во Флоренции цинизм и жесткость характерны не только для чужеземных правителей. “Как бы то ни было, — пишет она, — приятно узнать, что там не так уж сильно отличается от здесь, что человеческий разум и человеческая глупость, а также человеческая природа, лучшие и худшие ее стороны, есть великие константы меняющегося мира”.

Биснага стала городом, известным по всему миру. Казалось, даже птицы в небе стали другими, словно они тоже прилетели издалека, привлеченные все возрастающей славой Биснаги. Рыбаки рассказывали Пампе Кампане, что в морях возле Гоа и Мангалора появились новые виды рыб, а Шри Лакшман начал выставлять и продавать невиданные прежде заморские фрукты. Чтобы приветствовать возвращение царя, был возведен павильон “Завоевание мира”, где великая Пампа Кампана сложила с себя обязанности регента и приветствовала его такими словами:

— Я возвращаю вам ваш город, сердце вашей империи, империи, которая теперь стала чудом света.

Она возвела новый павильон, в котором ежедневно собирались поэты со всей страны, чтобы славить царя на нескольких языках, в то время

как первые красавицы двора обмахивали их веерами из хвостов яков. На улицах возвращающихся героев приветствовали музыканты и танцоры, был также устроен фейерверк, не уступающий тем, что в былые времена устраивал Доминго Нуниш. Это было величественное возвращение, которое Пампа Кампана задумала, чтобы отвлечь внимание от Тирумалы Деви, которая, возвращаясь с двумя детьми, дочерью и сыном, намеревалась дать всем понять, что это она — не только старшая царица, но и царица — мать будущего царя, — а не уходящая царица-регентша, вместе с Кришной Великим обладает реальной властью в этой стране.

Нагала Деви, ныне бабушка будущего царя, удостоверилась, что Пампа Кампана осознает свою нынешнюю ситуацию. Она явилась и стояла рядом с экс-регентом, якобы для того, чтобы вместе с ней понаблюдать за уличным карнавалом, но на самом деле, чтобы позлорадствовать.

— Кем бы ты ни была, — заявила Нагала Деви, — древней старухой, что при помощи магии притворяется, что она гораздо моложе, или просто блестящей мошенницей, теперь это уже не важно. Выступая царицей-регентом, ты была кем-то вроде служанки, которую по прагматическим

соображениям подняли выше ее положения. А теперь ты снова служанка, и все амбиции, которые у тебя, возможно, были, свелись к нулю с рождением Наследника Престола Царевича Тирумалы Девы и его сестры царевны Тирумаламбы. Со смертью Кришнадеварайи ты превратишься в ничто. Честно говоря, создается такое впечатление, что ты ничто уже сейчас.

А после — вскоре после возвращения Кришнадеварайи — разразилась засуха. Без воды увядает даже самая процветающая земля, и Биснага во время великой засухи не стала исключением. Поля разверзлись и поглотили коров. Фермеры совершали самоубийства. Река пересохла, и питьевую воду в городе пришлось раздавать по карточкам. Армия страдала от жажды, а страдающая от жажды армия плохо сражается, кроме как за доступ к воде. Иностранцы в поисках воды начали покидать город. Люди, всегда падкие на аллегории, начали задаваться вопросом, не была ли засуха павшим на царя проклятием, не вызвал ли он, несмотря на все свои подношения в храмах, ярость богов и не был ли этот бесконечный неурожай наказанием за убийство ста тысяч. Эти настроения укрепились, когда стало известно, что в ста милях к северо-востоку, в

Райчуре, расположенном в “*доабе*”, междуречье Пампы и Кришны, идут обильные дожди, знаменитый источник свежей воды в расположенной на возвышенности крепости Райчура течет полноводно, воды хватает, и урожай обещает быть хорошим.

Министра Тиммарасу, а также Пампу Кампану тревожили все чаще случавшиеся у царя приступы дурного настроения. Сначала они думали, что его раздражительность, возможно, была вызвана переутомлением, стрессом и усталостью, накопившимися за шесть проведенных вдали от дома лет, но и сейчас, когда он находился в самом сердце своей столицы, где его овевали хвостами яков и постоянно развлекали, у царя часто бывало отвратительное настроение. И вот настал день, когда он, исполненный энергии, вошел в тронный зал, хлопая в ладоши.

— Я понял! — заявил он. — Нам следует завоевать Райчур, и тогда мы сделаемся повелителями дождей.

Это граничило с безумием, но ни Пампа Кампана, ни Тиммарасу не смогли удержать его от того, чтобы претворить этот план в жизнь.

— У меня было видение, — сообщил он, — мой отец, старый солдат, явился ко мне во сне и

сказал: “Без Райчура империя не будет полной. Завоюй эту крепость, и она станет жемчужиной в твоей короне”.

Он приказал армии готовиться выдвигаться в поход.

— Райчур находится в руках Адиль-шаха из Биджапура, — предостерегал его Тиммарасу, — и выступить против этого султаната после долгой дружбы и мира со времен битвы при Дивани, после которой, как помнит Ваше Величество, Биджапур признал наше превосходство… Такой шаг может быть воспринят как вероломство и может спровоцировать другие султанаты восстать и встать на защиту своих единоверцев. — Дело не в религии, — взревел в ответ Кришнадеварайя. — Таков неизбежный ход событий.

Битва за Райчур стала самым опасным конфликтом за все время его правления. Кришнадеварайя с полумиллионом воинов, тридцатью тысячами лошадей и пятью сотнями боевых слонов отправился маршем на север и столкнулся с равной по силам армией Адиль-шаха, поджидавшей их на дальнем берегу реки Кришна. Никто не мог сказать, кто одержит верх. Однако в конце концов с поля боя бежала именно армия Адиль-шаха.

Кришнадеварайя отправил Адиль-шаху ис-

полненное презрения послание. “Если хочешь сохранить жизнь, явись сюда и целуй мои ноги”. Прочитав это, глубоко оскорбленный султан бежал, он поклялся на следующий же день начать новое сражение и тем самым на короткий момент был избавлен от выбора между унижением и смертью; однако ворота крепости оказались разрушены, и над нею взвился белый флаг капитуляции. Солдаты из Биснаги бросились к источнику и пили из него столько, сколько были в состоянии; ни один султан на Декане, увидев падение Райчура, не осмелился выступить против Кришнадеварайи, и империя Биснага завладела всеми землями за рекой Кришна. На следующий день, когда солдаты вернулись домой, в городе Биснага и во всей империи закончилась засуха и пошли дожди. Жизнь вернулась на улицы.

В отсутствие царя Пампа Кампана снова была назначена царицей-регентом, это вызвало ярость Тирумалы Деви и Нагала Деви, считавших, что этой чести должен был быть удостоен Наследник Престола Тирумала Дева, даже несмотря на то, что он еще мальчик, и в своих решениях должен руководствоваться советами мамы и бабушки. Однако Тиммарасу, увидевший, какого процветания достиг город под управлением Пампы

Кампаны, наложил на эту идею вето. После этого старшая царица и ее мать сделались заклятыми врагами Тиммарасу. Однако в тот момент головы женщин были заняты другим — и царевич, и царевна были нездоровы.

Из-за установившейся во время засухи невыносимой сухой жары возникла болезнь, которая убивала людей по всей Биснаге, и даже прохлада дворцовых помещений с их толстыми стенами не могла полностью защитить от нее. Это была болезнь с непредсказуемым течением, причины ее возникновения также были никому не известны — словно одно проклятие пало на другое. У молодых людей начался очень сильный жар, затем температура вернулась в норму, а после снова поднялась. Они кашляли, потом перестали кашлять, потом закашляли вновь. В некоторые дни у них случался понос, потом его не было, а после он начинался опять. Вверх и вниз, вверх и вниз — это было похоже на катание по океанским волнам. Тирумала Деви и Нагала Деви страдали вместе с детьми, на самом деле их страдания были отчасти вызваны материнской и бабушкиной любовью и тревогой, но нельзя не упомянуть и о том, что они понимали, что их собственное будущее неразрывно связано с жизнью младшего

поколения, в особенности наследника престола. Царевна Тирумаламба поправилась первой и не могла не заметить, что эта чудесная новость вызвала у ее матери и бабушки гораздо меньшую радость, чем пришедшая через десять дней весть о выздоровлении царевича Тирумалы Дева. Это ранило ее, заставило почувствовать себя нелюбимой и до конца жизни настроило против женщин из собственного семейства. А после того, как в возрасте тринадцати лет ее выдали замуж за некоего Алию Раму, коварного мужчину намного старше ее, с собственными царскими амбициями, она отдалилась от Тирумалы Деви и Нагалы Деви и начала смотреть в ином направлении.

Золотые века всегда скоротечны, как сказал однажды торговец лошадьми Фернан Паес. Время славы Кришнадеварайи подошло к концу. Потускневшее от засухи золото вернуло свой блеск, когда снова пошли дожди, царь с триумфом вернулся из Райчура, сжигавшая жаром болезнь отступила, однако вскоре после этого начался упадок, отправной точкой которого стала смерть наследника престола царевича Тирумалы Девы. Царь возвращался домой с большими планами. Он отречется от престола в пользу своего сына, избежав этим дрязг из-за наследования власти,

а после станет для мальчика наставником и проводником, сформировав вместе с Тиммарасу и бывшей царицей-регентом Пампой Кампаной троицу высших советников. Но не успел Кришнадеварайя сообщить о своих намерениях, как мальчику снова стало плохо, его лоб горел огнем, в то время как все остальное тело дрожало от холода, и на этот раз улучшения не случилось. Он стремительно сорвался вниз, во тьму, и умер.

Разбив череп своего сгорающего на погребальном костре сына, царь впал в состояние кричащей и крушащей все агонии, вызванной горем, гневом на богов и яростной подозрительностью ко всем рядом. Во дворце воцарился хаос, поскольку придворные старались не попадаться царю на глаза, чтобы избежать обвинений в причастности к смерти мальчика. Слухи о том, что эта смерть была насильственной, вырвались за пределы стен дворца и затопили городские базары. Наиболее часто звучала теория о том, что при дворе был предатель, состоящий на службе у поверженного Адильшаха, которому удалось каким-то образом отравить царевича. При упоминании о яде все вспоминали о двух печально известных Мадам Яд, старшей царице и ее матери, однако никто не мог понять, зачем им могло понадобиться убить

своего собственного сына и внука. Так что царила неразбериха. И тогда Тирумала Деви вместе со своей матерью Нагалой Деви сами выступили с обвинением, изменившим ход истории Биснаги.

“Царь, рыдающий, безутешный, восседал на своем Алмазном троне, ища, кого бы обвинить, — сообщает нам Пампа Кампана, — а две злые дамы с выкрашенными в цвет крови ногтями длиной с кинжалы указывали пальцами на мудрого старого Салуву Тиммарасу, а также на меня”.

— Ты что, не видишь? Ты слепой? — взывала Тирумала Деви. — Эта женщина, эта мошенница и убийца, опьянела от власти, с помощью твоего бесчестного министра она собирается захватить трон. Они перешептываются о тебе за твоей спиной. “Царь сошел с ума, — шепчут они, — он потерял рассудок и не может больше править, и занять его место — обязанность двух наиболее талантливых людей при дворе”. Люди начинают им верить. Они встают каждое утро, слыша этот шепот у себя в головах.

— Твой сын стал первой жертвой этих двух предателей. Если ты ничего не сделаешь, то станешь второй. Я спрашиваю тебя еще раз: ты что, ослеп, раз не видишь того, что происходит перед твоим носом? Только слепец может не видеть столь

очевидного. Так что же, мой муж, царь, ослеп?

Кришнадеварайя в агонии заорал на своего министра.

— Тимма? Что ты скажешь на это?

— Это низко, — отвечал Тиммарасу. — Я ничего не буду говорить. Пусть за меня скажут года моей преданной службы.

— Ты велел мне убивать больше людей, — кричал Кришнадеварайя, — ты говорил, это то, чего ждут люди. И я так сделал, я обезглавил солдат, сотню тысяч, *хватит ли тебе этого*, спросил я, *удовлетворит ли это людей*? Но после этого люди стали называть меня безумцем. *Царь сошел с ума.* Я понял. Я понял твой план. Таков был твой замысел. Все это время.

Он повернулся к Пампе Кампане.

— А ты? Ты тоже откажешься защищать себя?

— Я скажу лишь, что мир становится в своем роде безумен, когда простое, ничем не подкрепленное обвинение воспринимается как обвинительный приговор. Так что безумие распространяется на всех нас, — заявила Пампа Кампана.

— Опять безумие! — ревел царь. — Пока меня не было, ты соблазнила людей. Да-да. Ты стала царицей их сердец и вот теперь хочешь расчи-

стить себе путь к трону. Женщины должны быть царями, разве не так ты всегда говорила? Женщины должны быть царями наравне с мужчинами? Вот что кроется за всеми твоими действиями. Это очевидно.

Пампа Кампана больше не произнесла ни слова. Повисла пугающая тишина. Затем царь поднялся и топнул ногой.

— Нет, — заявил он, — царь не слеп. Царь отлично видит то, что находится у него перед глазами. А эти двое больше не смогут видеть. Схватить их! Ослепить их обоих!

До окончательного краха Биснаги еще оставалось сорок лет, но ее долгое, медленное падение началось в день, когда Кришнадеварайя отдал этот дикий, своевольный, жуткий приказ, в день, когда Салуве Тиммарасу и Пампе Кампане выкололи раскаленными железными прутьями глаза. Ни один из них не сопротивлялся, когда женщины-воины, охранявшие двор, надевали на них наручники и заковывали в цепи. Женщины-стражники рыдали, и Тимма Огромный и Улупи Младшая, выведя двух приговоренных за ворота Царского квартала, тоже заплакали, не скрывая слез. Они медленно двигались со своими пленниками по направлению к кузнице, вниз по

большой базарной улице, запруженной перепуганными людьми, кричащими, не способными поверить, и по мере приближения к кузнице замедляли шаг, словно не желая оказаться там. Через несколько мгновений, после того как из кузницы раздались крики боли — сначала кричал мужчина, затем женщина, — зазвучали и рыдания кузнеца; он всхлипывал, не в силах вынести того, что ему пришлось сделать. Эти слезы и крики не ушли в пустоту, напротив, они окрепли и разнеслись по всему городу, растеклись по широким магистралям и узким улочкам, влились в каждое окно и дверь, пока сам воздух не заплакал, а земля не начала испускать громкие вздохи. Когда через несколько часов царь отважился выехать в своей карете, чтобы оценить царящие в городе настроения, собравшаяся толпа забросала его туфлями, давая выражение своему отвращению. — Ремонстрация! — скандировали люди.

— Ремонстрация!

Это был беспрецедентный упрек в адрес власти, уличные выкрики, после которых люди стали думать о Кришнадеварайе по-другому, солнце его славы зашло и больше уже не поднималось.

После ослепления Тиммарасу и Пампа Кампана, дрожа, сидели в кузнице на табуретках,

принесенных кузнецом, который не переставал извиняться даже после того, как они сказали, что прощают его; лучший врач Биснаги прибежал с успокаивающими припарками для их кровоточащих глазниц; незнакомцы приносили им еду, чтобы они не страдали от голода и жажды. С них сняли цепи, и они были вольны идти, куда вздумается, но куда им было идти? Они так и оставались в кузнице, страдая от головокружения и почти теряя сознание от боли, пока из Манданы не прибежал молодой монах с посланием от Мадхавы Ачарьи.

— Начиная с этого дня, — смиренно передал монах слова Ачарьи, — вы оба будете нашими самыми почетными гостями, для нас будет честью служить вам и обеспечивать вас всем необходимым.

Двоих несчастных осторожно усадили в ожидавшую их повозку, запряженную волами, и она медленно двинулась по улицам в сторону Манданы. Монах управлял повозкой; Тимма Огромный и Улупи Младшая шли следом; казалось, весь город наблюдает за тем, как они движутся к *мату*. Единственным звуком, который можно было услышать, был шум невыразимого горя, и сквозь слезы различимо пробивалось единственное

слово:

— Ремонстрация!

19

В начале была только боль, это была такая боль, что делает смерть желанным благословенным облегчением. Когда в конце концов эта бескрайняя боль прошла, наступило ничто. Она сидела в темноте, немного ела, когда ей приносили еду, немного пила из медного кувшина с водой, который стоял в углу комнаты с надетой на горлышко металлической кружкой. Она немного спала, хотя это представлялось ненужным — слепота уничтожила границу между бодрствованием и сном, все ощущалось одинаково, и сны не снились. Слепота уничтожила и время, и она быстро потеряла счет дням. Иногда она слышала голос Тиммарасу и понимала, что его привели к ней в комнату навестить ее, но в их слепоте им нечего было сказать друг другу. Тиммарасу звучал, как слабый и больной человек, и она поняла, что ослепление выдавило из него почти все остатки жизни. Довольно скоро эти визиты прекратились. Ее также навещал Мадхава Ачарья, но ей было нечего ему сказать, он понимал это, и потому просто молча просиживал с ней какое-то время — это могли быть минуты или часы, разницы между ними

теперь не было. Больше ее не навещал никто, но это было и неважно. Она ощущала, что ее жизнь закончилась, но в силу проклятия она должна прожить ее до конца. Ее оторвали от ее собственной истории, и она больше не чувствовала себя Пампой Кампаной, той, что творила чудеса, той, которой когда-то давно коснулась богиня. Богиня бросила ее на произвол судьбы. Ей казалось, будто она находится в темной пещере, и хотя кто-то приходил туда ночью и разжигал печь, чтобы она согрелась, это пламя было невидимым и не отбрасывало теней на стены. Ничто — вот все, что у нее было, и она сама тоже была ничем.

Комнату постарались сделать удобной для нее, но удобство не имело значения. Она знала, что в комнате есть стул и кровать, но не пользовалась ими, а продолжала сидеть в углу на корточках, сложив вытянутые руки на коленях. Спиной она опиралась на стену. Она просыпалась в этой позе и засыпала в ней. Ей было сложно мыться и согласиться на то, чтобы ее помыли, сложно совершать естественные отправления, но она знала, что периодически приходят люди, которые заботятся о ней, моют, переодевают в чистую одежду, расчесывают и смазывают маслом ее волосы. Все остальное время она проводила в своем углу

— бессмертная, неумершая — в ожидании конца.

Случилось и неприятное беспокойство. В дверь постучали, и чей-то голос произнес:

— Царь! Это царь!

И он появился — особое, громкое, многословное ничто появилось внутри всепоглощающего, нераздельного, безмолвного ничто, и она почувствовала его прикосновение и поняла, что он целует ей ноги и молит о прощении. Он распластался на полу и рыдал, как невоспитанный ребенок. Звук был тошнотворным. Она должна была прекратить это.

— Да, да, — сказала она. Это были первые слова, которые она произнесла после ослепления. — Я знаю. Ты был зол, тебя понесло, ты плохо соображал, ты не был собой. Тебе нужно, чтобы я тебя простила? Я прощаю тебя. Иди и на коленях моли о том же старого Салуву, который был тебе как отец. Этот удар стал для него смертельным, и он должен услышать твои глупые извинения до того, как умрет. А что же я? А я останусь жить.

Он умолял ее вернуться во дворец и жить в комфорте, как подобает царице, которой она является, там будут исполнять любые ее прихоти, ее будут лечить лучшие врачи, и она будет сидеть по правую руку от него на своем собственном

новом троне. Она покачала головой.

— Теперь мое место здесь, — отвечала она. — В твоем слишком много цариц.

Тирумала Деви и ее мать Нагала Деви находятся в заточении в своих покоях, сказал он. То, что они совершили, не имеет прощения. Он никогда больше их не увидит.

— Я тоже не увижу, — сообщила Пампа Кампана, — а тебе, похоже, сложнее простить самому, чем получить прощение.

— Что я могу сделать? — взмолился Кришнадеварайя.

— Ты можешь уйти, — отвечала она, — тебя я тоже больше никогда не увижу.

Она слышала, как он ушел. Слышала стук в дверь Тиммарасу. Затем раздался гневный рык старика. Собрав последние силы, словно зверь, главный министр проклинал своего царя, пророча, что его проступок навеки останется лежать пятном на его имени.

— Нет, — проревел Салува Тиммарасу, — я не прощаю тебя, и не прощу, даже если проживу еще тысячу тысяч жизней.

Той же ночью он умер. Бесконечная тишина вернулась и накрыла ее.

Ее первыми сновиденьями были кошмары. В

них ей снова являлись виноватое лицо кузнеца и железный прут, который опускают в печь и вынимают с раскаленным докрасна кончиком. Она чувствовала, как Улупи Младшая держит ее руки, а Тимма Огромный возвышается над ней и держит ровно ее голову. Она видела, как прут приближается, чувствовала его жар, а затем просыпалась, дрожа, облитая, словно сочившимся из каждой поры ее тела потом, своим потерянным зрением. Снилось ей и ослепление Тиммарасу, хотя она знала, что его больше нет и ему больше нечего бояться, ни недовольства великого, ни удара тирана. Его ослепили первым, и ей пришлось это видеть, увидеть, что ее ожидает еще до того, как оно случится. Это было словно ее ослепили дважды.

Но да, видения появились снова, тьма уже не была абсолютной. Ей снилась вся ее жизнь, и она не знала, спит она или бодрствует во время этого сна, — ей снилось все, начиная с костра, забравшего ее мать, до очага, чье пламя отняло у нее глаза. И поскольку история ее жизни была также и историей Биснаги, она вспомнила, что ее пра-пра-пра-пра-правнучка Зерелда Ли велела ей записать ее.

Она обратилась к кому-то присматривавшему

за ней.

— Бумагу, — потребовала она, — перо и немного чернил.

Мадхава Ачарья снова явился посидеть с ней.

— Я хочу сказать вам, — заговорил он, — что своим примером вы научили меня доброте и показали, что доброта распространяется на всех людей, не только на истинно верующих, но и на неверующих, и на тех, кто верит в другое, не только на добродетельных, но и на тех, кому добродетель неведома. Вы сказали мне когда-то, что вы не враг мне, я тогда этого не понял, но теперь понимаю. Я был у царя и сказал ему, что, хотя его собственная добродетель запятнана его преступлением, я все равно должен проявлять о нем заботу, как должен проявлять ее по отношению ко всему нашему народу. Еще я говорил с ним о поэме, которую он написал, “Дарительница поношенной гирлянды”, в которой рассказывается о тамильской женщине-мистике, которую мы знаем как Андаль. Я сказал ему: “Хотя вам об этом неизвестно, все время, пока вы писали про Андаль, вы писали про нашу Пампу Кампану, красота Андаль — красота Пампы Кампаны, и вся ее мудрость — мудрость Пампы Кампаны. Когда Андаль надевает свою гирлянду и смотрит на

свое отражение в водах пруда, она видит в этом отражении лицо Пампы Кампаны. Это значит, что вы искалечили ровно то, что стремились прославить, вы лишили себя той самой мудрости, которую воспеваете в своей поэме, так что вы совершили преступление против себя, а не только против нее". Я сказал ему это прямо в лицо, и я видел, как в царе поднимается гнев, но меня спасает место главы Манданы, по крайней мере пока.

— Благодарю, — отвечала она. Ей с трудом удавалось выговаривать слова. Возможно, писать их окажется проще.

— Он позволил мне зайти в ваши покои и принести вам кое-что из вашей одежды, — сообщил ей Мадхава Ачарья, — Я сделал это лично. Я также принес все ваши бумаги и записи, они в сумке, которую я кладу перед вами, вам доставят любую бумагу, перья и чернила, которые могут вам понадобиться. Я могу прислать к вам нашего лучшего писца, он будет направлять вашу руку, пока она не научится делать то, что должна. Отныне ваша рука должна видеть то, чего не могут видеть ваши глаза, и так оно и случится.

— Благодарю, — отвечала она.

Ее рука научилась быстро, легко вернулась к

привычным отношениям с бумагой и чернилами, и заботящиеся о ней изумлялись утонченности и аккуратности ее почерка, тому, как прямо — словно солдаты, двигающиеся маршем — ложились на листы ее строки. Она чувствовала, что по мере того, как пишет, снова становится собой. Она писала медленно, намного медленнее, чем прежде, но при этом аккуратно и чисто. Она не могла сказать о себе, что счастлива — по ее ощущениям счастье навсегда покинуло все, что ее окружает, — но, делая записи, она чувствовала себя ближе, чем когда-либо еще, к этому новому месту, которое стало ее жилищем.

Затем пришли шепоты. Сначала было непонятно, что происходит, она думала, что это люди разговаривают в коридоре рядом с ее комнатой, и хотела попросить их — пожалуйста — разговаривать потише или хотя бы в другом месте, но вскоре поняла, что за дверью никого нет. Она слышала внутри себя голоса Биснаги, они рассказывали ей свои истории. Жизнь пошла вспять, так же, как если бы реки вдруг стали течь в обратном направлении. Когда она была ребенком, ее приютил религиозный человек, святой, но его безопасное место сделалось небезопасным, и их дружба переросла во вражду; теперь

другой святой человек, прежде выступавший ее противником, стал ее другом и обеспечил ей безопасность и заботу. В первые дни существования Биснаги она нашептывала людям в уши их жизни, чтобы они могли начать проживать их; теперь же потомки тех людей шептали о своих жизнях ей. От торговцев тем, что люди оставляли в качестве подношений в многочисленных городских храмах — цветами, благовониями, медными чашами, — она слышала, что продажи резко возросли, потому что ослепление, за которым последовала смерть *Махамантри* Тиммарасу, вселило в людей неуверенность в будущем, и они в молитвах просили богов о помощи. От обитателей улицы иностранных торговцев она услышала еще больше тревог и сомнений: неужели Биснага вот-вот падет, несмотря на все свои военные успехи, не пора ли им думать о том, чтобы собрать вещи и убраться отсюда, пока еще не поздно? Это были китайцы и малайцы, персы и арабы, они говорили с ней, и она мало понимала из сказанного, но отлично различала панику в их голосах. Она слышала голоса служанок, пересказывавшие ей тревоги своих госпожей и астрологов, пророчащих мрачное будущее. Женщины из дворцовой стражи были исполне-

ны горя, среди них были и те, кто задумывался о мятеже. Храмовые танцовщицы, *девадаси* из храмового комплекса Йелламма, больше не хотели танцевать. Пампе Кампане даже казалось, что она лично узнает шепчущих ей свои истории — вот горюет Улупи Младшая, а вот Тимма Огромный. Вся Биснага была объята кризисом, и его голоса заполняли часы ее бодрствования. Она слышала недовольное бормотание солдат в военном городке, сплетни младших монахов, сквернословие и насмешки куртизанок. Царь, совсем недавно триумфально вернувшийся со своих войн, пользовался меньшим уважением, чем когда-либо за все время своего правления, и головы людей занимали мысли о возможном дворцовом перевороте. Но кто рискнет восстать, и как, и когда, и удастся ли это, и если мятеж удастся — о, что же тогда, и если не удастся — о, что же, если нет? В той части “Джаяпараджаи”, которую мы знаем как “слепые стихи”, Пампа Кампана предоставляет слово анонимам, обычным гражданам, маленьким людям, тем, кого не замечают, и многие исследователи считают, что именно на этих страницах ее огромного труда жизнь Биснаги представлена наиболее ярко.

Сама же она пишет, что эти нашептывания

стали благословением. Они возвращали ей мир и возвращали в мир ее. Слепоту было никак не исправить, но теперь она была не просто тьмою, она была заполнена людьми, их лицами, их надеждами, их страхами, их жизнями. Радость покинула ее — сначала со смертью Зерелды Ли, потом — когда ее лишили глаз и она поняла, что не смогла избежать проклятия сожжения. Но теперь, очень медленно, нашептанные секреты города давали радости толчок к возрождению — с родившимися детьми, с построенными домами, с сердцами любящих семей, членов которых она не знала, с подковыванием лошадей, с созреванием фруктов в их садах, с богатством урожаев. Да, напоминала она себе, случаются ужасные вещи, с ней самой произошла ужасная вещь, но жизнь на земле все еще изобильна, все еще благодатна, все еще хороша. Может, она и слепа, но она может видеть, что свет есть.

Царь во дворце, напротив, потерялся во тьме. Время остановилось возле Львиного трона. Он стал чувствовать себя довольно скверно. Придворные рассказывали друг другу, что видели, как он бродит по коридорам дворца и разговаривает сам с собой или, как утверждали некоторые, сосредоточенно беседует с призраками. Он разго-

варивал со своим главным министром, которого лишился, и спрашивал у него советов. Ни один так и не был получен. Он беседовал со своей младшей царицей, покинувшей его в родах, и просил ее о любви. Никакой любви он не получил. Он прогуливался по саду в компании своих умерших детей, ему хотелось учить их разным вещам, качать на качелях, поднимать и подбрасывать в воздух, но они не хотели играть и были неспособны учиться. (Странным образом он уделял гораздо меньше времени своей живой дочери, Тирумаламбе Деви. Ушедшие дети, которым никогда не суждено будет повзрослеть, казалось, занимали его больше, чем повзрослевшая девочка.)

(В этой части своего текста Пампа Кампана говорит о Тирумаламбе Деви как о взрослой. Мы обязаны прокомментировать это, поскольку внимательные — не хотим говорить "педантичные" — читатели нашего текста могли подсчитать, что в "реальной" жизни Тирумаламба все еще оставалась ребенком. Таким читателям, да и всем, кто узнает содержание "Джаяпараджаи" на наших страницах, можем дать следующий совет: когда вы знакомитесь с историей Пампы Кампаны, не цепляйтесь за традиционное понимание "реальности", которое строится вокруг

календарей и часов. Еще ранее автор продемонстрировала — при описании своего продлившегося шесть поколений "сна" в лесу Араньяни — свою готовность сжимать время в художественных целях. Здесь же она демонстрирует также готовность поступать противоположным образом, растягивать, а не ускорять Время, заставлять его выполнять ее приказы, позволяя Тирумаламбе расти внутри ее волшебно расширенных часов, которые остановились снаружи, но продолжают тикать внутри ее пузыря. Пампа Кампана выступает госпожой, а не служанкой хронологии. Нам следует принять то, во что нас учат верить ее стихи. Все прочее — глупость.)

Кришнадеварайя посетил все храмы Биснаги, он молился и просил избавить его от этой пытки, но боги оставались глухи к человеку, ослепившему создательницу города, ту, в которой более двух сотен лет обитала богиня. Он сочинял стихи, но потом рвал их. Он просил собранных им при дворе поэтов-гениев, оставшихся Семерых Слонов, чьи таланты были столпами, поддерживающими небо, сочинить новое произведение, своей лиричностью способное возродить красоту Биснаги, но все поэты признались, что музы покинули их, и не смогли написать ни слова.

Царь сошел с ума, так шептали.

Или, возможно, царь, исполненный раскаяния и стыда, охваченный ужасом от открывшегося ему знания о себе самом — осознанием того, что вспышки его гнева в конце концов разрушили его собственный мир и лишили его двух самых ценных граждан, — был одержим потребностью получить искупление, но понятия не имел, как и где его искать.

У него испортилось здоровье. Он слег в постель. Придворные врачи не могли найти причину. Казалось, он просто не видит смысла жить дальше.

— Он хочет только одного, — так шептали, — обрести хоть какое-то душевное равновесие до того, как покинет этот мир.

В какой-то момент своего стремительного заката он вспомнил про своего брата, томящегося в заточении в крепости Чандрагири. Впав в состояние, которое многие при дворе сочли началом предсмертного бреда, он вскричал:

— Существует ошибка, которую я в состоянии исправить!

Он распорядился освободить Ачьюту из места его заточения и доставить в город Биснага.

— Биснаге нужен царь, — заявил Кришнадевараййа, — и мой брат будет править после того, как

меня не станет.

Очень мало кто из придворных когда-либо встречался с Ачьютой, но слухи о его дурном нраве, его жестокости, его вспыльчивом характере дошли до всех. Однако никто не осмелился перечить царскому приказу, пока супруг царевны Тирумаламбы Алия не попытался вмешаться.

Алия посетил Кришнадеварайю, находящегося — как начинали думать люди — на своем смертном одре. — Ваше величество, прошу меня простить, — прямо заявил он, — но всем отлично известно, что ваш брат Ачьюта — дикарь. Зачем посылать за ним, когда здесь есть я? Я — муж вашей дочери, единственного выжившего ребенка, всем известно, что я серьезный и ответственный человек, и, несомненно, выбери вы меня, разве это не был бы лучший и менее рискованный путь передачи наследования?

Царь потряс головой, как будто с трудом припоминал, кто такая Тирумаламба и кем может быть этот пожилой человек, ее муж.

— Я должен помириться со своим братом, — ответил царь и махнул слабой непослушной рукой. — Хотя Чандрагири не такое уж и плохое место, — продолжал он почти жалобно, — Радж-Махал там вполне комфортабельный. И все же я

должен освободить его. Что до вас, просто должным образом заботьтесь о моей дочери, и, став царем, мой брат Ачьюта будет относиться к вам обоим со всем уважением, которого вы, несомненно, заслуживаете.

Алия направился к царице Тирумале Деви и ее матери Нагале Деви.

— Как старшая царица, — заявил он, — вы должны вмешаться в то, что делает царь. Разве не из-за короны вы хотели, чтобы Тирумаламба вышла замуж за влиятельного человека, более пожилого и авторитетного, чем какой-нибудь неопытный юнец? Разве это не было для вашей семьи путем на трон Биснаги? Так вот же. Пробил ваш час действовать.

Тирумала Деви грустно покачала головой.

— Моя дочь ненавидит меня, — произнесла она. — Она отвернулась и от своей бабушки. Она считает, что во время ее болезни нас не волновало, выживет она или умрет, и что все наше внимание было отдано исключительно сыну. Теперь она не смотрит в нашу сторону. Мы ничего не выиграем, если поможем посадить ее и вас на Львиный трон.

— А это правда? — уточнил Алия, — Про ваше внимание?

— Что за вопрос, — вмешалась Нагала Деви, — естественно, нет. Она всегда была капризным ребенком.

Алия вернулся к слабеющему Кришнадеварайе.

— Вы совершили огромную ошибку с Махамантри Тиммарасу и этой женщиной, Пампой Кампаной, — сказал он, — не совершите же второй колоссальной ошибки до того, как покинете нас.

— Пошлите за моим братом, — велел ему Кришнадеварайя. — Он будет вашим царем.

Это стало последним решением, которое он принял в жизни. Несколько дней спустя он умер. Некогда великий Кришнадеварайя, повелитель всего юга за рекой, чье имя он носил, величайший победитель, когда-либо правивший Городом Победы, при котором Биснага стала процветать больше, чем когда-либо прежде, умер в непередаваемом в своем роде позоре, потеряв честь, и люди остались слепы к его достижениям, словно выколов глаза Пампе Кампане и министру Тиммарасу, он ослепил всю Биснагу.

Шепот донес Пампе Кампане, что его последнее слово было горьким упреком самому себе:

— Ремонстрация.

Часть четвертая. Падение

20

После смерти своего отца царевна Тирумаламба Деви бродила по улицам Биснаги, словно неприкаянная душа, а Улупи Младшая следовала за ней на некотором расстоянии на случай, если понадобится царевне. Ее печаль, точно вуаль, защищала ее от непрошеных взглядов бестактных незнакомцев. На главном базаре Шри Лакшман и его брат Шри Нараян предложили ей фрукты, бобы, семена и рис, но она прошла мимо них, лишь слегка печально качнув головой. На закате на берегу реки она наблюдала, как верующие поклоняются Сурье, богу Солнца, хотя сама утратила всякое желание поклоняться кому-либо из богов. Она чувствовала себя крохотной на фоне холмистого ландшафта с огромными скалами и валунами, пейзаж усиливал в ней ощущение собственной незначительности. Она ощущала себя как комар или муравей. Ее отец умер, не признав ее права, и оскорбил ее мужа, отклонив его кандидатуру без обсуждения. Ее мать и бабушка были исполненными яда ведьмами. Она была одна в этом мире, рядом был лишь пожилой человек, за которым она была замужем, который проводил

свои дни, погрязнув в интригах, пытаясь вывести своих союзников на важные позиции до того, как в город прибудет новый царь. У него не было времени на ее горести. Она бродила туда-сюда по кварталам, населенным иностранцами, где можно было найти фарфор, вино и тонкий муслин, по районам знатных семей и по улочкам куртизанок. Только Царский квартал, где она выросла, с его изумрудными бассейнами и архитектурными красотами, не вызывал у нее интереса. Она петляла вокруг оросительных каналов и построек храмового комплекса Йелламмы с лучшими в городе танцовщицами. *Мне больше нет места в этом месте, где каждый знает свое место*, думала она. Бродя так, потерянно и бесцельно, она оказалась в Манданском *матте*, и ноги, которые знали, что ей нужно, лучше, чем голова, привели ее к двери Пампы Кампаны.

Весь город затаил дыхание. Истории о том, как Ачьюта приближается к городу, о его диких ночах в придорожных гостиницах, о пьянстве, обжорстве, женщинах и драках сильно опережали царский обоз, и в Биснаге справедливо опасались, что эта новая эпоха будет разительно отличаться и от царственного великолепия, характерного для правления Кришнадеварайи

в его лучшие времена, и от царства культуры, искусств и терпимости, которое царица-регент Пампа Кампана пестовала во время многолетних военных отлучек царя. Нечто более громкое и грубое было на подходе. Пришло время опустить головы и держать носы по ветру. Никто не мог предположить, куда Ачьюта Дева Райя может направить свою ставшую притчей во языцех грубость, не говоря уже о его склонности к насилию. Истории о людях, повешенных Ачьютой и оставленных висеть на обочинах за какое-то проявление — реального или воображаемого — неуважения к нему, стремительно прибывали с дороги из Чандрагири, как предвестники нового порядка, и вселяли страх в каждое сердце.

— Можно мне войти? — тихо спросила Тирумаламба Деви, и женщина, сидящая на корточках в дальнем углу комнаты, едва заметно махнула ей рукой в приглашающем жесте. Царевна быстро зашла, сняла сандалии и поспешила к слепой, чтобы коснуться ее стоп.

— Не делай этого, — велела Пампа Кампана, — в этом месте мы встречаемся на равных или не встречаемся никак.

Тирумаламба Деви уселась подле нее.

— Ты — мать Биснаги, с которой столь жестоко

обошлись ее дети, то есть твои дети, — сказала она, — а я — ребенок, с которым жестоко обошлись его мать и бабушка. Так может быть, я ищу мать, а тебе нужен ребенок.

После этого они стали друзьями. Тирумаламба Деви стала приходить туда каждый день, и вскоре Улупи Младшая начала оставлять ее одну со словами, что охрана не нужна там, где все находятся в безопасности. Порой женщина в углу не хотела разговаривать, и они вместе сидели молча. Это было хорошее молчание, в нем каждая чувствовала себя любимой, оно сближало их. В другие дни Пампе Кампане хотелось поговорить, и она рассказывала молодой женщине истории из своей прежней жизни — про мешок с семенами, благодаря которому Хукка и Букка дали жизнь городу, про битву с розовыми обезьянами, про все. Тирумаламба Деви внимала ей с благоговением.

А еще каждый день Пампа Кампана пыталась писать. Тирумаламба Деви видела, как тяжело ей это дается, несмотря на уверенную руку. В конце концов она сказала:

— Я вижу, — сообщила она Пампе Кампане, — что это происходит из-за твоих глаз — твоя рука движется очень медленно, гораздо медленнее, чем летит твоя мысль, и тебе из-за этого трудно.

На самом деле ты сочиняешь очень быстро, так ведь, но не можешь с необходимой скоростью фиксировать это, и эта вынужденная медлительность очень тебя расстраивает, правда?

Пампа Кампана слегка шевельнула головой, что означало: *возможно, это так, но у меня нет выбора*.

Тирумаламбе Деви хватило духу, чтобы сделать ей дерзкое предложение.

— Когда бессмертный Вьяса писал “Махабхарату”, он тоже делал это очень быстро, так? — поинтересовалась она. — Но ведь Господь Ганеша, который записывал под его диктовку, сумел с этим справиться? Даже тогда, когда сломалось его перо, он отломал один из своих слоновьих бивней и стал писать им. Разве не так? Именно поэтому мы называем его *Екданта*, однозубый Ганеша.

— Я не Вьяса, — ответила Пампа Кампана, и легкая улыбка пробежала по ее лицу, — а у тебя, я уверена, пока на месте все зубы, да и уши, это я знаю наверняка, не такие большие.

— Но я могу писать так же быстро, как ты диктуешь, — ответила Тирумалабма Деви с горящими глазами, — и если у меня сломается перо, я сделаю все что угодно, лишь бы не прерываться.

Пампа Кампана задумалась.

— А танцевать ты умеешь? — поинтересовалась она, — Потому что Господь Ганеша танцует фантастически. А ездить верхом на крысе? Или обернуть змею вокруг шеи, как шарф, или вокруг талии, как пояс?

Теперь она улыбалась во весь рот.

— Если это необходимо, — решительно отвечала Тирумаламба Деви, — я научусь.

Ачьюта Дева Райя появился в Лотосовом Дворце, ища, кого бы убить. Это был смуглый мужчина лет пятидесяти, с густой бородой, без большого числа зубов, пузатый и настолько злой, насколько может быть только человек, вынужденный — из-за того, что пребывает в заключении в богом забытой дали — терпеть и доверяться заботе сельских стоматологов. Он был одет так, словно собирался на войну, в кожаном жакете поверх сплетенного из кольчуги жилета, на ногах поношенные сапоги, на поясе меч, за спиной щит. Его спутники представляли собой неуправляемую банду пьяных головорезов, которые обеспечивали ему единственно возможную в Чандрагири светскую жизнь, а за ними следовал его официальный царский эскорт — группа женщин-воинов из числа дворцовой стражи, по выражениям лиц которых было ясно, что они

испытывают гнев по отношению к царским дружкам из-за происходивших по дороге похотливых выходок, из-за неподобающего поведения самого царя, а также профессиональную неловкость из-за грубых манер нового монарха, которого они были вынуждены доставить в зал к Львиному (Алмазному) трону.

Все оставшиеся члены царской семьи ожидали его, чтобы поприветствовать — старшая царица Кришнадеварайи Тирумала Деви и ее мать Нагала Деви, царевна Тирумаламба Деви и ее супруг Алия Рама, решивший именоваться Алия Рама Райя, что с технической точки зрения было справедливо вследствие его женитьбы на единственном выжившем ребенке Кришнадеварайи и без всякого сомнения было воспринято Ачьютой как красная тряпка, разжигание розни, даже объявление войны.

— Когда человек пребывает в изгнании так долго, как я, — заявил Ачьюта, — вернувшись, он ищет возможности отомстить. Тот, кто в ответе за мою сломанную жизнь — мой благородный брат, — уже не сможет увидеть мою ярость. Однако, раз уж его нет, вы, ребята, сможете.

— Двадцать лет — долгий срок, — ответил Алия, — и мы видим, что ваша ссылка не луч-

шим образом повлияла и на вашу внешность, и на ваш характер. Однако мы говорим вам: добро пожаловать, Дядюшка — я использую это уважительное обращение, хотя старше вас на несколько лет, — Биснага принадлежит вам, так распорядился последний царь, и можете не сомневаться: никто здесь не пойдет против его воли и не устроит мятеж. Но вам следует знать, что люди во дворце — городская аристократия, министры и госслужащие, а также эти серьезные женщины из дворцовой стражи — все они преданы империи как таковой, а не только тому, кто занимает ее трон. Они преданы тем, кто хорошо обходился с ними все двадцать лет, что вас здесь не было. Позвольте мне сказать прямо. Они любят дочь царя, его единственного выжившего ребенка. А я — выбранный для нее супруг. Так что они, соответственно, преданы и мне тоже. То же можно сказать и о людях за воротами дворца. Они любят Биснагу, а царь — слуга того, что они любят, и никогда не должен этого предавать. Так что действуйте с осторожностью, иначе ваше правление может оказаться недолгим.

— К тому же, — добавила Тирумала Деви, — мой отец, царь Вира из Срирангапатны, муж моей матери, стоит на страже вашей южной границы

и внимательно наблюдает за тем, что происходит здесь, а если его расстроить, вы также не обрадуетесь.

Ачьюта повернулся к царевне Тирумаламбе Деви.

— А вы, юная госпожа, что вы скажете? У вас тоже есть чем меня запугать?

— Мой ближайший друг и вторая мать, госпожа Пампа Кампана, своими незрячими глазами видит все, — отвечала она, — так что, следуя ее примеру, я стану говорить все безмолвным ртом.

Ачьюта почесал затылок. Потом его рука потянулась к мечу, и он схватился за рукоять, отпустил ее, снова схватил, снова отпустил. Затем он почесал правой рукой макушку, взъерошил свои густые, нечесаные седеющие волосы и нахмурил лоб; в это время его левая рука потянулась к правой подмышке, как бывает у человека, который сражается с блохами. После этого он потряс головой, словно не веря в происходящее. Потом глянул на своих собутыльников, словно желая сказать: *От вас не особенно много пользы, да*? А затем вдруг разразился громогласным хохотом и захлопал в ладоши.

— Семейная жизнь, а? — орал он. — Такого нельзя избежать. Как хорошо, когда у тебя есть

дом. И давайте уже тогда поедим.

История о пире в честь коронации Ачьюты Дева Райи, рассказываемая в красках и не единожды пересказываемая, стала в последующие годы главным повествованием о его правлении. В сознании каждого жителя Биснаги запечатлелся образ царя и его собутыльников: они жрали, как свиньи, и пили так, словно много лет до этого блуждали по пустыне, в то время как члены царской семьи и придворная знать сидели молча, сложив руки, и ничего не ели, а Алия Рама Райя стоял в дальнем конце обеденного зала, отказавшись даже сесть и преломить хлеб с новым правителем, и обдумывал свой следующий шаг.

Тирумаламба Деви в деталях описала Пампе Кампане этот вечер, и ее описание представлено сейчас в “Джаяпараджае”, Пампа Кампана облекла его в стихотворную форму, а царевна записала своей аккуратной рукой. Когда Тирумаламба Деви закончила свой рассказ, Пампа Кампана тяжело вздохнула.

— Эти двое мужчин, — сказала она, — твой муж и твой дядя. Если они объединятся, то уничтожат нас всех.

Последние два главных героя драмы о Биснаге были настолько не похожи друг на друга, что

люди начали называть их “Да и Нет”, “Вверх и Вниз”, “Плюс и Минус”, чтобы подчеркнуть противоположность их характеров. Использовали и “Вперед и Назад”, и в этом случае группу стремящихся назад возглавлял, без сомнения, Ачьюта. Он был человеком грубым, такие врываются к вам через парадную дверь, бьют вас по голове и обносят ваш дом. Алия же был скрытным. Если бы он решил обворовать вас, вы поняли бы, что случилось, только после его ухода. Будете стоять на дороге, лишившись дома, и недоумевать, куда все делось. Ачьюта напоминал людям медведя, возле головы которого кружат разъяренные пчелы, он пребывал в постоянном возбуждении и отмахивался руками от гудящего воздуха. Алия был спокоен, он напоминал лучника за секунду до того, как тот выпустит свою смертоносную стрелу. Алию все находили похожим на скелет — ходячий скелет с длинным суровым лицом и такими длинными руками и ногами, что казалось, будто на них нет плоти, одни кожа да кости. Ачьюта был раздражительным, Алия практически всегда сохранял спокойствие. Ачьюта был религиозен — в том смысле, что враждебно относился к последователям иных религий; Алия же был циником, которому плевать на то, какое

у тебя вероисповедание, пока ты представляешь для него ценность. Ачьюта, по общему мнению, был не особо умен. Алия Рама Райя был самым умным человеком во дворце.

И все же при Ачьюте Биснага сохранилась. Она больше не процветала, как раньше, потеряла территории и утратила влияние, но все еще существовала до конца его правления. К тому времени, когда не стало Алии, не стало и империи.

Прошло несколько лет, и Тирумаламба Деви убедила Пампу Кампану выйти за пределы Манданского *матта*. Она вышла из кельи лишь когда узнала, что в *матте* существует гончарная мастерская с кругом и печью для обжига, так что, несмотря на свою слепоту, она после долгого перерыва вновь занялась изготовлением горшков. Существует вероятность, что она лично сделала сосуд, в котором в конце концов оказалась ее рукопись, главное дело ее жизни. Однако в течение долгого времени гончарная мастерская и ее собственная келья оставались единственными местами, где она хотела находиться.

В конце концов новая статуя Пампы убедила ее выйти. Ачьюта Дева Райя был полон решимости продемонстрировать, сколь глубоко он религиозен, и заказал статую — посвящение богине,

которая была местным воплощением Парвати, жены Шивы и дочери Брахмы, в честь которой была также названа протекавшая в Биснаге река. Скульптором был тот самый Кришнабхатта, гениальный брахман, которому Кришнадеварайя заказывал изготовить из единого монолита гигантскую, внушающую ужас фигуру Господа Нарасимхи, воплощение Вишну в форме Человека-Льва — на левом бедре у Нарасимхи восседает богиня Лакшми, а на коленях покоится бездыханное тело демона Хираньякашьяпы. Статую не успели закончить до смерти Кришнадеварайи, но она сделалась символом его вечной славы, и Ачьюта повелел Кришнабхатте изготовить статую Пампы, такого же размера и масштаба, также из цельного куска камня, чтобы установить ее ровно напротив статуи Нарасимхи. Это будет выглядеть так, как если бы Ачьюта в своем великолепии, воплощенном в каменной госпоже Пампе, такой же большой, как Господь Нарасимха, и такой же устрашающей, сверху вниз взирает на величие своего предшественника.

— Ты должна пойти, — уговаривала Тирумаламба Деви Пампу Кампану, — потому что едва ее только установили и освятили, все тут же начали говорить, что эта статуя посвящена тебе,

нашей всеобщей матери, что она — извинение, которое Ачьюта Дева Райя приносит тебе за преступление, которое совершил над тобою его брат, — она захихикала. — Дядюшка от такого впадает в безумие.

— Ладно, — наконец согласилась Пампа Кампана, — мои пальцы увидят то, чего не смогут увидеть глаза.

При свете дня Пампа Кампана вышла за пределы *матта*, вокруг ее головы была повязка из белой ткани, чтобы защитить уничтоженные глаза, зонт над ее головой лично — несмотря на свои преклонные года — нес Мадхава Ачарья, и вся Биснага вышла приветствовать ее. Она слышала, как толпа кричит и поет, это тронуло ее, и впервые после совершенного над ней кровавого преступления она задумалась о том, что существует возможность снова начать жить в этом мире, и после великой ненависти, воплощенной в раскаленном железном пруте, найти обратный путь к — какой бы то ни было — любви. Когда она подошла к статуе, скульптор лично направлял движения ее рук по скульптуре, описывая детали и разъясняя символы.

С помощью Тирумаламбы Деви и Мадхавы Ачарьи она совершила подношение цветов богине и

потрудилась поблагодарить за это высшее проявление почитания к ней не только скульптора, но и царя.

— Она прекрасна, — произнесла она тихим голосом, и эти слова, повторенные множеством голосов, прокатились по толпе. — Я отчетливо вижу это, словно она вернула мне способность видеть.

Новость о случившемся быстро дошла до дворца и привела Ачьюту в неистовство, когда он понял, что работа, которую он заказал ради собственного прославления, волею случая превратилась в дань уважения слепой женщине из Манданы. (Некоторые люди считали, что он должен был предвидеть, что так произойдет, и мы, оглядываясь назад, не можем с этим не согласиться, однако Ачьюта не был ни дальновидным человеком, ни, как уже отмечалось, особо умным правителем. В результате реакция людей на статую Пампы застала его врасплох и разгневала, да и осознание собственной глупости, возможно, еще усилило этот гнев.)

— К черту ее! — орал он с трона. — Она теперь изображает богиню? В моей Биснаге нет места ведьмам или богохульникам. Если ей было мало выколотых глаз, я полностью избавлюсь от нее, я

сожгу ее заживо.

В книге Пампы Кампаны не указаны имена министров Ачьюты, но, похоже, кем бы они ни были, они убедили царя, что публичное сожжение женщины, пользующейся большим уважением у стольких людей, будет нецелесообразно. Они не сумели, однако, удержать его от визита в Манданский *матт*, где он потребовал провести его к ней в келью. Его привел Мадхава Ачарья, и они застали Пампу Кампану сидящей в своем привычном углу, она диктовала, а царевна Тирумаламба Деви записывала ее стихи.

— Если я не могу сжечь тебя, — заявил ей царь, — я совершенно точно смогу сжечь твою книгу, мне не нужно читать ее, я и так знаю, в ней полно неподобающих и крамольных рассуждений. А потом ты умрешь и окажешься в забвении, никто даже и имени твоего не вспомнит, и эта статуя снова станет моею и останется таковой навеки. Что ты на это скажешь?

Тирумаламба Деви поднялась на ноги и встала между Ачьютой и слепой женщиной.

— Прежде вам придется убить меня, — сказала она. — Госпожа носит в себе божественный дар, и претворить ваши угрозы в жизнь будет святотатством.

Пампа Кампана тоже встала.

— Сожгите всю бумагу, что захотите, — произнесла она, — но каждая записанная мною строчка хранится у меня в памяти. Чтобы уничтожить это, вам придется отрубить мою голову и набить ее соломой, как это иногда случается в моей книге с поверженными царями.

— Я тоже заучил наизусть этот бессмертный текст, — сообщил Мадхава Ачарья, — так что вашему топору придется познакомиться и с моей шеей тоже.

Лицо Ачьюты вспыхнуло.

— Довольно скоро может наступить время, — грубо сказал он, — когда я с удовольствием приму все ваши предложения. А пока черт с вами со всеми. Не попадайтесь у меня на пути, а тебе, — он с ненавистью указал на Пампу Кампану, — запрещено появляться возле моей статуи.

— Ничего страшного, — отвечала ему Пампа Кампана, — моя история будет записана не в камне.

Когда царь ушел, она повернулась к священнику.

— То, что ты сказал, — неправда, — указала она. — Ты рисковал своей жизнью во имя лжи.

— Бывают такие времена, когда ложь оказы-

вается гораздо важнее, чем жизнь, — ответил он. — Это был как раз такой случай.

Пампа Кампана снова уселась в своем углу.

— Очень хорошо, — сказала она. — Спасибо вам обоим. А теперь мы, наверное, продолжим.

— Порой я испытываю ненависть к мужчинам, — сказала Тирумаламба Деви, когда Мадхава Ачарья ушел.

— У меня была дочь, которая думала так же, — рассказала ей Пампа Кампана. — Она предпочитала женское общество и в лесу Араньяни чувствовала себя счастливее всех нас. Если под мужчинами ты подразумевала нашего недавнего венценосного гостя, тебя можно понять. Но вот Мадхава хороший человек, это точно. А каков твой муж?

— Алия сплошь состоит из заговоров, — ответила Тирумаламба. — Он весь — секреты да интриги. При дворе полно фракций, он знает, как противопоставить одну группу другой, как уравнять интересы одних и других, и Ачьюта оказывается не у дел, его укачивает от подобных комбинаций. Так что Алия сделался вторым центром власти, равным царю, и это все, чего он желает, по крайней мере на данный момент. Он — лабиринт. Никогда не знаешь, в каком направ-

лении двигаться. Как можно любить лабиринт?

— Расскажи мне, — попросила Пампа Кампана. — Я знаю, что все царевны оказываются скованными собственной короной и им трудно найти свой собственный путь. Но что у тебя на сердце, чего ты хочешь от этой жизни?

— Меня никто никогда об этом не спрашивал, — призналась Тирумаламба Деви, — даже мама. Обязанности, долг и прочее. Записывать твои стихи — единственное занятие, которое мне по душе.

— Но для себя, чего ты хочешь для себя?

Тирумаламба Деви сделала глубокий вдох.

— Когда я бываю на улицах, где живут чужеземцы, — начала она, — то испытываю зависть. Они просто приходят и уходят, никаких уз, никаких обязанностей, никаких ограничений. Они рассказывают истории отовсюду, и я уверена, что, когда они уезжают куда-то в другое место, мы тоже становимся историями, которые они рассказывают тамошним людям. Даже нам они рассказывают истории о нас самих, и мы верим им, даже если они переворачивают все с ног на голову. Как будто у них есть право рассказать всему миру историю всего мира, а после… после просто взять и уехать. Так вот. Вот моя глупая идея. Я

хочу быть чужеземкой. Прости, что я такая дура.

— И такая дочь была у меня тоже, — ответила Пампа Кампана. — И знаешь что? Она сделалась чужеземкой и, я думаю, была счастлива.

— Ты этого не знаешь? — удивилась Тирумаламба.

— Я потеряла ее, — ответила Пампа Кампана, — но, возможно, она нашла себя.

Она положила руку царевне на колено.

— Ступай и разыщи перо *чила*, — велела она.

— Перо? Зачем?

— И надежно его спрячь, — сказала Пампа Кампана.

— Говорят, ты прибыла сюда в обличье птицы, — благоговейно произнесла Тирумаламба.

— Вернемся к работе, — распорядилась Пампа Кампана.

Но до того, как начать снова диктовать, добавила:

— Я знавала чужеземцев. Даже любила одного или двух. Знаешь, что в них разочаровывает больше всего?

— Что?

— С виду они все совершенно одинаковые.

— Могу ли я задать тебе тот же вопрос, что ты задала мне? — поинтересовалась Тирумалам-

ба. — Есть ли что-то, на что ты надеешься, чего хочешь? Конечно, я знаю, что ты потеряла возможность видеть, прости, еще одна глупость с моей стороны. Но все же — какое-нибудь тайное желание?

Пампа Кампана улыбнулась.

— Благодарю, — ответила она, — но время моих желаний ушло. Теперь все, чего я хочу, — это мои слова, эти слова — все, что мне нужно.

— Тогда, что бы там ни было, — сказала Тирумаламба Деви, — давай вернемся к работе.

Когда все достигло точки кипения, шел сезон дождей. Ранним утром Алия Рама Райя завтракал с женой в своих личных покоях в Лотосовом Дворце, они ели в молчании, слушая обманчиво веселую мелодию дождя и не разговаривая из-за присутствия слуг. Когда они закончили есть и пить, Алия прошел через все комнаты и убедился в отсутствии ненужных ушей, лакеев-болтунов или служанок-сплетниц. Только после этого он наконец заговорил.

— Я едва могу разговаривать с этим человеком, — признался Алия царевне Тирумаламбе Деви. — Его уровень мышления сводится к жестокости. Он думает так же, как ест, то есть, скажу тебе, как свинья.

Хрупкое, как натянутая струна, соглашение о разделе власти между жестоким царем Ачьютой и его коварным соперником Алией не устраивало обоих мужчин, их спор длился годы и тянул Биснагу в двух противоположных направлениях, что не устраивало никого.

Тирумаламба ответила осторожно.

— Мадхава Ачарья говорит, что он очень печется о Боге, разве нет?

— Да, — ответил Алия, — но он ничего не понимает. *Мы* хорошие, *они* плохие — так можно суммировать его понимание религии. При этом, я подозреваю, в душе он боится *их*. А теперь, когда новые *они* — эти Моголы — поднимают голову на севере, он боится еще больше.

— Но у нас в Биснаге они повсюду, — заметила Тирумаламба, — во многих домохозяйствах есть их молельни, они живут среди нас, они наши друзья и соседи, наши дети играют вместе, и мы говорим, что мы сначала принадлежим Биснаге, а уже потом — Богу, разве не так? Мы говорим так. Некоторые наши главные генералы — тоже *они*, да? И в Пяти Султанатах, там тоже повсюду *мы*. Высокопоставленные особы, лавочники, все. Даже жены у некоторых из них тоже *мы*.

— Мне удалось установить дружеские отно-

шения с Пятью Султанами, — поделился с ней Алия. — Похоже, они боятся Моголов даже больше, чем Ачьюта, и это при том, что Бог у них один. Я пытался втолковать Ачьюте, что Бог — это не вещь. Быть не завоеванным и уничтоженным, а могущественным и свободным — суть в этом, и для султанов, и для нас. Но он твердит лишь одно *Калиюга, Калиюга*, над нами нависли темные времена, приближаются демоны, и нам нужно молиться Господу Вишну, чтобы он явился и избавил нас от страданий, которые несет с собой Тьма. Мы должны молиться, чтобы, когда мы сражаемся против *них*, с нами пребывала его сила и мы смогли сокрушить их всех. Все равно что четырехлетний ребенок возьмется трактовать священные книги. “Сокрушить их всех?” Было бы глупо совершить это, даже если бы оно было. “Сокрушить их всех” — все равно что позвать: прошу вас, приходите прямо сейчас и сокрушите меня. Я разговариваю с султанами уважительно, чтобы и речи не было обо всяких сокрушите-задушите.

— А что он об этом говорит? О твоем… “разговариваю-приговариваю”?

— В последнее время мы мало говорим друг с другом. Это тоже скверно. И вот моя идея. Я пригласил Пятерых Султанов в Биснагу в качестве

наших гостей, они могут стать медиаторами между мной и Ачьютой.

— Однако, супруг мой, прошу прощения, разве это не ужасная идея? Мы будем выглядеть такими слабыми, да?

— Ачьюта будет выглядеть слабым, — ответил Алия, глядя вдаль и улыбаясь невеселой улыбкой. — Не обязательно мы, все остальные.

— Но что если, считая, что царь слаб, они нападут и заберут часть нашей территории?

— Так что же, любезная супруга, тогда это убедит всю Биснагу, что царь занимает не свое место и что его необходимо заменить.

— Так вот каков твой план, — сказала Тирумала Деви, покачав головой. — Не знаю, супруг мой. Люди уже говорят о тебе, что ты слишком хитрый, и это убедит их в этом, разве нет?

— Люди согласятся принять *хитрого*, — отвечал Алия, — если он будет *способен справиться*.

Тирумаламба Деви поняла, что вести спор дальше бессмысленно.

— Ты сказал царю? — спросила она.

— Собираюсь сообщить ему прямо сейчас.

— Но он ни за что не согласится, ведь так? Он *не настолько* глуп.

— Султаны уже в пути, — объяснил Алия. — Я

уже отдал распоряжения об их грандиозной встрече и банкете. Они будут здесь завтра.

Тирумаламба Деви встала и стала собираться, чтобы провести день с Пампой Кампаной в *матте*.

– *Хитрый* — этого слова для тебя недостаточно, — заявила она уходя, — возможно, ты еще и *подлый.* И *расчетливый.* Может, и *коварный тоже.* Не то чтобы вы были "Да и Нет", больше похоже, что, когда он говорит: "Нет", ты говоришь: "Тогда берегитесь удара в спину".

— Благодарю, — отвечал Алия Рама Райя с легким поклоном. — Ты умеешь польстить, когда захочешь.

И он опять улыбнулся своей тонкой загадочной улыбкой.

— Сегодня мне понадобится зонт, — сообщил он, — но я все равно промокну. Тебе тоже нужно взять зонт. Судя по тому, как ты себя ведешь, на твою голову может обрушиться не только дождь, но и все небо.

Государственный визит Пяти Султанов Декана — правителей Ахмеднагара, Берара, Бидара, Биджапура и Голконды — не продлился долго, однако за ним последовали большие перемены. Старый Адиль-шах Биджапурский, которо-

го Кришнадеварайя разгромил при Райчуре, прибыл в сопровождении небольшой армии, облаченный в одежды с пятнами от былых сражений. Еще более древний Кутбшах из Голконды привез с собой еще более внушительные силы и прибыл облаченный в сияние бриллиантов. Они оба выглядели как люди, которым, чтобы казаться сильными, нужно демонстрировать свои вооруженные силы, и потому оба выглядели слабыми. Хусайн-шах Ахмаднагарский и Дарийа Берарский плохо себя чувствовали и выглядели людьми, которым не суждено прожить долго. Али Берид из Бидара был самым молодым, здоровым и надежным среди этой пятерки. Он прибыл в сопровождении самой маленькой свиты, словно говоря этим правителям Биснаги: *вы не посмеете*.

Не успели они прибыть, как Ачьюта Дева Райя, взбешенный придуманной Алией Рамой Райей стратагемой, заявил им, что не нуждается в их услугах.

— Ну вот, вы здесь, ладно; это была не моя идея, но уж как есть, — заявил он им в своей неотесанной манере. — Однако мы не нуждаемся в советах от людей вроде вас. Вы зря проделали свой путь. Ужасно. Побудьте тут немного, отдохните, вече-

ром поедим вместе и можете ехать обратно.

А вот что он думал: *Четверо больных стариков и ребенок. Бояться тут нечего.* У него также промелькнула целая серия неприятных мыслей насчет последователей *той* религии, повторять которые здесь нет необходимости. У Пяти Султанов также наверняка возникли не менее неприятные мысли на его счет.

Тем вечером за ужином Алия Рама Райя по очереди побеседовал с каждым из султанов. Вскоре он знал, что Хусайншах Ахмаднагарский и Дарийа Берарский свысока смотрят на Али Берида из Бидара и Адиль-шаха из Биджапура, поскольку основы их династий заложили бывшие иностранные рабы (их предки-рабы прибыли из Грузии). Кутб-шах из Голконды свысока смотрел на Хусайн-шаха и Дарийю, поскольку самые предки Кутба были индуистами из высшей варны брахманов, да правители султаната в Бераре тоже были принявшими ислам индуистами. Кутб-шаха ненавидели и боялись все четверо оставшихся султанов из-за богатства и могущества Голконды. Казалось, что всем пятерым было приятнее беседовать с Алией, чем друг с другом. Что касается Ачьюты, тот сел на дальнем конце стола, подальше от гостей, и напивался. По его

мнению, это был единственный способ пережить этот кошмарный вечер.

Алия Рама Райя подумал: *Как интересно: они на самом деле не любят друг друга. Нам следует продолжать в том же духе.*

Снаружи разразился ливень. Крыша банкетного зала, как оказалось, нуждалась в ремонте и плохо защищала от дождя. В нескольких местах вода просочилась в зал. Дворцовая прислуга начала носиться с ведрами и швабрами. Над головами султанов Биджапура и Голконды пришлось держать зонтики. Все это никак не улучшило общего настроения.

Царь Ачьюта был прав. Вечер оказался кошмарным. На следующий день еще до рассвета Пять Султанов уехали, они злились из-за бессмысленного путешествия.

Адиль-шах из Биджапура думал: *Биснага находится в ужасающем положении, там внутренний раскол, она обветшала, в крышах дыры, никто ничего не понимает. Возможно, настало время предпринять решительный шаг.*

Этот банкет оказался значим еще по одной причине. Это было последнее государственное мероприятие, на котором присутствовала теперь уже очень старая Нагала Деви, она сидела между

своей мрачной дочерью, бывшей царицей Тирумалой Деви, и сдержанной, хотя и сохранявшей милое выражение лица внучкой Тирумаламбой Деви. Все три женщины держались прямо, ели мало, пили еще меньше, не произнесли ни слова и быстро удалились. Той же ночью Нагала Деви умерла.

Старая дама отошла в мир иной тихо, ночью, она лежала в постели и слушала, как в перерывах между дождем квакают лягушки.

— Это единственное, что она сделала тихо за всю свою жизнь, — сообщила ее внучка Тирумаламба Пампе Кампане в *матте* перед тем, как расплакаться. — Ты же можешь продолжать любить кого-то, даже если чувствуешь, что этот человек не любит тебя, ведь так? — рыдала она. — Наверное, от этого еще хуже. Если бы ты перестала их любить, было бы не так больно. Когда я была маленькой девочкой, я садилась у ее ног, а она рассказывала мне истории, и она водила меня и показывала разные вещи. Она была тогда другой. Возможно, она чувствовала себя счастливее. Она рассказывала мне об архитекторе Тирумалайе, который пять сотен лет назад построил наш великий храм, по крайней мере, так она говорила. А потом отвела в этот храм и все там показала, все,

что там есть, даже святилище, где находится бог и семиглавый змей. Еще она водила меня к прекрасному водопаду. Срирангапатна — остров на реке Кавери, река разделяется возле нашего дома, а потом снова сливается в единый поток. Это она рассказала мне, что в месте, где соединяются два потока, благоприятнее всего развеивать пепел. Она водила меня туда и показала место, откуда это лучше делать. Теперь мы должны отнести ее туда и развеять над водою.

— Поговори со своей мамой, — убеждала ее Пампа Кампана. — Она потеряла мать, и ей очень нужно, чтобы дочь была рядом.

— Теперь ты моя мама, — заявила Тирумаламба Деви, — а я — твоя дочь.

— Нет, — не согласилась с ней Пампа Кампана, — не сегодня.

Тирумаламба застала свою мать Тирумалу Деви в спальне, та находилась там в одиночестве, с сухими глазами и такая же непробиваемая, как запертая дверь.

— Твоя бабушка пожертвовала собственным браком, чтобы приехать сюда и жить в Биснаге со мной. Она любила твоего дедушку, а он до сих пор любит ее, и все же они оба решили, что она должна поехать со мной и убедиться, что я в

безопасности в этом адском месте, в котором, как все считали, мы были просто пленницами.

— Мы должны сейчас отвезти ее обратно к мужу, — сказала Тирумаламба.

— Я тоже хочу вернуться, — призналась ей мать. — Ты не хочешь меня видеть, я не нужна тебе, и для меня больше нет здесь места. Немногие оставшиеся мне годы я хочу провести дома, снова стать дочерью своего отца, и мы сможем утешить друг друга в нашей потере.

— Спроси у царя, — посоветовала Тирумаламба. — Я уверена, он разрешит.

Не было ни объятий, ни совместных слез. Некоторые раны слишком глубоки, чтобы их можно было излечить.

Тирумала Деви попросила аудиенции у Ачьюты. Он принял ее формально, остался сидеть на троне все время, пока она стояла перед ним, как обыкновенный проситель. Она оставила без внимания это оскорбление и говорила с ним уважительно.

— Поскольку и мой муж, и моя мать покинули нас, — начала она, — я прошу у вас разрешения вернуться в дом моего отца, я сделала здесь все, что была должна.

— Нет, не все, — заявил Ачьюта, выковыривая

из зубов остатки мяса. — Твое пребывание в Биснаге заставляет твоего отца держать слово. Пока ты среди нас, он не осмелится нарушить наше соглашение или выступить против нас.

— Я должна развеять пепел своей матери над водами Кавери, — пояснила Тирумала Деви. — Это было ее последней волей, и мне надлежит исполнить ее.

— Здесь тоже есть священные реки, — безапелляционно заявил царь. — Развей ее над водами Пампы или Кришны. Они отлично подойдут тебе для этого. Нет никакой необходимости ехать так далеко на юг.

— То есть я — ваша пленница, — сказала Тирумала Деви, — или, точнее говоря, заложница.

— Ты — мирный договор во плоти, — уточнил Ачьюта. — Думай об этом именно так. Тебе должно стать легче. Ха! Ну, или не должно.

И бывшая старшая царица возвратилась в свои покои, где ее и застала дочь; лицо у царицы по-прежнему оставалось каменным.

— Значит, он отказал, — поняла Тирумала Деви. — Я поговорю с Алией. Он непременно что-нибудь придумает.

Однако выяснилось, что это — тот редкий случай, когда два спорящих главы Биснаги говорили

одно и то же.

— Он прав, — заявил Алия Рама Райя своей супруге. — Если мы потеряем твою мать, потеряем и Виру. До нас уже доходят слухи о его растущем вероломстве. Ей придется остаться.

— У вас есть я, — возразила она. — Неужели этого недостаточно?

— Нет, — ответил Алия, даже не попытавшись смягчить удар. До тех пор, пока я по-настоящему не стану царем и не займу Львиный трон.

— Я думаю, ты хотел сказать “если я стану”, — поправила его царевна.

— Если бы я хотел сказать “если”, — отвечал он, — то не сказал бы “пока”.

Тирумаламба ушла сообщить грустную новость Тирумале Деви.

— Он не поможет, — сказала она, и ее мать даже не попыталась скрыть своего презрения.

— То есть ты по-прежнему второй сорт, — сказала Тирумала Деви своему единственному выжившему ребенку. — Будь жив мой сын, уверена, я находилась бы в совершенно другом положении.

Ее дочь повернулась, чтобы уйти.

— Не беспокойся обо мне, — говорила ей вслед Тирумала Деви. — Я знаю, как выбраться отсюда

без чьей-либо помощи.

Затем она отвернулась к окну и стала наблюдать, как идет дождь — невозможный, неумолимый, непрекращающийся дождь. Ее нашли на следующее утро мертвой в собственной постели, в руке у нее был небольшой пузырек из-под яда, столь смертоносного, что к нему не существовало противоядия. Вот так сбылось пророчество Кришнадеварайи. *Отравитель всегда заканчивает тем, что выпивает яд сам.*

Алия Рама Райя вместе с хорошо вооруженным почетным караулом сопровождал Тирумаламбу Деви в ее насквозь пропитанном дождем путешествии в Срирангапатну с прахом матери и бабушки. Царь Вира встретил их с не менее внушительным войском и сопроводил к месту слияния двух течений Кавери. Внезапно дождь прекратился, тучи рассеялись, и открылось ясное небо, словно кто-то раздвинул занавес, словно небеса отдавали последние почести двум царицам. После того как пепел был развеян, были прочитаны молитвы и состоялись поминки, а на следующий день прибывшие отправились обратно в Биснагу.

— Мне грустно говорить тебе об этом, но твой дед Вира очевидно собирается нарушить условия

нашего союза, — сказал Тирумаламбе Алия, когда они отдалились от Срирангапатны на безопасное расстояние. — Теперь, когда я увиделся с ним лицом к лицу и взглянул в его предательские глаза, у меня нет в этом никаких сомнений.

“Джаяпараджая” сообщает нам о том, как закончилась история царя Вирапподейи, в манере, которую можно охарактеризовать как исключительно краткую. Быть может, Пампа Кампана изложила ее столь емко, чтобы лишний раз не огорчать его внучку, либо, что тоже возможно, это Тирумаламба Деви сократила рассказ, когда записывала его. Вот что там говорится: царь Вира и вправду заявил, что расторгает соглашение с Биснагой, и приказал биснагским батальонам, дислоцированным в Срирангапатне, отступить. Как только это случилось, могущественный сосед, правитель Майсура, увидев, что в Срирангапатне больше нет дополнительных сил армии Биснаги, с большой армией напал на нее, сверг царя Виру и включил Срирангапатну в состав княжества Майсур. В тексте ничего не говорится о судьбе Виры. И мы не можем сказать, была ли его голова отрублена, набита соломой и выставлена в Майсуре в качестве трофея.

В результате этого трагического происшествия

южная граница империи Биснага осталась незащищенной и уязвимой, и уверенность и сила ее врагов возросли.

Как ни грустно, с течением времени царь Ачьюта все сильнее погрязал в своих дурных привычках. В своей монашеской келье в Мандане Пампа Кампана слушала, о чем шепчется город, и знала обо всем: как Мадхава Ачарья, чей взгляд на сожжение вдов сильно изменился под влиянием все более тесной дружбы с Пампой Кампаной, не дал Ачьюте бросить всех вдов Кришнадеварайи на его погребальный костер, и тогда тот вышвырнул их из дворца, чтобы они — все, даже высокопоставленные, а теперь уже и престарелые ненастоящие *гопи* бога Кришны — добывали себе пропитание на улицах. После этого он обзавелся пятью сотнями собственных жен и проводил большую часть дня, когда не спал, предаваясь с ними неге. (Они жили в пристроенных ко дворцу комнатах, похожих на монашеские кельи, и когда не были задействованы во всяческих царских непристойностях, вели жизнь, скорее похожую на жизнь давших обет безбрачия монахинь.) Царь также начал требовать, чтобы его высокопоставленные придворные ежедневно целовали его ступни, что,

скажем так, не являлось приятным требованием. Готовым с неподдельным энтузиазмом лобызать царские ноги вручали в качестве подарков веера из хвостов яка, и не будет преувеличением сказать, что те дворяне, которым были пожалованы такие веера, были также и теми, кто ненавидел царя сильнее всех. Царь спал на кровати, изготовленной из единого куска золота, отказывался больше одного раза надевать одни и те же одежды, а его расходы на роскошную жизнь при дворе были настолько велики, что его министрам пришлось поднять взимаемые с граждан налоги, после чего Ачьюту возненавидел народ. Пиры при дворе закатывались почти каждый вечер, на каждом съедалось по семнадцать перемен блюд и выпивалось много вина; пока царь со своими приближенными лакомился олениной, куропатками и голубями, простым людям приходилось питаться кошками, ящерицами и крысами, которых продавали на городских рынках живыми и брыкающимися, чтобы люди знали, что они, по крайней мере, едят свежее мясо.

Пампа Кампана тоже менялась. Все чаще ее стихи, которые приходила записывать Тирумаламба Деви, были не более чем причитаниями о ее проклятом даре долголетия, об обязанности

продолжать жить до горького финала.

— Я вижу его, — рассказывала она Тирумаламбе Деви, — как будто он уже случился. Вижу поврежденный *гопурам* в храме Виттхалы, вижу разбитые статуи Пампы и Ханумана, вижу сожженный Лотосовый Дворец. Но я должна ждать, чтобы время не настигло меня раньше, чем я запишу это.

— Возможно, этого не произойдет, — возразила Тирумаламба Деви, расстроенная ее видениями о разрушениях. — Может быть, это был просто дурной сон.

Пампа Кампана милостиво не стала спорить.

— Да, — согласилась она, — может, и так.

В ее внешности были все более заметны многие признаки глубокой старости. Женщина, которую Тирумаламба видела перед собой, несмотря на обезображенное ослепленными глазами лицо, все еще выглядела на тридцать с небольшим, однако Пампу Кампану перестало заботить то, как она выглядит. Иллюзия юности утратила для нее важность. Ей больше не нужно было заботиться изучением своего идиотически молодого отражения, и она свободно могла существовать старой каргой, каковой себя и ощущала. Ее кожа сохла, из-за чего она расчесывала ее. Ее суставы

хрустели, и она жаловалась на этот хруст. У нее болела спина, и когда она вставала, чтобы идти, ей требовалось опираться на палочку, и она не могла распрямить свое тело.

— В целом в моем возрасте все должно быть значительно хуже, — говорила она Тирумаламбе. — Черт с ним, все и так достаточно плохо.

У нее также началось что-то вроде сонной болезни. Порой Тирумаламба находила ее лежащей ничком без сознания, и когда болезнь только начиналась, Тирумаламба пугалась, поскольку думала, что старая дама умерла, однако затем тяжелое дыхание Пампы Кампаны успокаивало ее. Иногда Пампа Кампана могла проспать несколько дней подряд, постепенно этот промежуток увеличился до нескольких недель и даже месяцев, а проснувшись, она была голодна, как слон. Тирумаламбе такой сон казался неестественным, словно посланным небесами, возможно, в качестве дара, чтобы Пампе Кампане было легче скоротать время, которое должно было пройти до ее окончательного освобождения от чар богини.

Именно во время этих долгих периодов сна Пампа Кампана видела будущее. Так что этот сон не был полностью дающим упокоение.

К этому времени Тирумаламба уже также была

немолода, она тоже жаловалась на здоровье, не плохие зубы и пищеварение, но держала свои жалобы при себе, позволяя старой женщине выпустить свою ярость.

— Может быть, ты просто продолжишь рассказывать мне свою историю, — вкрадчиво убеждала она, — и от этого тебе станет немного легче.

— Я видела сон, — поделилась Пампа Кампана. — Ко мне приходили два *яли*, не деревянные или каменные идолы, а живые *яли*.

Ей и раньше снились *яли*, и она была счастлива рядом с этими сверхъестественными существами, наполовину львами, наполовину лошадьми со слоновьими хоботами, которые, как считают люди, охраняют последние врата.

— Они пришли, чтобы успокоить меня. “Не волнуйся, — сказали они, — когда придет время, мы явимся и переведем тебя через порог в Царство Вечности”. Это успокаивает.

Воспоминания победили ее дурное настроение.

— Да, — сказала она, — давай продолжим.

После этого, к изумлению Тирумаламбы, она процитировала Сиддхартху Гаутаму, именно из-за этого в “Джаяпараджае” содержатся Пять Воспоминаний Будды, или их своеобразная вер-

сия, хотя это вовсе не буддийский текст.

Стареть — часть моей природы. Этого нельзя избежать.

Болеть — часть моей природы. Этого нельзя избежать.

Умирать — часть моей природы. Этого нельзя избежать.

Нельзя избежать, что меня разлучат со всеми, кого я люблю, и со всем, что для меня дорого.

Мои поступки — это все, что на самом деле у меня есть. Мои поступки — почва, на которой я стою.

Адиль-шах из Биджапура поклялся не выпить ни капли вина до тех пор, пока он не вернет себе Райчур. Для него это было непросто, поскольку он был человеком, любившим хорошее вино, и с ним часто случались искушения нарушить данный обет, однако он так этого и не сделал. После неприятной встречи Пяти Султанов в Биснаге, на которой Ачьюта и другие цари обильно выпивали, Адиль-шах, который оставался трезвым в течение всего этого очень долгого и неловкого вечера, решил, что пришло время действовать. Он никогда не забывал унизительное послание, полученное им от Кришнадеварайи, *Поцелуй*

мои ноги, и решил, что его выродку-преемнику, который был настолько влюблен в целование ног, что заставлял унижаться даже своих самых высокопоставленных придворных, необходимо преподать урок хороших манер, который Кришнадеварайя так и не усвоил.

Он собрал свои силы и напал на Райчур. Неожиданное прибытие армии Биджапура застало войска Биснаги врасплох, и они были быстро разгромлены. В течение следующих нескольких недель весь регион Райчур-*доаб* вновь перешел под контроль Биджапура, и Адиль-шах, встав у знаменитого источника пресной воды в Райчурской крепости, заявил:

— Сегодня из этого источника будет течь не вода, а вино.

Дела у Ачьюты Девы Райи шли из рук вон плохо. Он не только потерял Райчур, который Кришнадеварайя считал жемчужиной в своей короне, так к тому же правитель Майсура, разгромивший на юге царя Виру, вынашивал планы дальнейшей экспансии, а в Гоа появился новый португальский вице-король, дон Константин де Браганса, который не довольствовался тем, что торговал лошадьми, но присматривался ко всему западному побережью и взращивал собственные

имперские амбиции.

Ачьюта ничего не предпринял, поскольку боялся действовать. Он не пользовался популярностью ни при дворе, ни на улицах, ни среди военных, и его бездействие привело к фатальным последствиям. Алия Рама Райя воспользовался моментом, сверг его с трона и отправил гнить в Чандрагири. Там он и умер вскоре. И вот на трон Биснаги взошел ее последний правитель.

21

И вот уже Алия Рама Райя поднимается, чтобы стать Львом на Алмазном Троне. Или Алмазом на Львином Троне. Одновременно с этим Пампа Кампана, рассказывавшая историю Биснаги, и Тирумаламба Деви, записывавшая ее, дошли в своем рассказе до описания настоящего момента. Стихи, описывающие падение Райчура и восход агрессивного португальского вице-короля на западе и принца на юге, были записаны твердой рукой, а коронация нового царя описывалась в то же время, когда происходила. (Мы можем с уверенностью предположить, и, судя по имеющейся у нас рукописи, так оно и есть, что стихи, повествующие о смерти в изгнании в далеком Радж-Махале форта Чандрагири нелюбимого Ачьюты, были добавлены позже, уже после того, как произошло это никем не оплакиваемое событие.)

С восшествием на трон Алии при дворе ожидаемо произошли большие перемены. Тирумаламба Деви теперь стала царицей Биснаги, так что пять сотен жен Ачьюты были освобождены от своих обязанностей и выпущены из своих келий, и Алия, человек по натуре суровый и двуличный,

предпочел не заводить никаких жен, кроме своей царицы, что было отступлением от давно установившейся практики, но добавило ему при этом популярности, а если его двуличие и толкало его искать тайных любовниц, нам о них ничего не известно. Тирумалабма Деви, избавившаяся от тени, которую отбрасывали на нее мать и бабушка, печально известные царицы-отравительницы, была также любима народом. Благодаря работе по записыванию стихов Пампы Кампаны ее любили многие, и она намеревалась сделать свое правление таким, при котором будут процветать литературное и архитектурное искусство. Было похоже, что Биснага снова вступает в эпоху своей славы.

(Рассказывают, что неизлечимо больные в час перед смертью внезапно приходят в себя, и их близкие начинают с радостью верить, что, возможно, их ждет чудесное выздоровление; однако затем они снова падают на подушку, бездыханные, мертвые и холодные, как пустыня зимой.)

Пампа Кампана снова перебралась во дворец, на этом настояла Царица Тирумаламба Деви, она также настояла, чтобы Пампа Кампана заняла покои, предназначенные царице Биснаги.

— Мы должны показать всей Биснаге, что

любовь побеждает ненависть, — сказала она. — Последнее слово не должно быть за иррациональным гневом, рациональность должна ответить ему, и, да, за ремонстрацией следует мирное соглашение. К тому же я хочу лично продемонстрировать это тебе, потому что я — твой писец и всегда им буду, я буду всегда сидеть у твоих ног, поскольку истинная царица — это ты, есть и всегда будешь.

— Я сделаю так, раз ты этого хочешь, — согласилась Пампа Кампана, — только не надо заботиться о моем комфорте, и я уже давно не ощущаю себя ничьей царицей.

У них было немного работы. Книга заканчивалась сегодняшним днем, а правление Алии только начиналось, так что записывать было особо нечего.

— Я видела во сне будущее, — сообщила Пампа Кампана Тирумаламбе, — но будет неправильно писать о нем раньше, чем оно придет.

Царица взмолилась:

— Хотя бы просто расскажи мне, чтобы я была готова к грядущему, каким бы оно ни было.

Пампа Кампана долго не соглашалась. Наконец она сказала:

— Твой муж, моя дорогая, совершит фатальную

ошибку. Ему понадобится много времени, чтобы совершить ее. Иногда будет казаться, что это вовсе не ошибка, но в конце концов она приведет к нашему уничтожению. Ты не сможешь удержать его, не смогу и я, поскольку мир на самом деле устроен так, что люди поступают согласно своей природе, ровно так и произойдет. Твой муж поступит согласно своей природе, ты сама говорила, что он *хитрый, подлый, расчетливый* и *коварный*, и это нас погубит. Сейчас мы переживаем момент, предшествующий катастрофе. Наслаждайся им, пока он длится, поскольку он может продлиться двадцать лет, и в течение этих двадцати лет ты будешь царицей величайшей империи, которую когда-либо видел наш мир. Однако глубоко внутри будет совершаться ошибка. Ты будешь уже старой, когда придет конец света, а мне наконец будет позволено умереть.

Тирумаламба закрыла лицо руками.

— Какую жестокую вещь ты мне рассказала, — рыдала она.

Пампа Кампана оставалась суровой, ее глаза были сухи.

— Тебе не следовало просить меня рассказать об этом, — отвечала она.

Наблюдая за разногласиями между Пятью Сул-

танами во время неприятного ужина с Ачьютой Дева Райей, Алия Рама Райя просчитал, что лучший способ защитить северную границу Биснаги — сделать так, чтобы эти разногласия никогда не были устранены. Пока эти пятеро ссорятся между собой, он легко справится с любыми угрозами со стороны Майсура на юге и португальского вице-короля на западном побережье. И он написал всем пятерым с тем, чтобы протянуть руку фальшивой дружбы. “Теперь, когда несчастный Ачьюта не стоит у нас на пути, — писал он, — у нас нет причин для вражды. У каждого из нас есть свое царство, и каждый из нас богаче, чем нужно. Пришло время дружбы. Стабильность ведет к процветанию”.

Когда он рассказал Тирумаламбе о том, что сделал, ее воспоминания о пророчестве Пампы Кампаны были еще свежи, и она заволновалась.

— Ты и правда думаешь так, как говоришь? — спросила она. — Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы в это поверить. Значит, это начало какой-то жуткой комбинации.

— Комбинации — да, — ответил ей муж, — жуткой — нет. Пожалуйста, просто прими это, я не только старше тебя на тридцать лет, я еще и самый мудрый в нашем союзе. Так будь добра,

занимайся поэзией, танцами, музыкой, строй храмы, если тебе это нравится, а государственные дела оставь мне.

Это было надменное, оскорбительное и унизительное заявление. Ей ничего не оставалось, как просто сохранять достоинство.

— Будь осторожен, — заявила она ему уходя, — иначе твоя мудрость нас всех уничтожит.

Вначале Алия хотел отомстить за потерю Райчура и поэтому, притворившись союзником, располагающим информацией о вероломных намерениях Адиль-шаха, убедил султанов Ахмаднагара и Голконды напасть на Биджапур.

Затем он убедил Ахмаднагар перейти на другую сторону и заключить мир с Биджапуром, чтобы вместе напасть на Голконду.

Позднее, когда младший брат Кутб-шаха Голконды Ибрагим поссорился со своим старшим братом, Алия помог ему получить убежище в Ахмаднагаре, что привело к еще одной войне между этим султанатом и Голкондой.

Когда все выдохлись от войны, Алия убедил Адиль-шаха Биджапурского потребовать у Хусайн-шаха Ахмаднагарского две крепости, а тот, как и предполагал Алия, презрительно отказался, и таким образом между Биджапуром и Ахмадна-

гаром снова вспыхнул конфликт.

Во всем регионе Пяти Султанатов царила суматоха, именно этого и хотел Алия. В каждом из султанатов он подстрекал не особенно родовитых дворян восстать против своего султана, так что государствам приходилось не только воевать между собой, но и вести гражданские войны.

Так проходили годы. Португальцы разорили Малабарское побережье и убили большинство жителей Мангалора, однако Алия не вмешивался. Он заключил мирный договор с вице-королем Константином де Браганса и предпочел игнорировать ужасы, которые творила в Гоа бесчинствующая инквизиция, его устраивало, что иностранцы дестабилизировали обстановку на западе и этим сильно отвлекали внимание султанов.

Он также вынудил Ахмаднагар и Биджапур снова напасть на Голконду, а затем вел тайные переговоры о том, чтобы Биджапур и Голконда заключили союз, который приведет к унизительному поражению Ахмаднагара.

А годы шли и шли.

Махинации Алии продолжались, и благодаря его заговорам война между султанатами, с многочисленными невообразимыми и разорванными

союзами и сменой сторон, продолжалась. И после каждой победы, после каждого поражения из рук в руки переходили земли, крепости, золотые рудники и слоны, взымалась выплачиваемая золотом и драгоценными камнями дань, что позволяло Алие Раме Райе, который по-прежнему твердил всем сторонам о своей дружбе, разжигать дальнейшие конфликты, чтобы вернуть себе утраченные территории, богатство и славу.

Годы шли. Все состарились. Тирумаламба Деви больше не осмеливалась расспрашивать Пампу Кампану о грядущей катастрофе, но понимала, что она уже близко. Пампа Кампана небрежно описывала в стихах битвы Пяти Султанатов, а Тирумаламба должным образом записывала их и складывала страницы в старую суму, в которой хранилась великая книга. А Алия Рама Райя праздновал свой девяностолетний юбилей, он был горд тем, что Биснаге не угрожает опасность со стороны султанатов, которые ненавидят друг друга сильнее, чем ненавидят его.

— Эту стратегию, — сообщил он Тирумаламбе Деви, — я назвал “Разделяй и властвуй”.

В один из дней 1564 года старый Адиль-шах из Биджапура пережил момент ослепительной ясности. Он собрал свою семью и ближайших

советников и обратился к ним как человек, которому боги — или, в его случае, его единственный бог — даровали момент откровения.

— Как же слепы мы были! — заявил он. — Причиной того, что мы постоянно сражаемся друг с другом, как кошки с собаками, на протяжении последних двух десятилетий, был один человек, который притворяется нашим другом.

Он незамедлительно направил послание Кутб-шаху в Голконду. “Этот старый интриган дурачил нас достаточно долго, — писал он буквально. — Нам не под силу победить его по одному, но если мы объединимся, то наверняка одолеем его”. Главным врагом Адиль-шаха был Хусайн-шах из Ахмаднагара, однако Кутб-шах выступил как посредник между ними, и было заключено два династических брака — между дочерью Хусайн-шаха Чанд Биби и сыном Адиль-шаха Али, а также между сыном Хусайн-шаха Муртазой и сестрой Адиль-шаха. Когда Али Берид из Бидара узнал об этой новой группировке, он тоже присоединился к ней. Так был рожден великий альянс Четырех из Пяти Султанов против императора Биснаги. Только султан Берара, чей генерал Джахангир-хан был казнен Хусайн-шахом Ахмаднагарским во время войн между султанатами, отказался

присоединиться к нему.

— Мы не позволим никому говорить, — заявил Адиль-шах, когда четыре султана съехались в Биджапуре, чтобы ратифицировать союз, — что мы собрались сегодня вместе во имя нашего единственного истинного Бога и против их многочисленных ложных богов. Если бы речь шла о противостоянии Бога и богов, не было бы наших войн друг против друга — истинный бог против того же истинного бога, — которые продолжались последние двадцать лет. Проще говоря, сейчас мы идем преподать этому коварному лживому ублюдку урок, который он никогда не забудет.

Январь 1565 года. Холодная и сухая зима. Бесчисленные армии альянса отправляются в поход. Местом их встречи была назначена обширная равнина около маленького городка Таликота.

Таликота располагался на берегах реки Дони, в сотне миль к северу от города Биснага. Новости о собирающейся там армии распространились быстро, однако никого в Биснаге они чрезмерно не взволновали. Эти стычки — время от времени они происходят. Возможно, эти Четыре Султана опять решили передраться друг с другом. Как бы то ни было, семь стен Биснаги никому не преодолеть. Беспокоиться не о чем. Дела в городе шли

своим чередом, и караваны запряженных волами повозок отправляли в западные морские порты, не опасаясь, что они могут быть перехвачены. В конце концов — несколько поздно, несколько поспешно — Алия Рама Райя все же мобилизовал свои силы и направил их на север. С ним отправилась армия Биснаги в полном составе, лишь одна группа военных осталась, чтобы защищать стены, которые, как все считали, защищать не придется. У него было шестьсот тысяч пехотинцев, сто тысяч кавалеристов, в основном верхом на обученных закованных в броню боевых слонах, а также артиллерия — пушки, лучники и метатели копий.

— Если они заявятся к нам, — сказал Алия Рама Райя Тирумаламбе Деви, — то узнают, сколь велика на самом деле мощь Биснаги. Следи, чтобы все сохраняли спокойствие. Причин для беспокойства нет.

Причин для беспокойства нет — от этой фразы в сердце Тирумаламбы появился страх. Тем не менее она старалась сохранять мужественный вид и объявила о проведении важных поэтических чтений на сцене у ведущих в Царский квартал ворот, куда приглашались все желающие. К этому времени в живых осталось лишь двое из

поэтов-слонов — “Носовоспеватель” Тиммана и Алласани Педдана, — и, хотя они были старыми и немощными, Тирумаламба настояла, чтобы они выступили перед людьми и продекламировали свои шедевры. Это событие, призванное продемонстрировать непреходящее культурное богатство и непобедимое великолепие Биснаги, на самом деле продемонстрировало обратное. Два беззубых, лысых, изможденных старика с плохой памятью сбивались, читая собственные строчки, пока наконец Тирумаламба раньше намеченного срока не положила этому провалу конец. Это был дурной знак. Беспокойство, для которого, как настаивал Алия Рама Райя, не было причин, быстро охватило город. Раз уж эпоха Слонов, чьи Гении подпирали Небо, подошла к концу, не означает ли это, что небо вот-вот рухнет?

В некотором смятении Тирумаламба Деви отправилась навестить Пампу Кампану и обнаружила, что старая дама поджидает ее на ногах, в руках она держит бумагу, перья и чернила, а через плечо у нее перекинута сума, в которой хранится рукопись, труд всей ее жизни.

— Время пришло, — сказала она. — Давай поднимемся на крышу Слоновьего Дворца.

Опять слоны, подумала Тирумаламба, но не

стала спорить. В одиночестве они благополучно перешли из Царского квартала к зданию с одиннадцатью арками — Пампа Кампана согбенно, опираясь на трость, царица с прямой спиной — и поднялись по лишенной украшений лестнице на крышу; Пампа Кампана поднималась очень медленно, отдыхая после каждых нескольких ступенек, но отказываясь от помощи.

— Поищи гнезда, — велела Пампа Кампана, когда они оказались наверху. — Здесь любят гнездиться *чилы*, совсем рядом с куполами. Голуби Тиммарасу предпочитали жить на крыше дворца. Они никогда не прилетали сюда, потому что здесь были *чилы*.

— Сейчас зима, — сообщила Тирумаламба. — Здесь есть старые гнезда, но они пусты.

— А там есть перья? — спросила Пампа Кампана.

Тирумаламба проверила.

— Да, — ответила она, — несколько есть.

— Возьми их, — приказала Пампа Кампана. — Этот день настал.

Она села, прислонившись спиной к колонне центрального купола, самого большого, напоминавшего небольшой павильончик с башенкой наверху, и протянула Тирумаламбе письменные

принадлежности.

— Пиши, — сказала она. — Битва вот-вот начнется.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Я знаю, — настаивала Пампа Кампана, — знаю уже давно. А теперь пришло время рассказать.

Она повернулась к северу. Легкий бриз овевал ее лицо. Она понюхала ветер, словно он принес весть, о том, что она уже знала. Ее слепые глаза, казалось, во всех деталях видели то, что происходило за сотню миль оттуда.

— Твои сыновья находятся на левом и правом флангах, — начала она. — Тирумала Райя слева, перед ним — армия Биджапура, а Венкатадри справа, ему противостоят Голконда и Бидар. Несмотря на свой солидный возраст, твой муж настоял, что будет командовать армией в поле, и сейчас он едет на боевом слоне в центре, во главе авангарда, брошенного против Хусайн-шаха из Ахмаднагара. Вот как все начинается.

(Следует отметить, что здесь — в первый раз во всем тексте — поэт сообщает нам, что у Тирумаламбы Деви и Алии Рамы Райи было двое детей, оба мальчики, оба уже взрослые, в битве при Таликоте они служили лейтенантами при

своем отце. Можно даже сказать, что подобное опущение в тексте является ошибкой. И все же кто среди нас — после всех прошедших веков — способен понимать, какими причинами могла руководствоваться Пампа Кампана? Возможно, она никогда с ними не встречалась? Возможно, не считала, что они достойны появиться в ее стихах, поскольку до того дня они не совершили ничего стоящего? Как бы то ни было, сейчас они здесь и готовятся к битве.)

– Начинается! — воскликнула Пампа Кампана. Она была похожа на одержимую.

– О, их ружья, их ружья! О, перед ними громадная пушка, а сзади — небольшие поворотные орудия, которые могут стрелять во всех направлениях! А за ними воины с ружьями и лучники! Чужеземцы из Туркменистана, о, это меткие стрелки, они лучше наших португальских наемников! О, их арбалеты намного смертоноснее наших луков! О, у них персидские кони, они разворачиваются гораздо быстрее, чем наши бедные, огромные, медлительные, неповоротливые слоны! О, их копья длиннее наших! О, приближается беда! Беда!

– Армия Биснаги отступает! Нас больше, но их атака ужасна, у них более современное вооруже-

ние, мы отступаем, отступаем!

— Так значит, все закончилось? — рыдала Тирумаламба. — Мы проиграли?

– Мы сражаемся против моря! — возопила Пампа Кампана. — *О, прилив меняется! Наши ракетные батареи бьют по ним! Справа Венкатадри и его тяжелые орудия! О, солдаты Бидара сломлены, они бегут врассыпную! О, Голконда отступает! Браво, храбрый Венкатадри! И Тирумала Райя на левом фланге ничуть не менее храбр! Он собирает силы! Он атакует! Биджапур, место, где родился этот заговор, Биджапур тоже отступает!*

— Ах! Ах! — вскричала Тирумаламба, — так значит, мы побеждаем? Сегодня наш день?

– О, битва в сердце битвы! Вот Хусайн-шах Ахмаднагарский на своем боевом коне несется то туда, то сюда. Только посмотри, как подбадривает он свои войска! Смотри, как они бьются!

— А мой муж, — закричала Тирумаламба Деви. — Что с царем?

Пампа Кампана замолчала и закрыла лицо руками.

— Царь! — во весь голос орала Тирумаламба Деви. — Пампа Кампана, что происходит?

– Увы, царь стар, — причитая, продолжала

Пампа Кампана, — *он стар, а бой длится долго. Он слишком много времени провел верхом на этом слоне.*

— Что случилось? — кричала Тирумаламба Деви. — Расскажи мне сейчас же!

– *Мне жаль нас всех, моя царица.* — Из невидящих глаз Пампы Кампаны текли слезы. — *Царь… царь… ему нужно было пописать.*

— Пописать? Пампа Кампана, ты сказала “пописать”?

– *О, царь слез со своего слона, чтобы облегчиться. Он был на земле. О, тогда появились слоны Ахмаднагара! Твари Хусайн-шаха! Я вижу хобот слона. Он вытягивается! Он обвивается вокруг твоего мужа! Он схватил царя, а струя так и продолжала бежать.*

— Он захвачен? О, день ужаса, день гибели!

– *О, моя царица, моя царица, я не осмеливаюсь сказать то, что должна сказать. Я не могу произнести эти слова, а потом попросить тебя: “Запиши их”.*

— Скажи мне, — велела Тирумаламба Деви, внезапно ставшая совсем тихой и неподвижной, с отсутствующим взглядом в глазах.

– *Они привели царя к Хусайн-шаху. Алия не просил о снисхождении и не получил его. О, моя*

царица, о, дочь моя. Они отрубили ему голову.

Тирумаламба Деви не показала и тени эмоций. Казалось, что она полностью сосредоточена на своей задаче записывать слова Пампы Кампаны.

— Ему голову, — повторила она и записала.

– О, они набили ее соломой, подвесили на длинный шест и стали разъезжать с ней во всех направлениях, чтобы армия Биснаги могла ее увидеть. О, как трагически упал дух у наших мужчин и наших женщин-воинов. Смотри, они прекращают бороться, они отступают, они разворачиваются, они бегут. О, Венкатадри повержен, а Тирумала Райя бежит с поля боя. Он движется обратно в Биснагу. Армии больше нет. Битва проиграна.

— Битва проиграна, — повторила Тирумаламба Деви и записала: — Битва проиграна.

Пампа Кампана вышла из овладевшего ею состояния одержимости, похожего не транс.

— Дочь моя, мне так жаль, — сказала она. — А сейчас ты должна уходить. Когда придет армия альянса, она не должна застать здесь царицу Биснаги.

— Куда же я могу уйти? — спросила Тирумаламба Деви, она совершила невозможное, совладав со своим голосом. — Как я вообще могу куда-то

уйти? Я — дочь и внучка цариц-отравительниц. Я должна закончить свою жизнь так же, как моя мать, я должна выпить свою смерть.

— Ты когда-то сказала, что мечтаешь стать чужеземкой, — ответила Пампа Кампана, — что ты завидуешь их кочевой жизни, тому, что они везде чужие, тому, что у них нет привязанностей. Сейчас ты должна это сделать. Ты должна улететь и скрыться неведомо куда. Подальше отсюда, подальше от убийств и пожаров. Положи перо, которым ты пишешь, и возьми другое. То немногое, что осталось написать, я напишу сама.

— Улететь, — повторила Тирумаламба Деви.

— Так ты сделаешь это? — стояла на своем Пампа Кампана. — Ты должна. Они не должны заполучить тебя.

— А как же ты?

— Никому не нужна старая слепая умирающая женщина, — ответила Пампа Кампана. — Мое время здесь наконец закончилось. Не беспокойся за меня. Бери перо *чила* и можешь улетать.

— Ты в самом деле сможешь это сделать?

— Этот раз станет последним, — произнесла Пампа Кампана.

Тирумаламба Деви поднялась, сжимая в руке перо *чила*.

— Прощай же тогда, моя мама, — сказала она. — Сделай это. Отправь меня подальше отсюда.

Никто не видел, как последняя царица Биснаги поднялась в воздух и навсегда улетела невозможно угадать куда. Даже та, что даровала Тирумаламбе этот последний дар преображения, не могла видеть, как она воспользовалась им. Она опять уселась у башенки-купола на крыше Слоновьего Дворца и записала еще совсем немного.

22

Мадхава Ачарья уже несколько лет как умер, и теперь во главе религиозного комплекса в Мандане стоял новый, молодой Ачарья, при этом в знак уважения монашеская келья Мадхавы осталась нетронутой, там все было так, словно он на минуту вышел за дверь и скоро должен вернуться. Это была маленькая скудно обставленная комната: деревянная койка, деревянный стол, деревянный стул и полка с книгами, его личные экземпляры *итихас*, подборка важнейших священных текстов, среди которых “Махабхарата”, “Рамаяна” и восемнадцать главных и восемнадцать второстепенных *пуран* — те книги, которые, как верили в *матте*, когда-то лично принадлежали самому Видьясагару. Когда, будучи маленькой девочкой, Пампа Кампана впервые попала в пещеру Видьясагара в поисках убежища, он обучал ее традиции по этим самым фолиантам, в которых, как он говорил, содержится мудрость, необходимая для того, чтобы жить в этом мире. Пампа Кампана помнила наизусть много важных отрывков. Именно в эту комнату, к этим книгам и вернулась она после того, как

улетел *чил* — ее друг, ее царица. Она ковыляла с палкой через шумный город, аккуратно перекинув через плечо суму, шла по направлению к семинарии. Она знала, что настали последние дни ее жизни, и искала в старых книгах последнее утешение, хотя и не могла больше их читать. Ей не терпелось в последний раз в жизни взять в руки “Гаруда-пурану”, ведь она думала о том, как Тирумаламба Деви обратилась в птицу, и размышляла о своей собственной надвигающейся смерти — смерти, которая должна была стать последней в ее жизни метаморфозой, — и ей хотелось еще раз продекламировать, как в этой книге говорится о Гаруде, боге в птичьем обличье, и его беседах с Вишну, наиболее склонным к метаморфозам среди всех богов.

Молодой Ачарья по имени Рамануджа, нареченный так в честь легендарного жившего в XI веке святого, приветствовал ее у входа в резиденцию.

— Война проиграна, — сообщила она ему, — скоро здесь будут победители.

Он не спросил у нее, откуда ей это известно.

— Заходите внутрь, — пригласил он, — быть может, им хватит милости, чтобы не убить монахов и не осквернить это святое место.

— Быть может, — ответила Пампа Кампана, — однако не думаю, что наступают времена, когда милость будет в чести.

В город прибыл умирающий гонец, он пробежал сотню миль от поля боя в Таликоте и умер сразу же, едва успев сообщить новость о поражении. После этого город погрузился в хаос. Армия Четырех Султанатов была на подходе, а армия Биснаги обратилась в бегство, сотни тысяч воинов в произвольном порядке затерялись в бескрайней сельской местности. Защитить город от надвигающейся на него орды могли теперь только семь рядов стен. Однако солдаты на стенах испугались и тоже бежали; тогда люди в первый раз осознали, что никакие стены не спасут их, если на них не будет людей; поняли, что в конечном счете спасти людей способны только другие люди, но никак не *вещи*, какими бы большими и внушительными — и даже волшебными — эти вещи ни были.

Когда расползлась весть о том, что защитники стен бежали, весь город охватила паника. Улицы были залиты толпами, люди тащили пожитки, грузили телеги, запрягали волов, воровали лошадей, хватали все, что можно было схватить, и бежали, бежали прочь. Миллион человек, в

отчаянье пытающихся спастись бегством, бежать куда угодно, даже понимая, что империя рушится и спрятаться будет негде. Мужчины и женщины плакали, не таясь, дети кричали, и еще до прибытия врага началось мародерство, ведь жадность существует и может быть даже более мощной движущей силой, чем страх.

В один из дней, последовавших за катастрофой при Таликоте, в Биснагу вернулся Тирумала Райя, оставшийся в живых сын Алии Рамы Райи и Тирумаламбы Деви, раненный в руку и ногу, с забинтованной головой, он все же оставался в седле и прибыл в сопровождении небольшого отряда из двух десятков верных солдат, которые помогли ему добраться до Биснаги, подальше от места кровавого разгрома; это был свирепый отряд, состоящий из людей из прежних времен, которым с боем удалось выбраться с поля битвы, во главе которого стояли наиболее свирепые представители ушедшего времени — почти такой же огромный потомок Тиммы Огромного, Тимма Почти-Такой-Же-Огромный, и кровная родственница Улупи Младшей, Улупи-Еще-Более-Младшая.

— Ворота в город, все семь, стоят нараспашку! — заорал Тирумала Райя посреди большого

базара. — Нам нужны хорошие мужчины, и хорошие женщины тоже, чтобы закрыть ворота и защитить город! Кто готов? Кто со мной?

Никто не обратил на него внимания, даже несмотря на то, что, поскольку его отец и брат были мертвы, с технической точки зрения он был их царем. Это был нелепый голос из другой эпохи, прожитой этим миром, эпохи уверенности, мужества и чести. В новую эпоху — эпоху, наступившую всего один день назад, — каждый был сам за себя, каждый мужчина и каждая женщина. Царь на своем коне мог с таким же успехом быть и призраком, и каменной статуей. Горожане толпились вокруг, не обращая на него никакого внимания. Он не был героем, вернувшимся с войны. Он был набитым дураком.

Тирумала Райя поменял свой план.

— Мы должны сейчас же пойти в сокровищницу, — заявил он, — и собрать там столько золота, сколько сможем. Потом нам нужно отправиться на юг, в Срирангапатну. Это царство, где правит моя семья, и султаны не рискнут пойти туда за нами, так далеко от своих собственных земель. Нас там примут, и мы будем в безопасности, а с золотом мы не будем ни от кого зависеть, и сможем восстановить армию, и начать освобождать

империю от врагов.

— Ваше Величество, — ответил ему Тимма, — простите нас за эти слова, но нет.

— Наше место здесь, — сказала Улупи. — Мы встанем у ворот города, встретим врагов лицом к лицу и заставим их черные сердца трепетать от страха.

— Но враг, возможно, сильнее нас на полмиллиона солдат, — закричал Тирумала Райя, — и он отлично вооружен и окрылен победой. А вас всего-то пара дюжин. Вас сразу же убьют, и вы не добьетесь ровно ничего, кроме собственной смерти.

— Пять сотен тысяч их против двадцати пяти нас, — задумчиво произнесла Улупи. — Звучит разумно. Что скажешь, Тимма?

— Вполне справедливо, — ответил Тимма. — Шансы мне нравятся.

Молодой царь несколько мгновений хранил молчание. Потом он сказал:

— Вы совершенно правы. У этих ублюдков нет шансов.

— А как же сокровищница? — поинтересовалась Улупи.

— Черт с ней, с сокровищницей, — ответил Тирумала Райя. — Пошли к воротам.

На третий день после битвы при Таликоте армия альянса была у ворот Биснаги. Пампа Кампана стояла в келье Мадхавы Ачарьи, прижимая к груди “Гаруда-пурану”, словно закрываясь щитом. Шум, который издавали прибывавшие мародеры, походил на вой тысячи волков, а крики отчаянья жителей города — на предсмертные вопли беспомощных овец. Она слышала крики тех, кто не мог поверить, что семь стен рухнули, рассыпались, точно пыль, как будто их магия не могла существовать среди охватившего город отчаянья, словно у основания их поддерживали уверенность и надежда, а когда они исчезли, иллюзия больше не могла существовать. Когда стены пали, небо наполнилось грохотом штурма. Где-то в грандиозной какофонии смерти затерялся последний отряд в две дюжины бойцов, они сражались в своей последней битве под предводительством последнего царя, пока не прибыл возвещающий конец ангел, сама Смерть, которую в древних сказаниях называли *Разрушительницей Наслаждений и Истребительницей Обществ, Опустошительницей Жилищ и Хранительницей Кладбищ*. Смерть. По улицам текли потоки крови, в небе было полно стервятников, казну разграбили и забрали все, что можно было взять, включая

человеческие жизни. И были пожары, они сжирали здания из кирпичей и дерева, оставляя только каменные фундаменты. Казалось, это длится вечно, хотя возможно, это было шесть месяцев, или шесть часов, или шесть дней, что грохот от разрушения дворцов, статуй и всего, что было прекрасно, будет звучать всегда. Огромные статуи Господа Ханумана и богини Пампы разбили на такие мелкие кусочки, что даже не верилось, что они вообще когда-то существовали. Базар сожгли, "дом чужеземца" сожгли; почти все, что некогда было столицей империи Биснага, превратилось в руины, кровь и пепел. Даже самый старый из храмов, который называли Подземным Храмом, потому что он в полностью готовом виде появился из земли в тот день, когда в почву были брошены семена и родилась Биснага, был сожжен и полностью разрушен. Жившие там обезьяны разбежались, спасаясь от огня.

Так что история Биснаги завершилась тем же, с чего началась: отрубленной головой и сожжением.

Лишь немногое уцелело. Сохранилось несколько храмов и некоторые части *матта* в Мандане, им был нанесен лишь частичный ущерб, остались в живых и многие проживавшие в *матте*

монахи, за исключением тех, что выбежали на улицы, чтобы помочь умирающим или оплакать умерших. Глава *матта*, молодой Раманудджа Ачарья, был среди них, его тело затерялось в куче мертвых тел; после того как был сожжен город, мертвые тела его жителей сожгли прямо на улицах, и все, что прежде было Биснагой, стало одним огромным погребальным костром. Стервятники спустились с неба, чтобы окончательно покончить с тем, что осталось.

Пампа Кампана выжила. На одной из последних страниц своей книги она записала: “Ничто не вечно, но нет и того, что было бы лишено смысла. Мы поднимаемся, и мы падаем, мы снова поднимаемся, и мы снова падаем. Мы движемся вперед. Я тоже пережила успех и тоже пережила падение. Сейчас смерть близко. В смерти триумф и поражение смиренно соединяются друг с другом. Победы учат нас гораздо меньшему, чем поражения”.

Настал день, когда силы альянса, закончив свое дело, ушли, и на разрушенный город, подобно савану, опустилась тишина. В Манданском *матте* Пампа Кампана закончила писать свои самые последние страницы. Она пошла в угол комнаты, нашла сосуд, который изготовила для своего

труда, и вложила в него рукопись. Мы можем предположить, что далее у нее был помощник, возможно, какой-то выживший монах, но знать этого наверняка мы не можем. Нам лишь известно, что она покинула *матт* и пробралась к обломкам статуи Пампы с запечатанным сосудом (кто помог ей запечатать его?) и лопатой (или несколькими лопатами), чтобы копать. После этого она — или ее неизвестный помощник — нашла участок земли, который не был покрыт битыми камнями. И она — или он, или они оба — начала копать.

Схоронив “Джаяпараджаю”, она уселась со скрещенными ногами и позвала:

— Я закончила рассказывать ее. Освободи меня.

И стала ждать.

Мы знаем это, поскольку на последних страницах своей книги она описала, что намерена делать. Позволим себе представить, что ее желание было исполнено, столетия наконец обрушились на нее, ее плоть увяла, кости рассыпались, и через несколько мгновений на земле остались только ее скромные одежды, внутри которых оставалась пыль, которую сдул налетевший ветер. Или мы можем верить, что все было удивительнее, что

за ней явились волшебные *яли* из ее снов, они провели ее через небесные врата на Поля Вечности, где она больше не была слепой, а вечность не была проклятием.

Ей было двести сорок семь лет. Вот ее последние слова:

Я, Пампа Кампана, являюсь автором этой книги.

Я прожила жизнь, чтобы увидеть взлет и падение империи.

Как о них вспоминают теперь — об этих царях, об этих царицах?

Они существуют только в словах.

При жизни они были победителями, или побежденными, или тем и другим.

Теперь они ни то и ни другое.

Победителями оказываются только слова.

То, что они делали, что думали, что чувствовали, — ничего этого больше нет.

Остались только эти слова, они рассказывают об этом.

О них будут вспоминать такими, какими их решила помнить я.

Об их делах будут знать лишь то, что было о них рассказано.

Их значение будет таким, каким их решила

наделить я.

Теперь и я ничто. Все, что осталось, — этот город слов.

Победителями оказываются только слова.

Благодарности

Вот некоторые книги, которые я читал до того, как начать писать этот роман и во время работы над ним. Кроме того, я просмотрел множество научных (и газетных) статей, эссе и веб-сайтов, которых слишком много, чтобы назвать их поименно. Я испытываю благодарность к ним ко всем. Они были чрезвычайно полезны. Любые ошибки в тексте романа принадлежат мне самому.

Vijayanagar — City and Empire: New Currents of Research, Vol. I — Texts and *Vol.* 2 — *Reference and Documentation*, edited by Anna Libera Dallapiccola in collaboration with Stephanie Zingel-Ave Lallemant.

A Social History of the Deccan 1300–1761, by Richard M. Eaton.

India in the Persianate Age, 1000–1765, by Richard M. Eaton.

Beyond Turk and Hindu, edited by David Gilmartin and Bruce B. Lawrence.

The Travels of Ibn Battuta.

From Indus to Independence — A Trek Through Indian History: Vol. VII, Named for Victory: The

Vijayanagar Empire, by Dr Sanu Kainikara.

Towards a New Formation: South Indian Society under Vijayanagar Rule, by Noboru Karashima.

India: A Wounded Civilization, by V. S. Naipaul.

A History of South India: From Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar, by Sastri K. A. Nilakanta and R. C. Champakalakshmi.

Court Life Under the Vijayanagar Rulers, by Madhao P. Patil.

Raya: Krishnadevaraya of Vijayanagara, by Srinivas Reddy.

City of Victory, by Ratnakar Sadasyula.

Hampi, by Subhadra Sen Gupta, with photographs by Clare Arni.

A Forgotten Empire, by Robert Sewell, which also contains his translations of *The Narrative of Domingo Paes*, written *c*.1520–22, and *The Chronicle of Fernão Nuniz*, written *c*.1535–37.